

Кабинет литературы
Путеводитель русской литературы

Роман-газета XXI век

7'99

ПРОЗА

П.ПРОСКУРИН

Дружеский
ужин *Рассказ*

К.РАШ

Рождение
танковой нац

М.Ворфоломеев
Цвет черёмухи
Повесть

В.М.Шукшин:
Рукопись из архива

Композитор
В.Гаврилин

Любимые стихи:
Л.Никонова
В.Верстаков

Книжный клуб
"Мой дом"

У.Фолкнер
Рассказ

К.Аксаков
Публика и народ

COOLLIB-NET

В.М.ШУКШИН:
фотографии из архива

Собрались поехать
на Катунь за водой
для баньки.
Сростки,
осень 1963 г.
Справа — налево:
стоит М.С.Куксина
(мать В.М.Шукшина),
в развалюхе-полуторке
«сродный» брат
В.М.Шукшина Иван Попов,
родной дядя
Василий Попов,
В.М.Шукшин,
местный киномеханик
и друг Александр Куксин,
актриса Лидия Александрова,
режиссер Р.Григорьева.
Фото Ю.Григорьева

Чуйский тракт.
Съемка фильма «Живет такой парень».
Репетиция с Р. и Ю. Григорьевыми.
Осень 1963 года.
Фото Ю.Григорьева

«Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв»

А.С. Пушкин

Путеводитель русской литературы Роман-газета XXI век

№7 (7) 1999

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

2 Дневник главного редактора

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ СОБЫТИЙ

3 События, встречи...

ПРОЗА

- 6 "Все возвращается"
Разговор с Петром Проскуриным
- 8 Петр ПРОСКУРИН
Дружеский ужин. Рассказ
- 16 "Люблю поединки только на холодном оружии..."
Разговор с Кавадом Рашем
- 18 Кавад РАШ
Рождение танковой нации.
Воинская повесть
- 72 "Ничего нет невозможного"
Разговор с Михаилом Ворфоломеевым
- 74 Михаил ВОРФОЛОМЕЕВ
Цвет черемухи. Повесть

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

- 4 Виктор ЧЕРНОМЫРДИН
63 Евгений САВЧЕНКО
109 Николай РЫЖКОВ

ЛЮБИМЫЕ СТИХИ

- 14 Любовь НИКОЛОВА
"Как пчела в цветах" Стихи
- 66 Лариса БАРАНОВА-ГОНЧЕНКО
О Поэте Викторе Верстакове
- 66 Виктор ВЕРСТАКОВ
Стихи
- 100 Михаил ПОПОВ
Одиссей из России
- 101 Игорь ЧИННОВ
Стихи

ТЕМА

- 65 Анатолий САЛУЦКИЙ
От Беловежья к Белогорью

ЧИТАЕМ КЛАССИКУ

- 70 Константин АКСАКОВ
Публика и народ. Статья
Софье. Стихи
Предисловие к публикации В. Кошелевой

КНИГИ О РОССИИ

- 68 Михаил СМОЛИН
Российские судьбы в жизнеописаниях,
портретах, документах
- 102 Ямил МУСТАФИН
Солнце родниковой духовности
- 103 Валентин КУРБАТОВ
"Если не будете как дети..."

РУССКАЯ ДУМА

- К 70-летию В.М. Шукшина
- 105 Ренита и Юрий ГРИГОРЬЕВЫ
Венский лес
- 107 Василий ШУКШИН
Венский лес. Сцена в лагере

РУССКИЙ КОСМОС

- 110 Владимир КУНИЦЫН
Наш особый путь

ИСТОРИЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ

- 114 Борис КУЗНЕЦОВ
Герой не нашего времени

МИР ИСКУССТВА

- 118 Татьяна ТОМАШЕВСКАЯ
Детство композитора
Валерия Гаврилина
- 123 Валерий ГАВРИЛИН
О Георгии Свиридове

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 124 Уильям ФОЛКНЕР
Нимфопея. Рассказ
Перевод С. Чукавой

КНИЖНЫЙ КЛУБ

- 126 "Мой дом" — книжный клуб
читателей журнала

ИЗДАНО НА ПРОСТОРАХ РОССИИ

- 97 Марина и Николай ПЕРЕЯСЛОВЫ
113 Обзор новых книг

КРОССВОРД

- 128 Сказки Пушкина

Главный редактор

Валерий Ганичев

Михаил Алексеев

Лев Анисов

Александр Арцибашев

Дмитрий Балашов (*Великий Новгород*)

Лариса Баранова-Гонченко

Вадим Белкин (*главный художник*)

Бронтой Бедуров (*Горный Алтай*)

Василий Белов (*Вологда*)

Владимир Бондаренко

Николай Бурылев

Михаил Ворфоломеев

Эдуард Володин

Марина Ганичева (*зам. главного редактора*)

Феликс Грач

Владимир Гусев

Геннадий Гусев

Владимир Еременко

Георгий Зайцев

Геннадий Иванов

Валерий Исаев

Юрий Козлов

Владимир Костров

Николай Коняев (*Санкт-Петербург*)

Владимир Крутин (*зам. главного редактора*)

Феликс Кузнецов

Станислав Куняев

Валентин Курбатов (*Псков*)

Владимир Личутин

Юрий Лопусов

Сергей Лыкошин

Николай Лугинов (*Якутск*)

Игорь Ляпин

Надежда Макарова

Исхак Машбаш (*Майкоп*)

Евгений Носов (*Курск*)

Михаил Ножкин

Гарий Немченко

Ольга Орловская

Сергей Перевезенцев

(*первый зам. главного редактора*)

Николай Переяслов

Андрей Поздняев

Юрий Поляков

Михаил Попов

Геннадий Попов (*Орел*)

Александр Проханов

Валентин Распутин

Кавад Раш

Иван Сабитов (*Санкт-Петербург*)

Александр Сегень

Николай Сергванцев

Валентин Сорокин

Николай Скотов (*Санкт-Петербург*)

Константин Сковорода

Виктор Смирнов (*Смаленск*)

Александр Стручков

Леонид Фролов

Валерий Шамшурин (*Нижний Новгород*)

Олег Шестинский

Михаил Чванов (*Уфа*)

Михаил Числов

Игорь Янин

Журнал издается при участии:
Союза писателей России,
Всемирного Русского Народного Собора,
ОАО "ЦентрКнига",
Фонда подвижничества и просветительства
"И возродится Великая Русь!"

Основан в 1998 г.
Журнал зарегистрирован в Комитете
Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 017635 от 22 мая 1998 г.

Адрес редакции:
119807, Москва, Комсомольский проспект, 13.
Тел./факс: (095) 246-03-47

Выходит один раз в месяц

Журнал рекомендован к подписке
Министерством общего
и профессионального образования
Российской Федерации

Подписные индексы:

48542 — для индивидуальных подписчиков

48543 — для библиотек и учебных
учреждений

Дневник главного редактора

ПРЕОДОЛЕТЬ... ПРЕВЗОЙТИ...

Июль 1943 года (это пятьдесят шесть лет тому назад) для страны был решающим. Тогда на Прохоровском поле столкнулись тьма и свет. Да, бываю такие прикосновения времен в определенном месте, когда события соединяют народ или разламывают его, дробят, уводят в небитие.

Куликово поле сбросило "поганое иго", в каком-то смысле сотворило Московскую Русь. Бородино обозначало крах самого амбициозного завоевателя того времени и поставило Россию в основание XIX века. Прохоровское поле сломало бронированный хребет фашистской цивилизации и утвердило будущую победу.

Поражаемся этому чуду, ибо оно было сотворено разумом, руками, мужеством, душой наших людей, по велению свыше. Небезызвестный немецкий фельдмаршал Кейтель, который подписал акт о капитуляции в мае 1945 года, доложил в начале 1943 года Гитлеру, что "создан такой уровень вооружения германской армии, который превзойдет все, что только существовало до сих пор". Наверное, и это самонадеяние привело его к столу капитуляции. Гитлер же поверил, 15 апреля 1943 года он сказал: "Я решил... Каждый командир, солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира". Действительно, Германская Ставка никогда так тщательно не готовилась к наступлению. Пресловутый "блицкриг" отошел в прошлое. На восточном фронте сосредоточилось почти 5,5 миллионов солдат, 54 тысячи орудий, 5850 танков, а в районе Орловско-Курской дуги самые бронированные, самые маневренные, расхваленные на весь мир — "тигры", "пантеры", "фердинанды". Но и наша Ставка, наша страна, Верховный Главнокомандующий готовились с особой предусмотрительностью и осмысленностью. Я, пожалуй, не знаю с 60-х годов, тем более с начала "перестройки", ни одной акции, ни одного государственно-общественного поступка, ни одной "реформы", которые готовились с таким же тщанием, как Орловско-Курская битва. А разве сейчас не ведется сражение за Отечество? И разве сейчас не требуется напряжение умов, воли и характеров?!

Маршал артиллерии К.П. Казаков, книгу которого я в свое время издавал, рассказывая мне о подготовке к сражению, сказал:

— Знаете, сколько отрыли мы окопов, траншей тогда? Десять тысяч километров (!!!). Это ведь расстояние от Москвы до Владивостока. А мин противотанковых поставили один миллион штук (!).

Легендарный маршал Рокоссовский перечислил в своей книге воспоминаний десять всесторонне разработанных, перекрывающих друг друга, планов по отражению и уничтожению танков. Но планы планами, а ударная мощь танков действительно выглядела непреодолимой. И ведь танки-то какие устрашающие — "тигры", "пантеры". И здесь уж на их пути, вместе с организацией, искусством полководцев, встало Великое Мужество Советского Солдата, Русского Человека.

Вспомним один подвиг, о котором рассказывал мне маршал Казаков. Артиллерист Алексей Власов уже под Сталинградом получил "Красную Звезду". А 6-7 июня он на Орловско-Курской дуге во главе батареи вывернул прицелы и принимает бой. Его батарея засыпана снарядами, ее пытаются расстрелять, раздавить, отутюжить. А Алексей и его артиллеристы посылают снаряд за снарядом в гущу танковой линии, бьют по башням, по гусеницам, поджигают громады, вползающие на них. Девятнадцать танков пылало вокруг батарей. Погибли

все бойцы расчета, а Алексей спустился за холм, нашел снаряды и, засадив один из них в двадцатый, подбил и его! Почему же мы помним, изучаем, знаем о подвигах Гераска, Антея, Александра Македонского, и не встает в нашей памяти Великий артиллерист Алексей Власов, Герой и Боец за Отечество. Никита Кожемяка, Илья Муромец, инко Пересвет, Иван Сусанин и, конечно, Алексей Власов!

Особо следует сказать о Великом советском, русском танке всех времен "Т-34", о подвиге танкистов, о выдающемся мастерстве танкостроителей (об этом в нашем номере прекрасно рассказывает наш выдающийся военный писатель Кавал Раш). А там в 1943 году горело в полосе боев 2952 немецких танка и САУ. Там под Прохоровкой, у Орла, Курска, Белгорода и поломали хребет немецкой армии, там превзошли врага, там, на русских просторах, закончилось кичливое превосходство "тигров" и "пантер". Поле в этой битве было вспахано не пахарем, а снарядами. А их по врагам было выпущено более 2 миллионов 424 штук (!). Больше, чем патронов: тех истратили 1 млн. 132 тысячи. Бедная наша земля, сколько приняла она в свою землю металла. Но и врага оттергла.

В апреле этого года необычайный "десант" писателей высадился на Белгородчине (воины Отечественной — Михаил Алексеев, Семен Борзунов, Егор Исав, афганец Виктор Верстаков, "соловей Генштаба" К. Раш, поэт патриотизма Игорь Ляпин — всего 25 человек). Начинались военно-патриотические (!) "Прохоровские чтения". Учреждалась Всероссийская премия "Прохоровское поле". Как же оказалось все это актуально и снова необходимо. Ведь слово и понятие "военно-патриотический" затолкали куда-то вглубь времени, рядом с исчезнувшим ДОСААФом, мопровцем, юнармейцем, как устаревшее. Ан, нет, еще как нужно оказалось.

Начальник Генштаба А.Квашнин на приеме в югославском посольстве в те же дни даже слегка укорил: "Что же вы нас не звали в Прохоровку". Вот так! Военно-патриотический задал необходим. Оскал НАТО, появление новых атомных держав, незатухающие военные очаги и очажки делают это частью стратегических расчетов всех, кто заинтересован в поражении страны, в разгроме народа, кто предусматривает все, кто хорошо помнит 22 июня 1941 года.

Когда я писал роман "Росс непобедимый", про знаменитые итальянский и альпийский походы Суворова, натолкнулся на его планы, где рассматривались все необходимые и возможные факторы успешного проведения военных операций. Все учитывал полководец: состояние и количество войск, способность артиллерии, наличие боеприпасов, резервы и обеспечение продовольствием и т.д., и т.д. Меня же поразили один пункт: "возможность измены союзников"? Трезв, умен и предусмотрителен был великий Суворов. Давайте же и мы учитывать в нашей жизни все, что влияет на нашу способность быть, жить, побеждать и превосходить противника. Давайте помнить про измены, нас ведь в любовную не возьмем, а исподволь, дорогой Лжедмитрия, Родзянко, Горбачева — пожалуйста. Давайте учиться превосходить, предвосхищать, как это делали давние и давние наши великие предки — полководцы и воины Великой Отечественной, великий Суворов (и не обязательно только военные).

Во время "Прохоровских чтений" долго и молча стояли у знаменитой кляковской Звонницы на ратном поле. А я вспоминал, как во время открытия храма и Звонницы в мае 1995 года из их арочных проемов выходили, наплывали на нас двухметровые, увеличенные с любительских, паспортных, личнodelовских, альбомных, семейных фотографий портреты бойцов этой битвы: юных, почти мальчишек и девочек, пехотинцев, артиллеристов, молодых и зрелых воинов, медсестер, связистов, танкистов — всех, кто участвовал в этой схватке огня и железа. Они глядели прямо и открыто, весело и непринужденно. Они шли на нас из времени: ...один, два, три, ...десять, ...тридцать, ...пятьдесят, ...сто, ...сто двадцать. Несть им числа. И огромные, лучистые, веселые, грустные, вопрошающие глаза... Мы выиграли войну... Мы преодолели... превзошли врага... А вы?

Валерий Ганченко

Союз писателей России

События,
встречи...

Январь — июнь 1999 года

январь

19.01. — Москва. Союз писателей России. Представление проекта устройства памятник Пушкинской часовни на Черной речке в С.-Петербурге. Представление первого номера нового литературно-художественного журнала "Роман-газета XXI век" (В. Ганичев, В. Распутин, П. Проскуряков, В. Костров, И. Шклярский, Т. Пулатов, В. Жижиков, Я. Муштафин, В. Бондаренко, И. Ляпин, Н. Кондакова и др.)

22-24.01. — Краснодар. Литературные встречи редакции журнала "Роман-газета XXI век" с писателями и читателями Кубани. Читательская конференция с учащимися Русской Родовой школы академика М.П. Шегинина в с. Токос (Г. Иванов, С. Перезвезенцев, П. Придлук, М. Ганичев).

26.01. — Москва. Участие в Рождественских чтениях отдела катехизации Московского Патриархата (И. Экономов, В. Ганичев, С. Лыкошин).

февраль

7-10.02. — пос. Борисоглебский, Ярославская область. Борисоглебский монастырь. Вторые Ирнарховские чтения: научно-практическая конференция (С. Лыкошин, Э. Володин, Ю. Лощин, Ю. Буланцев, А. Беляя, С. Котляков).

9.02. — Москва. Чествование лауреатов молодежного литературного конкурса "Маринская Муза", проходящего по инициативе Союза писателей России и районной Управы "Маринку" г. Москвы. Создание районной литературной студии (Н. Переславский).

12.02. — Москва. Союз писателей России. Научно-практическая конференция "Духовное наследие преподобного Пансира Великого" (З. Иноземцев, Н. Лисовой, С. Лыкошин, Э. Володин, С. Перезвезенцев).

16.02. — Москва. Учреждение Общероссийского комитета по возвращению национальных культурных и духовных ценностей. Вручение Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II возвращенных православных реликвий (митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, В. Ганичев, Г. Кузнецов, В. Распутин, С. Лыкошин, В. Борова, А. Поздняков, В. Сидоров, Е. Челышев, В. Кругин).

26.02. — Москва. Союз писателей России. Учреждение сербского культурно-информационного центра (З. Костич, Б. Милошевич, В. Ганичев, С. Лыкошин, А. Казинцев, И. Числов).

март

3-5.03. — Таллинн. Эстония. Встреча с объединением русских литераторов Эстонии (ОРЛЭ). Учреждение литературной премии им. Ф.М. Достоевского (В. Ганичев, В. Ильяшев, В. Титов).

9-10.03. — Сыктывкар. Республика Коми. Конференция "Русская культура и православие". Создание отделения

Всемирного Русского Народного Собора (Н. Мирошниченко, В. Ганичев, Е. Козлова).

18.03. — Вологда. Отчетное собрание Вологодской писательской организации. Вручение премии им. Н.Рубцова певцу Н.Тюрюну (Москва), критику В. Баркову (Вологда) (В. Белов, Р. Балакишин, В. Ганичев, О. Фокина).

19.03. — Москва. Центральный дом Российской Армии. Вечер, посвященный 80-летию со дня рождения поэта Василия Федорова (В. Сорокин, М. Алексеев, Е. Исаев, М. Числов, И. Ляпин, Е. Антошкин, А. Бичуков, Ю. Прокушев).

21.03. — Москва. Киноконцертный зал "Россия". Встреча патриотической общественности "Русский путь" в ознаменование шестой годовщины со дня основания газеты "Русь Державина" (А. Печерский, В. Ганичев, Э. Володин, С. Лыкошин, Н. Карташова, В. Кругин, В. Клыков и др.).

22-25.03. — Краснодар — Майкоп. Пленум Союза писателей России. Принятые резолюция "Северный Кавказ: духовное сотрудничество — залог мира и согласия" и заявление "Об агрессии НАТО в Югославию" (губернатор Краснодарского края Н. Кондратенко, В. Ганичев, П. Придлук, И. Машаев, В. Лихонцов, В. Распутин, П. Проскуряков, В. Сорокин, М. Числов, В. Гусев, С. Лыкошин и др. Всего 150 человек).

апрель

5-6.04. — Астрахань. Праздник литературы в Астраханской области. Вручение премии им. В.Тредьяковского писателям П. Проскурякову, Ю. Никитину, Ю. Шербакову. Учреждение премии им. М. Лукинина. (В. Сорокин, П. Проскуряков).

15.04. — Москва. Союз писателей России. Удetermined заседание "Международного антиНАТОовского, антиамериканского комитета против агрессии на Балканах". В число соучредителей вошли — Общество русско-сербской дружбы, Союз писателей России, Международный фонд славянской письменности и культуры, Российская ассоциация Героев Советского Союза, Общественный комитет "За права сербов", а также другие общественные организации и редакции патристических газет и журналов (всего — 150 организаций). Принято обращение к гражданам России и мировой общественности (В. Ганичев, С. Лыкошин, Т. Пулатов, Э. Володин, Ю. Лощин, А. Казинцев, И. Числов и др.).

17-18.04. — Санкт-Петербург. Советские молодые писатели Северо-Запада (И. Сабитов, Н. Коняев, Е. Луккин, В. Максимов, И. Сергеев, Н. Переславский, О. Чупров, А. Романов, В. Шемшученко и др.).

14-22.04. — КНР. Пекин — Шанхай. Встречи делегаций Союза писателей России с китайской общественностью. Участие в работе Второго Всекитайского конгресса пушкиноты (П. Алексин, Г. Гусев, П. Палиевский, С. Небольсин, О. Бавыкин).

21.04. — Москва. Останкино. Массовый митинг протеста против агрессии

НАТО в Югославию, организованный Союзом писателей России (В. Ганичев, Э. Володин, С. Лыкошин, И. Ляпин и др.).

26-29.04. — Белгород. Всероссийские Военно-патристические "Прохоровские чтения". Учреждение литературной премии "Прохоровское поле". (В. Ганичев, М. Алексеев, И. Ляпин, Е. Исаев, В. Молчанов, К. Рах, губернатор Белгородской области Е. Савченко).

27.04. — Москва. Встреча в Посольстве СФРЮ с послом Б. Милошевичем (В. Ганичев, С. Кузнецов, Э. Володин, С. Лыкошин, А. Проханов).

май

8-12.05. — Арабская Республика Египет. Пушкинские встречи в Каирском университете (В. Гуминский, В. Сорокин, В. Кириченко, А. Сегень, С. Небольсин, О. Бавыкин).

12.05. — Сергиев Посад. Московская область. Совещание начинающих писателей. Сергеев-Посадского района и Подольского (Л. Баранова-Гонченко, В. Артемов, Э. Володин, Л. Чашечникова, С. Лыкошин).

18.05. — Москва. Представление книг калужских писателей, изданных издательством "Золотая аллея" (В. Терехин, В. Трефилов, Н. Переславский, М. Улыбышев, Д. Кузнецов и др.).

20-22.05. — Калуга. Всероссийская научно-практическая конференция "А.С. Пушкин и современный мир" (С. Кузнецов, С. Небольсин, В. Терехин, Н. Переславский, А. Убюгий, А. Струков и др.).

23-25.05. — Москва. Съезд МСПС (В. Ганичев, Ю. Бондарев, С. Михалков, В. Гусев, И. Сабитов, Н. Коняев и др.).

21-25.05. — Оренбург. Пушкинские дни. Вручение премии "Капитанская дочка" — Г. Хомутову, А. Стручкову (П. Краснов, И. Уханов).

24-30.05. — Смоленск. Фестиваль Славянского и Православного кино "Золотой Витязь". Вручение премии "Воллощение слова в кино" А. Крутову (Н. Бурляев, В. Курбатова, А. Поздняков, В. Ганичев, В. Ильяшев, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл).

25-26.05. — Москва. Институт Мировой Литературы. Научно-практическая конференция по теме "Творчество Леонова в духовной культуре XX века".

25-27.05. — Саратов. Вручение премии им. М.Алексеева (И. Ляпин, М. Алексеев, К. Скворцов, губернатор Саратовской области Д. Аяков).

31.05. — Москва. Октябрьский зал Дома Союзов. Юбилейный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Л.М. Леонова (В. Розов, В. Распутин, Ю. Бондарев, Ф. Кузнецов, В. Ганичев, М. Алексеев, П. Проскуряков, Н. Леонова и др.).

июнь

1.06. — Москва. Союз писателей России. Вручение Пушкинской премии победителям Всероссийского поэтического конкурса — В.Смирнову, Е. Курлакову, Е. Юшину (В. Сорокин, М. Числов, А. Кротов, В. Хатюшин, В. Ганичев, И. Ляпин).

1-7.06. — Ханты-Мансийский автономный округ. Пушкинские дни в Ханты-Мансийске, Нижневартовске, Сургуте, Нефтеюганске (И. Ляпин, Н.И. Коняев, В. Огрызов, П. Суханов, С. Сметанин, Н. Точилин, А. Мишунин).

2.06. — Москва. Торжественное заседание Московского интеллектуально-го клуба к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (Н.Скатов, Ф. Кузнецов, В. Костров, В. Ганичев, С. Перезвезенцев).

3-6.06. — Санкт-Петербург. Пушкинские вечера в Военно-Морской Академии, в капелле им. М.И. Глинки, панхиде в храме Спаса Нерукотворного на Конюшенной (В. Ганичев, В. Распутин, Г. Горбовский, И. Сабитов, Н.М. Коняев, В. Чернушенико).

4.06. — Псков. Торжественное заседание в Псковском областном театре, посвященное 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (В. Распутин, губернатор Псковской области Е. Михайлов).

5.06. — Пушкиногорье. Торжественный вечер в честь Пушкинского юбилея в культурном центре Михайловское. Литературная и панхиде у могилы А.С. Пушкина в Святогорском монастыре (В. Ганичев, В. Распутин, В. Курбатова, О. Калкин, Н. Бондарчук, В. Бондаренко, В. Смирнов и др.).

6.06. — Село Михайловское. Псковская область. Главный литературный праздник, посвященный 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (Глава Правительства России В. Степанов, В. Ганичев, В. Распутин, В. Курбатова, О. Калкин, Н.Мирошниченко, В. Бондаренко, В. Смирнов, Н. Рачков, Т. Смирнова, Б. Сиротин, Н. Бесседина, А. Буйлов).

5-6.06. — Село Болдино. Нижегородская область. Пушкинские празднования (С. Шурткова, Г. Зайцев, Г. Красников, И. Шклярский, Н. Кондакова, Е. Эрст, В. Половинкин, вице-премьер Правительства РФ В.И. Матвиенко, губернатор Нижегородской области И.П. Склиаров).

Армаз. Нижегородская область. Торжественное открытие памятника А.С. Пушкину работы скульптора В.М. Клыкова (О. Шестинский, Г. Иванов, В. Дагуров, В. Шамширин, Н. Переславский, Е. Шамкин, С. Виноградова и др.).

Село Языково. Ульяновская область. Литературный Пушкинский праздник (А. Казинцев, А. Сегень, А. Тер-Маркьян, С. Матлина и др.).

Полотный Завод. Калужская область. Пушкинские праздники (В. Терехин, А. Струков и др.).

7-13.06. — Абакан. Республика Хакасия. Региональное Совещание-семинар писателей республик Сибири. Обсуждение рукописи 70 молодых авторов, лучшие из которых рекомендованы к приему в члены СП России (В. Сорокин, В. Чалмаев, В. Чукреев, М. Зубавина, В. Дагуров, А. Адаров, А. Даржар, Н. Винокуров, Г. Жукалова, Л. Чульжанова, С. Задерев).

14-15.06. — Село Алепино — г. Владимир. Памятные дни на родине В.А. Солодухи к 75-летию со дня рождения. Литературная гостиница им. В.А. Солодухи в Доме офицеров, открытие мемориальной доски на здании авиационного техникума (С. Шурткова, Л. Шукский, И. Ляпин, В. Акулинин, губернатор Владимирской области Н. Виноградов).

17-21.06. — Каир. Арабская Республика Египет. Международная Пушкинская конференция, посвященная 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Руководитель оргкомитета — латинско-командант СССР, лауреат Героя Советского Союза В.В. Горбатов (В. Ганичев, В. Гуминский, И. Есаулов, Б. Тарасов, Л. Панибратцев, С. Лыкошин и др.).

21.06. — Москва. Союз писателей России. Литературно-музыкальный вечер, посвященный памяти Л.И. Ошанина (А. Бобров).

Проведено три заседания Писательской комиссии (10.02, 14.04, 9.06) рассмотрено 116 приемных дел, 78 литераторов приняты в Союз писателей России.

РОССИЯ - хранительница души человечества

Беседа с В.С.ЧЕРНОМЫРДИНЫМ

Виктор Степанович, хотелось бы узнать Ваше мнение о проблеме сохранения культуры и культурного наследия России?

Действительно, это серьезный вопрос, и он глубоко меня затрагивает. Дело ведь не только в том, что театры сегодня пусты и люди реже посещают концерты и даже кино-театры. Несмотря на множество острых проблем и забот, мы ни в коем случае не должны терять из виду духовные интересы нашего народа и самобытность его культуры. Нашей высокоразвитой культуре больше тысячи лет, и она находится в расцвете.

Должен признаться, что из-за постоянной занятости я редко хожу в театр, на концерты или в кино. И все же какую огромную радость доставляют встречи с российскими мастерами искусства и сознание, что российское искусство достигло таких вершин творчества! Но, к сожалению, далеко не каждый сегодня может себе позволить сходить на концерт или в театр — я уже не говорю о премьерах. Очень жаль, но бесчисленные политические баталии подчас не оставляют времени на вопросы культуры. И в результате ей уделяется незаслуженно мало внимания. На прозаическом языке политики культура — это часть бюджета. И в государственном бюджете на культуру выделяется, к сожалению, куда меньше средств, чем следовало бы. И это при том, что культура — барометр нравственного здоровья общества. Так вот, если действенный экономический инструмент поддержки культуры отсутствует, то его следует создать.

Будучи однажды в городе Сочи на трикотажной фабрике, мы присутствовали на концерте художественной самодеятельности. Программа длилась полтора часа без перерыва. Впечатление было потрясающее. У нас в стране много таких любительских и фольклорных ансамблей. Жаль только, что для них не находится места экранов телевидения. Сейчас предлагаются решения для поддержки отечественной культуры. Но для этого нужны деньги и еще раз деньги и, разумеется, государственная поддержка. Я считаю, что пришло время действительно помогать культуре, и напоминая, что не хлебом единым жив человек.

Как спасательный круг для нас стал юбилей Александра Сергеевича Пушкина. Он стал поистине торжеством русского духа. Как масштабно, по всей России, прошел Пушкинский праздник — 200-летия со дня его рождения! Я очень рад этому, ибо юбилей Пушкина — это великий шанс обретения, спасения, утверждения России. Он предоставлен российскому обществу, отечественной школе, семье, учителю, Академии наук, крестьянину, национальному предпринимателю, для того чтобы доказать и показать — каждый является верным сыном Отечества.

Меняются поколения, а Пушкин остается таким живым, необходимым, к его поэзии обращаются вновь и вновь. Родом я из Оренбуржья, края, о котором С.Т. Аксаков сказал: "Обильный край, благословенный!" И мне особенно дорого, что Пушкин побывал на моей Родине, собирая материалы для "Истории Пугачева". Оренбургская земля поистине удивительна. В Оренбурге долгое время жил создатель "Словаря живого великорусского языка" В.И. Даль. Так что в каком-то смысле можно сказать, что Оренбуржье — это и родина нашего языка. А в языке выражается душа народа. И вот что я думаю в связи с этим. Россия — хранительница души человечества. Нигде души не осталось, кроме как у нас. Куда ни глянешь — везде голый расчет, прагматизм... Весь мир и сегодняшняя технократия без русской души превратились бы в мир всеобщего хаоса. Нет, не случайно Пресвятая Богородица выбрала местом Своего почительства именно Русскую землю. Только здесь может произрасти что-то духовное, неподвластное времени и тлену.

Мы все воспитывались на Пушкине. У меня был заветный том его сочинений издания 1877 года. И мне подумалось — а почему бы не подарить российскому читателю собрание сочинений Пушкина в одном томе. Всех сочинений! Да еще к тому же чтобы художником этого издания выступил сам Пушкин, он ведь удивительный рисовальщик! И в преддверие Пушкинского юбилея мечта осуществилась. Реализовал ее мой земляк Александр Стручков, директор Фонда просветительства и подвижничества с красивым и глубоким по смыслу названием "И возродится Великая Русь" вместе с моим сыном Андреем. Эпиграфом к книге стали слова Н.В. Гоголя: "Да хранит тебя Бог, наша малознаемая нами Россия".

Издание этого уникального тома Пушкина принесло нам такое моральное удовлетворение, что мы решили открыть целую библиотеку произведений русских классиков. В преддверие пушкинского юбилея мы создали и издали книги М.Ю. Лермонтова (к 185-летию со дня рождения), Н.В. Гоголя (к 190-летию со дня рождения) и книгу "Орел степной, казак лихой", вобравшую в себя казачий песенный эпос, через который мы показали историю матушки-России, начиная от Иоанна Грозного по сегодняшний день.

Еще раз подчеркну, что все наши издания являются просветительскими, в них впервые, через родословное древо, созданное А.А. Черкашиным, даны Святые корни А.С.Пушкина. Кстати, готов к печати двухтомный труд "М.А. Шолохов. Сочинения" (к 95-летию со дня рождения). А главная наша задача в том, чтобы в каждой семье был свой Пушкин, свой Лермонтов, свой Гоголь... И Россия перестала бы быть "малознаемой нами".

Чудо казачьей песни

В страшный 18-й год XX столетия, когда по недомыслию политиков была развязана гражданская война и на Руси уничтожалось казачество, казачий фольклор подвергся неслыханным испытаниям.

Многоцветная вязь легенд и преданий, былин и совершенно исключительных по красоте песен, переходивших из поколения в поколение, претерпела жестокие притеснения, но, как и душа казачьего гордого, державного племени, осталась живой и непокоренной.

Казачья песня... Это уникальное, самобытнейшее по своей природе явление. "Казачка песня як дивка", — говорят казаки-черноморцы, — она хоть кого з ума звезда". И сомнений в этом нет. Уж мне-то, выходя из казачьего рода, чьи дела, Михаил и Георгий Черномырдины, в 1915 году на полях сражений первой мировой войны стали кавалерами Георгиевских крестов, одной из самых значительных наград в те времена (кстати, она и по сей час почитается наиболее весомым символом воинской доблести), — мне это известно доподлинно.

Трудно сказать, когда появилась первая песня. Надо полагать, она сопровождает человечество с самого начала его существования, сопутствуя ему в горе и радости, в печали и веселье. Несомненно одно: казачий песенный эпос был преданнейшим другом в ратных трудах и походах людей, смелых и неустрашимых, мужественно и неколебимо стоявших на страже рубежей горячо любимого нашего Отечества, людей, чье звание было — казаки. Ну чье, скажите, сердце не тронут вот такие бесхитростные строки:

*Не боимся мы ни пуха и ни сарая,
Разобьем мы весь их вражеский отряд.
Едет сотня казаков-лихачей.
Степь лазоревым цветочком расцвела.
Эй живо, не робей,*

Сегодня о культуре говорят многие. Но делать, восстанавливать, растить гораздо труднее, чем клясться на верность. Каждое зерно, каждое действие прорастет, и не останется незамеченным, если приложить усилия и труд. Времени на то, чтобы собирать камни осталось очень мало. И о тех, кто готов не только на слово, но и на дело, стоит сегодня говорить. Россия всегда была сильна меценатами, благотворителями. И вряд ли слово спонсор, так часто употребляемое сегодня, приживется у нас. Просто дать деньги — это спонсорство. А благое дело обязательно связано с любовью, с готовностью сердцем откликнуться на доброе начинание. О таких благих делах на культурном поле нашего Отечества мы будем рассказывать.

Фонд подвижничества и просветительства "И возродится великая Русь" за несколько лет осуществил широкую книжную программу.

В этом году вышла книга "Орел степной, казак лихой", вобравшая в себя казачий эпос. В.С. Черномырдин написал к ней искреннее и сердечное предисловие. Пусть оно послужит представлению этой книги читателям России.

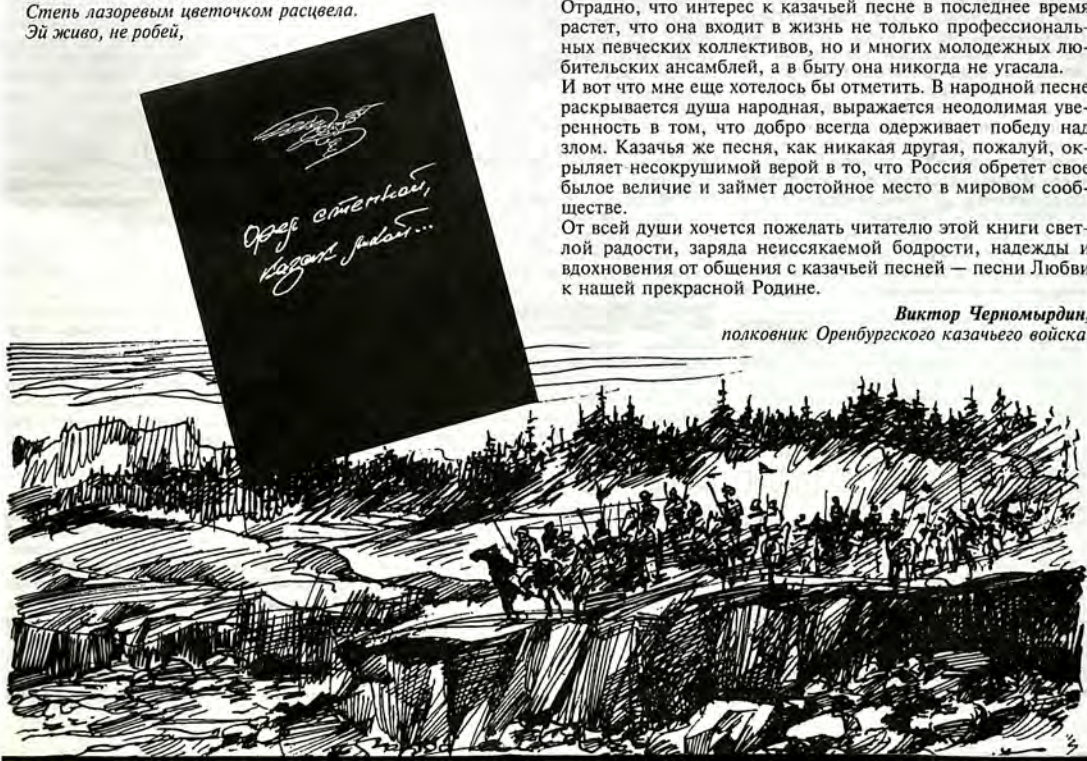
*Степь лазоревым цветочком расцвела.
А кто первый до завалов добежит,
Тому орден "Крест Георгий" надлежит.
Эй, живо, не робей,
Тому орден "Крест Георгий" надлежит.*

Казачью песню, мне кажется, можно цитировать бесконечно: столько в ней удивительного, истинно поэтического и прекрасного. Книга "Орел степной, казак лихой..." создана на основе песен Оренбургского казачьего войска (автор-составитель сотник А.И. Мякутин), сборник которых достался мне по наследству. В ней ярко и неповторимо отразилась история матушки-России с XVI века, основные ее повороты, порою крутые и непредсказуемые, как и в сегодняшнем столетии.

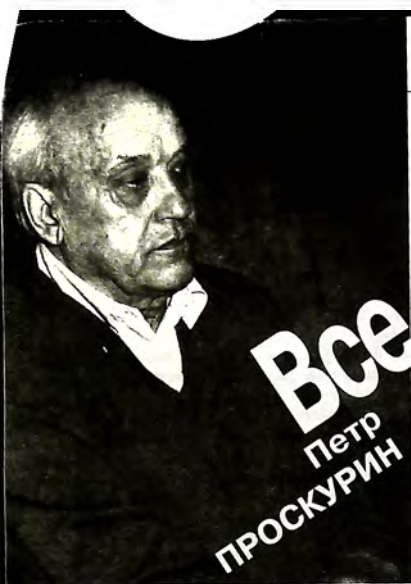
Отрадно, что интерес к казачьей песне в последнее время растет, что она входит в жизнь не только профессиональных певческих коллективов, но и многих молодежных любительских ансамблей, а в быту она никогда не угасала. И вот что мне еще хотелось бы отметить. В народной песне раскрывается душа народная, выражается неодолимая уверенность в том, что добро всегда одерживает победу над злом. Казачья же песня, как никакая другая, пожалуй, окрыляет несокрушимой верой в то, что Россия обретет свое былое величие и займет достойное место в мировом сообществе.

От всей души хочется пожелать читателю этой книги светлой радости, заряда неиссякаемой бодрости, надежды и вдохновения от общения с казачьей песней — песни Любви к нашей прекрасной Родине.

Виктор Черномырдин,
полковник Оренбургского казачьего войска.

Все возвращается

ПРОЗА

Петр Проскурин

— Петр Лукич, а как начиналась ваша литературная судьба?

— Обязан я всем Брянской земле. И в общем-то потом непонятно почему пришедшему, особенно в войну, желанию как-то выразить себя в слове. Начал писать стихи еще до войны, мальчишью. Потому что очень много читал. Я родился в Брянской области, в поселке Косицы. Поселок — 40 дворов. Это были столыпинские выселки села Коростовка. В советское время образовался там колхоз имени Пушкина. Село стали называть Пушкино.

Там и зародилась тяга к литературе. Стихи я писал лет до тридцати беспрепятственно. И в оккупации, и в школе, и в армии, и когда пришлось работать на Камчатке. Когда я пошел в армию, мать собрала всю мою писанину и сложила в ящик из-под немецких мин, который зашелкивался на замок, но мыши все равно как-то туда проникли и съели мои рукописи. Кое-что все же сохранилось. А первые стихи были опубликованы в армии — я служил в московских войсках ПВО — в Реутове, Ржеве... Мы как раз начинали строить кольцо противотанковой обороны Москвы. У Покрышкина довелось служить в гарнизоне.

Я, естественно, как всякий начинающий графоман, рассылал свои стихи: в "Правду", в "Брянский рабочий"... А в армии были газеты "Тревога" и "Красный воин" — окружные. Я был уже старшиной и стеснялся столь легкомысленного занятия. И поэтому подписывался псевдонимом Павел Росин. И вдруг приходит гонорар — опубликовали в одной газете маленькую поэму, а в другой — несколько стихов.

Гонорар-то есть, а получить его никак невозможно — сам себя с псевдонимом перепутал. Ну, у меня писарь был в роте Иван Двоечко — хитрый хохол. Он и говорит: "Ты мне, товарищ старшина, дай увольнение в Ржев на сутки, а я тебе доверенность на Проскурину оформлю, чтобы ты за Павла Росина гонорар получил". Так и получил свой первый гонорар. И большой — что-то около тыся-

чи двухсот рублей — по тем временам сумма почти астрономическая.

— Вы впервые ощутили себя состоятельным человеком?

— Нет, я впервые понял, что надо купить машину... пишушю. Потому что многие редакции возвращали неотпечатанные рукописи.

После армии я взял приписное свидетельство в Грозный, где с давних пор жила моя тетя. Было это в 53-м году. Потом уехал по вербовке на Камчатку и там написал свой первый роман "Глубокие раны" о партизанском движении на Брянщине. С таким немного детективным сюжетом. И как раз в Хабаровске подоспело зональное совещание молодых писателей. А у меня уже срок договора на Камчатке закончился. Я получил, по моим представлениям, очень много денег — что-то около 30 тысяч за три года.

Мы с товарищем впервые возвращались на Большую Землю в шикарной каюте огромного теплохода "Русь", впервые попробовали шампанского... А когда добрались до Владивостока, он пригласил меня заехать к нему в Хабаровск в гости, погулять хорошенько, а уж потом на Брянщину возвращаться. Правда, вскоре выяснилось, что он предполагал женить меня на своей сестре. Но в мои планы это никак не входило, поэтому я покинул гостеприимных хозяев и переселился в Дом хозяина. Снял себе номерок и живу тихоньку.

Как-то раз иду по улице Карла Маркса, смотрю — вывеска "Союз писателей РСФСР. Хабаровское отделение. Журнал "Дальний Восток". Такой, знаете, невзрачный домикенко. С флигельком деревянным.

Зашел я туда под Новый год. Товарищи писатели собирались уже в ресторан уходить — праздновать. Я стою у порога в ватнике, в кирзовых бахилах — так и не поменял еще свои камчатские наряды. "А что у вас, молодой человек?" — спрашивает меня Паша Халов — зав. отделом поэзии. "Наверное, молодой поэт", — заметил заводилом публицистики Сергей Рослый. "Нет, я принес рассказы", — отвечаю. "Ну, Сергей, это по твоей части, — облегченно вздохнул Паша, — придется тебе читать".

Помню, отдал я им тогда "Залом", "Таежную песню", "Цену хлебу". Мне сказали, чтобы позвонил или зашел после Нового года. С этого все и началось. Рослый Сергей Леонтьевич, правда, долго не давал о себе знать. Потом выяснилось, что он тщательно пытался отыскать, у кого я эти рассказы, так сказать, "позанимствовал". Не нашел. При

следующей встрече спрашивает: "Что у вас еще есть?" — "У меня роман есть, только надо еще над концом поработать". — "Дайте-ка посмотреть". — "Так он не перепечатан". — "Ну, это мы быстро исправим". Выделили мне машинистку, даже денег не взяли...

— Петр Лукич, ну можно ли в нынешнее ущербное время представить себе такое отношение к неизвестному молодому автору? Тем более что не на иномарке приехал, а в кирзе и ватнике явился...

— Они выделили денег машинистке. Удивительная была дама, как у Булгакова в "Театральном романе": успевала и строчить, как пулемет, и разговаривать, и смеяться... Словом, на все ушло дня четыре. А роман был страниц 500! Рослый прочитал. Человек он был удивительный. Любил и блестяще знал литературу. Не очень был счастлив со своей женой-писательницей, довольно известной на Дальнем Востоке Юлией Шестаковой, которая переводила литературу малых народов — нивхов, нанайцев и была в большом почете. А он был просто скромный журналист и преданный рыцарь литературы. Мы подружись, и он по праву старшего сказал: "Слушай, Петро, осенью у нас в Хабаровске будет совещание молодых. Приедут из Москвы очень авторитетные писатели. Так что бросай все, садись и заканчивай роман. Это твоя судьба".

Я его послушался и завершил роман где-то в сентябре 58-го или 59-го года. И на совещании мой роман был представлен как одно из самых крупных произведений местных писателей. Прочитал его критик Дементьев из "Нового мира" и сказал: у нас в журнале роман печатать еще рановато, а в местном издательстве очень даже можно.

Со мной заключили договор в Хабаровском книжном издательстве, издали книгу тиражом 15 тысяч экземпляров — он очень быстро разошелся. Потом повторили уже 30 тысяч, а потом вдруг сразу 150 тысяч. Это буквально в течение четырех-пяти месяцев.

Мощности огромные, бумаги много, читательский спрос большой — сегодня все это кажется далекой волшебной сказкой. Заплатили мне по высшей ставке, приняли в Союз писателей. У меня уже был готов второй роман "Корни обжигаются в бурю". И с этим романом меня в Москву послали на обсуждение. Вот тут-то собрались мэтры! Там были и Бровман, и Гринберг, и Карпова — ведущие теоретики социалистического реализма. Громили меня со страшной силой. Жена Георгия Маркова в процессе этого избивания меня все валерианкой отпаивала.

А потом оказалось, что все это делалось исключительно для моей пользы. Чтоб не зазнавался, чтоб продолжал повышать свои знания и мастерство. Определили меня на Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР, дали комнату в общежитии Литинститута имени Горького. Вот так все началось. А "крестным отцом" своим я, конечно, считаю Сергея Леонтьевича Рослого. Редкой души был

человек, а боролся за меня как за родного — сам пробивал и в журналы, и в газеты, и на радио.

— Да, несмотря на тяжелое послевоеенное время, ваша судьба, можно с уверенностью сказать, сложилась счастливо. Но ведь немало людей из вашего цеха не выдерживали такого стремительного испытания славой, деньгами... Бам-с — и "крыша поехала". А из-под пера полилась халтурная конъюнктура или конъюнктура халтура. Или бесконечный запой. Что помогло вам уберечься от этих дьявольских искушений? Что вас вело по жизни?

— Сложно найти однозначный ответ. Мне все время очень хотелось писать. Когда меня посылали на двухлетние Высшие литературные курсы, я там за год написал роман "Горькие травы". А второй год я уже работал, и, по сути дела, начинала писаться "Судьба". У меня никогда не хватало времени на какие-то глупости. Бывало, отойдешь от стола, сорвешься на день-два, ну, на неделю, а потом начинает сосать под ложечкой, физически ощущаешь убывающее время, распырает то, что накопилось и не вылилось в строки. Понимаете? Я мог работать над проектом ежедневно, без перерывов до семи-восьми месяцев. И так продолжалось всю жизнь. По-видимому, это и удержало мою собственную судьбу от перекосов. То, что было сделано, уходило, как корабль в море. А меня манила очередная цель. И некогда было оглянуться назад.

— Петр Лукич, и работая в "Правде", и в силу своего весьма высокого общественного положения всенародно известного и любимого писателя, отмеченного самыми высшими наградами Советской страны, вы имели возможность вблизи наблюдать партийную верхушку, особенно времен "перестройки". Почему все рухнуло так стремительно? И внезапно ли?

— Я сейчас тоже очень много езжу. И все старые мои знакомые — секретари райкомов и обкомов, особенно комсомольских, они все, по сути дела, стали банкирами, генеральными директорами каких-то огромных предприятий, президентами коммерческих фирм, фондов... За редким исключением.

— Так что, значит, уже в послевоеенное время у власти находились потенциально ворье?

— Я сам над этим много раздумываю. И попытался это проанализировать в своем новом романе "Число зверя", посвященном брежневским временам. Это все случилось не просто. Горбачев, разрушая партию, в первую очередь постарался разрушить ее управленческую структуру, вплоть до райкомов. По

сути дела, люди были куплены, им разрешено было заниматься личным бизнесом еще до развала партии. И прокололись на этом очень многие, если не большинство. Им надоело работать на государство. Они уже взяли от него все, но не было юридических права собственности, и он им под разными соусами его подбросил. И они клюнули.

— Петр Лукич, и все-таки хотелось бы вернуться к словам дочери вашего героя писателя Тулубьева, что-де литература наша свое отжила. Да, есть и такие мнения. Причем не только у недоумков. А вы-то сами что думаете по этому поводу?

— Двадцатый век, жестокий, трагический и великий для России век, породил в свое время великую советскую литературу, она-то, настанет срок, и будет признана вершиной духовной устремленности, человечности, несмотря на титанические усилия очернить и принизить ее. Именно она достигла подлинных эпических высот в отображении народной жизни, она возвышала и укрепляла душу человека и звала его к подвигу, которым только и можно спастись во тьме бытия. Этот яркий факел разума и человечности стараются сейчас погасить, стретить природную матрицу народной памяти и нравственности. Величайшие умы человечества в продолжение тысячелетий стремились понять и осмыслить природу, значение и силу СЛОВ.

И все они, каждый по-своему, были правы, видя в СЛОВЕ и высший Промысел Бога, и коварную ухмылку сатаны, и дарованную человеку возможность понять и осмыслить самого себя и беспредельный мир вокруг, возможность достичь звезд и низвергнуться в бездну. Так слово-деяние преподобного Сергия Радонежского подвигло Русь к соборности и духовному сплочению, к подвигу. А живое и личное, точно ориентированное на распад слово наших недавних и нынешних правителей привело к разрушению цветущего государства.

Единый в корне народ, с единой культурой и историей, создавший величайшую в мире цивилизацию и непревзойденную по духовности и светлости мощи культуру, был разорван на три неполноценных друг без друга новообразования.

Что ж, придет время, и волей народа будут высвечены и отмечены истинные носители духовных ценностей — и академик Рыбаков, автор фундаментальных трудов о славянстве, и скульптор Клыков, неустанно творивший во славу Родины, и Президент Белоруссии Лукашенко, воззвиставший на весь мир единственно целительный путь для всего русского народа, разорванного смутой славянства, единственно спасительный путь — путь объединения и совместного созидательного труда.

Я много езжу по стране и могу со всей ответственностью утверждать, что уровень прозы в таких журналах, как "Безжин луг" или "Нижний Новгород", весьма и весьма высок и гуманистичен. Уже многое возвращается на круги своя. И

четко прорисовывается мысль о том, что выход только в созидании и укреплении своих национальных корней. Лучшие люди России творят и трудятся именно в этом направлении.

Вспомните, Юрий Бондарев задолго до апокалиптических событий, потрясавших нашу страну предсказал крах гореправителей, с трудом поднявших самолет перестройки и не знающих, куда его приземлить.

Народный артист России Николай Бурляев не то что на пустом месте, а буквально на выжженной земле одним только Промыслом Божиим создал кинофильм "Золотой витязь", собирающий лучшие силы русского славянского кинематографа. В прошлом году "Золотой витязь" показал уже 480 фильмов. А сколько делает в области культуры на Орловщине ее губернатор Егор Строев! Здесь стали традиционными общероссийские фестивали "Юные таланты России", "Тургеневская музыкальная осень", театральные фестивали "Русская классика"...

Поистине подвиг совершает народная артистка СССР Татьяна Дороницина, укрепляя во МХАТе имени М. Горького позиции русского национального театра. Мораль правителей всегда была относительна, мораль и нравственность подлинных интеллигентов — безотнотельна ко времени, со своими внутренними, непокорными правилами держать уровень человека, а не падать до уровня скота.

Двадцатый век преподнес нашему народу незабываемый урок. Наконец-то с наших сограждан начинают спадать исторические шоры, и они больше никогда не поверят в очередного добренького барина, в какой бы демократический камуфляж он ни рядился. Я глубоко верю, что где-то на подходе новое русское явление титанической личности вроде Петра Великого или Иосифа Сталина. Не сомневаюсь, что в свои сроки мы ее узрим. Наступит предел — и будет предложен русский путь.

— Петр Лукич, но ЭТИ так не сдадутся. Предстоит еще немало испытаний и борьба, которая потребует от каждого истинного патриота сил, самопожертвования, веры, а быть может, и жизни. Ваша вера в светлое будущее России убедительна и вдохновляющая. А вот что бы вы сказали "новым неандертальцам", которые воображают, что Бога за бороду схватили и не слышат гула kloкочущей лавы народной ненависти в недрах вулкана по имени Россия?

— Спихватитесь, да поздно будет. Природа — самая высшая мудрость, для всего — строго определенный срок. Никакие "хозяева жизни" с собой ничего не унесут. Ни полушки. Копите, копите, а оставить некому будет. Как и вспомнить вас будет добрым словом некому.

**Записала
Ирина Пирогова**

Интервью
из газеты "Патриот".
Печатается в сокращении

Петр ПРОСКУРИН рассказ

Дружеский ужин

Обреченно глядя на ворону, сидевшую под самой крышей павильона и привычно деловито чистившую грязные перья, Рукавицин, приходя в себя от случившегося, вздохнул. Опустив глаза, он увидел перед собой бледное, подрагивающее от сдерживаемого гнева лицо режиссера, — вначале он даже не узнал старого друга и одноклассника.

— Спасибо, удостоил, — процедил Ветлугин с недобро сужившимися глазами. — Трех слов не можешь запомнить, склероз... А у меня, понимаешь, съемочные дни горят синим огнем, — неожиданно понизил он голос, и ворона, встрепенувшись, перелетела с одной балки на другую. — График у меня, а у тебя склероз... Пить надо меньше, вот что я тебе скажу, дорогой мой...

— Слушай, Пашка, дай тысяч двадцать, — неожиданно и для себя оборвал шефа Рукавицин, стараясь выдержать его бешеный взгляд. — Значишь, сон ужасный видел. Упал кран и перешиб меня во время съемок пополам. Представляешь?

— Представляю. — Ветлугин не был злопамятным, гнев его мгновенно испарился; в рыжеватых, больных глазах Рукавицина Ветлугин сейчас прочитал былую отчаянную бесшабашность. Перед ним был сейчас отчаявшийся, готовый на все, неудачливый человек, он мог сейчас ударить, мог даже убить, мог и сам спокойно и равнодушно броситься под колеса. И Ветлугин, преуспевающий режиссер, президент и глава целого ряда престижных художественных и киностудийных фондов и ассоциаций, увидел перед собой не третьестепенного, выжженного унижаться из-за роли и заработка актера, а Михаила Андреевича Рукавицина, некогда столь знаменитого и гремевшего на всю страну, а теперь промотавшего, пропившего данный ему Божий дар, залезшего также давно отчаявшейся женой и пребывающего в вечном и тягостном чувстве своей вины перед калекой дочерью, которой на операцию было необходимо около ста миллионов рублей; каким-то сверхусилием Ветлугин поставил себя на его место, и что-то похожее на предчувствие возможности собственной такой минуты тронуло его зачерствевшее сердце.

— А-а, черт! — не удержался он и хотел было итти, но глаза Рукавицина не отпустили. — Вот так, дай тебе двадцать, и понеслось! — вспомнил он, закипая опять, и, отвернувшись, привычно хлопнул в ладоши. — По местам! Начинаем! — властно повысил он голос, и на съемочной площадке тотчас поднялось суетливое движение, вскоре замершее. Ветлугин еще раз бегло, похозяйски цепко обжег взглядом свое хозяйство, уже хотел отдать последние команды, даже подался всем телом вперед, и вдруг его лицо переменилось, стало скучным и обыденным. Из-за угла декорации, изображавшей вход в заводскую столовую их застойных нехороших времен (именно здесь Рукавицин и забыл сказать свою злосчастную фразу), вывернулся приземистый, франтовато одетый господин и, ловко лавируя среди декораций, реквизита, актеров с одинаково стертymi усталыми лицами, уже готовых по команде прийти в движение, и еще издали приветливо улыбаясь, направился прямо к Ветлугину. Это на съемочной площадке, хоть и некстати, появился сам Каменев-Пегий, знаме-

нитый ныне, даже легендарный певец и композитор, он же удачливый шоу-бизнесмен с невероятно шальными, неизвестно откуда свалившимися на него сумасшедшими деньгами. Ветлугин давно не видел его в таком превосходном настроении, и они, по установившейся московской привычке, здороваясь, обнялись и троекратно расцеловались. На Ветлугина пахло знакомым граничным шиком, в меру дорогим, в меру изысканно-небрежным.

— Слушай, Пашенька, милый мой, — громко, в явном расчете быть услышанным в самых дальних уголках, сказал Каменев-Пегий, подрагивая от избытка энергии жирной, короткой лажкой и всей своей фигурой выражая решительный напор. — Снизойшла идея.

Ветлугин отчужденно молчал.

— Слушай, мне совсем неожиданно перепала еще одна шальная премия. И самое главное, по высшей шкале, представляешь, международного Орфея схватил! А? В валюте, в фунтах стерлингов! А? Кончай свои муки, и айда в ресторан! Всех приглашаю! — внезапно загорелся Каменев-Пегий, широко вдохновенным жестом окидывая безликое пространство вокруг, ответившее на приятную неожиданность сдержанно-одобрительным гулом. — Согласны?

В воздухе повисло нечто вроде единого восхищенного вздоха, и лишь Ветлугин продолжал хмуриться, стараясь загнать подальше внутрь всякие несвоевременные мысли о том, что за этого самого международного Орфея сам Каменев-Пегий выложил кому следует не одну, надо думать, сотню своих шальных лимонов.

— Слушай, Пашенька, я уже ресторан застолбил, — вновь загремел Каменев-Пегий и задумавшийся Ветлугин опомнился и легонько вздохнул. — Ты же больше других притомился, на тебе лица нет! Легкий ужин не помешает, так, буквально без излишних возлияний. Так, сухонького немножко. Ну, если бутылка, другая коньячку для разгона...

— Разлагатель, хитрец, — неискренне запротестовал Ветлугин; грубоватая лезть знаменитости уже проникла в его чуткое сердце, он кстати вспомнил, что Каменев-Пегий пишет музыку к его новому фильму и что один из его фондов отчасти даже спонсирует фильм, тоже факт довольно немаловажный, и, окончательно смиряясь, согласно махнув рукой, приказал все приготовить к завтрашней работе и увел неожиданного гостя, не зная куда девать деньги, в свой режиссерский закуток, чтобы и себя привести в порядок, и позвонить домой. Сбрасывая за перегородкой потерятые, рабочие брюки и облачаясь в шегольское джинсовое обмундирование с многочисленными эмблемами и молниями в самых неожиданных местах, Ветлугин спросил:

— Выкладывай, Исая!... опять душу крутит?

— Крутит, Пашенька, крутит, — с готовностью сознался незваный гость, рассеянно рассматривая развешанные кругом эскизы декораций. — Дожирает меня твое любезное кино. Сегодня с утра тема возникла, нежная такая, грудь стиснуло... Бросился к королю, вроде в молодые годы — и к чертовой матери! все пропало! Зачем мне эта золотая купель вместо дара Божьего — музыки и мечты? Знаешь, у меня сердце покатилося, я самое ужасное понял, ничего уже больше не будет, траур у меня сегод-

ня, Пашенька! Черный траур по себе, по своему таланту, если он только был.

— Ерунда! — бодро, хотя и не сразу отозвался Ветлугин, высовывая голову из-за перегородки. — Мог бы ко мне домой заглянуть или к себе пригласить, посидели бы, потосковали. Не замечал за тобой раньше купеческих замашек, зачем ты всю эту мелкошерстную банду дразניים? Народной любви возжелал?

— Не знаю, — признался Каменев-Пегий. — Дело, пожалуй, проше, захотелось по русскому обычаю поминки по себе отглотать — приходи любой. Пей, ешь, вспоминай... Шуми, одним словом!

— Э-э, брат, да ты действительно того... основательно споткнулся, — пожалел Ветлугин с некоторой надтреснутостью в голосе, вышел из своего фанерного убежища и, причисывая влажные височки, с любопытством посмотрел на Каменева-Пегого. — Поверь, Исай, пройдет, не думай...

Он обворол на полуслове и даже попятился — на него в упор, словно откуда-то из дремучей, непролазной чащи, ненавидящее-беспоощадно, смотрел совершенно незнакомый человек.

— Помнишь, Пашенька, тот день, когда нас свела судьба? Да что ты усами дергаешь? Тоже грань переступил?

— Тыфу, черт! — выругался Ветлугин, растерянно шупая себе затылок. — Давление, что ли... Показалось...

— Да нет, Пашенька, не показалось, так оно и есть. Увижу тебя и проклинаю день нашего с тобой знакомства. Понимаю, ты не виноват, а содержишь себя не могу, — признался Каменев-Пегий, оскалив зубы в отстраняющей улыбке. — Убил ты мою душу, мой талант, создал, развратил. Ах, эти легкие, мерзкие деньги! Канны, звездный дождь, номинации, демонстрации! Сгинь, сгинь! — внезапно отмахнулся он, сохраняя на лице все ту же странную, отстраняющую мертвую улыбку и стал часто колотить короткими сильными ногами в пол. — Проклятое, ублюдочное искусство! Мясо, мясо, горы бездуховного мяса! Куда все подевалось? Куда сгнуло? Где она, соль земли, соль Отечества? Бум-трам! Бум-трам! Одна фанера, больше ничего! Кому это нужно? Глина и глина — ни голоса, ни следа! Все пожало кино! Ты помнишь мои романсы, симфонии, оратории, сонаты? Прелюдии, симфонические танцы? Я бы Есениным в музыку мог стать! А романсы?

Ветлугин иронически глянул.

— Мог, Исай, не считается...

— Мог, мог! — опять взвился гость. — Это вашей сейке всегда было наплевать, кому служить! Вечные постельничии при власти. Пришли большевики — служили им, теперь они перекрасились в демократов — опять им служите! Лишь бы платили не скупись! — Пошатнувшись, Каменев-Пегий ослабел от возбуждения и неуверенно опустился в кресло, а закаленный и не в таких баталиях и обстоятельствах хозяин, действительно один из представителей старинного московского дворянского рода, правда, с густой примесью благородной татарщины, налив из графина теплой воды, шагнул к гостю.

— Так нельзя, старик, что было, то было, теперь уже начисто ничего не перепишешь, как нарисовал, так нарисовал, — сказал он с хмурым дружелюбием. — Выпей, Исай... Знаешь, давай отменим это дурацкое предложение и я увезу тебя к себе. На Никольную гору. Поговорим.

— Нет, сегодня, Пашенька, мой день! Похороны состоятся, если даже...

— Ну, тогда прости, я отказываюсь...

— Нет, ты будешь присутствовать! — вскочил на ноги Каменев-Пегий. — Никто не будет знать, в чем дело, а ты — знай! Ты не о себе думай сейчас, о ближнем подумай, Пашенька! Помучайся хоть однажды в жизни...

— С какой стати? Я себя виноватым не считаю. Да и не найдешь ты у этого никчемного народа опоры, старик, — вполне сочувственно вздохнул Ветлугин. — Пус-

тое дело. Это же не люди — актеры, горят отраженным светом, какую ты в них истину ищешь?

— А мы с тобой каким светом живим?

— Брось, Исай. — Ветлугин примирительно пригладил усы, чувствуя, что сейчас его гость, человек, давно и прочно связанный с ним, несмотря на все свалившиеся на него миллионы, ищет поддержки и сочувствия. — Вот закончим эту очередную злободневную муру, выветим проклятый застойный период, отхватим президентскую государственную премию и возьмемся за классику — вот там и развернемся. Не верю я в таланты из слоновой башни, жизнь со всей ее грязью и кровью — вот где рождается великое! Твое тебя отыщет. Ты с меня пример бери, в церковь чаще ходи, молись...

— А кому ты, Пашенька, молишься, Пресвятой Деве или сатане? Ох, грех-то, грех...

— Не коштунствуй, Исай! Какая разница, кому молиться? Все молятся, вон сам президент государства Российского молится, сам патриарх всея Руси его благословляет... Я рад возвращению благочестия в русскую грешную душу, старичок, вот и молюсь, молюсь...

Каменев-Пегий, опять изобразив на лице свою ироническую, неприятную усмешку, устало и осуждающе замолчал, но вскоре лицо его опять стало проясняться, он с откровенным удовольствием несколько раз поддакнул, и Ветлугин, начиная злиться, даже обрадовался, когда их пришли звать. И через полчаса битком набитый служебный автобус уже подкатил к ресторану "Славянская душа", одному из самых дорогих и модных в Москве, — здесь в закрытых кабинетах и залах играли и подавали любые наркотики, снабжали по специальному заказу девочками и мальчиками любых возрастов, некоторые остряки утверждали, усмекаясь, что и прочей любой живностью, произрастающей на обширных российских просторах...

Об этом и о многом другом шептались набившиеся в студийный автобус приглашенные актеры, операторы, осветители, гримеры, возбужденные и оживленные в предвкушении отдыха после трудового, нервного дня; с нетерпением подталкивая друг друга, поднимались по широкой амраморной лестнице, обрамленной экзотическими, вызывающими у слабонервных легкую дрожь светильниками из хрустальных в золоте черепов с голубоватыми глазницами. Известные артисты, игравшие в фильме главные роли, шли, возглавляемые Ветлугиным и Каменевым-Пегим впереди, а статисты, рабочие, режиссеры плотной толпой замыкали шествие, Миша Рукавицин задумчиво, как бы нехотя, двигался в особую, где-то между этими двумя полосу, и на лице у него держалось безразличное, недовольное выражение. Стараясь не выказывать своего отвратительного настроения, он думал о шедшем композиторе с некоторой симпатией; хотя о его шальных деньгах и болтали самое несусальное и оскорбительное, — отплатить бы ему таким же добром, пусть бы увидел хороший человек, что на свете еще остались не одни скоты вроде мироеда Ветлугина, вечного прихвостня, процветающего при любой власти, да еще ухитряется при этом по народным страданиям не забывать, соловьем разливается, жалея Русь-матушку... хам!

Кто-то хлопнул Рукавицина по плечу, он недовольно оглянулся и увидел широко ухмыляющуюся, почти сияющую физиономию молодого студийца Вергеля, игравшего в картине короткий сочный эпизод, именно ему Рукавицин должен был говорить забытую им дурацкую фразу перед заводской столовой.

— Что, наставник, живем? — спросил Вергель, добродушно плутовски подмигивая, у этого молодого еврея, еще не успевшего сбежать куда-нибудь в Америку или Израиль, явно присутствовал комический дар.

— Пошел к черту, — буркнул Рукавицин. — Тут тебе не съемки...

— Ты не в духе, Сократ, — озадачился Вергель и час-то беспорядочно заморгал. — Чудесно ведь складывается, что ты? Брось, не искушай Всевышнего.

Рукавицин не стал отвечать, однако лицо его несколько разгладилось, глаза повеселели, а в желудке образовалась соблазнительная, зовущая теплота; он покосился на шагавшего рядом Вергеля, плотно пристроившегося к нему.

— Хороший человек, наш композитор, — опять сказал тот. — Я бы давал ему премии ежемесячно, а уж ежеквартально обязательно. Наш фильм спасет только его музыка, ты согласен, наставник? Представляешь Исай Каменев-Пегий, а? Это ведь монументально-библейский монумент! Портрет-фигура! Звучит?

— Скорее пестрит... к делу бы, — буркнул Рукавицин, и молодой студент, еще не освоившийся от иллюзий жизни, патетически воздел руки к изображению на полке, — огромному, мрачно светящемуся скелету, размахивающему огненной косой, очевидно, символизирующему тщетность земной суеты.

— Перестань, — сказал Рукавицин, озадаченно всматриваясь в изображение. — Побереги вдохновение... Видишь, завершение всего сущего?

Накрытые столы, составленные в одну гигантскую литерату "П", уставленные разнообразными закусками, тотчас погасили шум. Приглашенные завороченно столпились у входа в зал — такого фантастического изобилия многим из них давно уже не приходилось созерцать даже в самых пышных американских киногротесках, и задние, любопытствуя, напирала, получился некоторый затор.

— Господа! Господа! Разумеется, и товарищи тоже! Прощу! Без всяких церемоний! — раздался бодрый голос хозяина, широким жестом предложившего всем рассаживаться. Вновь поднялся бодрый шумок, и Рукавицин оказался за столом рядом с Вергелем и, осмотревшись, в первую очередь придвинул к себе ближайшую бутылку, мастерски свинтил с нее головку и, поднеся поближе к горлышку разлапистый нос, втянул в себя привычный родной запах.

— Сивуха, — определил он, и нельзя было понять, в осуждение или в похвалу. — Все дорожает, а качеством...

Он хотел было по-братски щедро налить Вергелю, но тот возмущенно отстранил его руку.

— Нет-с, дорогой коллега, — изрек он. — Уж если выпал на долю кусочек сыра... зачем же портить себе желудок? — С этими словами Вергель прихватил приземистую фигурную бутылку какого-то марочного заграничного коньяка. — Вы, русские, непрактичные люди, Миша, недаром ведь говорится, что еврей обращается к врачу лет за десять до болезни, а русский за три дня до смерти. Вы плохо перенимаете мировой опыт. Что за дрянь ты хочешь пить!

Пренебрежительно отмахнувшись и покосившись по сторонам, Рукавицин бережно, вровень с краями, наполнил объемистый хрустальный бокал — Вергель уважительно замолчал.

— Понимаешь, подумай, минералка, — с истинно царским достоинством объяснил Рукавицин. — Подвинь мне, Саш, пожалуйста, вон ту симпатичную рыбешку... А это, дружище, кажется, редкостный нынче для нас сиволапых, судачок?

Все уже расселись и оживленно, пока еще стесняясь и примериваясь, щедро положили себе закусок. Наступила благодатная тишина, минута окончательного пригласения и души и желудка, по всем членам разливалась неторопливая истома, Рукавицин устремил красноречивый взор в сторону хозяина стола; маститый композитор о чем-то заинтересованно рассказывал Ветлугину, и дозорный официант с бутылкой, обернутой белоснежной салфеткой, почтительно, с живейшим вниманием на холоном лице, ожидал у них за спиной. За досадную медлительность Рукавицин почему-то больше всего ненавидел именно этого ложенного официанта. Жулик, мерзавец, думал голодный, с пересохшим горлом артист, вор, пьяных грабит, а может и того, горло перерезает, заманивает куда-нибудь в закуток и того... И работы — в рюмки

налить, а он стоит и любуется собой, как африканский жираф. Почему именно жираф, Рукавицин не знал и перенес свое внимание на Вергеля, добродушно бросающего в рот одну за другой сизые маслины.

— Целиком глоташь? — неодобрительно прищурившись, поинтересовался Рукавицин.

— С косточками. В средиземноморских странах маслина — благословенный плод, — с охотой пояснил Вергель. — Если каждый день проглатывать пять-шесть косточек от маслин, раку в твоём организме делать нечего.

— С ума сойти, — изумился Рукавицин скептически, даже раздраженно. — Сколько тебе лет, Саш?

— Двадцать семь, правда, только в мае месяце будет...

— Тебе надо по жизни скакать, задрать хвост, а ты — рак! Тыфу! А еще комик!

— Век такой, Миша, — печально повел глазами Вергель и отправил в рот очередную маслину. Он хотел добавить что-то еще, но в этот момент, обратив наконец внимание на гул нетерпения, хозяин спохватился, встал и предложил выпить за талантливый съёмочный коллектив под руководством одаренного, самобытного, всемирно известного и признанного мастера кино и театра Павла Семеновича Ветлугина, с победой истинной свободы и демократии в России получившего наконец-то полную творческую возможность самовыражения.

— Ничего не понял, — отчётливым шепотом сказал в стол перед собой Вергель, а Рукавицин демонстративно поморщился; сам же мастер театра и кино лениво приподнялся, намереваясь возражать, однако общее желание приступить поскорее к делу пересилило и говорить ему не дали. Успокаивая свою команду, Ветлугин простер руки, затем трижды широко перекрестился, пощелкал себе в усы что-то неразборчивое, очевидно, застольную молитву, а затем по-архиерейски торжественно осенил крестом и стол. Все дружно выпили и облегченно перевели дух, и только Рукавицин, несмотря на сильную жажду, мурлыкал и недовольно медлил. Начало ему не понравилось, первый тост был сказан за Ветлугина, хотя не он, Пашка Ветлугин, получил премию, не он платил за пиршество, вот ведь как иногда несправедливо поворачивается, с обидой думал Рукавицин, жизнь-то под некоторых бархатом стелется. Под ноги, под ноги тебе, так и катится, и есть в этом какая-то роковая загадка. Еще и благословляет, скотина, чужой стол, от такого благословения вся щедрая закуска цианистым горошком обернется.

Молодой студент подтолкнул соседа, и тот медленно, в предвкушении блаженства, бережно влил в себя объемистый фужер задрисистой влаги. Глаза у Вергеля расширились и беспорядочно заморгали, а Рукавицин некоторое время сидел приятно оглушенный и прочувствованно молчал.

— Закусывай, закусывай, коллега, — почтительно заторопился Вергель, ранее никогда в таких обстоятельствах с Рукавициным не сталкивавшийся, и тот, приходя в себя, с готовностью кивнул, придвинул блюдо с заливным судачком и, стараясь ничем не нарушать порядка, с истинной аристократичностью, незаметно для постороннего глаза, опустошил его.

Тем временем послед очередной тост; Рукавицин снова наполнил свой фужер; теперь он был оживлен и приятен, усердно ухаживал за своей соседкой справа, пожилой и неразговорчивой женщиной, ассистентом по костюмам, и настроение у него сейчас было, по ряду весьма существенных причин, просто прекрасным. Он торжествовал над происками жены, ни в грош не ставившей его талант, ни тонкость, ни ранимость творческой личности, а затем он все-таки не позволил этому вечному дакею княжеского рода Пашке Ветлугину накричать на себя, и вот теперь — чудесный ужин, стол ломится от закусок, почему же и не порадоваться жизни?

С теплой поглядывая в сторону Каменева-Пегего, он никак не мог вспомнить самого необходимого и по-

пытался сосредоточиться, его привел в себя Вергель, опять слегка подтолкнув локтем. Успев угодить первую жажу и голод, все приветливо слушали новую записку, и Рукавицин, осторожно прихватив пятерней своей объемистой фужер, словно стараясь заслонить его от нескромных взглядов, улыбнулся Ветлугину с крайне скептическим выражением, он не расслышал последних слов знаменитого режиссера. Закричали "Ура!", "Браво!", и Рукавицин, не торопясь выпил "Сибирской", и хотя он хотел отпить чуть-чуть, прохладная водка предательски сама собой до последней капли катилась в горло. И тут он сразу вспомнил то самое необходимое и обрадовало, торопливо плеснул в фужер особой "Сибирской" и, отмахнувшись от дружески уговаривающего закустис Вергеля, уверенным шагом направился во главу стола, где оживленно беседовали Каменев-Пегий и Ветлугин, сразу же при приближении своего одноклассника умолкнувший, и, скептически оглаживая начинавшие сесть ухаживенные безукоризненно подстриженные усы, строго и пронзительно устоялся на Рукавицина, и вилка с кусочком малосольной нежной осетрины предостерегающе замерла у него перед самым носом.

— Многоуважаемый Исай Васильевич! — начал Рукавицин, обращаясь к щедрому хозяину застолья, глядя на него преданными глазами и с наслаждением пользуясь редкой возможностью совершенно не замечать предупредительно-строго глядящего на него Ветлугина. — Ваше творчество всегда приносило радость, ваш большой, от Бога, талант мы всегда почитали. Мой покойный отец-фронтовик всегда вспоминал, что на фронте русскому герою-солдату помогали ваши прекрасные песни. — Придерживая фужер, изливая свои искренние чувства, Рукавицин слегка, в такт одному ему слышимой музыке, ритмично раскачиваясь, и от этого его слова были особенно убедительны и красноречивы. — Миллионы наших солдат легче переносили фронтовые тяготы... ваши песни, дорогой и любимых наш Исай Васильевич, чудо! Истинное чудо мечты!

— Ну, ну, ну, — слабо запротестовал композитор, незаметно смахивая с уголка лица предательскую слезинку. — Зачем же так!

— Не скромничайте, Исай Васильевич, — строго укорил его Рукавицин. — Конечно, скромность всегда была родной сестрой вашего большого таланта... Только позвольте напомнить вам известную истину... да... для талантливого человека скромность — вернейший путь к забвению, особенно в наши жестокие времена! Я не могу! — вскрипел Рукавицин, толкнув себе в грудь свободной рукой. — Я волнуюсь! Я очень волнуюсь, дорогой Исай Васильевич! Кто может быть спокойным, видя перед собой автора знаменитой "Катюши", победно прогмевшей по всему миру? Спасибо, Исай Васильевич, за ваш огромный, народный талант! Нет, нет, и не говорите! — категорически остановил он порывающегося что-то возразить композитора. — Ваша скромность давно известна, слушать ничего не хочу! — Высоко подняв фужер, Рукавицин с упоением опрокинул его содержимое в себя и скошенным глазом, улавливая в лице хозяина застолья что-то странное, провалился в самую большую тишину в своей жизни.

— Э-э, любезный, — довольно невнятно, со смешком уронил Каменев-Пегий. — "Катюша" — вещь знатная, только не моя... Вот именно, хороша Маша, да не наша, ее Миша Блантер сочинил. — Найдя, как ему показалось, необходимую форму ответа, композитор теперь громко и раскатисто расхохотался, а незадачливый оратор весьма натурально смутился, неловко забормотал слова извинения, пыхтел, краснел, суетливо топтался на одном месте. — Ничего, ничего, — покровительственно ободрил его явно развеселившийся композитор. — С кем не случается... Ведь превосходно же — "Катюша"!

Рукавицин вернулся на свое место задумчивый, непривычно опустив плечи; молодой студией встретил его

восторженно, пожалуй, он один за столом был уверен, что его сосед просто решил повеселить народ и сыграл превосходно, и от признательности за столь острое развлечение сам налил Рукавицину его любимой "Сибирской". Вокруг, поглядывая в их сторону, смеялись, и лишь сам виновник хранил на лице почти скорбное выражение, он был в редком состоянии внутреннего противоборства с самим собою и пристально, не мигая, глядел в стол, словно не мог взять в толк, как так нелепо и обидно промахнулся, и, не обращая внимания на усмешки, колкости и ободорения, был глубоко уверен в своей любви к Каменеву-Пегому и его песням, был искренне несчастен в своем невезении, а в голове по-прежнему настойчиво стучался какой-то очень знакомый, светлый мотив.

Перед горячим было решено размяться и покурить; гости оживленно зашумели, поднимаясь; спохватившись, Рукавицин предложил было Вергелю выпить перед перекурком, но тот категорически отказался. Рукавицин обиделся и, повернувшись в другую сторону, увидел худое, знакомое лицо еще одного ассистента режиссера Акимова и с готовностью передвинулся к нему через несколько стульев, тем более что вчера у Акимова, занимавшегося живым реквизитом, пьяницы-рабочие украли и съели ученого петуха. Рукавицин, давно знавший и любивший Акимова, молча налил себе и ему.

— Ты чего такой мурый? — спросил он, стараясь в то же время не упустить подобравшего и похотывающего Ветлугина из виду. — Слышишь, Акимов, тебе петуха жалко?

— Жалко, — признался Акимов и еще больше насутился. — Умная была тварь... Все темные токи перестройки, она его погубила, ни дня ей, ни покрывишки. Весь живой мир вперекосок пошел! Тыфу!

— Во дает! — возмутился Рукавицин. — Петуха жалко, а меня, тебе, к примеру, не жалко?

— Жалко, — признался Акимов, вздыхая. — И тебя жалко, Миша, ты сам из петушиной породы, придумываешь, придумываешь, кукарекаешь другим на потеху, а кто слышит? Ты сам страдалец и страдотерпец. Да ничего наш триумфатор значительного не написал и не напишет, ведь абсолютно бездарен. Так, тру-ля, тру-ля, тру-ля, а ты разлетелся... Жалко тебя, Миша.

— Вот видишь, тоже жалко, — обрадовался Рукавицин, пропуская все ненужное мимо ушей. — А почеба?

— Не знаю, — честно признался Акимов. — Тебя Бог пощадил в темечко, вот ты и затурканный какой-то, неухватистый...

— Врешь, — возразил Рукавицин, гордо вскинув руку. — Я — счастливый, я — артист! Я творю! Слушай, — внезапно горячо задышал он в ухо Акимову. — Скажи, ты не помнишь, что все-таки написал наш благодетель, а? Такое знакомое?

— Помню, — хитро улыбнулся Акимов и, загадочно помедлив, гляннул. — Как не помнить... Соловьи, соловьи, не будите солдат... А? Право, нелепица, но мелодия ничего. Как можно соловья о чем-то просить? Впрочем, тебе не кажется, что наш милый Исай поднялся уже после войны?

Прихватив фужер и благородно кивнув, Рукавицин тут же отыскал взглядом приземистую, с крупной головой фигуру композитора в окружении трех хорошеньких молодых актрис и Ветлугина; Каменев-Пегий что-то оживленно рассказывал и громче всех смеялся своим остроумам, а сам Ветлугин, храня на лице философическое выражение, сосредоточенно пощипывал свои холмные усы, что он всегда делал в затруднительные моменты, и по-прежнему старался разгадать истинную подоплеку небывалой щедрости своего друга — закатить такой пир в одном из самых дорогих ресторанов Москвы! И для кого! Подобная благотворительность могла бы, пожалуй, овладеть беспорочным сердцем Миши Рукавицина, а вот здесь, в данном случае, какие резоны? Впрямь разгоре-

лась вселенская грусть, разбушевала молодецкая удаля? Правда, поговаривали, что в своих нескончаемых странствиях по белу свету он там что-то такое нехорошее подхватил в пожизненное владение, но о ком не говорят? Стоп, стоп, напряженно размышлял Ветлугин, а если все еще проще? Уж не к моему ли он фонду подбирался, так сказать, с тыльной стороны, — кусок-то лакомый? А зачем? Что он там забыл? Дополнительная крыша нужна дурную деньги гнать? Хотя зачем же в данном случае собирать всякий сброд, играть афинскую демократию? Тогда — что?

В непростых размышлениях Ветлугин с еще большей тщательностью погладил свои усы, он не привык оставаться в дураках, но маститый композитор, казалось, совершенно отдался моменту и присутствию красивых, молодых женщин, уже начавших на него охоту. Он был предельно увлечен и, увидев неожиданно вновь возникшего перед ним Рукавицина, с несколько разбавившимся, но по-прежнему вдохновенным лицом, высоко поднимавшего переполненный фужер, оборвал на полуслове:

— Простите, вы ко мне?

— Исая Васильевич, дорогой, вспомнил! — торжественно отработовал Рукавицин, преданно поедая композитора глазами. — Вы меня простите...

— Прорезался луч истины? — небрежно поинтересовался Каменев-Пегий, присматриваясь к назойливому собеседнику, к его характерному разлапистому носу, словно бы от самого рождения пасхально подурмяненному. — Не беспокойтесь вы ради Бога, все хорошо...

— Вспомнил! — энергичически заверил Рукавицин, по-прежнему переполненный любовью и обожанием. — Исая Васильевич! Васильич! Я тебя слышу! Наши отцы, братья и деды вдохновлялись на фронте вашими прекрасными песнями. — Он пренебрежительно отмахнулся от своего шефа, делавшего ему предостерегающие грозные знаки. — Ваши бесподобные, сладкозвучные соловьи, Исая Васильевич...

— Опять же не мои они соловьи, — прервал его несколько даже с сожалением и с озорными искорками в глазах хозяин застолья. — Всем нам известные сладкозвучные птицы принадлежат вот именно Соловьеву-Седому. А я хоть и Пегий, еще не дорос до таких открытий. — Огорченно вздохнул, сожалеюще шелкнув длинными ухоженными пальцами, композитор легонько прихватил за плечи двух, стоявших рядом с ним и мило улыбающихся актрис и хотел отвести их в сторону.

— Какой провал, — почти протонал Рукавицин, остановившимися глазами глядя в перекосившуюся от истинного удовольствия рожу Ветлугина. — Не может быть! Сон в руку — кран...

— Кран? Какой кран? Да не переживайте вы, — вновь дружески стал утешать его хозяин застолья. — Нельзя знать все на свете, из-за пустяков не будем огорчаться, дорогой мой...

— Теперь я понимаю, почему от тебя шарахаются, — вкрадчиво улыбнулся Ветлугин, настойчиво отводя Рукавицина в сторону. — Ты zelo перебрал, сливась в себя, как в помойку. Ты завтра думаешь работать?

— Плевать! — отмахнулся Рукавицин. — Не тебе учить истинного артиста, придворная челядь! Ты Станиславского ненавидишь, заставляешь всех играть с ревом...

— Что? Станиславского с ревом?

— И меня, артиста Божьей милостью, тоже заставляешь реветь. Вертелю вон хорошо вопить, он комик по натуре, не то немец, не то еврей... Он парень хороший, у него голосовая машинка так устроена — врать. А я русский актер — Михаил Рукавицин! Звучит? У меня нутро! Ренегат! Пропал русский актер, сожрали его вот такие прихвостни и ренегаты, как ты! На мне замкнется роковая цепь...

— Перестань, — вновь попытался остановить разбушевавшегося одноклассника Ветлугин, досаждая на себя, что ввязался в дику совершенно полемичку с этим при-

дурком и неблагоприятной скотиной, в то же время безошибочно чувствуя, что отступать на глазах всей съёмочной группы никак нельзя. — Ересь несешь, ничего на тебе не замкнется, не пугай сам себя.

И затем между ними, хорошо знавшими друг друга чуть ли не с младенческого возраста, произошло нечто уж совсем непонятное и непредсказуемое. Желая заполнить неловкую паузу, Ветлугин достал и раскурил с помощью мгновенно подскокшего официанта дорогую гавайскую сигару; в последний год он пристрастился к ним и всегда несколько штук носил с собой. Рукавицин как-то по-особому мрачно, беспощадно глянул, ни слова не говоря; кожа у него на лице расправилась, порозовела, глаза стали больше, выразительнее, вспыхнули безрассудным молодчеством — даже неподатливое сердце Ветлугина дрогнуло, замедлилось и сжалось в какой-то непривычной тоске. «Что такое... Боже? А со мной-то что? Вот еще не хватало!» — мелькнуло у него, и уже в следующее мгновение он подобрался, ответная темная волна ударила ему в голову; он принял вызов и даже передернулся от мучительного, неизвестно откуда вдруг взявшегося желания вот звать и убить, избавиться наконец от невыносимо надоевшей выразительной честной рожи застойных времен, вечно назойливо и нагло торчавшей у него перед глазами — целый рой самых несовместимых диких мыслей и чувств расправила душу отпрыска древнейшего княжеского рода Ветлугиных, пугливые тени метнулись перед глазами, что-то хищно и безжалостно лягнуло...

Он уже знал, как это можно сделать, он уже даже сделал это и видел своего одноклассника Михаила Андреевича Рукавицина бездыханным, с мертво отсвечивающими белками глаз...

Чувствуя обрывающееся сердце, Ветлугин покачнулся, с усилием поднял руку и потрогал мокрый, ледяной лоб и снова стал различать выплывающее к нему из розовато-ядовитого тумана вдохновенное лицо Рукавицина и с чувством облегчения перевел дыхание.

— А, Ветлугин, — снова услышал он ненавистный голос. — Ты уже по всем правилам на гавайские перешел. В церковь с президентами ходишь, укромные места им вылизываешь, патриархи тебя благословляют, а ведь ни в Бога, ни в черта не веришь. Ты сам — сатана, на твоём челе — дьявольская печать.

— Готов... набрался, — брезгливо уронил Ветлугин, с трудом успокаивая дыхание, приходя в себя после столь странного видения. — Тебе надо лечиться, а потом уж философствовать... Хватит, Миха, чудить, иди, иди, — дружески посоветовал он, кивая на официантов, вносящих жареную индейку с черносливом и яблоками и карские шашлыки с острыми приправами и зеленью; прямо запахло Востоком, зноем, все опять почувствовали голод и заторопились к своим местам.

Проследив за Рукавициным, успешно отыскавшим Вергеля и тут же троекратно облобызавшимся с ним в знак примирения, Ветлугин еще постоял, задумавшись, затем, решительно отстранив от разомлевшего композитора посторонних, некоторое время вполголоса, что-то чуть ли не в самое ухо ему разъяснил; Каменев-Пегий раза два или три цепко бросал взгляды в сторону возмущителя спокойствия, а затем все привычно и плавно покатилося дальше. Сам Рукавицин, сытый, благодушный, теперь даже о Ветлугине думал с примирительной нежностью. Глядя на изысканную, тоненькую ручищу, сменявшую перед ним пугазый фужер по чьей-то незаметной заботе, он, по всей видимости, был в совершеннейшей нирване, перед ним плыли приятные, туманные сны, фантазии и порывы детства и ранней юности, Пашка Ветлугин, конопатый, вихрастый, часто с синяками под глазом или с разбитым носом за свою заносчивость. И еще он неожиданно вспомнил пролетевшую, по сути дела, жизнь, жену, ожидавшую его прихода, чтобы мстительно излить накопившуюся за день

желчь, несчастную дочь, встречавшую его всегда вопрошающими, невыносимыми глазами.

— Чертовщина, ночные призраки, мрак прочь! — тряхнул сильно поредевшей головой Рукавицин. — Слушай, ни с того ни с сего даже Каменев-Пегий не раскошелится. Говорят, денег у него побольше, чем у Креза. Правда, хадный — всегда нищий, вот вроде нашего Ветлугина... а? С женой, что ли, поссорился, наш дорогой Исая Васильевич?

— У него никогда не водилось жены, — с явным удовольствием сообщил Вергель. — Говорят, он несколько иной сексуальной ориентации. Посмотри, вон наша людоёdochка, Спицина, с ним врасос целуется, а зря ведь порох.

— Что ты! — оскорбился Рукавицин, ничего не поняв. — Ее даже на сцене обнять по-настоящему невозможно, чувствуешь холодное, расчетливое сердце. Здесь никакой Станиславский не поможет — про ее метаморфозы в постели я не верю...

— Михаил Андреевич! — засмеялся Вергель. — Посмотрите, она его опять целует... нашего кормильца...

— Вполне логично, не с тобой же ей целоваться!

— Почему? Я же гораздо моложе...

— Ну, моложе — еще не значит лучше, ты еще это поймешь, — пообещал Рукавицин и внезапно просиял. — Стой! — проникновенно сказал он сам себе, отыскивая глазами привычный фужер. — Вот, черт возьми, вот башка! Ну, растапа...

— Что такое? — забеспокоился и Вергель. — Сиди ты, Миша, — попросил он, движимый чувством локтя. — Хватит чудить, все и без того в восторге!

— Вспомнил! — отмахнулся от него Рукавицин, прихватывая первую попавшуюся под руки посудину, похожую на небольшую вазу и вливая в нее нечто бурое и маслянистое из внушительной, серебристой с чернью бутылки. В следующую минуту он уже пробивался с широкой улыбкой к хозяину застолья, и тот, издала почувствовав надвигающуюся опасность, поднял голову, увидел неудержимо стремящуюся к нему улыбку, известную всей стране в годы застоя, теперь уже своего старого знакомого, почти друга, и взор его в предчувствии новых откровений приобрел ласковую притягательность, ответно вспыхнул и заискрился.

— Исая Васильевич! Васильич, я тебя слышу! Дорогой ты наш! Вспомнил, балда и тупица! — еще издала, от своего дальнего стола кричал Рукавицин. — Васильич, родной, я тебя слышу!

— Миша! — теперь уже больше для формы предупреждая потянулся было к нему Ветлугин, но под пренебрежительным, отбрасывающим взглядом своего, окончательно воспарившего однокашника небрежно откинулся в кресле. Неожиданная мысль, что же за песни в самом деле написал Каменев-Пегий, озадачила и его, и, вспоминая, он пытался сосредоточиться и на некоторое время как бы отключился.

— Нет, нет, — победно возвестил тем временем всему залу Рукавицин. — Никакой паники, тишина и полный порядок! Вы должны, Исая Васильевич, понять волнение моей души, признательность обыкновенного, рядового человека к выдающемуся таланту... Ваша "Землянка", дорогой Исая Васильевич, согрела наших отцов и старших братьев в самую лютую эпохальную стужу, — добрался он наконец до сути и замер — парящий полет оборвался, он почувствовал стремительное скольжение вниз, вниз, в черную бездну.

— Грандиозно, старик! — услышал он чей-то трагический шепот, прозвучавший погребальным колокольным звоном. — Только при чем здесь "Землянка"?

— Не валийте дурака, — попросил Рукавицин угрожающе охрипшим голосом. — Не может быть, чтобы опять не то!

Всё, вероятно, обошлось бы и на этот раз, но здесь сам гласканный жизнью композитор не выдержал. Лоб

у него побагровел, щеки затряслись; подхватившись на ноги, он словно что-то ненужное отталкивал от себя, неудержимо захохотал, у него что-то пугающе клекотало в горле. А он все никак не мог остановиться — он все понял. Просто слившийся, маленький человек, издерганный семейными скорбями и несчастьями, страдая, вовсе не хотел обидеть именно его, Каменева-Пегова, он всего лишь пытался обратить на себя внимание. И этот нелепый Рукавицин с комически разбехавшимся лицом и разлапистым носом стал неодолимо симпатичен и даже близок — теплая волна омыла душу, и хозяин стола с необычайной резвостью вскочил и ухватил неловко пятившегося Рукавицина за плечи.

— Все, завязал. Прости, Васильич, ужо! Больше ни слова! Прости дурака и пьянишу, Васильич, ради Бога! Ужо...

— Да брось ты, Михаил, стой! — прогремел неожиданно протрезвевший, окрепший и властный голос хозяина стола. — Скажи, Михаил, сколько нужно на операцию твоей дочери? В хорошей, надежной клинике?

И хотя в просторном гудящем зале, вместилищем нескольких десятков человек, разгоряченных винами, коньяками, водкой и обильной сытой едой, стоял разногласный шум, Каменева-Пегого тотчас все услышали; в прокуренном воздухе словно что-то смалось и всех накрыл удар стеклянного колокола. И даже Ветлугин оторвался от своих расчетов, по-твардейски расправил плечи, приосанился, с интересом оглядывая привычно знакомые, оторопело застывшие лица, а красавица актриса рядом с ним, напряженно вслушиваясь и вытянувшись над столом в прямую линию, почти выскользнула из бретелек своего сверхмодного парижского платья, подаренного Ветлугину, хищно отливающего змеиной чешуей. Сам же виновник от расколовшей его голову хрустальной трещины сделался совершенно трезв, кровь отлила у него от лица, и Ветлугин, по-прежнему наблюдавший за происходящим с определенной долей сарказма, все же несколько придвинулся, готовясь поддержать однокашника, если ему приспичит хлопнуться в обморок; но закаленный организм Рукавицина выстоял.

— Говорят, миллионов сто пятьдесят, у девочки ведь врожденная травма при родах, одна нога короче другой на десять сантиметров, — откровенно-тускло сказал он. — Что-то такое весьма сложное... Мне не заработать и за триста лет...

— Ты, Миша, уже заработал, — остановил его Каменев-Пегий, извлекая из внутреннего кармана пиджака плоскую чековую книжку, и тут же, присев к краю стола, сдвинув в сторону грязные тарелки, черкнул несколько слов и протянул Рукавицину голубоватую бумажку. — Вот, Миша, захвати паспорт, и завтра в любой момент тебе с девяти утра до девяти вечера откроют счет на двести миллионов.

Дальше он назвал знаменитый, всей новой московской элите известный банк и его офис в самом центре Москвы; правда, этого уже никто не слышал; все взгляды были устремлены на Мишу Рукавицина, на вздрагивающий в его пальцах голубоватый листок, который он сразу же бессознательно стал совать Каменеву-Пегому обратно, что-то несвязно бормоча. Со всех сторон слышались истерические возгласы, все одновременно говорили, одобряли, советовали; отчетливее других звучал решительный, красивый баритон Вергеля: "Бери, бери, Михаил Андреевич, не дури! Не сходи с ума, коллега!", да еще всем в глаза бросилась непонятная реакция мало пившего на людях Ветлугина, опрокинувшего один за другим несколько стопок "Смирновской". Никто еще не успел толком опомниться и прийти в себя, как общим вниманием вновь овладел хозяин застолья. По его молчаливому знаку из дымного сумерка выдвинулся плечистый дюжий молодец, и Каменев-Пегий некоторое время что-то руководяще ему нашептывал, указывая глазами на Рукавицина, по-прежнему не знавшего, куда

себя деть. Вокруг зашелестели и потекли уважительные шепотки.

- Телохранитель, а?
- Один из секретарей...
- Да нет, доверенный родственник и компаньон...
- Ну, вызвездило человеку!
- А что, собственно? Новый русский капитал еще покажет себя, что там всякие американцы да немцы!

— Какая выправка — гусар!

Между тем телохранитель и секретарь Каменева-Пегова уже оказались возле потерявшего всякое соображение Рукавицына, коротко бросил ему несколько слов и напористо повлек за собой вон из зала; тотчас прошелецел новый одобрительный слухок о распоряжении хозяина оформить дарственные денежные документы немедленно, не откладывая ни минуты — в знаменитом банке, небрежно упомянутом щедрым меценатом, крупные операции, оказывается, проводились круглосуточно, и тогда банкетный зал модного ресторана пришел в скрытое волнение. Всех опять пригласили к столу, самые энергичные и темпераментные стали требовать музыки и танцев, время понеслось скачками, и сам Каменев-Пегий с лихорадочным возбуждением плясал с молодой красавицей актрисой в чешуйчатом змеином платье, затем, извинившись и отговоровившись усталостью, вернулся на свое место и, незряче глянув в приблизившееся лицо Ветлугина, попросил налить.

— Ну что, Пашенька, вздрогнем?

— У меня завтра Президентский совет по культуре с утра, важные вопросы, — недовольно хмурясь, сказал Ветлугин. — Ты же знаешь, куда опаздывать не положено. Вероятно, сам будет... С твоего разрешения, я потихоньку оторвусь... а если совсем откровенно, не понимаю-я, Исай, чего это ты взбрыкнул? Ты, часом, не болен?

— Ну-ну, прости, — неопределенно протянул Каменев-Пегий и устало вздохнул. — Прости, дорогой...

В этот момент откуда-то из-за спины у него появился невозмутимый телохранитель и секретарь, и Ветлугин, обладавший, как и все режиссеры, кошачьим слухом, уловил несколько слов о том, что клиент уже доставлен домой в целостности и сохранности и сдан в руки собственной жене и дочке вместе с открытым банковским счетом. С понятным любопытством покосившись на своего старого друга, наконец и Ветлугин почувствовал душевную оторопь — он еще никогда не видел у Каменева-Пегова такого просветленного лица, озаренного лучисто вспыхнувшими глазами.

— Отлично! Молодец, хоть одно сегодня нужное дело, молодец, — тихо похвалил Каменев-Пегий, отпуская своего телохранителя и секретаря, и снова жадно отхлебнул из фужера. — Знаешь, Пашенька, тебе еще много предстоит понять... Я мог бы прихватить тебя с собой, все было бы веселей, но так уж и быть — оставайся. Наши с тобой отношения не позволяют. Ты еще, милый мой, должен свершить свой путь, раздеться окончательно. А этот комик... Рукавицын, правда, забавный? Настоящий провидец, а? Все главное угадал... и подтолкнул.

— Что ты мелешь? Ты пьян, Исай! Ис-а-а-й! — закричал Ветлугин, отъезжая назад вместе со стулом, — в руках у Каменева-Пегого оказался пистолет, его тупой зрачок магически плыл, перемещаясь все выше и выше; и затем, как-то странно, зовуше улыбнувшись остолебеневшему Ветлугину, хозяин выстрелил себе в голову.

Несколько мгновений он так и сидел, строго выпрямившись, словно прислушиваясь и ожидая какого-то пригласяющего важного знака, затем, судорожно переломившись, рухнул головой и грудью на стол, на зазвеневший хрусталь перед собой.

И была недолгая, надтреснутая, все шумы и звуки оборвавшая и поглотившая тишина.

Не знаю, лучшими ли стихами представлена в нашем журнале Любовь Никонова, поэтесса из Кузбасса. Пожалуй, у нее есть и, несомненно, будут и другие очень яркие и глубокие стихотворения. Думаю, что за Уральским хребтом у нас это самая талантливая, тревожная и возвышенная поэтесса. Конечно, ее стихи полны грусти, но кто же сегодня из честных людей безоглядно веселится? Конечно, она ищет опору в Вере, в мерцающей впереди "помощи далекого Бога", ибо где же ее искать-то, эту опору, нашим безгрешным людям?

Конечно, ее исток — великое и не великое прошлое, ибо оттуда "из-под пепла бед взаимных" прорастает, может быть, и оскудевшая ныне, но все та же лучезарная любовь.

Имя поэта — Любовь Никонова, и это имя сегодняшней нашей русской поэзии.

Валерий Ганичев

Летит мистический орел,
с высот своих обозревая
распада смрадный ореол
вкруг утопического рая

Спит оскудевшая любовь
под мертвым пеплом бед взаимных,
поспешно сделанных гербов,
искусственных знамен и гимнов

На братских косточках расцвел
Тотальный мак, цветов упорный.
Но в вышине парит орел,
Сверкая царственной короной.

И видит тусклые сердца
и поезд, в тупике застрявший,
он, одинокий до конца
и ничего не потерявший.

1996

* * *

Отойдешь от родного порога —
ни поддержки, ни дружбы не жди.
Только помощь далекого Бога —
как мерцающий свет впереди.

Не тебе покоряется время.
Одинок, безответен твой ум.
О, недружное русское племя,
бестолковый расстроенный шум

Как хотелось бы полностью сбываться
на земле и в народе своем,
но вокруг — отчужденные лица,
мир, сгорающий синим огнем.

1997

* * *

В блаженных душах, как пчела в цветах,
блуждает скрипка, выпачкавшись медом.
С улыбкой лучезарной на устах
любовь еще сияет пред исходом

Хотя уже сгустились облака
и собралась полугроза над миром.
Но пища опьяняюще сладка.
И даже воздух густо пахнет пиром.

И скрипочка, запутавшись в цветах,
исходит одинаковым восторгом,
не ведая, что в нескольких местах
уже стоят влюбленные пред Богом.

1989

* * *

У подножия русских лесов
как бы храм невещественный вырос.
Слышишь ангельский строй голосов
лучших певчих, заполнивших клирос.

Все ясней Валаамский напев.
Явь ли? — иноки, старцы, миряне
мимо древних, бессмертных деревьев
крестным ходом идут по поляне

Но вблизи — никого. И не тISHь
эту зелень исследовать оком.
Не гляди с замиранием ввысь
и не думай так много о многом:

нет ответа.
На деле слышна
только птица, поющая дробью.
И охвачена эта страна
необъятной пронзительной скорбью.

1995—1996

Пасхальная ночь

Суета, отголоски ненужных речей —
все осталось за неким порогом.
Погружается сердце в море свечей,
расцветающих ночью пред Богом.

Храм, охваченный славой, поет.
Он обаят ликованьем великим.
Здесь стоит безгрешный народ
с удивительным праведным ликом.

Все отпало, чем был обольщен,
чем пленялся он снова и снова
Нет ни лучших, ни худших времен —
есть одно Воскресенье Христово!

13.04 — 16.04.96.

Великая Суббота —
Вторник Светлой Седмицы

“Люблю поединки только на холодном оружии...”

Кавад РАШ

Разговор с писателем

— Своему сочинению “Рождение танковой нации”, которое мы публикуем в этом номере журнала, вы дали подзаголовок — “Воинская повесть”. Это что, своеобразная новая проза?

— Рудольф Беннетт в 20-х годах задался целью выявить 12 самых читаемых в мире романов и с удовольствием обнаружил, что все двенадцать принадлежат русским писателям. Россия создала, по убеждению Томаса Манна, “святую литературу”. Это стало возможным потому, что она, русская литература, начала свое бытие со святых писателей Иллариона и Нестора, преподобных. Художественный вымысел все же есть первая виртуальная реальность в мире, от которой так мучился Гоголь, наш писатель-чернец. Стволом русской словесности был и остается не допускающий вымысла жанр, который не превосла даже литература XIX века. Он дал такие шедевры, как “О законе и благодати” Иллариона, “Слово о полку Игореве”, “Повесть о Петре и Февронии” Ермолая Еразма, “Задонщину” и “Житие” Аввакума. Вся святоотеческая литература вместе с дневниками Достоевского. “Рождение танковой нации” — скромная попытка удержаться в потоке именно этой высокой традиции, когда речь об эпических танковых сражениях. Духовно Куликово поле едино со восточными танковыми битвами. Их единство выразила воинская повесть “Задонщина”, призывавшая: “Пойдемте, братья и друзья, взойдем на горы киевские и величиму землю русскую”. На Куликовом поле родилась не Россия, вопреки Ключевскому, а возродилась Русь киевской поры, как и под стенами

рейхстага. Пришла пора не новой, а скорее старинной отеческой прозы. Извините за пространный ответ, но вопрос того заслуживает. Кстати, “Илиада” и былины не были вымыслом.

— Судя по тому накалу, по той энергии, которая бьется в каждой строке ваших произведений, вы по своей натуре — победитель. Так ли это? Может быть, помимо прочего, связано это и с тем, что вы — курд по национальности. А ведь курды — очень гордый народ, веками борющийся за свою независимость.

— Вы, пожалуй, попали в точку. Это энергия мидийская. Курды, как недавно вы видели по телевизору, народ не вялый. Курды (самоназвание “корды”) что значит “меч” на древнеиранском) и древние мидийцы — один народ. Большинство курдов мусульмане. Но мы курды — езиды по вере. Курды в лице мидийца Заратустры (по-нашему Зардуст) дали первую на Земле религию откровения и единобожия. Когда древние мидийцы с персами во времена ахеменидов свернули к многобожию, только мидийцы-езиды остались верны Заратустре. Езиды — от древнеиранского “язата”, т.е. “божественные”. Это мидиец Кир освободил из плена евреев на реках вавилонских. На звезду Вифлеема, по Писанию, “с курдских гор спустились три мидийских мага”. Позже католический “агитпроп” сделал из них театральные царей с разными концов света. Эти три мага-мидийца, по нашим твердым преданиям, были езиды, сохранив-

шие единобожие. Я сам из езидских шейхов по отцу и по матери. Хачатур Абовян, основоположник новой армянской литературы, называл курдов “Рыцарями Востока” за мужество, прямоту, верность князьям и уважение к женщине. Курдские женщины — самые свободные в исламском мире. Недавно огни курдских самосожжений в канун двухтысячелетия звезды Вифлеема возвестили миру о начале новой эры. Не случайно мидиец Заратустра — единственный на Земле, кто рассмеялся, появившись на свет. Это во-первых. Во-вторых, когда пишешь о танковых битвах, энергия боя невольно переливается в строку. Иначе писатель похож на наших спортивных комментаторов после Синаевского, которые с Озерова раздумчиво бают, глядя на яростные поединки арены.

— Много лет назад в Новосибирске вы возглавляли клуб юных мушкетеров и даже позднее написали об этом книгу — “Приглашение к бою”. А что дало вам собственное “мушкетерское” прошлое?

— Я и в самом деле пожизненный президент мушкетерского клуба “Виктория”. Теперь это самая большая спортивная школа России и дает порой половину сборной России по фехтованию. Клуб наш был “улыбкой” молодого Академгородка и по идее должен был соединить программу пушкинского лица с традициями русских кадетских корпусов. Я и через 30 лет считаю, что в этом будущем и спасение русской педагогики. “Мушкетерским” был назван не по Дюма. “Мушкетерскими” назывались полки линейной пехоты во времена Суворова. Россия — единственная в мире страна, которая культивировала фехтование на штыках. Даже космонавт Елисеев еще успел стать мастером спорта по штыку.

Благодаря клубу я увлекся историей поединков и традициями русского офицерства и даже написал воинскую повесть “Сибиряки против СС”. Но эпоха отразилась и на судьбе основателей мушкетерской школы. У меня было три вице-президента, три хороших доктора наук и славных фехтовальщика. Самый романтический из них Юлий Эткинд, музыкант и мастер спорта по шпаге, безмерно ушел из жизни в Екатеринбурге. Двое других оказались в ближнем Зарубежье. Василий Дмитриев уехал в Израиль, а Гурам Абуладзе в Грузию. Я был учителем фехтования в старинном смысле этого слова. Князь П.Вяземский говорил, что Пушкин по политическим убеждениям был “свободным консерватором” и, кстати, хорошим фехтовальщиком. Отношу себя к пушкинской политической традиции, но люблю только поединки на холодном оружии, если не считать женщин и лошадей.

— Как-то давно в нашем разговоре вы заметили, что символами России должны быть не береза, а дуб — дерево воинов и мудрости. Продолжаете считать так же?

— Дуб — отец русского леса. Матушка русского леса — пышная и медоносная липа, обувавшая русский народ. Дуб — дерево Зевса и Перуна, как орел — их птицы. Колыбель русского народа — черноствольный лес, из дубов, липы, сосны, клена, пихты и кедра в Сибири. Они живут до тысячи лет и более. Береза, ольха и осина к ста годам трухлявы и считаются всеми лесничими паразитом и сорняком русского леса. Не странно ли, что рыбы, зверя, птицы, чистой земли, дуба и липы становится все меньше и меньше, а берез все больше и больше. Береза душит молодой дубяк, захватывает гари и любит кладбища, развалины и всякое разложение.

Дубовый лист в петлице военного. Береза, в отличие от коренных пород русского леса, не идет ни в острог, ни в корабль, ни в мачту, ни в бревно дома, ну разве в эмблему Сандунов. Даже тепла дубовые дрова дают больше. Береза может быть символом только у народа, который дубу предпочитает березу, а орлу или лебедю — вороватого воробья. Тот, кто "как жену чужую обнимал березу", сделал верный выбор. Пусть попробовал бы обнять липу или ель.

— Последнее время вы часто говорите и пишете о том, что российская армия не должна быть безымянной, а полки и дивизии должны носить имена тех мест, в которых они созданы или дислоцированы — Тульская, Нижегородская и т.д. Связано ли это с тем, что, по вашему мнению, необходимо вернуть российской армии ее уже утерянную связь со своей землей, со своим народом?

— Имя — это судьба. Петр I даже запретил называть русские полки цифирью, чтобы сохранить их связь с родной почвой и одухотворить ратное дело. Цифирь появляется с вырождением. Представьте, если бы наш средний танк Т-34 был назван по "среднему" богатырю "Добрыней"! Полк "Добрынь" — не полк Т-34 или Т-80! Немцы много выиграли, назвав свой танк "тигром", хотя по формуляру он шел как Рз-В. Названия — наше самое слабое место в армии и флоте, и идет это от слабой памяти.

Почему не восстанавливаются имена старых славных кораблей "Рюрик", "Златоуст", "Три Святителя", "Громобой", "Азов"? Вот крейсер появился "Адмирал Чобоненко". Какое морское сражение он выиграл? Он был, видимо, хорошим служакой. Но где любимые корабли Петра Великого "Полтава", "Предестинация", "Ингерманланд"?

Если бы мы не были слабы на голову, то не дали бы первый офицерский чин старой армии "прапорщика" тому богатырю, который выдает на складе портянки и красную рыбу.

— Военная повесть "Рождение танковой нации" для многих будет откровением, ведь множество фактов, суждений, оценок до сих пор не звучало в открытой печати. Откуда вы брали эти уникальные материалы?

— Я беру все данные в открытой печати. Только безродные потомки разнородной революционной дворян верят и смакуют "мировые заговоры" и ищут правду в засекреченных архивах. Они же частушки с повизгиванием, эти трупные пятна на теле любой культуры, принимают за народный жанр, березу за символ, приклатенный сулужез за "афганские" песни, а блестящие завывания за страстные песни.

Все "мировые заговоры" и "закулисы" гнездятся в наших душах и в водке.

— Вы настолько погружены в военную тематику, что, кажется, ничего более вас и не интересует. А любовь?

— Чудный вопрос в пушкинский год. В студенчестве мы тайно поклонялись верности Сольвейг. Позже надеялись на спасительный образ княгини в малиновом берете — Татьяны Лариной. Вся неразгаданность Пушкина, быть может, в его иноческом идеализме и тоске по чистоте. Широкий пушкинский круг офицеров-дворян, от будущего святителя Игнатия Брянчанинова до глубокомысленного лейб-гусара Петра Чаадаева и всех офицеров 1812 года. Лучшее всего на ваш вопрос ответил бы ободряемый Пушкиным будущий поэт лейб-егерь граф Алексей Толстой, в 15 лет воскликнувший: "Я верю в чистую любовь!"

И я до сих пор верю. Не ее ли всю жизнь искал Пушкин, в земле Российской просявший и павший в бою с иноземцем у Черной речки за честь русской семьи? Что до меня, то надеюсь с этой воинской повестью покончить с военной темой навсегда. У меня давно на очереди "императорские сады" и, кстати о любви, очерк-эссе "Святые жены Руси".

— Так все-таки, мы уже побеждены или нет? Есть у армии силы нас защищать? Скажите просто: вот в этом и этом мы сильнее всех, а здесь слабее.

— Россия непобеждена. С ней все павшее за нее на поле брани и все святые. Такую армию подвижников не могут выставить все государства на Западе и на Востоке, взятые вместе. В этом веке Россия дала больше святых мучеников, чем все христианство за 20 веков на

всей планете. Промысел выбрал Россию единственной и вечной сверхдержавой в священном измерении.

Что до измерения земного и даже того, что величие народа заключается в способности не только переносить поражения, но даже крепнуть от них. Пока нам все идет на пользу в эти хоть и смутные и мародерские, но все же очистительные годы. Даже в застое и смуте, при враждебном тыле русские воины в Афганистане, Чечне и на границах показали миру, что лучше русского солдата в мире еще никого нет.

На ваш прямой вопрос такой же ответ. Когда говоришь об армии, чтобы не растекаться, надо прежде всего говорить об офицерском корпусе. Офицер — сердце армии. Это они, офицеры, обучают и воспитывают прапорщиков, сержантов и офицеров. Каков офицер, такова и армия, — и нечего хитро разглаживать. Я за то, чтобы офицер получал больше всех в стране. Но сегодня, когда они с женами больше других хнычут в телевизоре о своей социальной незащищенности, пусть не забывают, что нет зеленого лейтенанта, который не получал бы больше, чем любой наш академик с мировым именем, любой учитель, инженер или врач. О несоизмеримости их пенсий не говорим. Кому из них невозможно, путь положив рапорта, не всплывавая. Но если ты служишь, то, хотя бы внешне, должен походить на русского офицера, а не на мешковатого, семенящего "челнока".

Если офицер это "альфа и омега" армии, значит, главный фронт проходит там, где готовят офицеров. Самое слабое место русской армии со времен Крымской войны и до сего дня — это военные училища, ставшие теперь все "университетами", "академиями" и "институтами". По разным обстоятельствам на относительно высоком уровне остались старинные учебные заведения — Высший военноморской институт Петра Великого и Военно-медицинская академия в Петербурге и Высшее воздушно-десантное в Рязани. Училища по большей части стали отстойником для неспособных к строю. Казалось бы, третьим человеком в Вооруженных Силах после министра и начальника Генерального штаба должен быть тот, кто отвечает за военное образование и будущее всей армии. Увы, он даже не десятый.

Без собрания общества офицеров армия неполноценна, а командиры не офицеры, а более или менее добросовестные военные чиновники в униформе. Тыл обычно разлагает армию, а не передовая. То же относится к семье офицера. У нас много беззастенчивых и самоотверженных жен, но будущему офицеру надо помочь. У нас десяток суворовских училищ и ряд кадетских корпусов с казенной программой и бескрылыми преподавателями, но ни одного хотя бы такого же заведения, где готовили бы жен для будущих офицеров.

Беседовал Сергей Перевезенцев

Кавад РАШ

Воинская повесть

РОЖДЕНИЕ ТАНКОВОЙ НАЦИИ

ВРЕМЯ ТАНКОВ

Туманным сентябрьским утром 1916 года у реки Соммы немецкие солдаты были разбужены необычным лязгом, грохотом и пальбой. Высунувшись из окопов, они с ужасом увидели, как в предвечерней мгле на них надвигаются многотонные железные чудища, изрыгающие огонь. То ползи первые на земле танки, посланные англичанами.

Танки проектировали моряки и называли их «сухопутными крейсерами». Двигались они со скоростью пешехода. «Крейсеры» у британцев было 49 штук. До исходных позиций добрались 32 танка. Завелись перед атакой и смогли пойти в бой 18 машин. В тот день они продвинулись в глубь немецких позиций на целых пять километров, проделав такую же брешь в ширину. До этого, устлая путь трупами, войска за сутки продвигались на сотню метров. Танки сократили потери пехоты в 20 раз! Возбужденный успехом английский командующий Д. Хэйг потребовал от Лондона скорее изготовить еще тысячу чудо-машин.

Вслед за англичанами за танки взялись французы. Не стали отставать и немцы. Ставка русского императора тоже приняла решение начать изготовление танков.

Могла ли Россия в 1917 году по велению императора освоить танкостроение? Бесспорно, могла. Россия выпускала ежегодно до 1500 паровозов мирового класса на дюжине крупных паровозостроительных заводов. Освоить выпуск нескольких тысяч танков в год эти заводы могли без напряжения. С благословенных 80 — 90-е годов XIX века, времен Дм. Менделеева, Жуковского, адмирала Макарова, его корвета «Витязь», ледокола «Ермак», самолетов Сикорского, корабеля Крылова, целую школу создал в сталелитейном деле выдающийся ученый, генерал Дм. Чернов — председатель русского металлургического общества и вице-председатель английского Института железа и стали. Ему многим обязана наша ствольная артиллерия. К началу века Россия располагала одаренным и пытливым инженерным корпусом, которому по плечу были любые задачи.

Кстати, в те времена Россия вообще многое могла. Стоит только вспомнить, что перед 1914 годом Россия просто заваливала хлебом всю Европу, а к балтийским портам летом двигались белые масляные поезда специальной постройки. Каждую неделю прибывали до 14 поездов в 25 вагонов. Каждый год они доставляли к портам до пяти миллионов пудов лучшего в мире масла с непаханых равнин Сибири.

Но когда до завершения войны, по осведомленному мнению Черчилля, оставалось несколько месяцев, чтобы не дать России воспользоваться победой, «союзники» разыграли через думцев февраль 1917 года, и Россия была отброшена вспять.

Итак, с туманного утра на Сомме началась трудная и поразительная жизнь нового рода войск, который сыграет решающую роль во всех последующих войнах столетия. Танки появились на поле боя, когда мир заговорил о смерти позиционной войны. Пулеметы и скорострельные пушки заг-

нали пехоту в землю. Траншеи, окутанные многояркой колочей проволокой, протянулись от Ла-Манша до Швейцарии. Миллионы солдат гнили в окопах — завшивевшие и одичавшие.

Совершенствуясь и усиливаясь от битвы к битве, танк, как всякое великое оружие со времен воспетых Гомером колесниц, стал оружием-символом, оружием-показателем умственной силы нации, выразителем ее наступательного духа и милитаристских амбиций. На поле боя танки родят и новый тип солдата, и новых высших офицеров — танковых генералов. Они пойдут в бой в передовых порядках своих дивизий и даже корпусов.

Уже 83 года танк господствует на полях сражений совсем не мирного XX века. Он сметает заграждения. Крушит препятствия. Взламывает оборону и рассекает целые армии противника. Выходит на дуэльные единоборства. Бронированные богатыри бьют друг друга в упор двухпудовыми снарядами, сворачивают стальные скульпы, срывают многотонные башни. Затем, сплотившись в стальной кулак, вновь таранят фронты, в грохоте и огне подминают под себя траншеи, давят батареи, расплющивают пушки и вырываются на оперативный простор.

Танк любит движение и чистое поле. Его стихия — наступление. Он пришел на смену коннице. Недаром именно из кавалерийских офицеров вырастут хорошие танковые генералы.

Танк и самолет подняли войну — самое глубокое и могущественное переживание народа — на уровень нового качества, потребовал коренной мобилизации всех ресурсов общества.

Мы увидим, что умственная жизнь штабов и академий у противоборствующих сторон не поспевала за развитием нового оружия. Исключение, в силу особых обстоятельств, составила Германия, и именно поэтому она поначалу сокрушила всех соперников в Европе.

Не встала в эпоху и литература. Прежде всего речь о нашей родной словесности. Шесть десятилетий минуло со дня трагической кончины в 1940 году великого художника-конструктора, подвизника Михаила Кошкина — создателя танка Т-34, но ни один роман не только не стал ровнем с ролью бронированного «царя битв» — танка, — но даже не поставил этой проблемы.

Танк стал главной ударной силой войск. Говорили: народ и армия — едины. Танковые полки оказались ударной силой воюющего народа. Но танкисты даже после Прохоровки не стали ударными героями родной литературы. Отважную попытку сделал в повести «Взятие Великошумска» только Леонид Леонов. Слово разошлось и с оружием, и с народом. Литература, взращенная на лирике людей и страдальцах, не заметила самого великого «деревенщика», крестьянского сына с Ярославщины Мишу Кошкина и двенадцатого сына из крестьянской семьи Вологодчины Илюшина, создавшего летающий танк — Ил-2.

Танковые энтузиасты утверждали, что танки внесли решающий вклад в исход Первой мировой войны. На самом

деле тогда значение их не выходило за рамки тактических успехов, пусть и крупных. Первый танковый теоретик — английский генерал Дж. Фуллер, начальник штаба Королевского танкового корпуса, в 1919 году издал книгу «Танки в Великой войне 1914 — 1918 годов». Мы ее опубликовали в 1923 году. Фуллер дошел прямо-таки до фанатизма и, изменяя английскому здравому смыслу, утверждал: «...Оружие составляет 99 процентов всей совокупности условий, необходимых для победы». Такую же роль в войне отводил итальянский генерал Джулио Дуэ авиации. Фуллер и Дуэ вскоре найдут в Германии самых верных и энергичных последователей.

Антанта закончила Первую мировую войну, имея в своих войсках около 17 тысяч танков всех модификаций. Немецкие танки ни значительно уступали в числе, но превосходили в броне и пушке.

Крохи из танков Антанты попали в Россию к Белой армии. В год выхода книги генерала Фуллера первые 57 английских «Уиппетов» и французских «Рено» появились на вооружении у Деникина и приняли участие в сражениях под Харьковом, Таганрогом и Екатеринославом. Полдюжины танков достались Юденичу и в октябре 1919 года дошли до Царского Села. Столько же танков получил от англичан на Севере генерал Миллер. В 1920 году полсотни танков французского производства, состоящих на вооружении польской армии, участвовали в разгроме армии Тухачевского под Варшавой. Тогда танки поляков отрезали у Млавы кавалерийский корпус Гая, заставив его интернироваться в Восточную Пруссию. Так, в безвыходном положении выбрасывается на мель корабли.

Итак, первый танк по русской земле повел в бой белый офицер в братоубийственной войне. Символично, что первый танк, доставшийся красным, назывался «За Святую Русь». Большевики переименовали его в «Пролетарий».

По окончании Гражданской войны пятимиллионная Красная Армия была распушена. К 1925 году под ружьем остались менее 500 тысяч полураздетых, голодных и разутых солдат. Ни одного танка собственного производства в стране не было. Едва наскребли на один танковый полк, составленный из трофейных, латаных «Рикардо», «Тейлоров» и «Рено». Маршал бронетанковых войск М. Катуков вспоминал, как в те годы их летний лагерь под Смоленском посетил начальник штаба РККА Михаил Фрунзе. Один из начальников пожаловался ему, что не только красноармейцы, но и командиры ходят в лаптях. Фрунзе вздохнул и заметил: «Летом походим в лаптях — на зиму сбережем обувь».

Именно в те годы уроженец Карской области (ныне Турция) Владимир Триандафилов, из ускоренных прапорщиков 1915 года дослужившийся до начальника Оперативного Управления Штаба РККА, с помощью бывших царских штабистов и западного опыта Первой мировой войны, пробовал соорудить некое осмысленное военно-оперативных задач. Он создал то, что получило позже громкое название «теории глубокой операции». В 1927 году Штаб РККА, которым руководил М. Тухачевский и его «наполеон» В. Триандафилов, приступил к разработке плана развития вооруженных сил на пять лет. Примечательно, что у этих стратегических танки первоначально даже не упоминаются.

Да и до танков ли было в эти годы? Разрушенное до основания государство, разграбленное, голодное, в тифозных бараках, наводненное беспризорниками, надо было поднимать из руин и пепла.

Место красавцев кавалергардов заняли командиры в лаптях, но лучшие из них сохранили древний огонь правды, который светился в старовеках, а потом таинственно перелился в их неукротимых потомков «корчагинского» поколения. Природоу этого мучительного овладения новой социальной и духовной реальностью отразил Андрей Платонов, который никогда не хотел «выходить из народа». Здесь мы приблизились к самой сердцевине проблемы, без которой не может быть понят почти ни один танковый командир, ни большинство конструкторов оружия и, пожалуй, ни одна из битв Второй мировой войны.

В год вступления на престол последнего императора — в 1894 году — на Нижегородской выставке был показан первый русский автомобиль. А затем почти четверть века правления Николая II пришлось на невиданный на Руси технический бум. Такой же технический бум переживала и Европа. Тогда на демонстрацию полетов авиаторов на ипподромах собирались до ста тысяч зрителей всех сословий. Революция придала этому языческому преклонению перед машиной новое качество. Сам Андрей Платонов, как и его герои, мечтал, чтобы люди были готовы «массами отправиться по русской стране с проповедью нового евангелия — техники».

Фома Пухов, герой повести Андрея Платонова «Сокровенный человек», говорит: «Машина — строгая вещь. Для нее ум и ученые нужны, а чернорабочий — одна сырая сила». Пухову, перед дорогой, начальник дистанции дал расписаться в предписании, где было сказано: «При сильных метелях — впереди каждого воинского состава должен неотлучно работать снегоочиститель, дабы ни на минуту не было прекращено движение и не ослаблена боеспособность Красной Армии».

Каждая строка Платонова передает дух того времени с его страстью к технике и покориению пространства: «Вдруг бешено заревел баланс паровоза, спуская лишний пар. Пухов вскопился в вагон, и паровоз сейчас же и разом выхватил снегоочиститель из снежного бугра, пробуксовал колесами так, что огонь посыпался из рельс. Пухов даже увидел, как хлестнула вода из паровой трубы от слишком большого открытия пара, и оценил машиниста за отвагу». Через двадцать лет «пойдут машины в яростный поход», и поведут эти танки Пуховы.

Нам особенно дорог машинист паровоза Пухов, потому что танк Кошкина Т-34 зародился на Харьковском паровозостроительном заводе. Да и вообще, именно паровозостроительные и вагоностроительные заводы стали главными производителями танков. Так, в войну каждый второй танк в стране вышел из ворот вагоностроительного завода в Тагиле.

23 мая 1937 года начальником конструкторского бюро на Путиловском заводе, создававшем тяжелые танки, назначен Жорес Котин — создатель KB-1. В том же несласковом мае расстрелян его предшественник, незаурядный и орденноносный инженер Олимпий Иванов. Котину только 29 лет. Через два года тяжелый танк путиловцев KB-1 опробуют в войне с финнами. На Котина посыпается дождь из орденов и медалей, и он станет генерал-полковником-инженером.

В 1937 году Михаил Кошкин возглавил в Харькове танковое конструкторское бюро, после того как его предшественник был репрессирован. В том же, 1937 году Героем Советского Союза станет Дмитрий Павлов — комбриг в Испании и самый знаменитый танкист довоенной поры, генерал из костромских крестьян. Немецкие танковые кланы Павлов встретил командующим Западным фронтом, но не справился с управлением и был расстрелян.

Наши конструкторы и командиры начинали при особых обстоятельствах. Мы вспомнили о застенках не только из стремления к правде эпохи, но чтобы почувствовать мощь духовного подвига нации, которым за 200 лет до этого воспользовался Петр I и с русскими моряками, которые до Петра в глаза не видели ни одного корабля, потопил корабли шведов. Ни у одного союзника СССР в войне с Германией не было репрессий, но все они вместе взятые не смогли дать такого оружия, как Россия, и таких полководцев, как Георгий Жуков.

«Евангелие техники» — не метафора. С 20-х годов Россия, несмотря на голод, репрессии, нужду, дала мощную поросль сильных конструкторских умов во всех сферах. Фома Пухов определяет: «Несмотря на долгий голод, народ был свежий и окрепший, будто насыщенный прочной пищей».

Вот они, начальные веки великого танкового пути. В 1927 году в Красной Армии не было ни одного танка собственной, отечественной конструкции. Когда в 1929 году

начались бои с китайцами из-за КВЖД, в составе броневых сил РККА насчитывалось всего 133 легких танка, но большинство машин были все теми же латаными трофейными допотопными танками Антанты.

Первые наши танки были модификацией на базе "Рено". Их называли "МС-1", то есть "малый сопровождения — первый". Сейчас на пьедестале танкового музея в Кубинке он кажется почти игрушечным. Но для китайцев, никогда до того не видевших танков, они показались огнестрельными драконами. Рота этих танков в девять машин в районе станции Забайкальск произвела фурор на позициях, проутюжив китайские блиндажи. Это был первый в истории бой российских танков против иностранных войск.

В 1931 году в Москве взорвали храм Христа Спасителя, а в Кубинке под Москвой создали танковый полигон. В августе 1938 года в боевых действиях против японцев на стыке корейской, китайской и российской границ в 130 километрах от Владивостока, у озера Хасан участвуют уже 285 танков. Впервые в тысячелетней истории России в те годы лучшая ее Отдельная дальневосточная армия (ОДВА) в мирное время стояла на Тихом океане. 32-й стрелковой дивизией командует Н. Берзарин, будущий первый комендант Берлина. А. Панфилов поведет в бой танки 2-го механизированного полка. И Берзарин, и Панфилов в 1941-м прославятся под Москвой. Но на Хасане дрались уже совершенно другие танки. В начале 1930 года мы купили у англичан дюжину средних танков "Виккерс" с лицензией на их производство. У нас он стал называться Т-26. Тогда же в США мы приобрели у конструктора Дж. У. Кристи лицензию на производство его легкого танка. Мы назвали его БТ — "быстрый танк". На гусеницах БТ развивал скорость до 44 километров в час. Сбросив гусеницы, как лапти, и уложив их на полки, на борту, БТ мог по шоссе на катках разбежаться до 100 километров в час. Наши танкисты любили "бэтешки" за резвость. Немцы называли их "Кристи-русски". Правда, первые БТ с бензиновым двигателем за резвость распыливались пожароопасностью. Когда механик запускал мотор, на корпус танка запрыгивал пожарник с огнетушителем. Потому первый дизельный двигатель мы поставили на БТ-7. И сделал это Кошкин.

Оба типа танков — Т-26 и БТ — были приняты Реввоенсоветом на вооружение в 1931 году, даже не дожидаясь опытных образцов. Перед войной БТ и Т-26 стали нашими основными танками. Мы их много раз модифицировали и перевооружали. Для своего времени это были вполне приличные танки, но не противоснарядные, в отличие от среднего Т-34 и тяжелого КВ, которые придут им на смену.

Танки БТ-7 и Т-26 бросил в бой в августе 1939 года в нижнем течении реки Халхин-Гол в Монголии Георгий Жуков. Именно в Монголии, у вала Чингисхана, взойшла звезда Жукова. Он связал противника в центре и бросил в обход на фланги танки, устроил 6-й японской армии классические "Канни". Затем рассек противника надвое и разбил его по частям. Перед нами прообраз Сталинграда, который обессмертит имя Жукова. Он уже в Монголии мастерски использовал авиацию и даже парашютно-десантную бригаду. Но решающий успех принесли Жукову танки. Ни один человек до него в истории не бросал одновременно в бой столько танков. Самое большое количество танков в истории до этого применили англичане в ноябре 1917 года при Камбре. Но тогда англичане разделили 476 танков между шестнадцатью пехотными дивизиями и послали их на немецкие позиции. Еще больше танков под Амьеном англичане используют 8 августа 1918 года. За один день тогда англичане продвинулись на 11 километров и взяли в плен 53 тысячи немцев. "Черным днем германской армии" назвал тогда тот день Э. Людендорф.

Но Жуков использовал 500 танков не для поддержки пехотных цепей, а впервые — для танковых клешей. И победил. А 500 танков — это, по меркам 1942 года, три танковых корпуса. Полнокровная танковая армия при Прохоровке имела 600 танков. Жуков оперирует, по сути, танковой ар-

мией. Он наш первый танковый генерал и по качеству, и по порядку.

Итак, за первое десятилетие Советской власти мы не построили ни одного собственного танка. Во втором десятилетии (1927 — 1937) мы уже заложили серьезные основы танкостроения, самолетостроения и автомобилестроения. Появились в этих отраслях первые заводы-гиганты.

Однако война в Испании подвергла нашу технику жестокому экзамену. Если первые танковые и авиационные бои в небе оказались за нами, то к концу войны в Испании немецкие самолеты и танки превосходили наших по всем основным показателям. В частности, на поле боя нечего было делать без противоснарядной брони. Нужны были новые танки. Так пробил час Кошкина.

КОШКИН

В 30-х годах в духовной жизни России выросла неукротимая аскетическая фигура в длиннополой шинели, напоминающая воинов-монахов со старинных фресок. Это был подвижник новой русской веры, "большевистского согласия", поклоняющийся честной жизни — Павел Корчагин, созданный пером комбрига Николая Островского. Он с беспощадной любовью к правде пленил души миллионов молодых людей в России и далеко за ее пределами. Многие герои русской литературы на его фоне поблекли и погасли. Другой комбриг — с летными нашивками "птичкой" на рукаве — Валерий Чкалов пришел на поклонение к Николаю Островскому, творцу героя, которого ждали в России много веков. Это тот Чкалов, который мог выплеснуть на банкете вино из рюмки Сталина, налить туда водки и предложить вызывавшему трепет вождю выпить с ним на брудершафт. Еще один последователь Корчагина, Георгий Жуков, поражающий своей манерой повелительного разговора со Сталиным. И Чкалов, и Жуков говорили не от своего имени — они были бессознательными духовными рупорами нации.

Нам не дано знать всей правды. Иные атеисты, видимо, ближе к престолу Бога, чем многие усердные прихожане. Без этого не понять русского XX столетия. Корчагин — тип всеословный. Андрей Платонов один из последних своих фронтных очерков посвятил рядовым солдатам сибирской дивизии и назвал его "Гвардия человечества". А самую стойкую поросль корчагинский тип дал в конструкторской отрасли, выставив дружную офицеров инженерного корпуса.

Непосредственно перед войной появились три ведущих танковых конструктора — Михаил Кошкин, جوزиф Котин и Николай Духов. Два последних станут генерал-полковниками инженерных войск. Все трое начинали творить на Путиловском заводе, и к 1937 году возглавили танковые конструкторские бюро. Котин и Духов создавали все наши тяжелые танки от КВ до ИС-3. Немцы называли КВ "Духов-панцер" и подбившему его представляли двухнедельный отпуск. Каждый из трех конструкторов — это целая эпоха. Но Кошкин по сей день недосягаем не только для танковых конструкторов, но и для российских конструкторов оружия всех поколений.

Михаил Кошкин был одним из самых ярких в России носителей идеала корчагинского иноческого склада. Одежды просто, молчаливый и сосредоточенный, он обладал беспредельной работоспособностью. Он умер в 1940 году, создав за несколько лет великое оружие — танк, который оказал воздействие на конструкторов всех индустриальных держав и на ход Второй мировой войны. Он даже не умер, а сгорел, как горят в танке. Внешняя простота и скромность его жизни только подчеркивают народность его пути.

Михаил Кошкин — выходец из бедной крестьянской семьи Ярославщины. Он рано лишился отца и испытал все тяготы, которые выпадали на долю мальчика из бедной семьи в шумной Москве. Кажется, что Павка Корчагин списан с Миши Кошкина. Окончив после Гражданской войны Коммунистический университет, он был отправлен на руководящую работу в Вятский край. Но по таинственному

Михаил Кошкин

Жозеф Котин

зову бросил все и в 1929 году поступил на первый курс Политехнического института в Ленинграде. Котин и Духов уже несколько лет работали конструкторами на Путиловском заводе, когда в 1934 году там появился 36-летний выпускник Политехнического института. Жить ему оставалось всего шесть лет.

Через три года его перевели заведовать танковым конструкторским бюро Харьковского паровозостроительного завода. Первым делом Кошкин модернизировал быстроходный танк БТ-7. Он был задуман как танк сопровождения кавалерии. В то время как Т-26 — для поддержки пехоты. В этих обозначениях «сопровождение», «поддержка» просматривается служебная роль танка. Между тем как Гудериан в Германии уже грешил самостоятельными танковыми операциями. Быть может, только несколько человек в мире понимали тогда истинную роль танка — не как служебную, а как владыку битвы. Можно даже сузить этот круг. Если не считать фанатика-теоретика генерала Фуллера, то их было всего двое в мире: в Германии — Гудериан, а в России — Кошкин. Последний не был строевым офицером, и в этом тайна его судьбы. Он как бы постиг, что Россия очень скоро понадобится новое оружие.

Итак, Кошкин за год модернизировал БТ-7, впервые в мире поставил на танк дизельный мотор. Им стал знаменитый двигатель В-2. Кошкин угадал его будущность. Двигатель 40-В-2, непрерывно совершенствуясь, работает на танках до сих пор.

Но надо было двигаться дальше. После Испании все страны усиливают танковую броню и калибр пушек. Время противостояния танков кончалось. В конце 1937 года из Главного Автобронетанкового управления поступило задание на новый танк с противоснарядной броней. Для нового танка Кошкин организовал новое конструкторское бюро, куда сам подобрал первых одиннадцать человек. Позже довел численность КБ до двух десятков сотрудников. Кошкин создаст танк Т-34 и покажет его Сталину на Ивановской площади Кремля. У него уже тогда было серьезное восприятие легких после перегона опытного образца — в распутицу и проселками, сквозь снежную метель своим ходом из Харькова в Москву. Перегон был идеей Кошкина, и за нее он заплатил жизнью. Кошкин глухо покашливал. Сталину не нравилась эта человеческая слабость, и он недоверчиво косился. Кашель Кошкина нарушал величие Ивановской площади.

В Т-34 Кошкин нашел наиболее гармоничное соотношение брони, огня и двигателя. Он не упустил ни одну из этих основных составляющих танка и добился качественного скачка мирового уровня. Кошкин поставил дизельный двигатель поперек машины и до конца столетия обозначил характерные формы всех русских танков. Зная родное бездорожье, он расширил гусеницы и дал танку возможность широко и прочно опираться на родную землю. Т-34 Кошкина был проворен и проходим. Кошкин первым в мире придал башенной броне наклонную форму, чем усилил его неуязвимость. Танк Кошкина не был похож ни на один танк в мире, хотя располагал, как все танки — гусеницами, катками, двигателем, пушкой, бронированием, — словом, тем, без чего не бывает танка.

Танк Кошкина — больше чем оружие. Его приняли на вооружение в 1940 году. Он стал для своего времени не только лучшим, но и первым чисто русским танком — от замысла до воплощения. В этом-то и величие Кошкина. Это уже не Т-26 от «Виккерса» или БТ-«Кристи-русски». Это, говоря языком спускателя, «Кошкин-паншер».

Танк Кошкина возглавит ударные силы России. Его появление — начало духовного перелома в стране. 1937 год — это ведь не только пик палачества, но еще и 100-летний юбилей Пушкина, отмеченный всем народом как день национального просветления. До появления танка Т-34 мы не знаем ни одной системы оружия со времен пушек Чохова (XVI в.) и пушек Шувалова (XVIII в.), которую мы могли бы назвать самобытным российским творением. Танк Кошкина — первое русское оружие, которое оказало воздействие на мировое оружейное дело. Не случайно его танк встал на пьедесталы по всей Европе. Творение Кошкина — творение духовного порядка и стоит в одном ряду с выдающимися художественными творениями.

Велика была и роль Сталина в выборе танка Кошкина. На совещании в Кремле председательствовал Молотов. Присутствовали Сталин, Ворошилов и другие руководители государства. Приглашены были и танкисты, воевавшие в Испании. Один из них, комбриг Ветров, горячо ратовал за усиление брони и пушки. Он решительно настаивал на гусеничной ходовой части как обладающей повышенной проходимостью. Большинство с ним не соглашались. Колесно-гусеничный ход легкого танка давал скорость, ветер, натиск, так созвучный напором конных дивизий кумачовой молодости. Испанские герои не были стратегами, они были молодцы, бесшабашны и не очень образованны. Не таков был многотрудный и настороженный, шестидесятилетний Сталин. В перерыве он подошел к комбригу Ветрову и, отведя его в сторону, спросил: «Так Вы стоите за гусеничный движитель?» Ветров вновь подтвердил свою позицию. Это совещание проходило весной 1938 года. А в августе того же года Главный военный совет РККА вновь высказался за танк А-20 с колесно-гусеничным ходом. Лишь Сталин настоял, чтобы готовили два танка с разными двигателями для конкурсного испытания в деле. Дело скоро представится на финской войне.

То, что все военное руководство стояло за легкий колесно-гусеничный танк, говорило о том, что бывшие рубаки Первой Конной не понимали ни роли танков, ни характера предстоящих сражений. Тем поразительнее предвидение Кошкина. Он делал ни легкий, ни средний, ни тяжелый танк. Кошкин создавал танк, который мог бы подавить на поле боя всех соперников.

В октябре 1939 года, когда германские танки уже рассекли Польшу, в Кубинке прошли государственные испытания новых танков. Комиссию привез нарком обороны Ворошилов. На следующий год предстояли последние испытания. Кошкин пустился в Кубинку в двухтысячекилометровый путь еще в марте. Он вел танки, замаскированные, своим ходом из Харькова на Москву, обходя населенные пункты полями, по глубокому снегу, и проселками. Необычность похода была в духе Кошкина. Танк проходил беспощадную проверку. Поход сверхсекретных машин через всю страну вызвал в некоторых инстанциях оторопь и бешенство от страха. Некоторые, отчаявшись остановить Кошкина, предлагали пустить в ход пушки прямой наводкой. Воздух был тогда настоян на ужасе и шпиономании. Кошкин упрямо пробивался через снега. В дороге он сильно простудился и схватил воспаление легких. На Кубинке ждали круглосуточные испытания на полигоне перед показом в Кремле. Все эти месяцы нечеловеческим напряжением воли он будет пересиливать болезнь, чтобы не слечь, и выдержит до показа. 17 марта 1940 года можно назвать великим днем. Танки с ночи стояли на Ивановской площади Кремля. Перед машинами выстроились экипажи и конструкторы. Начальник Главного бронетанкового управления генерал Дмитрий Павлов отдал рапорт Сталину. Кошкин в это главное утро его жизни стоял здесь же, покашливая. Он только что вернулся с фин-

ского фронта, видел, как ведут себя в бою танки на линии бывшего русского генерала Маннергейма.

Сталин внимательно смотрел, как два танка разошлись, затем, круто развернувшись, рванулись навстречу друг другу и перед казалось неминуемым столкновением остановились как вкопанные. Это показывали свое мастерство танковые асы-испытатели с Кубинки. Сталин одобрил и Т-34, и тяжелые КВ.

Присутствующие знатоки понимали, что находятся при рождении единственной в своем роде машины в мире. На Т-34 стоял дизельный двигатель, весом 874 килограмма. Тот самый легендарный В-2. На тяжелых КВ стоял его 600-сильный собрат В-2К. Двигатель В-2-34 можно охарактеризовать следующим образом: это — четырехтактный, 12 цилиндровый, V-образный, быстроходный, бескомпрессорный, водяного охлаждения со струйным распылением топлива двигатель. Инженеры И. Бондаренко и К. Челпан, работавших на том же Харьковском заводе над этим дизелем с 1931 года, тоже арестовали. Двигатель доводил уже Т. Чухакин.

Самое важное для нас — запомнить слова Михаила Ильича Кошкина, которые он обронил после просмотра танков на Кубинке. Тогда он сказал, что рассматривает танк Т-34 как прототип более мощного танка. Кошкин с инженерно-стратегической интуицией превратил бы средний танк Т-34 в тяжелый. Он видел будущее поле боя и предвидел появление "основного танка". К понятию "основного танка" в мире придут только через четверть века в 60-х годах.

Кошкин не позволил бы, чтобы на поле боя господствовал какой-либо танк, кроме русского, — так Корчагин, "монах в миру", и герои Андрея Платонова понимали роль их Родины в переустройстве мира.

Кошкин предвосхитил бы появление "тигра", как, упредив весь мир, создал на 1940 год лучший в мире танк. Кошкин — первый солдат, погибший в Великой Отечественной войне за год до ее начала.

ГЕРМАНСКИЙ РЕВАНШ

Что же происходило в те годы в стране, с которой в 1941 году на поле боя встретятся наши солдаты?

В 1918 году закончил свое историческое бытие Второй райх, созданный победоносным прусским оружием и немецкой классической философией. Разгромив в 1871 году Францию, Наполеона III, Вильгельм I короновался в зеркальном зале Версальского дворца. Европейское общественное мнение, и российский в том числе, было на стороне Пруссии. Всех задирал Наполеон III, тот, который послал войска против России в Крымскую войну. Восстание немецкого народа против Наполеона Бонапарта, говорили пронырчатые умы, было невозможно без лекций Канта и Фихте. Победа в 1871 году и создание Второго райха, при прочих равных условиях, было немыслимо, кроме известных героев Бисмарка и Мольтке, без учения Гегеля о государстве. В 1918 году кончился райх, созданный Вильгельмом I, тем самым, который семнадцатилетним юношей в 1812 году поднял в штаны Калужский мушкетерский полк и заслужил орден Святого Георгия IV класса.

Россия в 1914 году вступила, на свою беду, в войну со Вторым райхом. Адмирал Тирпиц писал: "Я не знаю, найдется ли в мировой истории пример большего ослепления, чем взаимное истребление русских и немцев ад *majorer gloriam* ("к вшему прославлению", — *лат.* англосаксов". В 1903 году Тирпиц приезжал в Россию. Императрица, не любившая немцев, старалась не оставлять Николая II наедине с создателем германского флота. Но царь успел сказать фон Тирпицу: "Я никогда не буду воевать против Германии".

Война началась — на радость тем странам, которые воевали против России в Крымскую войну, стремясь ее уничтожить и лишить флота на Черном море. В Первой мировой войне участвовало 32 государства с населением в полтора миллиарда человек. Погибло в войне 10 миллионов человек и ранено 20 миллионов. Как бы ни рвалась к реваншу Франция, вернувшая Эльзас и Лотарингию, по сути, это

была война Англии против Германии. Англия вновь чужими руками добила своей цели. Два исторических врага Англии — Россия и Германия — лежали в руинах и лишились престолов.

После низложения Наполеона Европу умиротворяли двое, потому с Францией обошлись великодушно. Германию в 1918 году не умиротворяли, но *наказывали* уже буржуа, по-русски мешане. Они обобрали Германию контрибуциями, отрезали от нее земли, населенные немцами, в пользу Франции, Чехословакии, Польши. Запретили строить военные корабли, самолеты и танки.

Германии разрешили держать армию численностью не более ста тысяч человек. Тогда и родился миф о "ноябрьских предателях" — немецких коммунистах, вонзивших в Германию "нож в спину". Немецкий народ, и особенно его военная каста, не желали признавать свою виновность в развязывании войны. Тем более они не признавали поражения. Конец войны застал немецкие армии всюду на чужих территориях. Они не были серьезно разбиты ни в одной битве. Весной 1918 года немецкая армия стояла ближе к Парижу, чем в 1914 году. Фельдмаршал Фердинанд Фох признал: "Если Франция не была стерта с лица Европы, то этим мы прежде всего обязаны России". Но о своей спасительнице России во Франции быстро забыли.

Казалось, Германия обречена на смуту, деградацию и нищету. Были созданы добровольческие корпуса "для борьбы с мятежами и диверсантами". Появился "черный райхсвер" — тайная армия, состоящая в основном из фронтовиков, офицеров и унтер-офицеров. Укрепились союзы ветеранов "Стального шлема". Даже возродились древние тайные "суды фемы", которые расправлялись с "предателями" национальных интересов. Германия в составе 100-тысячного райхсвера сохранила закаленный, стойкий и вышколенный слой унтер-офицеров, которому не было равных в мире. Унтер-офицеры — это "средний класс" любой армии и ее хребет. Но еще более высокими показателями обладал офицерский корпус. Создатель райхсвера фон Сект даже стал утверждать, что наступила эпоха отборных армий. Генерал де Голль называл в своих трудах такую армию "профессиональной". Слово "отборная" здесь уместнее. В сотысячный райхсвер было набрано четыре тысячи офицеров.

Здесь мы подошли к сердцевине мировой проблемы. Качество этих четырех тысяч бывших фронтовиков-офицеров и будет главным на чаше весов Второй мировой войны, где уже за оружие возьмутся 90 миллионов мужчин. Среди них, похоже, не было, говоря нашей гулаговской лексикой, ни одного "блатного". Из этих четырех тысяч через два десятка лет вырастут 29 фельдмаршалов Третьего райха. Еще десяток достойных этого звания не получат его, потому что Гитлер поклялся после Сталинграда не присваивать этого звания. В числе обделенных оказался и апостол танковой войны Гейнц Гудериан, и многие другие выдающиеся танковые генералы, как Ханс Хюбе, Хассо фон Мантойфель и Вальтер Венк. Из 29 будущих фельдмаршалов 25 не имели к 1919 году звания выше майора, но все они были ранены и награждены высшими орденами Германии.

За плечами этих обстрелянных офицеров были уже кадетские корпуса, академии и четыре года войны. О наличии коммунистов в мире они слышали, но вряд ли кто-либо слышал о существовании на свете Адольфа Гитлера. Большинство из четырех тысяч были пруссаками, а половина из них имела дворянскую приставку "фон". За их плечами были столетия орденового служения их предков Германии. Предки Эриха Манштейна участвовали в крестовых походах. Дед Хассо фон Мантойфеля был военным министром при кайзере Вильгельме. Род фон Рундштедтов был известен с 1109 года, со времен нашего Владимира Мономаха. Отцы их были кайзеровскими генералами и корпусными командирами. Австрийским эсфрейторам нечего было их научить. Поэтому Гитлер никогда им не доверял, а они отвечали ему скрытым презрением.

Четыре тысячи офицеров явились продуктом многовековой работы германской цивилизации и ее военно-рыцар-

ского сословия, доведенного в Германии до жреческой касты небожителей. Когда Фох говорил о том, что Россия спасла Францию, он имел в виду разгром 8-й немецкой армии фон Притвица, которую совершила русская армия генерала фон Ренненкампа. Последний был перед войной едва ли не национальным героем. Он служил русскому трону, как и все остзейские потомки меченосцев, с орденской непоколебимой верностью. После революции, уже в отставке, был разорван в Таганроге расстрелянной солдатней в плебейской ненависти к любой иерархии. Осанка старого генерала была непереносима для черни. Из той же «классовой» ненависти к прусскому военному сословию мы столетия после падения рейхстага оказались едва ли не единственной страной, которая не извлекла уроков из прошедших битв. В книгах о войне практически нет анализа оперативного искусства противника. И самое страшное, нет даже намека на изучение опыта воспитания и обучения войск. А речь идет о необычном противнике.

В двух мировых войнах немцы в процентном отношении теряли меньше солдат, чем русские, англичане, французы и американцы. После разгрома Третьего рейха американцы, уже на компьютерах просчитав все данные о сражениях, пришли к выводу, что одна немецкая дивизия на поле битвы стоила четырех американских, трех английских и двух русских (что касается последних, то речь не идет о соединениях, где ядром являлись сибиряки или морская пехота, ибо эти соединения были равны немецким во всем и даже превосходили их). Немцы лучше всех обучали войска со времен кайзера и даже Фридриха Великого. Хуже всех обучали мы. И если в Отечественной войне смогли противостоять лучшей армии мира, как один к двум, то это за счет феноменальной стойкости и беззаветности простых русских солдат. Не пора ли нам осмыслить наконец уроки войны, которая стоила нам столько жертв!

Из 29-ти фельдмаршалов Третьего рейха шестеро были представителями Люфтваффе (военно-воздушные силы) — это Герман Геринг, Эрхард Мильх, Альберт Кессельринг, барон Вольфрам фон Рихтгофен и риттер Роберт фон Грайм. Мы не можем не упомянуть их, когда речь идет о «войне моторов», ибо танки действовали в тесном и прямом взаимодействии с авиацией. Из остальных двадцати трех фельдмаршалов Гитлера тринадцать были пруссаками, и все эти тринадцать пруссаков были потомственными дворянами. Но все двадцать девять фельдмаршалов были с молодости сторонниками, пусть и в разной степени, подвижных войск и танков как ударной силы сухопутной армии. Не всем это давалось легко, особенно пехотным генералам. Быстрее усваивали новую роль танков кавалеристы, как Эвальд фон Клейст или Вальтер фон Райхенау. Ряд фельдмаршалов командовали танковыми корпусами — Эрвин Роммель, Фердинанд Шефнер или Эрих фон Манштейн, который 22 июня 1941 года возглавил 57-й танковый корпус в группе армий «Север». Кстати, на Русском Севере, на берегу озера Ильмень, будет похоронен и его сын, пехотный лейтенант 19-летний Геро фон Манштейн.

Гейнц Гудериан уверовал в танки как в новую религию войны и вел пропаганду маневра и брони с яростью и упорством фанатичного миссионера, который от трудностей и сопротивления только прибавляет в силе. Масштабный генерал Людвиг Бек, начальник Генерального штаба, выпускник основательной школы Гельмута фон Мольте, пытался осязавать Гудериана. Особенно ворчал и гневился Бек при упоминании тех положений устава танковых войск, которые требовали от командиров всех степеней всегда находиться в боевых порядках впереди своих войск. Бек не был малодушен, таких не было среди четырех тысяч отборных офицеров райхсвера, но он был правопорядочный ученик Мольте. Он не мог уразуметь, как военачальник будет руководить боем без карт и телефона, и с укоризной спрашивал Гудериана: «Разве вы не читали Шлиффена?» На доводы Гудериана о радиолокации танков Бек только фыркал. Ссылка же на Шлиффена должна была действовать неотразимо. Один из столпов немецкого генералитета фельдмаршал фон Гинден-

бург, автор «Тотальной войны», считал графа фон Шлиффена самым великим военным, которого когда-либо знала земля. Не будем легковесно отмахиваться. Граф фон Шлиффен был подлинным военным гением, который довел до совершенства положение своего учителя Гельмута фон Мольте «Большо бити и меньше говорить», которое журналисты окрестили трескучим определением «молниеносная война». Шлиффен внушал своим последователям, что любая «война должна начинаться весной и кончаться с первым листопадом». Суворову, с его «глазомером, быстротой и натиском», пришлось бы по душе эта теория. Впрочем, то, что проповедовал Шлиффен, было мечтой великих полководцев всех времен.

Теперь пламенную мечту молчаливого Шлиффена должны были осуществить танки при поддержке всех родов войск, и, прежде всего, авиации. Гудериан пришел к этой мысли в размышлениях об униженном версальскими соглашениями Германии. Он сам признался, что толчком к его интересу к бронетехнике явилось запрещение Антанты иметь на вооружении рейхсвера танки. Он решил, коли враги Германии запрещают ей иметь танки, значит, они заслуживают особого внимания. Технику же бывший кавалерист Гудериан всегда любил. Танк для Гудериана стал как бы орудием возмездия за угнетение и унижение Германии. Так что семена, брошенные Гитлером, упали на взрыхленную почву.

В 1935 году канцлер Адольф Гитлер подписал закон о всеобщей воинской повинности и отменил все пункты Версальского договора. На следующий год, к ужасу Гудериана, Генеральный штаб сформировал танковые бригады для поддержки пехоты и кавалерии. Это был путь к гибели всей идеи танковой войны. Все вчерашние противники Германии придерживались ложной и отсталой теории о служебной роли танков. Если и Германия пойдет по этому пути, то мечты о рванье и реализации на практике идеи Шлиффена о быстром разгроме противника можно похоронить.

Гудериан пишет книгу «Внимание, танки» зимой того же, 1936 года. Он выступил против тех, кто не верил в оперативную роль танков. Гудериан доказывал, что танковое наступление не бессмыслица, а надежда Германии, окруженной врагами, что в наступлении танки — основной род войск, не имеющих соперников. Танки надо не раздавать пехоте, а напротив, отобрать у них, и, собрав в кулак, двинуть первым эшелонном. Гейнц Гудериан обращал внимание на то, что смелое использование танков уменьшает людские потери. Не пехота должна проглатывать оборону и уступать путь армии телами, а бронированный кулак обязан взламывать укрепления и рассекать фронт, используя авиацию и десант. В 20-х годах на полигоне Ютербог, что около Вюнсдорфа и Цоссена (где 50 лет был штаб Западной группы войск), энтузиасты проводили маневры с участием танков. Вместо танков использовали макеты, обтянутые бумагой. Местные любознательные школьники протыкали эти «танки» карандашами, чтобы загнать их внутрь.

С приходом к власти в 1933 году Гитлера обстановка решительно изменилась. Фюреры были свойственны дерзновенные порывы канатоходца. Гитлер спешил и потому уверовал в танки не меньше Гудериана. В 1935 году были созданы три первые танковые дивизии. Одной из них командовал Гудериан. Он учит, что танк, двигаясь на поле боя в темпе пехоты, обречен на гибель. Никогда не следует забывать завет Фридриха Великого: «Чем стремительнее наступление, тем меньше жертв». Первым в мире признав бронетанковые силы основным родом войск, вермахт сделал решительный шаг к завоеванию Европы.

Годом ранее, 2 августа 1934 года, в возрасте 87 лет умер президент Германии фон Гинденбург. Ровно через три часа Гитлер упразднил должность президента и объявил себя фюрером немецкого народа и райхсканцлером. В тот же день было объявлено о рождении Третьего рейха и солдаты принесли присягу Адольфу Гитлеру — «райхсвер» стал «вермахтом». Присягу для Гитлера написал генерал Вальтер фон Райхенау. Гитлер говорил в свое время, что у него национал-социалистические воздушные силы, христианский во-

енно-морской флот и реакционная армия. Под последним определением фюрер подразумевал пруссаков-монархистов, ставших офицерами Третьего рейха.

Один из самых выдающихся генералов вермахта, будущий фельдмаршал Вальтер фон Райхенау, не был ни нацистом, ни христианином, ни реакционером. Райхенау, рослый, энергичный, спортивный и безжалостный пруссак, примкнул к нацистам из личного честолюбия и ненависти к марксизму. Близость к нацистам подразумевала негласный "отрактизм" всей офицерской корпорации прусских офицеров рейха. Это так серьезно, что стало единственной причиной, почему фон Райхенау не стал Главнокомандующим сухопутными силами Германии перед нападением на Польшу, несмотря на горячее желание самого фюрера. Интересно, что Гитлер перед смертью отдал власть представителю "христианского" военно-морского флота гросс-адмиралу Денницу, а в 1944 году казнил громадное число прусских офицеров, своих извечных врагов. Но для нас важно, что фон Райхенау, не заняв должности Главнокомандующего, получил под свое командование 4-ю армейскую группу, где были сосредоточены почти все подвижные силы вермахта — в том числе танковые корпуса Гейнца Гудериана, Германа Гота, Эриха Гепнера. Еще интереснее для нас то, что Райхенау позже будет командовать на Западе и Востоке 6-й армией, сделает ее одной из самых боеспособных и передаст ее незадолго до своего смертельного инфаркта Паулосу, который приведет ее в Сталинград.

Вальтер фон Райхенау с 20-х годов был энтузиастом танковых войск и сам тогда же перевел на немецкий язык несколько книг одного из английских "отцов" (наряду с генералом Фуллером) бронетанковых сил Б. Лиддел-Гарта. Последний окончил Кембридж, участвовал в Первой мировой войне и в 25 лет в 20-м году опубликовал учебник "Подготовка пехоты" (через три года книга издана у нас под названием "Основы тактики пехоты"). Лиддел-Гарт, как и Фуллер, отстаивал идею решающей роли бронетанковых сил. Нигде в мире он не встретил более внимательных читателей, чем в Германии. Впрочем, значительно позже его оценят по достоинству еще в одной стране. Лиддел-Гарт будет военным советником Израиля при первых шагах этого государства. И тогда Лиддел-Гарт призывает изучать опыт уже немецких генералов Второй мировой войны для подготовки к будущей войне против СССР.

Армия фон Райхенау была самой большой при вторжении в Польшу, и задача ей была поставлена самая ответственная — захват Варшавы. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Немцы впервые использовали массированно танки. За 18 дней страна была разгромлена. Поляки не ожидали, что они будут воевать с Германией, по сути, в одиночестве. К немцам попали в плен 694 тысячи поляков. Из тридцатимиллионного населения Польши 10 миллионов приходилось на украинцев и белорусов из вчерашних областей Российской империи. Красная Армия перешла границу Польши на всем протяжении. Четвертый раздел Польши свершился. В плен Красной Армии попали 217 тысяч польских солдат и офицеров. Отчаянное сопротивление поляков было всюду сломлено.

Впереди был май 1940 года, когда уже Западная Европа содрогнется от поступи немецких танковых колонн, и три полумиллионные армии (английская, бельгийская и голландская) будут сокрушены, а самая сильная в Европе французская армия разгромлена. То будет одна из самых поразительных кампаний в мировой военной истории.

Наступило поистине время танков.

Но одновременно этот разгром союзных армий будет скорее не победой Гитлера, а торжеством графов фон Мольтке и фон Шлиффена — создателей лучшего в мире офицерского корпуса — прусской орденской корпорации.

Но прежде посмотрим, что пишет "апостол" танковых битв Гудериан в "Воспоминаниях солдата". Будем внимательней. Гейнц Гудериан, кайзеровский кавалерийский офицер и пруссак, излагает тайну основных побед вермахта во Второй мировой войне, тайну, оставшуюся до сих пор не-

постижимой для очень многих военных, обремененных властью. Вот его слова: "В 1929 году я пришел к убеждению, что танки, действуя самостоятельно или совместно с пехотой, никогда не сумеют добиться решающей роли (six!). Изучение военной истории, маневры, проводившиеся в Англии, и наш собственный опыт с макетами укрепил мое мнение в том, что танки только тогда сумеют проявить свою полную мощь, КОГДА ДРУГИЕ РОДА ВОЙСК, НА ЧЬЮ ПОДДЕРЖКУ ИМ НЕИЗБЕЖНО ПРИХОДИТСЯ ОПИРАТЬСЯ (выделено Гудерианом. — К.Р.), будут иметь одинаковую с ними скорость и проходимость, в соединении, состоящем из всех родов войск, действовать в их интересах. Поэтому необходимо не вводить танки в состав пехотных дивизий, а создавать танковые дивизии, которые включали бы все рода войск, обеспечивающие эффективность действий танков".

Мудрость Гудериана здесь не в том, что у него отсутствует призыв к взаимодействию. К этому дежурно призывали все. Здесь — согласование всех родов повелительно в интересах танков.

Никто в мире до сих пор не выразил лучше дух военных сражений во Второй мировой войне. И тогда большинство генералов рейхсвера, а позже и вермахта, приняло идею Гудериана с возмущением. Одна только мысль, что все должны действовать в интересах танков, приводила иных в исступление. Но самые одаренные генералы вермахта оценили новую роль подвижных войск по достоинству. И танки, таким образом, стали даже как бы фактором отбора талантливейших полководцев.

Мы шли к пониманию этой идеи все четыре года войны, через поражения, "котлы", кровь, потери, пленных, и смогли воплотить эту мысль в дело в основном только в 1945 году, когда Жуков бросил четыре наши танковые армии с берега Вислы к Одере в прорыв, оторвав их от пехоты. И Европа содрогалась уже от гула русских танковых армий. Но даже и тогда то и дело слышались окрики из Ставки.

А начало новой роли танков в военных действиях было положено, когда на рассвете 10 мая 1940 года немецкие армии начали наступление на фронте от Северного моря до линии Мажино.

В Первую мировую войну, в строгом соответствии с планом фон Шлиффена, большая часть кайзеровской армии должна была проутюжить Бельгию, и всей мощью с севера через Фландрию навалиться на Францию и захватить Париж, сметая со своего пути противника. Суровый молчаливый Шлиффен даже позволил себе почти поэтическую метафору, заметив, что "правофланговый коснется плечом Ла-Манша". Наличие танков и самолетов зародило в лучшем немецком оперативном уме Эриха фон Манштейна сколь гениальную, столь и смелую идею. В Первую мировую план Шлиффена сорвали русские. Теперь договор с Кремлем обещивал немцам тыл. Манштейн предлагал вновь начать войну по плану Шлиффена и всей мощью навалиться на Голландию и Бельгию. Заманить в Бельгию основные силы французов и англичан, затем неожиданно, через Арденны, бросить танковую группу, форсировать Маас, пройти Седан и достигнуть Абиля в устье Соммы и выйти к Ла-Маншу. Отсесть танками основные силы противника и в бельгийском "мешке" разгромить их.

Самым авторитетным и старшим по чину в вермахте был тогда генерал-полковник 64-летний Герд фон Рундштедт. В 1920 году он был подполковником и награжден за войну Железным крестом 1-й степени и орденом Дома Гогенцоллернов. Когда в 1893 году Герд фон Рундштедт получил первое офицерское звание, Адольфу Гитлеру было только три года. Ни к кому из своих генералов Гитлер не испытывал такого сложного чувства, как к фон Рундштедту. Это чувство — смесь уважения и почти эстетического благоговения. На жреческо-кастовом аристократизме фон Рундштедта лежал ответ первых крестоносцев и поколений отважных и надменных прусских рыцарей, но главное — вояк золотого, кайзеровского века. Фон Рундштедт

не был косым генералом и отдавал должное гусеницам и моторам, то есть танкам и авиации. Он поддержал план Манштейна. Но большинство генералов, кроме, разумеется, Гудериана, отнеслись к дерзкому плану Манштейна недоверчиво. Тогда Манштейн изложил план лично фюреру. Гитлер даже вжался в кожаное кресло, так пронзил все его существо игрока замысел Манштейна. С этой минуты уже никто не мог бы убедить фюрера, что это не его собственная идея, которую он всегда носил в себе как тайное оружие против врагов Германии.

Итак, 10 мая 1940 года началось. Кампания была продумана с немецкой тщательностью и организованностью. Танковой группой поручено командовать Эвальду фон Клейсту. Он четыре года провел в Первую мировую на русском фронте. Фон Клейст не скрывал своих монархических убеждений и верности прусской военной традиции. Всю Вторую мировую войну фон Клейст носил желтые кавалерийские эполеты вместо красных, положенных генералам. Род фон Клейстов дал Германии трех фельдмаршалов. Один из них, Фридрих фон Клейст, выиграл сражение при Лаоне в 1814 году у самого Наполеона. Из рода Клейстов 31 человек получили синие кресты ордена *Pour le Mérite* — высшие боевые награды. Гитлер с прусской кастой всегда чувствовал себя чужаком и недолюбливал эту породу, хотя утверждал, что смысл национал-социализма заключался в отборе породы господ.

Фон Клейсту дали пять из десяти танковых дивизий вермахта. На острие его танковой группы поставили корпус Гудериана с тремя танковыми дивизиями. За группой фон Клейста двигалась армия Зигмунда Листа. У Клейста — на северном фланге танковый корпус Рейнгардта, а на южном — Гудериана. Сходную задачу выполнял корпус Гота. Будем внимательны. Все упомянутые здесь генералы на следующий год появятся в пределах России.

Итак, танки Эвальда фон Клейста должны были пройти известковые холмы, болота и заросли Арденн и, появившись на берегу реки Маас и форсировав ее, вратиться к океану, не обращая внимание на фланги и тылы, сминая противника. Укрепления на Маасе при выходе из Арденн были слабы, противник не ожидал прохода здесь крупных подвижных частей. Авиация нанесла удары на всю глубину и по всему фронту. Парашютисты, выброшенные за линию фронта, несмотря на потери, удерживали мосты и переправы через каналы и реки.

Самым эффективным и легендарным стал захват парашютистами мощного форта Эбен-Эмаэль в Голландии, охраняющего подступы к каналу Альберта и узлу дорог. Форт был сооружен всего за пять лет до войны. Гарнизон ожидал чего угодно, но только не десанта бесшумных планеров. На рассвете на крыши и во двор форта сели планеры, из которых высочили специально обученные диверсанты. Они до этого долго тренировались в глубине Германии на макете форта в натуральную величину. Парашютисты подорвали заряды выходы из казематов, забросали торчащие из бронеколпаков стволы пушек гранатами, подавили пулеметные гнезда и пригрозили гарнизону взорвать заряды, спущенные в вентиляционные колодцы. Защитники грозного форта сложили оружие. Десантники потеряли только пять человек. Взятие форта Эбен-Эмаэль стало одним из показательных того, что «блицкриг» удаются только самым подготовленным армиям.

Когда танки Клейста подошли к Маасу, французский главнокомандующий Гамелен был убежден, что Гудериан не станет переправляться, пока не подойдет армия Листа. Это умозаключение пришло бы в голову 99-ти генералам из 100 во всем мире. Так было принято во всех армиях. Но Гудериан не относился к 99-ти генералам. «Быстроходный Гейнц» был один из сотни.

Однако действие танков в отрыве от пехоты, заставило сильно нервничать командование вермахта. 16 мая последовало самое страшное для Гудериана и всей кампании распоряжение Герда фон Рундштедта остановить на сутки наступление, чтобы подтянуть пехоту и тылы. Гудериан был

известен всей армии своей необузданностью и своенравием, особенно когда встречался с косностью в понимании оперативного значения танков. Рундштедт передал этот приказ через командующего танковой группой Эвальда фон Клейста. Между Гудерианом и фон Клейстом произошла резкая перепалка. Гудериан потребовал снять его с должности командира корпуса. Клейст согласно кивнул и велел сдать корпус. Ситуацию вскоре разрядил командующий 12-й армией генерал-полковник Зигмунд Лист. По поручению Рундштедта он велел передать Гудериану, что приказ остановить исходит не от Клейста и даже не от Рундштедта, а от самого Гитлера. Гудериану запретили оставлять корпус. Лист, чтобы не нарушать приказ фюрера и в то же время не стреножить неукротимого Гудериана, разрешил ему вести разведку боем, «но не трогать с места штаб корпуса». Гудериан эту дипломатическую расценку на свой манер. Он двинулся вперед, запретив своим подчиненным связываться с ним по радио, чтобы его местонахождение не раскрыло начальство. Для связи Гудериан тянул за собой от штаба телефонный провод. 18 мая ни Гудериана, ни Рейнгардта Ставка больше не сдерживала. Танки Рейнгардта ворвались в Ле Кателе и захватили штаб 9-й французской армии, подвергнув его разгрому. Спасся бегством один только командующий армией генерал Жиро. На следующий день он был схвачен и пленен поварами немецкой полевой кухни.

20 мая 1940 года 2-я танковая дивизия Гудериана взяла Абельн на Сомме. Вечером того же дня один танковый батальон достиг Ла-Манша. Тем временем 1-я танковая дивизия утвердилась на берегу Соммы, готовясь войти в Перрон. Гудериан послал 10-ю танковую дивизию на Кале, а лучшую свою 1-ю танковую дивизию к Дюнкерку. 17 мая генерал фон Райхенау взял Брюссель. Через 10 дней Бельгия капитулировала.

Голландия сложила оружие еще 15 мая, продержавшись 5 дней. Тогда же взорвала звезда Эрвина Роммеля. Он получил 7-ю танковую дивизию под свое командование, плохо вооруженную, расстроенную и укомплектованную благодушными тюрингцами. В короткий срок, не щадя, по обыкновению, ни себя, ни подчиненных, Э. Роммель преобразил дивизию. На ее долю выпали самые жестокие бои. В первый день войны 10 мая танки Роммеля вошли в Бельгию. Форсировав Маас, танкисты Роммеля разбили 1-ю бронетанковую дивизию французов и отбросили их же североафриканскую дивизию. Около Араса Роммель отбил серьезное контрнаступление англичан. Затем у Фекана разгромил 31-ю моторизованную дивизию французов и захватил порты Сен-Валери и Шербур. После этого 7-я танковая дивизия Роммеля потрела и взяла в плен 51-ю британскую пехотную дивизию вместе с ее командиром.

За полтора месяца боев Роммель потерял 2594 человека убитыми и ранеными. За эти же шесть недель дивизия Роммеля взяла в плен 97 тысяч солдат противника. В числе плененных оказались командующий французским Атлантическим флотом, 4 адмирала и 17 генералов и 458 танков. Роммель, казалось, был воплощенным духом войны и обладал магнетическим воздействием на солдат, воздействием, не поддающимся объяснению здравым смыслом. Кажется, он единственный немецкий фельдмаршал, не побывавший в России.

Когда немцы захватили все порты на побережье, последним спасительным для союзников портом оставался Дюнкерк. 23 мая, когда танки вышли к Дюнкерку, последовал один из самых противоречивых приказов всей войны — Гитлер приказал остановиться. В «котле» оказались 337 тысяч солдат и офицеров. Из них 224 585 британцев и 112 546 французов.

Гитлер мог раздавить танками прижатых к морю союзников в Дюнкерском котле. Но он велел танкам остановиться. Фюрер дал возможность англичанам уйти, надеясь великодушным склонить британцев к миру с Германией. Под дулами немецких танков и гуд баражирующих самолетов союзники спешно грузились на эсминцы, катера, углевозы, яхты, моторки, парусники. Весь маломерный флот англи-

чан, кажется, бросило спасать попавших в беду соотечественников. Это было и драматическое и волнующее зрелище. Но Гитлер ошибся. То, что он считал дружелюбным актом по отношению к расово близкой нации, стало, по сути, неизлечимым военным оскорблением для гордых британцев. Такое торжество победителя трудно пережить.

5 июня 1940 года смолкли последние выстрелы в районе Дюнкерка. Французы потеряли более половины кадровых дивизий и большинство своих танков. У Франции было еще 66 дивизий, но их участь была предопределена. Маршал Максимилиан Вейган еще 25 мая заявил, что смысл сопротивления заключается только в почетной капитуляции. С таким настроением лучше не воевать вовсе. Вскоре Вейган, славный сподвижник Фердинанда Фوشа в Первую мировую и виновник разгрома Тухачевского в 1920 году под Варшавой, объявил Париж открытым городом. 14 июня немцы вошли в Париж и приняли капитуляцию Франции в том же Компьенском лесу, где они в ноябре 1918 года приняли условия Антанты.

Вершиной всей кампании 1940 года стал бельгийский "котел", в котором немцы разбили армии четырех европейских государств. Возмущенным это стало по многим причинам, но главной являлся дерзкий бросок через Арденны к океану танковой армии фон Клейста с Гудерианом на острие. Сам Гудериан напишет: "В успех которого никто, собственно, не верил, кроме Гитлера, Манштейна и меня!"

Нелишне напомнить, что перед началом кампании 1940 года у союзников было 4800 танков, у Германии — 2200. Французские танки превосходили немецкие по броне и калибру пушек, уступая в совершенстве управления и в скорости. Но экипажи немецких танков многократно превосходили всех противников по выучке, организации, самостоятельности и напору. Гордостью кайзеровской армии был вышколенный, преданный и стойкий слой унтер-офицеров, равного которому не было ни в одной армии. Унтер-офицеры каждой армии являются ее хребтом, воспитывающим рядовых. Но унтера не падают с неба, их воспитывают офицеры. Те четыре тысячи кайзеровских офицеров 1920 года выдвинули не только фельдмаршалов, но и командиров дивизий и полков, которые обеспечили вермахту победы и стойкость при поражениях. Вот уже столетия, как все военные историки, заигнорированные победами и злодеяниями фашистов, связывают все события только с именем Гитлера, невольно демонизируя и возвеличивая фигуру. Гитлер пришел к власти в 1933 году. Войну развязал в 1939 году. Офицерский корпус создается веками. Тот, кто полагает, что за 6 лет можно создать лучшую в мире армию, заслуживает если не освидетельствования, то, по крайней мере, сострадания. Принимая или замалчивая сильные стороны противника, мы уже столетия унижаем наших павших отцов и братьев, сумевших пережить хребет такому грозному зверю, как вермахт, и не извлекаем урок для новых поколений.

НАКАНУНЕ

Перед войной у нас в стране было только два известных танковых генерала, добившихся права возглавить Бронетанковое управление. Первый — это выходец из костромской деревни Дмитрий Павлов. Рядовым он воевал в Первую мировую войну, а в 1922 году окончил Омскую высшую кавалерийскую школу. Позже, в конце 20-х годах, прошел положенные курсы в академии имени Фрунзе и Военно-технической Академии. Перед службой в Испании он командует мхбригадой два года, а затем в Испании танковой бригадой. Вернулся домой Героем Советского Союза и сделал стремительную карьеру, как оказалось, себе на беду. В 1940 году он уже генерал армии и командует войсками Белорусского Особого военного округа. Именно на него Сталин взвалил вину за прорыв немцев, развал фронта и потерю управления войсками в начале войны, и в июле 1941 года Павлова расстреляли.

А до войны с 1937 года вчерашний танковый комбриг командовал Бронетанковым управлением. Это самое плодотворное время в конструировании бронетехники, время танков, время Кошкина. Но мы не можем сказать, что бронетанковые начальники поддерживали разработку Т-34. Им более импонировал скоростной танк Кошкина А-20 на колесно-гусеничном ходу. Как мы помним, гусеничный Т-34 упрямо проталкивал Сталин. Павлов был храбрым танкистом, но, видимо, остался на уровне напористого, властного комбрига. Он не был танковым стратегом и, несомненно, уступал в военной выучке немецким генералам. И вырасти в полководца, как другие во время войны, он не успел.

Павлова в Главном Автобронетанковом управлении (ГАБТУ) сменил Яков Федоренко. В 30-х годах он окончил положенные ускоренные курсы партийно-политической подготовки, а затем учился в Академии имени Фрунзе. На пост начальника ГАБТУ он пришел из Киевского Особого военного округа. Федоренко всю Великую Отечественную будет начальником ГАБТУ и главным танковым военным в стране. В 1944 году Федоренко получил звание Маршала бронетанковых войск. Несомненно, он проявил в войну деловые качества военного администратора, но административный и комиссарский уклон в нем был сильнее танкового.

Беда была в том, что, и для Павлова, и для Федоренко все положения теории глубокой операции с использованием подвижных сил были формальными, а не выстраданными в боях и осмысленными, как символ новой воинской веры. Да и сама концепция глубокой операции, которой мы гордились как выдающимся достижением советской военной мысли, не несла в себе ничего нового, кроме того, что, обобщив опыт Первой мировой войны, предлагала танкам при поддержке авиации продавливать оборону противника и развивать успех на оперативную глубину.

Судя по количеству танков и самолетов, которые власть перед войной "наклепала" в голодной и раздетой стране, руководство рассчитывало просто завести моторы и с революционными песнями проутюжить врага мирового пролетариата, не особенно при этом обучая воинский состав, не имея вышколенного офицерского корпуса, не занимаясь развитием военной мысли и традиций. Но войска не имели столь необходимого боевого опыта, а те соединения, которые прошли закалку Испанией, Хасаном и Халхин-Голом, "распылялись" по другим частям, вместо того чтобы сводить их в отборные, ударные кулаки. Так, накануне войны у летчиков прифронтового Особого Киевского округа налет часов в среднем равнялся четырем часам. Не в лучшем положении были и танкисты.

Справедливости ради, еще раз напомним, что перед войной во всем мире правильно использовать в битвах танки умели только немцы. В этом тайна их ошеломляющих успехов, не случайно их самые выдающиеся военачальники были танковыми генералами — Гудериан, Роммель, Рейнгардт, Модель, Геппнер, Клейст. Даже Манштейн начал войну в России командиром танкового корпуса, а те, кто не были чистыми танкистами — Бок, Рундштедт, — восприняли дух новой войны и, судя по удару последнего в Арденнах, обладали настоящим "танковым темпераментом". Гитлер, вслед за генералами, со свойственной ему впечатлительностью тоже проникся идеей танкового натиска, когда поле перед панцер-частями "пашут" бомбардировщики, а истребители "чистят небо".

Все штабы в Европе (в Москве в том числе) признавали, в отличие от немцев, подчиненную роль бронетанковых сил как непосредственной поддержки пехоты и усиления кавалерии. Американцы вообще это положение превратили в догму и приняли даже специальный закон, где танковые части подчинялись пехотным командам. Потому законопослушные янки до Второй мировой войны разрабатывали только танки поддержки пехоты и за 15 лет до начала войны не создали ни одного серийного танка. Конечно, богатейшая страна с развитой индустрией, отделенная океанами, могла себе это позволить, и то — до поры до времени. Когда

в Европе уже полыхала война, беспечные янки все еще не имели бронетанковых войск — во всей армии было 20 средних танков и 300 легких танкеток наподобие гусеничных броневиков. США не располагали, если не считать традиционно сильного флота, и сухопутной армией. На весь их “континент” — несколько дивизий, давно позабывших, что такое война. Отсутствие опыта дорого им обошлось при встрече в Европе с обстрелянными немцами.

В СССР Полевой устав РККА 1939 и 1940 годов требовал от командиров всех рангов согласования и взаимодействия всех родов войск, но прежде всего в интересах пехоты (выделено мной. — К.Р.). Вот на поверку и вся декларированная глубокая операция. А ведь до сих пор в книгах по военному искусству и военных мемуарах можно прочитать: “Крупным достижением советской военной науки в 30-х годах явилась разработка теории глубокой наступательной операции как основного вида боевых действий в условиях маневренной войны. Основные положения этой теории были изложены в инструкции поведения глубокого боя, разработанной в 1932 году и являвшейся, по существу, руководством при организации и проведении боевой подготовки войск. Окончательно теория глубокой наступательной операции сложилась в середине 30-х годов. Глубокая наступательная операция представлялась многоактным действием, состоящим из ряда боев и сражений, которые могли развиваться одновременно или последовательно на большую глубину”.

Однако эта теория не предусматривала ни танковых клиньев, ни оперативной самостоятельности бронетанковых сил. Согласно ее положениям, первым этапом наступательной операции должен быть прорыв *тактической* обороны противника нанесением *фронтального* удара превосходящими силами пехоты и танков (всюду выделено мной. — К.Р.). Тогда общевойсковая армия с громоздкими дивизиями, вооруженными “трехлинейками” и тачанками, являлась основным оперативным объединением РККА. Тогда даже в военных училищах преподаватель с высшим образованием был редкостью.

Вот как на деле представляли осуществление глубокой операции. Вся наша глубокая операция — это взламывание обороны противника на глубину после шаблонной артиллерийской подготовки (применяемой со времен Первой мировой войны) и с ужасающими потерями пехоты при *поддержке* танков. Фронт предполагалось взламывать шириной 150 — 200 километров, продавливая как кувадалами ударными армиями оборону противника. Если позволяет погода, то поднять и самолеты. Предполагалось, правда, иметь две группы сил — одну для прорыва укрепленной линии, другую для развития успеха на глубину. Танков еще не было, когда создавалась эта теория, и успех на глубину должны были развивать конница при поддержке броневиков. Вот почему военное руководство так цеплялось за легкие танки поддержки (в том числе и Д. Павлов) и невзлюбило средний танк Кошкина.

При соприкосновении с противником наступательный бой рекомендовалось начинать следующим образом: сначала артиллерийская подготовка при поддержке авиации. Затем, под прикрытием огня артиллерии на исходные рубежи выдвигается пехота с таким расчетом, чтобы к началу атаки пехоты танки могли выйти к переднему краю обороны противника. В этих целях исходные позиции для танковых групп непосредственной поддержки пехоты выдвигались не далее трех — пяти километров от переднего края. И тут выход танков на передний край являлся сигналом для броска пехоты в атаку, которую рекомендовалось проводить безостановочно, не щадя крови, вплоть до овладения артиллерийскими позициями противника.

Наши военачальники довели эти установки до шаблона и догмы. В 41 — 42-м годах мы врубались после артподготовки фронтально так, что немцы тосковали от этих кровавых штампов и знали наизусть каждый наш последующий шаг. Немцы не устали поражаться нашей бесчувственности к потерям. Казалось, мы намеренно перемалываем свой на-

род в кровавой мельнице войны, а “союзники” цинично ждут, когда мы выскребем последние резервы из обесцененных просторов России.

А должно быть наоборот. Как на море всё авианосное соединение с крейсерами, эсминцами, подлодками, тральщиками действует в интересах ударного авианосца, так и на суше все силы действуют в интересах ударного танкового соединения. Почему можно сравнивать танки с авианосцами? Потому, что еще до войны владыкой океана стал авианосец, а точнее, самолет. С самого начала Второй мировой войны авианосцы с палуб которых взлетали пикировщики, торпедоносцы и бомбардировщики, смели с поверхности океанов линкоры, до того господствовавшие на морях. А кто владеет океаном, тот владеет миром. Даже на суше, где безраздельно господствует танк, появился у него самый опасный враг со времени танковой атаки на Сомме, и враг этот — все тот же самолет. На смену пикировщику пришел еще более опасный враг — вертолет. С хорошей позиции да врасплох вертолет может сжечь дюжину танков. Но против вертолетов нашлось оружие, не говоря о том, что танк может и в расщелину, а вертолет висит в небе без укрытий.

Но эти рассуждения — к слову. А тогда, накануне новой мировой войны, командование РККА не смогло учесть новый боевой опыт, не смогло овладеть новой военной, и прежде всего танковой, наукой.

В 1939 году немецкие танки всего за 18 дней покорили Польшу. А у нас в конце 1939 года танковые корпуса сформировали. Это самое убедительное доказательство того, что в РККА и Политбюро не понимали нового оперативного искусства, которое на их глазах продемонстрировал вермахт в Польше. Финская война подтвердила самые худшие предположения о неготовности к войне офицеров всех степеней.

Для того чтобы генералы всех родов войск единодушно работали на поле боя “в интересах танков”, нужна была или революция в умах, создающая высокую стратегическую культуру, или грандиозные кровавые поражения, которые мощным военным катарсисом очищают мозги и душу от догматического хлама.

Революционная армия, лишенная предрассудков, но не обремененная знаниями и традициями, пока еще не впитала в себя идею танковых прорывов. Жуков один к началу войны постиг своим широким кавалеристским умом роль подвижных технических сил. Он это показал в 1941-м под Бородами, когда контратаковал мехкорпусами и отнял у немцев драгоценные дни от “ближкриты”.

Нацисты же, можно сказать, творчески освоили идеи из книги Эймансбергера “Танковая война”, вышедшей в 1934 году. Это он ввел понятие “глубокая операция” и “танковые клинья”. Он предлагал во имя внезапности забыть об артиллерийской подготовке. Нацисты пошли дальше. Они впервые в истории войн отбросили постулат, который полководцы всех времен возвели в священную догму и требовали никогда не подставлять противнику флангов. Роммель и Гудеран, напротив, требовали забыть о флангах и, пока противник ошеломлен, мчаться по сходящимся линиям навстречу друг другу, не дожидаясь пехоты, пока танковые клинья не замкнут “котел” или не раскроют армии врага.

И недаром Роммель говорил: “Десять наших бронедивизий решили кампанию 1940 года во Франции”. Немцы действовали с каким-то безрассудным азартом и тем самым как бы гипнотизировали противника, который в шоке не мог осмыслить происходящее.

Роммель: “18 мая наши авангардные бронетанковые 4-й армии достигли линий Ле Като-Сен-Кантен, откуда сразу же устремились вглубь неприятельской страны, в направлении Аббевиля — нижнее течение Соммы... Наши фланги, тылы, весь наш фронт были натянуты втуго, до отказа, с риском вот-вот лопнуть... Будем же мчаться вперед, не оглядываясь ни направо, ни налево! Будем пользоваться “блесфом” и растерянностью англо-французов”. Это выдержка из приказа

командира танковой дивизии Роммеля, чья звезда взойшла на полях Бельгии и Франции.

Согласование и взаимодействие "в интересах танков" положили к ногам Гитлера всю Западную Европу. Внимательнейшим образом изучая ход боев в советско-финской войне (1939—1940) Гитлер был убежден, что с Красной Армией, лишенной традиций передового военного мышления и ударных частей, он покончит в одну кампанию и отдаст приказ о разработке программ плана "Барбароссы".

И еще один очень важный момент, существенно повлиявший на ход Второй мировой войны.

Историки Англии и Франции, со слов своих военных, уже столетия продолжают объяснять весенний разгром англо-франко-голландско-бельгийского фронта немцами в 1940 году превосходством нацистских пикировщиков и танков. Тем же советские историки объясняют разгром и "котлы" 1941 года, добавляя сюда еще и внезапность. Это неверно. Американский генерал Риджуэй утверждал, и не без оснований, что боевой дух офицеров в Первой мировой войне был сильнее, чем во Второй. Этот упадок у французов был еще более разительным. Они, спрятавшись за линией Мажино, которую искренне считали неприступной, точнее, сунув голову вместо песка в линию Мажино, оставшейся частью тела молились обороне. А ведь перед 1914 годом французы исповедовали "элан" ("порыв" — *фр.*), когда им нужно было вернуть Эльзас и Лотарингию. Англичане располагали таким же офицерским корпусом, как и прежде. Но, судя по Дюнкерку и потерям на морях, дух времени коснулся их раньше других — только они умело это скрывали.

Надо заметить, что и строгие оценки РККА, которые давали немецкие генералы, были близки к реальности, за исключением, пожалуй, одного фактора, но самого главного на войне, и особенно тотальной. Фактор этот — боевой дух народа в целом.

Это может показаться парадоксальным, но впервые за десять веков своей истории русский народ готовился к войне, и он был действительно готов к ней, особенно молодое. Даже при миллионах пленных красноармейцев в 1941—42 годах, при "котлах", панике и дезорганизации, была и другая война, которая и сорвала под Москвой гитлеровские планы.

Лучше всего предоставлять в таких случаях слово противнику. Вот что свидетельствует генерал К. Типельшпирх: "Убедительно было упорство противника; поражающее количество танков, участвовавших в его контратаках. Это был противник со стальной волей, который безжалостно, но и не без знания оперативного искусства бросал свои войска в бой. Для серьезных опасений не было никаких оснований, однако уже ясно одно: здесь не могло и быть речи о том, чтобы быстрыми ударами "разрушить картонный домик". Эта кампания не будет проходить так же планомерно, как прежде".

Таких свидетельств можно привести десятки. А это значит, что, уступая немцам в военном искусстве, мы были на одной с ними высоте по уровню боевого духа нации. У нас было тогда много пороков и ошибок, но в этой сфере мы оказались на высоте.

К примеру, до войны у нас не было ни одного фильма, который разрушал бы наступательный порыв обществу. Французы после войны обвиняли в разгроме Франции фильм "Набережная туманов", который ободрил нацию своей безысходностью. Беспорно, фильм "Набережная туманов" воевал против Франции. Что до Советской России, то все промахи режима на поле боя восполняли такие фильмы, как "Истребители", "Мы из Кронштадта", "Чапаев" и особенно "Трактористы", который, по сути, стал талантивым народным гимном танковой войне и все сметающим песенным духом помог молодым людям поверить в свои силы. Фильм "Трактористы" утверждал, что, "гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход". Фильм был эпически прост, народен и понятен. Там были сло-

ва: "враг будет бит повсюду и везде". Вот за этот былинный дух, явленный в самый ответственный для России момент, фильм "Трактористы" можно назвать лучшим довоенным фильмом.

А экзамен боевого духа провела народная война.

ТАНКИ В 41-М

30 сентября 1941 года 1700 танков вермахта по приказу фельдмаршала Федора фон Бока завели моторы. 1390 самолетов 2-го воздушного флота фельдмаршала Кессельринга, лучшего и крупнейшего в Люфтваффе, начали свою адскую работу. Геббельс грозил, что крылья самолетов Геринга закروют солнце. Итак, командующий группой армии "Центр" фон Бок приказал из района Духовщины, что на Смоленщине, обойти Москву с севера 3-й танковой армией Рейнгардта. Гудериану велено из района Шостки через Орел и Тулу обойти Москву с юга. Две танковые армии должны были окружить Москву и с лязгом бульдозей хватки замкнуть клещи в районе Ногинска. В центр из района Рославля наносила удар 4-я танковая армия Гепнера.

Битва под Москвой будет греметь полгода. Точнее — 6 месяцев 20 дней, с 30 сентября 1941 года до 20 апреля 1942 года. Но прежде чем вернуться под Москву, где решится, по существу, судьба всей войны, вспомним 22 июня 1941 года, когда в 5.30 утра германский посол фон Шуленбург в кабинете Молотова вручил Кремлю объявление войны.

В те минуты советскую границу вермахт перешел тремя группами армий, в каждой по воздушному флоту. У трех групп армий — четыре танковые армии. На север к Ленинграду устремились дивизии фельдмаршала фон Лебеа с танковой армией генерал-полковника Гепнера. На Киев с юга двинулись войска фельдмаршала фон Рундштедта с танковой армией генерал-полковника фон Клейста. Группе армий "Центр" фельдмаршала фон Бока, нацеленной на Москву, приданы, в отличие от соседей, две танковые армии — Гудериана и Гота. Когда они появятся под Москвой, за плечами у вермахта останутся четыре миллиона наших солдат, убитых и плененных после сражений и "котлов" Белостока, Минска, Умани, Киева, Вязьмы, Брянска, — названия этих городов станут вехами страшной военной катастрофы, которая станет расплатой за уничтожение в 1917 году русской армии, геноцид народа, поголовное истребление офицерского корпуса.

Каковы были соотношения сил в танках 22 июня между вермахтом и РККА? Немцы сосредоточили на Восточном фронте всего 3715 танков. Из них 500 танков трудно брать в расчет, потому что это были, по сути, танкетки Pz-II, которые по всем данным уступали даже нашим легким танкам БТ. Еще 1200 немецких танков (из числа 3175-ти) имели броню 22 мм, которую нельзя назвать противоснарядной. Остается 1700 новых немецких танков Pz-IV и Pz-III. Боевая масса Pz-III 19,5 т. Скорость 40 км/час. Вооружение — 37 мм полуавтоматическая пушка и три пулемета. С декабря 1941 года Pz-III получили 50 мм пушку. Ее броневый снаряд пробивал 75 мм, а подкалиберный — 115 мм броню (к середине 1943 года число модификаций на Pz-III достигло 12-ти).

Другой немецкий средний танк Pz-IV имел толщину лобовой брони 50 мм и бортовой 30 мм. Боевая масса 22 тонны. Он выпускался всю войну в десятки модификаций. На его базе выпускались штурмовые орудия и истребители танков. При нападении на Польшу у вермахта было всего 211 танков Pz-IV. Во время войны в Польше и на Западе у Германии в бронетанковых силах было представлено только 10 процентов средних танков Pz-III и Pz-IV.

На Восточном фронте вермахт располагал только 900 средними танками Pz-IV, которые по всем показателям уступали нашим средним 1225-ти танкам Т-34. При этом к 22 июня 1941 года вермахт не располагал ни одним тяжелым танком в своих боевых порядках.

Легендарный Т-34

Чем же располагала Красная Армия к началу войны? Перед Второй мировой войной танковый парк всех государств мира, кроме СССР, составлял 18 тысяч машин. У Красной Армии было 30 тысяч танков! (Жуков называет цифру 32 тысячи.) Выходит, у РККА в строю почти в два раза больше танков, чем у всего мира! Если вспомнить о том, что танки — оружие нападения, то следует признать, что план «назло буржуям мировой пожар раздуем» к 1941 году не потерял ни одной буквы. Полураздетый, голодный, живущий по продкарточкам, окруженный по периметру границ следовой полосой с колючей проволокой, при взорванных пустых церквях и переполненных тюрьмах народ был мобилизован для захвата мира. Полстолетия пропаганда промывала остатки мозгов атеистам о численном превосходстве немецких танков, внезапно напавших на миролюбивую колхозную страну.

Мы уже упоминали, что у вермахта на Восточном фронте из 3715 танков выдвинуто 1700 средних танков Pz-III и Pz-IV. Мы же в числе 32 тысяч танков располагали 2261 танком новых типов, которые могли передавать и разметать любые танки вермахта. Какие танки входили в это число новейших наших танков, о наличии которых не подозревал противник?

Это — 1225 средних танков Т-34 и 400 противоснарядных средних танков Т-38. К ним прибавим 636 тяжелых танков КВ («Климент Ворошилов», неуязвимых и грозных, выпущенных Путиловским (Кировским) заводом. Если немцы называли КВ «Духов панцер», то американцы прозвали его «полностью русский танк». КВ-1: боевая масса 47,5 тонны. Экипаж 5 человек. Пушка 76 мм, броня 75 мм и 3 пулемета. У КВ-2 (1940 — 1941 гг.) вес 52 тонны и пушка-гаубица 152 мм. Что значит «полностью русский танк» КВ, видно из боя лейтенанта Павла Гудзя под Москвой. У Волоколамска он на своем КВ вступил в бой с 18-ю немецкими танками. Экипаж Гудзя подбил десять танков и расстрелял 4 противотанковых орудия. На броне КВ осталось 29 вмятин от вражеских снарядов. Напомним еще раз, что Германия вступила в войну, не имея ни одного тяжелого танка.

Генерал-майор И. Вовченко бывал на фронте для оценки танков КВ и написал в книге «Танкисты»: «...В руках опытных водителей танк КВ отработал в походе и бою по пять тысяч часов, машины прошли без ремонта моторов по три тысячи километров. Это почти в три раза больше, чем предусмотрено техническими условиями эксплуатации танков. Семьдесят вмятин и три тысячи пройденных километров! На этих танках можно пройти до Берлина, без ремонта. Таково было единодушное мнение гвардейцев-танкистов 3-й бригады 7-го корпуса, которым командовал Павел Ротмистров. «КВ сейчас самый лучший танк в мире. Так и передайте в Москве», — сказал я конструкторам на прощание...»

Так и было до появления первых «тигров» и «пантер». Но еще до «тигров» состояние снарядов и брони выиграл снаряд. Немцы вступили в войну с подкалиберными снарядами. Мы их освоим только через два года войны.

Так или иначе, а уже в 1941 году мы могли бронированной ордой проутюжить всю Европу. Когда к маю 1940 года Гитлеру разведка донесла, что красные довели парк танков до 20 тысяч машин, он отказался этому верить. В 1942 году Гитлер неожиданно прилетел в Финляндию, чтобы поздравить с днем рождения маршала Маннергейма, и в беседе сказал ему с удивлением и даже с долей подавленности, что вермахт подбил и захватил уже у красных 24 тысячи танков. В разгар войны разведка сообщила фюреру, что большевики на Урале производят до 700 танков в месяц. Гитлер хватил кулаком по столу и заявил, что это бред, такое производство немислимо. К этому времени танковая промышленность, развернувшись на Урале, давала 2 тысячи танков в месяц. Мы не могли не упомянуть о количестве и качестве танков Красной Армии не только для того, чтобы восстановить правильную картину войны, но, главное, чтобы извлечь, наконец, уроки из страшной войны и показать, что решающим фактором на войне является не количество и качество оружия, а человек, его дух, его выучка и способность быть носителем лучших военных традиций своего Отечества.

Мы имели все, кроме военной мысли и, как следствия, военной школы, организации, связи и развитой традиции обучения войск. 20–30 тысяч наспех сколоченных, необученных экипажей — это еще не бронетанковые силы. Немцы беспрерывно и даже с упоением школили в танковых училищах офицеров и унтер-офицеров, а в танковых школах — водителей-механиков и стрелков. Создав в 1935-м году танковые дивизии, они уже не шаркались, а из месяца в месяц наращивали мощь новых танковых сил, последовательно и со здоровым военным смыслом.

Прусско-германской военной школе, где честность и ответственность доведена была до культа, мы противопоставили кумачовую показуху командиров, которые еще 15 лет назад командовали в лаптях и босиком. Перед вторжением вермахта вряд ли хоть один полк в 1941 году провел полноценные стрельбы — снарядов для стрельбы давали не больше пяти на гол. А проверка должна была пройти осенью. Вот все и берегли снаряды, чтобы пострелять осенью перед проверкой. А немец взял да и сунулся в разгар лета.

Вот почему, когда враг оказался на пороге Москвы, от наших десятков тысяч танков осталась одна тысяча. А КВ и Т-34 из них — порядка 140 машин, которые стали на вес золота и были сведены в бригады Ротмистрова и Катюкова. Кстати, накануне войны мы и по количеству самолетов также многократно превосходили Германию. Но летчики Особого западного округа имели в среднем по четыре часа налета. Это, по сути, только взлететь и с трудом сесть. А в небе такой пилот — беспомощная жертва для немецкого даже посредственного летчика, которого никто не пустит в небо, пока у него не будет хотя бы 250 часов налета. И это при том, что наши пилоты и танкисты, как, впрочем, и пехотинцы, были благодатнейшими боевыми кадрами — неприхотливыми, смелыми и находчивыми. Только учи их, береги, упражняй и верь им.

Немецкий средний танк Pz-III-L

Под Москвой Жукову пришлось начинать почти с нуля, когда осенью из глубин континента подошли сибиряки, которые называли друг друга "крестьянами". Перед боем среди них можно было услышать: "Сегодня много наших крестьян ляжет".

Осенью 1941 года армия фон Бока противостояла три наших фронта: Западный, Резервный и Брянский. В них под ружьем 1 миллион 250 тысяч человек и всего около тысячи разнообразных танков. Самолеты теперь вполсилы немецких. Укрепились за тремя наслоившимися рубежами, тремя линиями обороны. Первая — Ржевско-Вяземская, за ней Можайская, от Калинин (Твери) до Калуги, почти по меридиану, и, наконец, Московская зона, у самого порога столицы. Линия обороны трех наших фронтов 7 октября оказалась рассечена танковыми клиньями Рейнгартта и Геппнера. Они сомкнули клещи у Вязьмы, и большая часть наших войск оказалась в "котле". Четыре армии, участники двухмесячного кровопролитного Смоленского сражения, попали в окружение. Вязьма стала еще одними "Каннами". Танковая армия Гудериана южнее Брянска сумела окружить еще две армии Брянского фронта, 13-ю и 3-ю. Наступила самая страшная пора войны. Итак, танковые клинья Рейнгартта и Геппнера сомкнулись к 7 октября 1941 года.

Тогда же, 7 октября, из Ленинграда отозван Жуков. Там он месяц командовал обороной города и вновь показал себя полководцем мирового класса. Чтобы город на Неве выстоял 900 дней блокады, он должен был выстоять страшный сентябрь. Еще через три дня, 10 октября, Сталин сказал Жукову в Кремле: "Берите скорее все в свои руки и действуйте". Позже, к декабрю, друг другу будут противостоять миллион солдат с обеих сторон. А в октябре, когда призвали Жукова, у него, по его словам, было "только 90 тысяч солдат да один снаряд на пушку в сутки".

Теперь сроднотиче забот от рядового до Жукова упирается в одну мысль: танки! Все думают только об одном: "Задержать танки". Не дать им пройти последний рубеж. Гул вражеских танков катится по полям и перелескам Подмосковья. Но война в России сразу же пошла не по Шлиффену. Гудериан вспомнил о словах Фридриха II и Бисмарка, предостерегавших от вторжения в Россию, только после войны. В книге "Можно ли защитить Западную Европу" он напишет: "Еще Фридрих Великий сказал о своих русских противниках, что их нужно дважды застрелить и потом еще толкнуть, чтобы они наконец упали". Гудериан вложил в эти слова много личных переживаний, добавив: "Он правильно понял существо этих солдат. В 1941 году мы вынуждены были убедиться в том же самым". Осенью того же 1941 года фельдмаршал фон Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками вермахта, записал в дневнике: "Не могло быть и речи о дальнейшем стремительном продвижении на Восток. Русские дерутся не так, как французы. Они нечувствительны к обходам флангов".

Жуков велел оседлать дороги к Москве, перекрыть проходы, зарыть в землю танки на перекрестках, начинить орудиями придорожные холмы, вскопать рвы на танковых участках, ведь треть тысячекилометрового фронта была танкодоступна. В среднем на километр обороны у нас 3-4 орудия. На опасных участках до 20-ти стволов на километр. И каждый выстрел на учете.

Жуков создал систему противотанковых узлов. Опорный противотанковый узел строился так, чтобы машины противника, напорювшись на огонь и начав искать слабые места, всюду наткнутся бы на кинжальный огонь из зарытых в землю пушек и танков. Против танков создавались летучие истребительные отряды. И неимоверными усилиями танки вермахта были остановлены, а битва под Москвой выиграна.

К началу войны мы настроили танков больше всего мира. Через три месяца, к началу Московской битвы, мы практически остались без танков и "вышли в поле без колычуги". Но именно в Московской битве зародилась танковая гвардия. Бригада Катюкова стала 1-й гвардейской. Бригада пол-

ковника Кириченко — 2-й гвардейской. Звание 3-й гвардейской получила танковая бригада полковника Павла Ротмистрова. Сосредоточились на бригадах, потому что танковых дивизий и корпусов во время Московской битвы уже не было в помине. Они перестали существовать после летнего разгрома. Все пришлось начинать заново. Гвардейские бригады вырастали в танковые армии. Но за каждый урок и новую организационную ступень придется платить страшную цену — кровью солдат.

Даже без единого выстрела, просто перебраться танковую бригаду или дивизию из пункта "А" в пункт "Б" по русским дорогам, — задача непростая. Вначале в одно соединение или даже полк сваливали все типы танков — тяжелые, средние, легкие. Тяжелые танки порой продавливали мосты и устраивали заторы. Винили при этом тяжелые танки, а не свою сообразительность. Вождение войск — особая наука. От сражения к сражению совершенствовались боевой порядок, маневр, штаты управления, саперное и ремонтное обеспечение. Появились тяжелые танковые полки и бригады прорыва. Первые танковые армии были сформированы летом 1942 года. К концу войны танковая армия трехкорпусного состава, как правило, насчитывала 50 тысяч человек личного состава, до тысячи танков и САУ, около 800 орудий и минометов, более пяти тысяч автомобилей. Не считая саперных, хозяйственных, медицинских частей. Глубина оперативного построения танковой армии при движении по четырем маршрутам двумя эшелонами составляла, как правило, 50-60 километров. Это грохочущий подвижный город.

Откуда столько танков? Их произвели танковые заводы, эвакуированные и развернутые на Урале и в Сибири. В 1942 году танковая промышленность дала фронту 24 тысячи танков! Истинные герои — голодные подростки, женщины и старики, которые сутками не выходили из цехов, — до сих пор не приравнены к участникам войны. В 1943 году тыл дал еще 24 тысячи танков, а на следующий год довел их число до 28 тысяч. Всего же за войну на фронт отправлено 102 тысячи танков и САУ. Половина из них — это танки Кошкина Т-34. В Сталинградской битве уже участвует 15 танковых и механизированных корпусов.

"Я пишу для той молодежи, — писал Николай Островский, — которая встретит врага огнем и сталью". И нас этой молодежи пробил. Василий Баданов, крестьянин из Симбирской губернии, в 1916 году, после Чугуевского училища, получил погоны прапорщика. Далее уже путь скорее Павла Корчагина. До 1929 года командир — комиссар полка и дивизии в войсках ВЧК-ОГПУ. 1941 год встретил командиром 55-й танковой дивизии. Во главе танкового корпуса в декабре 1942 года совершил знаменитый рейд по немецким тылам. Маневрируя, корпус прошел с боями 240 километров и ворвался в станицу Тагинская. На железнодорожных путях танкисты Баданова расстреляли эшелоны с немецкими солдатами. Затем, атаковав аэродром, раздавили на взлетном поле 300 немецких самолетов. Взбешенные немцы бросили к Тагинской две танковые и одну пехотную дивизии. Корпус Баданова был окружен и три дня отбивался от наседавших врагов. 28 декабря части корпуса прорвали окружение и вышли к своим. За легендарный рейд танковый корпус стал 2-м гвардейским с почетным наименованием "Тагинский". Баданов первым в стране был награжден орденом Суворова 2-й степени. Тагинский корпус будет достойно драться в Курском побоище. Рейд Тагинского корпуса в районе Сталинграда стал символом рождения новых бронетанковых войск. Сейчас Тагинская дивизия дислоцирована в Забайкалье.

Рейд тагинцев провозгласил миру о рождении "новой танковой нации", провозвестником которой перед войной стал фильм "Трактористы". Мы многому научились в первые военные годы. Теперь сержантский состав для танковых войск подбирали по всем сухопутным войскам из числа бойцов, проявивших уже особую смелость. В конце войны только младших офицеров для танковых войск готовили 32 военных училища. Всего за войну было создано 10 танковых

армий. На завершающей фазе войны мы располагали в действующей армии шестью танковыми армиями. Такое же количество танковых армий действовало в рядах вермахта.

КУРСКОЕ ПОБОИЩЕ: РУССКАЯ ГВАРДИЯ ПРОТИВ СС

Для того, что произошло на Курской дуге, не подходят даже такие слова, как «битва» и «сражение», а только «побоище» — грандиозное, безжалостное и непримиримое. Роль тарана у немцев выполняли знаменитые танковые дивизии СС — «Адольф Гитлер», «Райх», «Великая Германия», «Мертвая голова» и другие. Войска СС в польской кампании и на Западе в 1940 году в военном плане никакой особой роли не играли, они были представлены только несколькими полками. Не было эсэсовцев и в войсках Роммеля в Африке. Отсутствию эсэсовцев справедливо приписывают известную джентльменскую военную этику, которая налагала печать на отношения военных сторон в Ливии.

А вот присутствие эсэсовцев, с их фанатизмом, яростью и жестокостью, взвинчивало все военные события и придавало столкновениям особо ожесточенный и беспощадный характер. Практически всю войну эсэсовцы провели на Восточном фронте. Знаменательно, что воинство «черного ордена» от сражения к сражению отформировывалось исключительно в танковые соединения, как бы подтверждающая ударный характер бронетанковых сил.

Курская дуга — это Урал против Рура, Кузбасс против Рейн-металла. Страна, ставшая военным лагерем дала наконец битву во всеоружии своей возросшей мощи. На Курском выступе мы в трех фронтах выставили два с половиной миллиона бойцов, более 50 тысяч орудий и минометов, 15 тысяч танков и самоходных орудий, 7 тысяч боевых самолетов. Курский выступ длинной в 120 километров нависал над немецкими армиями, раздражая Генеральный штаб вермахта. Выступ был превращен в самую неприступную крепость в мире. Перед битвой сюда завезли 33 тысячи вагонов боеприпасов и 100 тысяч вагонов других военных грузов. Объем снабженческих перевозок в Курской битве в два с половиной раза превзошел Сталинградскую битву.

Курская дуга — это народ, одетый в броневую доспех Урало-Кузбасса и воодушевленный боевым духом, настоящим на великой истории и культуре. И недаром в битве участвовало танковое соединение «Дмитрий Донской» — его танки были построены на деньги Православной Церкви. А все дни над побоищем шли непрерывные воздушные бои, в которых дрались и истребитель «Александр Пушкин».

Начало битвы — 5 июля 1943 года. Перелом наступил 12 июля.

Немецкие танковые клещи должны были ударами с севера и юга под основание выступа срезать «курский балкон» и вновь овладеть стратегической инициативой на Восточном фронте. Семь танковых дивизий 9-й армии Вальтера Моделя должны были ударить по выступу с севера. Девять дивизий 4-й танковой армии Германа Гота двигались с юга.

Ударный кулак дивизий Моделя в 1200 танков приходился на северный фас дуги, который защищал Центральный фронт Рокоссовского. Орудий и минометов у немцев здесь было в три раза больше, чем танковых стволов. Количество самолетов в таких случаях бывает не меньше, чем танков.

У Рокоссовского в обороне 2-я танковая армия и для усиления 9-й и 19-й танковые корпуса, две танковые бригады, пятнадцать танковых полков и шесть самоходно-артиллерийских полков, что в совокупности составит еще одну мощную танковую армию.

У Ватутина на южном фасе Воронежского фронта 1-я танковая армия Катюкова. Помимо этого еще два гвардейских танковых корпуса (2-й и 5-й). 2-й корпус — это знаменитый Ташинский. Шесть танковых бригад. Восемь танковых

полков и три самоходно-артиллерийских полка. Что тоже составит еще одну танковую армию. Ватутина противостоит Герман Гот с полутора тысячами танков, которые двинутся с юга из района Обояни на Курск.

Но это не все. За нашими Центральным и Воронежским фронтами притаился засадный фронт — Степной резервный с 5-й гвардейской танковой армией Ротмистрова. И еще три танковых корпуса (3-й и 4-й гвардейские и 10-й) и три гвардейских мехкорпуса (1-й, 2-й и 3-й). Всего у засадного фронта 1630 танков. Он-то и скажет на Прохоровском поле последнее слово, когда эсэсовские ударные дивизии прорвутся через наш третий, и последний, рубеж обороны.

Через неделю страшных по ожесточению боев Моделя от Гота отделяли еще сто километров русских полей и перелесков. Танки Моделя с упорными боями вклинились на 11 километров. Но основной удар немцы наносили с юга, где были сосредоточены лучшие танковые дивизии вермахта. Когда 5 июля танки Гота двинулись боевым порядком «угол вперед», на острие клина шли 57-тонные «тигры» (Pz-VI) со 100-миллиметровой броней. За ними шли Pz-V — «пантеры» и улучшенные Pz-IV. В первом эшелоне 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», 2-я танковая дивизия СС «Дас Райх», 3-я танковая дивизия СС «Тотenkopf» («Мертвая голова») и 3-я моторизованная дивизия «Гроссдойчланд» («Великая Германия»). Эта сила продавила Воронежский фронт генерала Ватутина шириной в 45 километров. Взломав нашу оборону, 48-й танковый корпус Кнобельсдорфа и танковый корпус СС Пауля Хауссера к вечеру продвинулись на десять километров и вышли к берегам рек Пена и Березовая. Гот намеревался наутро силами «Мертвой головы» и «Великой Германии» форсировать Березовую. За ночь Ватутин выдвинул туда артиллерийский противотанковый полк. С рассвета он стал бить прямой наводкой. Немцы бросили на русских пушкарей пикирующие бомбардировщики. Три танковые дивизии СС продвинулись еще на семь километров. Напряжение в обеих Ставках нарастало. Мы несли ужасающие потери. «Великая Германия» пробилась второй рубеж обороны. Гитлер потребовал от Гота собрать все силы и пробить третий, и последний, рубеж русской обороны.

«Дас Райх» и «Адольф Гитлер» 10 июля взломали-таки третью линию обороны и вышли, как им казалось, на оперативный простор. Но ломившийся с северного фаса Вальтер Модель был уже остановлен. И на юге, прорвав третий рубеж фронта Ватутина, нацисты натолкнулись на Прохоровском поле на 5-ю гвардейскую танковую армию Ротмистрова. Произошло знаменитое встречное сражение.

Этот-то день, 12 июля, и должен отмечаться как общенародный праздник — «День танкиста».

С обеих сторон в смертельной схватке сошлись 1200 танков. Ожесточение этой битвы много раз описано. И до Прохоровки, и после нее встречались в битвах и больше танков. Даже в войне Ирака с Ираном отмечались танковые сражения с большим количеством танков. Но такой битвы, как Прохоровка, не будет уже никогда. В небе шли непрерывные поединки. Танки расстреливали друг друга в упор. Экипажи подбитых танков сходились в рукопашную. Но и все дни на северном и южном фаса танковые битвы по ярости и кровопролитию не уступали Прохоровке.

Ни в одной битве Второй мировой войны так не обнажился дух той войны, как на Курском выступе. Здесь в открытом бою встретились две великие силы — русская танковая гвардия против германской танковой гвардии СС. Такого не было ни под Москвой, ни в Сталинграде, ни в Берлине. Нигде, кроме Курского выступа, за всю войну в решающей битве ударная роль не выпадала на долю эсэсовских танковых войск. Мы не знаем ни одного летчика-эсэсовца, как и ни одного моряка-эсэсовца. Здесь мы не рассматриваем общие и карательные части СС, а только те войска, с которыми наши солдаты столкнулись на передовой. Без осмысления места СС в германской жизни и особенно ее роли в вермахте все писания становятся казенно-

поверхностным словопрением. Войска СС — это особый фактор Восточного фронта.

В начале 60-х вышла замечательная книга Барбары Такман "Августовские пушки". Она стала настольной книгой Джона Кеннеди и предостережением всем политикам, бряцающим оружием. Такман убедительно доказала, что вина за развязывание войны в 1914 году ложится на все противоборствующие стороны и приписывать Германии вину за начало войны — лицемерная пропаганда. Кстати, виртуозы такой пропаганды столетиями гнездились в Англии, где в XVIII веке были даже целые школы лжецов. Британцы первые поняли, что ложь, то есть дезинформация, сокрушительное оружие. В 1918 году, настрадавшись от кайзеровских войск, Антанта дружно сделала козлом отпущения Германию. Точнее, германский народ, так как кайзера уже не было. Гитлер и все его движение — это грязная плоть от нечистой плоти Версальского договора, еще точнее, гитлеровцы — незаконнорожденные дети Версаля. Но и это только поверхность событий. Глубина их коренится в столетнем страстном переживании Германией своей новой судьбы в мире. Как несколько оторопело заметил Черчилль, "заработал германский вулкан".

Франция завершила свою судьбу с уходом Наполеона. После него она не выиграла ни одной великой битвы. Трафальгар и Ватерлоо стали лебединой песней Великобритании. Дальше только поражения и закат. Вот тогда-то вдруг проснулась Германия.

Эсэсовские войска — это грозные и беспощадные мутанты германского пробуждения, а версальские олухи — акушеры при родах. Мы не посторонние в этих событиях, потому что тельма остановили под Курском эсэсовский таран — на выступе наши потери в танках, в сравнение с немецкими, шли как шесть к одному. Вся танковая армия Ротмистрова осталась дымиться на Прохоровском поле. Но и цвет Третьего рейха, войска СС, были наконец перемоты. Ни разу не появившийся на фронте Сталин не мог простить Ротмистрову потерю армии и, вместо того, чтобы возвеличить, дулся на танкиста до конца войны.

Самые характерные фигуры в войсках СС — это Теодор Эйке и его детище, дивизия "Тотенкопф" ("Мертвая голова"); Зепп Дитрих — отец дивизии "Лейбштандарт Адольф Гитлер"; и генерал Пауль Хауссер, создатель дивизии "Дас Райх" и других эсэсовских соединений.

Прусско-германский офицерский корпус вермахта относился к войскам СС крайне ревниво и часто откровенно враждебно. Кайзеровские офицеры по праву считали себя создателями самых дисциплинированных и боеспособных войск в мире. И тут у них на глазах появляются части, которые не на параде, а на поле боя превосходят вымуштрованные полки вермахта.

Военные не менее ревнивы, чем артисты. К тому же черная форма эсэсовцев с руническими знаками очень привлекала молодежь. Германия двадцатых и тридцатых годов была наводнена как молодыми еще фронтовиками, так и затетыми войной мальчишками, жаждавшими подвигов и одержимыми немецкой страстью к самоорганизации. Они как бы ждали того, кто их сплотит и обучит. В Германии такие люди нашлись. Перечисленные выше три могущественных генерала из "ваффен-СС", Теодор Эйке, Зепп Дитрих и Пауль Хауссер, были только наиболее известные из молодых вожakov тридцатых годов, которые посвятили себя "расовой литургии", национал-социалистической "религии крови" Адольфа Гитлера.

Главной добродетелью эсэсовца считалась личная верность фюреру. "Твоя честь — верность" — был их девиз. В кабинетах по приказу Гимmlера вывесили лозунг "Кто хотя бы в мыслях нарушит верность фюреру, тот изгоняется из СС, и мы будем стремиться, чтобы он исчез из мира живых". Эсэсовцы должны были доказать чистоту своей германской крови начиная с 1750 года. Для всех немцев отныне священен постулат Освальда Шпенглера: "Война есть вечная форма высшего человеческого бытия, и государство существует ради войны".

Теодор Эйке был одиннадцатым ребенком в семье эльзасского железнодорожника. Из-за бойцовского темперамента его исключили из реального училища, и он подался в

Тяжелый танк KB-1С

райхсвер. К 1919 году за спиной Теодора Эйке уже было десять лет солдатчины. Из верденской мясорубки он выбрался израненным, но с Железными Крестами 2-го и 1-го классов. Жизнь не удалась. Ему 27 лет. Десять лет службы и четыре года войны — и ни куска хлеба.

Всю скопившуюся ярость и желчь Эйке обрушит теперь на «ноябрьских преступников», лишивших Германию победы, а его, Эйке, будущего. Гигантская энергия Эйке и закаленные в войне навыки требовали приложения. Теодор Эйке стал создателем всей системы концлагерей Германии, куда он мечтал загнать всех пацифистов, демократов, интеллигентов и любые меньшинства во имя очищения немецкой земли от «марксистской скверны».

Эйке несколько раз устраивался на работу в полицию, и каждый раз изгонялся из-за неумейки борьбы с государством, которое Эйке страстно ненавидел. Наконец вдохновенного и энергичного расиста заметил Гиммлер и поручил ему в 1928 году формирование батальона СС. Теодор Эйке был фигурой зловещей, обуреваемой честолюбием и страстями. Когда он в 1934-м возглавил первый нацистский концлагерь для политических в Дахау, то сразу понял, что это то, для чего он создан. Эйке стал и архитектором, и строителем, и создателем системы лагерей. Он организует, помимо Дахау, концлагеря в Заксенхаузене, Бухенвальде, а после аншлюса — Маутхаузен в Австрии.

Охрану лагерей осуществляли молодые эсэсовцы-добровольцы. Эйке презирал все религии на свете, кроме одной — «религии крови и почвы». Фюрер учил, что соблюдение чистоты крови — главное предназначение арийца на земле, а все зло на свете от смешения крови. Теодор Эйке требовал отказа от традиционных религий, инстинктивно страшась двоевластия, как двоедушия. Эсэсовский солдат должен быть эталоном цельности, которая рождает волю и героизм. Чтобы молодежь не разлагалась от надзирательских будней, Эйке решил их подвергать жесточайшей муштре, которая не снисла даже свирепым фельдфебелям вермахта.

Одну неделю эсэсовцы охраняли заключенных, но три недели в месяц занимались невиданной по интенсивности военной и физической подготовкой. До военных учений потери достигали порой до 10–15 процентов. В екатерининских войнах с Турцией русские войска даже после битв при Рымнике и Кагуле имели меньшие потери. Жалобы пресекались. Слабые отсеивались. Отбор шел жестокий. Здесь закладывались все будущие победы дивизии «Тотенкопф». Теодор Эйке сумел внушить молодежи черного ордена особое чувство кровного братства. Он поощрял тех офицеров, которые затеяли с солдатами, особенно тех, что по убеждению порвал с семьей. Свирепый Теодор Эйке не знал колебаний и хотел заразить своих солдат решимостью и верой в фюрера. В ночь «длинных ножей», когда расправлялись со штурмовиками, вышедшими из повиновения, Эйке лично расстрелял Эрнста Рема.

В Полыше детище Теодора Эйке участвовало не столько в боях, сколько в спецоперациях, связанных с арестами и ликвидацией врагов райха. Тогда «Мертвая голова» оправ-

дала свое жутковатое название. Молодые эсэсовцы буквально опустошили ряд домов для умалишенных. На Западе в 1940 году они у Араса вместе с танковой дивизией Роммеля смели со своего пути контратакующих английских «Томи».

В России «Мертвая голова» появилась в 1941 году уже мотопехотной дивизией во главе со своим создателем. Манштейн, взаимодействовавший с «Мертвой головой», писал о ней: «В наступлении она демонстрировала стремительный порыв, в обороне стояла как вкопанная». В Демьянском котле «Мертвой головой» заделывали все бреши. Дивизия несла тяжелые потери. «Генералы вермахта, — в бешенстве доносил в Берлин Эйке, — готовы воевать до последнего эсэсовца».

Осенью 1941 года «Мертвая голова» входила в танковый корпус Эриха фон Манштейна. У озера Ильмень «Мертвая

Немецкий тяжелый танк Pz-VI H «Тигр»

голова», яростно огрызаясь, в окружении нанесла поражение трем дивизиям РККА. Еще в июле Эйке тяжело ранило, когда его автомобиль подорвался на mine. Не долечившись, в сентябре, он был уже в боевых порядках и участвует в сражениях. Тогда же представлен к Рыцарскому кресту.

Какими же героями были наши солдаты, которые дрались против ставшей эталоном боеспособности «Мертвой головы», чтобы так сильно потрепать ее! Весной 1942 года дивизия потеряла шестьдесят процентов состава — от 20-тысячной «Мертвой головы» осталось три тысячи. Теодор Эйке тяжело переживал потери своих учеников и не сдерживался в выражениях ни перед Гиммлером, ни перед Гитлером. Если в дивизии СС набирали цвет немецкой молодежи, то Гиммлер и Гитлер являлись кровавыми истребителями этой молодежи.

Зимой 1942 года «Мертвая голова» преобразована в панцер-гренадерскую, а еще через год, в феврале 1943 года, Теодор Эйке погиб во время сражения за Харьков.

Мы особо отметили эту дивизию не только потому, что она воевала в основном в России. Зарождение ее зловеще, а влияние на «ваффен-СС» огромно. До войны первый полк СС «Мертвая голова» сформирован был в Дахау. Второй полк «Бранденбург» — в Заксенхаузене, 3-й полк «Тюрингия» — в концлагере Бухенвальд, 4-й «Остмарк» — в Маутхаузене.

«Мертвая голова» Эйке стала фабрикой эсэсовских кадров. Два пехотных полка «Мертвой головы» (6-й и 7-й) стали ядром горнострелковой дивизии СС «Норд», которая тоже воевала в России. Два мотопехотных полка стали базой бригады СС, из которого выросла воевавшая у нас дивизия СС «Хорст Вессель» (18-я панцер-гренадерская). Кавалерийские полки (1-й и 2-й) «Мертвой головы» преобразованы в 8-ю кавалерийскую дивизию СС «Флоранс Гейер», которая вся до последнего всадника пала в боях за Будапешт. Не один Эрих фон Манштейн считал войска СС расточительством национального генофонда. Эсэсовцы, оберегая свою репутацию, дрались до последнего солдата и несли большие потери. Манштейн считал, что целесообразнее было бы рядовых эсэсовцев распределить по войскам вермахта, как унтер-офицеров, и тем сementировать вермахт и уберечь молодых людей от поголовного уничтожения. Но фюреру нужны были личные войска, он ведь никогда не доверял прусским офицерам.

Из участников Курского побоища два генерала достигнут самых высоких в райхе чинов среди эсэсовцев и станут генерал-оберстами "ваффен-СС". Выше этих чинов в Германии было только одно звание рейхсмаршала СС, обладателем его был сам Генрих Гиммлер. Гитлер крайне прижизненно награждал генералов Рыцарским крестом. Но оба этих — Зепп (Иозеф) Дитрих и Пауль Хауссер — имели в конце войны, если можно так выразиться, "полный бант". После Рыцарского креста следующей ступенью были Дубовые Листья к Рыцарскому кресту, затем Мечи и, наконец, последняя ступень, которой во всем райхе удостоились только 27 человек, это Бриллианты к Рыцарскому кресту. По существу, эта награда, как и русский офицерский Георгиевский крест, до 1917 года имела четыре степени. Зепп Дитрих стал шестнадцатым среди награжденных Бриллиантами к Рыцарскому кресту. Таких почестей достигали только генералы, не выходявшие из сражений и дравшиеся в боевых порядках первого эшелона.

Все трое — и злобещий эльзассец Теодор Эйке, который в русских снегах разделял все тяготы с простыми солдатами, и решительный баварец из народа Зепп Дитрих, командовавший расстрельным взводом в ночь "длинных ножей", и израненный в сражениях, одноклассник пруссак, наездник и выпускник аристократического училища Берлин-Лихтерфельде, Пауль Хауссер, — были беспощадны и к себе, и к врагам. Но даже противники нацизма отмечали, что эти трое монстров, создав дивизии "от нуля", любили на свой манер солдат и всеми силами поощряли сплоченность и дружбу между солдатами, фельдфебелями и офицерами своих частей. Другой их особенностью была продуманная, изуроченная и суровая физическая и боевая подготовка частей. Фанатизм, слайка и выучка приносили плоды, но и русские с каждым месяцем становились закаленными бойцами, и эсэсовцы несли тяжелые потери.

Зепп Дитрих был одним из немногих в вермахте, кто в Первую мировую войну служил в танковых частях. Этим не мог похвастаться даже Гудеран. Зепп Дитрих был другом Гитлера и еще в 1923 году примкнул к известному "пивному путчу". Гитлер считал рослого и крутого Зеппа Дитриха образцом телохранителя и уже в 1930 году сделал его членом рейхстага и не разлучался с ним в поездках. В 1933 году фюрер поручил Дитриху сформировать отряд личной охраны. После строжайшей селекции первая сотня молодых эсэсовцев стала родоначальницей вооруженной до зубов и суперэлитной дивизии "Лейбштандарт Адольф Гитлер". Нацистский постулат "Rasse ist alles" ("Раса — это все") стал их символом веры, а действием — призыв Ницше: "Пиши кровью. Кровь есть дух".

Первая танковая дивизия "Лейбштандарт Адольф Гитлер" начала свое бытие как мотопехотная и сразу же включила 20 тысяч личного состава. В конце 1942 года в России она была перестроена в панцер-гренадерскую и пришла на Курский выступ мощной, хорошо вооруженной танковой дивизией. Напомним, что танковая дивизия вермахта по числу танков равна нашему танковому корпусу, а то и превосходит его.

Еще в кайзеровской армии Пауль Хауссер был награжден Железным крестом (первого и второго класса). В райхсвере он дослужился до генерал-лейтенанта и в 50 лет вышел в отставку, в 1932 году. Хауссер был из тех прусских офицеров, которые и самому фюреру могли преподавать уроки национализма. Они, по Шпенглеру, считали, что Европа заканчивается на Висле, а Россия самая западная из азиатских стран, наполненная полумонгольским населением с завистливой, вороватой и разрушительной психикой.

В 1934 году он вступил в СС. Ни один человек не оказал на войска СС такого формирующего воздействия, как Пауль Хауссер. В пятьдесят лет он легко соперничал с двадцатилетними своими учениками в физической подготовке.

Говорят, Хауссер был выдающимся военным педагогом. Вскоре Хауссер уже отвечал за боевую подготовку всех войск СС. Только Теодор Эйке отстоял свою "Мертвую голову". Программа, разработанная Хауссером для офи-

церских училищ СС, стала образцом для всех военно-учебных заведений вермахта и даже Европы. В 1939 году Пауль Хауссер возглавляет первую развернутую дивизию войск СС "Дас Райх". "Дас Райх" двигалась на Москву в составе группы армий "Центр" фон Бока. К осени она уже потеряла в боях половину состава, а сам Пауль Хауссер — правый глаз. Летом 1942 года Хауссер уже командир первого танкового корпуса СС, куда, помимо его дивизии "Дас Райх", вошли еще "Лейбштандарт Адольф Гитлер" Зеппа Дитриха и "Тотенкопф" Теодора Эйке. Каждую элитную дивизию Гитлер награждал батальоном "тигров", не считая средних танков — "пантер". В феврале 1943 года, через неделю после капитуляции Паулюса в Сталинграде, Манштейн не стал мешать русским развивать успех и заманил крупные силы Красной Армии до Запорожья. На его командный пункт дважды прилетал встревоженный Гитлер. Но Манштейн хладнокровно выдержал паузу, завлек красных, затем отсек их танковым контрударом и разбил. Этот контрудар Манштейна был предметом вдохновения для немецких генералов даже десятилетия спустя после войны. Он стал неким бальзамом после Сталинграда. В тех боях и погиб Теодор Эйке, успевший заслужить только Дубовые Листья к Рыцарскому кресту. Корпус Хауссера в боях за Харьков уничтожил бронетанковую армию Попова (600 танков и 400 орудий). Но это был уже не 1941 год. Русские уже дрались беспощадно и на равных даже с эсэсовскими частями. Немцы вошли 14 марта второй раз в Харьков, но с тяжелейшими потерями.

Одноклассник Хауссер со своим танковым корпусом СС, лучшим соединением немцев, дрался на Курской дуге в самых опасных местах, на острие всех атак. Пауль Хауссер в свои 63 года ни разу не покинул боевые порядки и личным примером воодушевлял солдат. Он наконец получил Дубовые Листья к Рыцарскому кресту, которые ему в 1942 году задержали из-за несмышленного проступка, когда он ослушался самого фюрера, и, чтобы спасти элитные дивизии "Райх" и "Лейбштандарт Адольф Гитлер", окруженные в Харькове, велел им прорываться из окружения. Позже, в боях на Западе, когда Хауссер будет командовать уже танковой армией СС, он получит шрапнель в лицо. Мечи к Рыцарскому кресту ему принесут в госпиталь.

ВЕЛИКИЕ ТАНКОВЫЕ БИТВЫ

Курское побоище стало местом эпических танковых битв, венцом которых являлся Прохоровка. Пауль Хауссер сумел превзойти боевой подготовкой своих танковых дивизий даже традиционно высокие нормы вермахта. Эта мощь была остановлена только русскими танковыми дивизиями. На полях под Курском совокупным усилием всех заводов, училищ и штабов родилась новая танковая нация, русский народ был на этих полях легирован и отлит новым составом особой закалки. Танки — ударная сила армии. Когда же воюет весь народ, танки становятся ударной гвардией всей сражающейся нации как в тылу, так и на фронте. Танкисты как бы становятся олицетворением нации.

Прошло 60 лет с тех пор, как началась Вторая мировая война. Чтобы скрыть правду, а все успехи приписать себе, американцы издали стотомную историю войны. Мы и это состязание проиграли, не осилив десяти томов. Больше всего жертв понес в войне наш народ и больше всех в мире был обманен. Никто не избежал отвлеченности. Мы никогда не знали, где дерутся сибирские стрелки или уральские танкисты. Деблокирующий удар танков Гота на Сталинград остановила ударная армия Малиновского, но даже из "Горячего снега" Юрия Бондарева мы не узнаем, что ядром этой армии были морская пехота и сибиряки. Одних моряков в ударной армии было 20 тысяч человек. А 20 тысяч моряков — это 100 тысяч любых других категорий солдат. Что до ударных армий — они с первого дня набирались в основном из сибиряков и уральцев.

Хуже всех обошлось с танковыми войсками именно потому, что они были ударной силой. Все ударное, выдаю-

шееся, яркое придавливалось. Когда после Ельни из состава 24-й сибирской армии родились первые четыре гвардейские дивизии, Верховный в приказе обещал им, в числе привилегий, особую форму и содержание. Потом, чтобы героизм сделать массовым, а заодно утопить героизм в нивелировке, едва ли не каждую вторую дивизию сделали гвардейской.

Так и из всех танковых битв канонизировали одну Прохоровку. Даже не все танковые сражения Курского побоища, а одну битву 12 июля 1943 года. Между тем великих танковых битв в войну и помимо Прохоровки насчитывается добрая дюжина. Мы обязаны вернуть эти битвы народу и сделать их органической частью духовного мира нации. Они, эти танковые битвы, должны войти во все учебники, имена этих сражений — стать родными и привычными и получить свои обелиски и кинофильмы. Военные академии должны сделать все эти битвы предметом отдельных исследований. И как бы ни были скудны пока наши знания об этих встречах танковых сражениях, мы каждой предоставим свою главу.

Таина особого ожесточения Прохоровки, ее беспощадности и трагизма заключалась в том, что оно было встречным сражением, внезапным и неожиданным. Встречные сражения танковых армий происходили в наиболее кризисные дни операций фронтов и на главных направлениях. Их исход оказывал решающее влияние на дальнейшую судьбу фронтовых операций и конечные результаты замыслов. Встречные танковые сражения обнажают тайну многокилометровых схваток на тысячекilометровых пространствах. Кто не знает встречных танковых сражений, где особенно была активна авиация обеих сторон, напряженны командиры и бессонны штабы, тот ничего не знает о природе отгремевшей войны, где мы победили.

БРОДЫ

Первое встречное танковое сражение крупными силами в Великой Отечественной войне. Контрудар шестью советскими мехкорпусами, состоявшийся на другой день после начала войны силами Юго-Западного фронта. Уже 22 июня Жуков потребовал от командующего фронтом генерал-полковника Кирпоноса сосредоточить мехкорпуса и нанести удар по 1-й танковой группе Клейста, которая наступала на Киевском направлении в составе группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Рундштедта. Жуков рекомендовал для этой задачи использовать всю авиацию фронта и даже тяжелые бомбардировщики Авиации Дальнего действия. На следующий день, 23 июня, Жуков сам прилетел в район Броды на командный пункт 8-го мехкорпуса, которым командовал генерал-лейтенант Д. Рябишев. Жуков, отметив деловитость, собранность и хладнокровие офицеров штаба, располагавшегося в палатках, заметил: «С ТАКИМИ ВОЙНЫ НЕ ПРОИГРЫВАЮТ» (выделено мной. — К.Р.). Жуков организовал контрудар в районе городов Луцк, Дубно, Ровно, Броды. Шесть мехкорпусов (4, 8, 9, 15, 19 и 22-й) и три стрелковых корпуса (31, 36 и 37-й) начали приграничные сражения под руководством самого Жукова. Весь день 23 июня он готовил корпуса к наступлению, посещает части и возвращается в Тернополь в штаб фронта. Кирпонос доложил ему, что в районе Броды и Дубно уже идут тяжелые бои и решено, не ожидая сосредоточения, наступать. Жуков согласился. Теперь целую неделю советские танки будут сковывать основные силы немцев на юге в яростном встречном сражении.

Первыми удар нанесли три мехкорпуса (22, 4 и 15-й). За ними вошли в бои 8-й, 9-й, 19-й мехкорпуса. Два последних — из района Луцка и Ровно, а 8-й и 15-й мехкорпуса — из района Броды нанесли удар 26 июня 1941 года. Танковые бои продолжались здесь до 29 июня. Особенно успешны были действия 8-го мехкорпуса генерала Рябишева, который севернее Броды продвинулся с боями на 10–20 километров. 27 июня Рябишеву поставили задачу из района Берестечко ударить на Дубно. Разбив части 16-й немецкой

танковой дивизии, корпус Рябишева ворвался в Дубно. Немцы ввели резервы и бросили большие силы против русских танкистов. Сам Жуков писал: «Если бы в войсках Юго-Западного фронта была лучше организована сухопутная и воздушная разведка, более тщательно отработано взаимодействие и управление войсками, результат контрудара был бы еще значительнее». Жуков высоко оценил действия 22-го мехкорпуса генерал-майора С. Кондрусева и 8-го мехкорпуса генерал-майора Д. Рябишева.

Встречное сражение под Бродами было не только первым, но и последним крупным танковым сражением в 1941 году. Вскоре мы потеряли практически все свои танки. Но летом 1942 года начинают создаваться новые танковые армии, вооруженные новыми танками, полученными с Урала и Сибири.

ГОРОДИЩЕ

Эта битва состоялась в июле 1942 года, между Курском и Воронежем. Герман Гот во главе 4-й танковой армии выдвинулся из района Курска. Ему было предписано выйти к Дону близ Воронежа, затем круто развернуть на юг и взять Воронеж. Немцев раздражал нависавший над ними Барвинокский выступ. Командующему Брянским фронтом Голыкову предложено бросить против Гота 5-ю танковую армию генерал-майора А. Лизюкова. Танковые армии были только созданы. Сформированную в июне армию уже 6 июля бросили навстречу лучшей танковой армии вермахта. Во встречном сражении Гот разгромил 5-ю танковую армию и взял Воронеж. Таким образом, у Городища произошло первое встречное танковое сражение в 1942 году. Это крупное сражение 5-й танковой армии нашло в Военной энциклопедии лишь следующее освещение: «В начале июля усилена 7-м танковым корпусом и с 6 июля участвовала в оборонительном сражении на Воронежском фронте». И все. Более ни слова. Чтобы объяснить дальнейшую биографию армии, сказано: «В середине июля полевое управление было выведено в резерв Ставки ВГК, а ее соединения и части переданы Брянскому и Воронежскому фронтам». Разве самоотверженно дравшиеся бойцы 5-й танковой армии заслуживают только такого трусливого упоминания? Танкисты дрались храбро. А вот командиры еще не научились воевать. В тех боях погиб и молодой командир Лизюков, которого ожидала великая будущность.

СЫЧОВКА

В июле 1942 года 9-я армия вермахта разбила наш 11-й кавалерийский корпус и окружила три наши армии (39, 22 и 41-ю). За это Модель получил Дубовые листья к Рыцарскому кресту. Чтобы облегчить тиски Моделя, 30 июля из района Ржева в наступление пошли войска Калининского фронта, поддержанные армиями Западного фронта. Они прорвали немецкий фронт на глубину 25 километров. Гитлер перебросил Моделю три танковые и две пехотные дивизии. Произошло крупное встречное танковое сражение. С обеих сторон в бой вступили 1500 танков. Танки Моделя, пятясь и отгрызаясь, отступили за реки Вазура и Осуга, но не пустили далее русские танки вглубь Ржевско-Вяземского выступа на помощь своим окруженным войскам.

Но с каждым сражением мы мужали и умнели. Все встречные битвы 1942 года стали великой танковой школой нации перед Курским побоищем.

БОГОДУХОВ

1-я гвардейская танковая армия Каткова после Курского побоища, 10 августа 1943 года, имея в строю всего 260 танков, развивая наступление в обход Харькова с запада и южнее Богодухова, столкнулась с наносившим контрудар 3-м танковым корпусом вермахта (около 360 танков). Немцы хотели отсечь Каткова от основных сил и разгромить южнее Богодухова. Встречное сражение завязалось 11 августа

та 1943 года. В тот день столкнулись передовые части обеих сторон, оторвавшиеся от основных сил (наши оторвались на 20 километров). Перерезав железную дорогу Харьков — Полтава, танковая армия Катукова заняла выгодную позицию в ожидании основных сил, которых немцы задержали на реке Мерчик.

Немцы бросили против трех наших бригад (49, 112 и 1-й гвардейской) дивизии СС “Тотенкопф” и “Викинг”. Встречный бой шел весь день. В ночь на 12 августа наши танковые бригады стали прорываться из окружения.

Тем временем на следующий день эсэсовцы завершили развертывание и решили нанести всеми силами встречный удар по перешедшей в наступление 1-й гвардейской танковой армии, которая уже успела пройти с боями 120 километров и еще 7 августа захватила Богодухов.

Южнее Богодухова развернулось встречное танковое сражение. Танкисты Катукова в упорных боях остановили немцев, но разбить не смогли. В ночь на 14 августа первая танковая армия Катукова сама перешла к обороне.

Здесь, после Прохоровки, были уже другие встречные бронированные сшибки. Теперь сила ломает силу. В сентябре армия Катукова выведена в резерв Ставки. Это значит, что танки вновь не шадли себя во встречном сражении.

ФАСТОВ

Немцы южнее Фастова сосредоточили ударную группировку в составе 15-ти дивизий (из них 8 танковых и моторизованных). 13 ноября 1943 года эта группировка нанесла по войскам 1-го Украинского фронта удар. В некоторых местах противник прорвал фронт и вклинился на глубину до 40 километров. В конце ноября Ставка приказала (когда говорится “Ставка” относительно военных замыслов, можно смело подразумевать Жукова, так как он в Ставке превосходил всех в оперативно-стратегическом мышлении) 1-й танковой армии Катукова сосредоточиться западнее Киева на правом берегу Днепра в районе Святошино — Жуляны и войти в состав 1-го Украинского фронта. Ставка хотела отбросить немцев к Южному Бугу, с тем чтобы Гитлер навсегда забыл об Украине. Армия Катукова имела 600 танков по полному штату на то время. Гитлер хотел во что бы то ни стало восстановить утраченные позиции на Правобережье Днепра и даже вернуть Киев, потерянный 6 ноября 1943 года.

В это время главные силы 3-й гвардейской танковой армии П. Рыбалко продолжали теснить противника на Фастов и Васильков. В этом направлении в передовом танковом отряде действовала 91-я отдельная танковая бригада Ивана Якубовского, рослого крестьянина-белоруса, который станет маршалом. Когда Якубовский дошел до Фастова, то узнал, что восточнее города уже закрепился танковый полк

дивизии СС “Дас Райх” и части 7-й танковой дивизии, отошедшие от Киева. Это была знаменитая 7-я танковая дивизия, выкованная Эрвином Роммелем и вышедшая в 1940 году к Ла-Маншу. Якубовский принял решение: не дожидаясь подкрепления ночью ворваться в Фастов с севера и с востока.

С сигналом ракеты танки двинулись в город. Десант автоматчиков капитана Петра Луста после часового боя занял вокзал. Комбриг захватил перекресток в центре города. В полночь в Фастов ворвались части 6-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Памфилова. К утру 7 ноября 1943 года Фастов с боем был захвачен. Комбриг Якубовский, пять его офицеров и четыре сержанта стали Героями Советского Союза. Бригада стала “Фастовской”. Это почетное наименование получили еще три гвардейские танковые бригады из корпуса Памфилова. Немцы, почувствовав неладное, сосредоточили на фастовском направлении крупные силы и 8 ноября 1943 года нанесли мощный контрудар, желая восстановить фронт по Днепру и вернуть Киев. Навстречу немцам двинулась 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко. Произошло грандиозное встречное танковое сражение, где противники четверо суток крушили друг друга. Вместе с нашими танкистами дрались 38-я армия и крупные силы авиации. Немцы понесли большие потери под Фастовом, были переброшены к Житомиру и 13 ноября вновь нанесли удар. Но получили еще более мощный контрудар.

Под Фастовом билась уже народившаяся новая танковая нация. Вчерашние деревенщики стали играть броней, пушками, дизелями. В тот момент Гудериан был уже генерал-инспектором танковых войск. В “Воспоминаниях солдата” чувствуется, как он мучительно хочет избежать разговора о Фастове. Долго подходит к этой теме, отвлекается, скорбит и все время оправдывается. Его рассказ о судьбе 25-й танковой дивизии, переброшенной Гитлером с Запада на Украину вопреки протестам Гудериана, напоминает суровый плач.

Дивизия подошла к Фастову в утро, когда Якубовский уже захватил город. 25-я немецкая танковая дивизия полного состава числом не менее 400 танков (напомним, тогда наша танковая армия по штатам имела 600 танков) была уничтожена во встречном сражении. Гудериан яростно протестовал против ее отправки потому, что считал: дивизию еще месяц надо было учить вести бои в условиях России. Дивизию повел в бой сам ее командир генерал фон Шелл. Гудериан говорит о дивизии: “Она нанесла противнику большие потери, но и сама понесла значительный урон”. Урон был так велик, что Гитлер велел расформировать дивизию. Гудериан признает: “Из-за недостатка боевого опыта части вначале нередко поддавались паническому настроению”, окруженные русскими танками. И это при том, что, по уверению того же Гудериана, генерал фон Шелл “создавал дивизию с большой любовью и умением в течение многих месяцев”. Наши танкисты даже в счастливых снах не видели “долгих месяцев”.

ПРОСКУРОВ

Проскуров теперь город Хмельницкий. В марте 1944 года в период Проскурово-Черновицкой операции произошло яростное встречное танковое сражение, которое вела 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко. Глубина возникшего сражения 60 километров. Фронт сражения тоже 60 километров. Бои шли непрерывно пять суток в условиях сильного снегопада. Авиация работала при всех сложностях погоды. Успех встречного сражения часто зависел от быстроты и мастерства маневра. Для большинства встречных сражений был характерно использование сторонами открытых или слабо защищенных флангов для обходов и охватов противника.

Проскуровское встречное сражение было из этой категории. В этой операции впервые в войну три танковые армии в районе Каменец-Подольска окружили 1-ю танковую армию немцев. Командовал Жуков после странной гибели Ватутина. Но немцам удалось прорваться.

БОБР

У реки Бобр на четвертый день белорусской операции 5-я гвардейская танковая армия, герои Прохоровского сражения в июне 1944 года разгромили в суточном встречном сражении усиленную танковую армию вермахта. Бой шли в районе Крупки. Противник был полностью разгромлен. На следующий день, 29 июня танковая армия вышла к реке Березина севернее и южнее Борисова. 1 июля 5-я гвардейская танковая армия уже развивала наступление на Минск.

КЕЛЬЦЕ

В 1944–1945 годы новая танковая нация начала марш возмездия. Генерал фон Мелентин, один из опытейших немецких танковых генералов, писал о натиске русских танковых армий между Вислой и Одером: «Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью... Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи».

На пятисоткилометровом рубеже от Вислы до Одера немцы соорудили семь мощных оборонительных рубежей с полевыми сооружениями. Города, поселки, узлы дорог, мосты, переправы — все превращено в опорные пункты и вооружено. Мы бросили от Вислы в первом эшелоне четыре полнокровные танковые армии с артиллерийскими корпусами прорыва и авиационными армиями. Впереди и на флангах танковая разведка вскрывала передний край и нащупывала слабые места. Передовые бригады в отрыве от основных танковых сил проходили к промежуточным рубежам и дерзко атаковали с марша. Захватывали с ходу аэродромы и готовили их для нашей авиации.

Бронированные армады заполнили пространство разграбленной и ухоженной Европы. Иные танковые и мехкорпуса наступали на участке в 3–4 километра. Полки терлись бронированными боками, шли параллельно с уходящим противником, чтобы перерезать ему путь. Преследование шло днем и ночью. Мотопехота впереди и на флангах в ночных боях — чтобы отсекал чужих и охранять машины от истребителей танков. Они ракетами и трассирующими пулями показывали танкам цели. В ночных боях особенно важна охрана танковых флангов. Форсирование каналов и рек стало особым искусством. Понтонные батальоны работали под огнем. Порой танковая армия форсировала две-три реки за ночь — Пилицу, Варебу, Нифу, Черну.

Танковые армии вели преследование непрерывно в течение 10–15 суток на глубину до 200 километров с полным напряжением всех сил днем и ночью в любую погоду,

сметая с пути преграды. Четыре гвардейские танковые армии (1, 2, 3 и 4-я) действовали в отрыве от общевойсковых на расстоянии 50 километров. А передовые полки уходили в отрыв и от самих танковых армий.

Это были величайшие месяцы жизни русского государства за одиннадцать веков. Разрывы между корпусами достигали зачастую больше десяти километров. Дивизии двигались в огне и грохоте и дрались без локтевой связи. Танки стремительно выходили на пути главных сил противника. Отрезали подходящие его резервы, дробили, окружали и уничтожали по частям. Формула «Только движение дает победу» нашла здесь последнее воплощение.

Состав передовых танковых отрядов усиливался из года в год. Если в 1943 году в передовой отряд выделяли в лучшем случае танковую бригаду, усиленную саперной ротой, то в 1944 году, и особенно в 1945-м, к танковой бригаде добавляли самоходно-артиллерийский полк, зенитно-артиллерийский полк, дивизион гаубичного полка и роту инженерно-саперного батальона. Такой передовой отряд был способен действовать самостоятельно на значительном удалении от главных сил. И с каждой операцией разрыв увеличивался. Если после Курской битвы они действовали на удалении 20 километров, то в Львовско-Сandomирской и, особенно, в Висло-Одерской операциях передовые отряды дрались и разведывали на расстоянии до 80–100 километров. Эти передовые отряды тщательно подбирали и готовили. Они должны были не ввязываться в затяжные бои, смело обходить узлы сопротивления, захватывать переправы, броды, узлы дорог, аэродромы в оперативной глубине.

Именно во время этого невиданного на земле наступления в январе 1945 года Уральский Добровольческий танковый корпус тросе суток вел беспощадное встречное сражение в районе города Кельце; фронт сражения 40 километров, глубина сражения 350 километров на семнадцатый день после начала операции.

Перед этим Уральский корпус за овладение Львовом был наименован «Львовским». Кроме того, почетное наименование «Львовских» получили: Свердловская бригада, 72-й тяжелый танковый полк, 359-й зенитный и 1689-й истребительно-противотанковый полки, пять воинов получили за Львов Героев Советского Союза, и среди них командир Челябинской гвардейской бригады, первой ворвавшейся во Львов, полковник М. Фомичев.

За овладение городом Кельце корпусу объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего, а Пермская гвардейская бригада получила наименование «Келецкой». Многие уральцы стали после Кельце кавалерами ордена Славы — старший сержант Е. Самодеров, старшины А. Ка-

таев, М. Литогин и другие. Звезду Героя получил командир минометного полка полковник Зыль, старший лейтенант М. Денисов, майор Ф. Дозорцев, командиры танков Г. Клишин, В. Кружалов, П. Лабуз, И. Кондауров, И. Романченко и еще ряд гвардейцев-уральцев. 24 апреля Уральский корпус вышел к Потсдаму. На следующий день форсировал реку Гавель.

В ночь на 6 мая 1945 года корпусу поставлена задача спасти Прагу. Первыми в чехословацкую столицу ворвались «челябинцы» и танк Т-34 лейтенанта И. Гончаренко. Командир Уральского добровольческого танкового корпуса генерал Е. Белов будет назначен комендантом города, а за взятие Праги ему присвоит звание Героя Советского Союза. А командир Челябинской гвардейской танковой бригады М. Фомичев стал дважды Героем.

ВОРМДИТТ

Январь 1945 года. На девятнадцатый день Висло-Одерской операции 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова в районе города Вормдигт трое суток вела жестокое встречное танковое сражение. До боя и по ходу сражения решались сотни организационных задач. Благодаря активной и глубокой непрерывной разведке командование армии верно определило место встречного сражения. Провела правильную перегруппировку сил и средств. Обеспечила прикрытие с воздуха. Главное было — упредить противника. Во встречном сражении подобного типа оперативное искусство проходило высочайший экзамен. Каждое встречное танковое сражение — это качественно новый уровень оперативного мастерства. Передовой отряд действовал как бронированная рыцарская рукавица. Танки спасали армии от кроваво-окопного маршала. Танкисты вернули войне достоинство рыцарских поединков и битв.

БАЛАТОН

Озеро в Венгрии, на Среднедунайской равнине. Длина озера 78 километров. Максимальная ширина 12 километров. Только берега на северо-западе круты и покрыты лесом, остальные берега пологие и низкие, с песчаным дном. В районе этого озера в марте 1945 года Гитлер решил устроить русским «Арденны». В районе озера Балатон не было классических встречных танковых сражений. Но вершилось нечто не менее знаменательное — Третий райх шел в последнее свое наступление.

Для нас важно, что основной удар наносила 6-я армия СС генерал-полковника «ваффен-СС» Зеппа Дитриха, создателя первой танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». С ним у Балатона и хорошо знакомые русским войскам дивизии СС «Дас Райх» и «Тотенкопф». Под началом у Зеппа Дитриха не только лучшие танковые дивизии вермахта, но и самые идеологизированные и беспощадные войска, которые Гитлер считал своей личной гвардией. Гитлер рассчитывал разгромить войска 3-го Украинского фронта маршала Толбухина, выйти к Дунаю, сохранить за Германией нефтяные промыслы Венгрии и обезопасить промышленные районы Южной Германии и Австрии. Толбухину было предписано перейти к обороне, измотать ударную группировку активной обороной, затем разбить и открыть себе путь на Вену.

Наступление немцев началось в ночь на 6 марта 1945 года вспомогательным ударом южнее озера Балатон на Капошвар, а главный удар наносился в стык 4-й гвардейской и 26-й армий между озерами Веленце и Балатон. Сосредоточенным ударом танков гитлеровцы стремились расщепить советские войска и пробиться к Дунаю. Бои носили невиданный по ожесточению характер, даже для этой войны. Немецкая группировка насчитывала почти полмиллиона человек, 5630 орудий и минометов, 900 бронетранспортеров, 877 танков и штурмовых орудий. Число самолетов «Люфтваффе» достигало 850-ти. Советские войска огородились 2700 противотанковых мин на километр фронта и 2500 противопехотных

на тот же километр. Орудия встречали немецкий танковый натиск невиданной плотностью стволов — противотанковые пушки и зенитные орудия стояли буквально колесо к колесу. Эсэсовцы, не считаясь с потерями, напирала с фанатизмом смертников. В первый день в районе Шерегеша немцы продвинулись до четырех километров. На следующий день нацисты продвинулись южнее озера Веленце еще на три километра. К 10 марта Зепп Дитрих ввел в бой дивизию «Дас Райх» и «Тотенкопф». 14 марта он бросил в бой свои последние резервы — 6-ю танковую дивизию. На следующий день немцы остановили продвижение. Наступила очередь наступать войскам Толбухина.

Гитлер был взбешен тем, что его гвардия не выполнила поставленные задачи, и приказал Зеппу Дитриху снять нарукавные ленты у всех танкистов дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Дас Райх» и «Тотенкопф». Эсэсовцы носили на левом рукаве черные повязки, на которых немецкие женщины вручную вышивали серебром эмблему дивизии СС и их наименование. Танкисты относились к этим лентам с трепетом, потому Дитрих приказ фюрера не довел до войск. 8 мая он с остатками своей армии сдался американцам.

Тем временем четыре русские гвардейские танковые армии, став символом нации, входили в землю Бранденбург, на территории которой находятся и Берлин, и Потсдам, и Цоссен, в имени которого угадывается старое славянское «у сосен», как в Лейпциге слышны «липы», а Потсдам — «под дубами». Природу этих названий давно выявили языковеды. В XII веке славянское княжество Бранденбург перешло к владениям доблестного сподвижника Барбароссы, герцога Генриха Льва. Бездетный славянский князь Бранденбурга Прибысл, приняв христианство, завещал княжество Генриху Льву. Первый раз русские полки появились здесь во время Семилетней войны в войне с Фридрихом II. Прусский король был поистине велик как государь и солдат. На него безуспешно пытался походить даже сам Наполеон.

Когда Наполеон разбил австрийского генерала Макка и шел к Вене, в этот самый страшный для Пруссии час император Александр I в Потсдаме вечером предложил скромному и благочестивому прусскому королю Фридриху-Вильгельму III и королеве Луизе спуститься в склеп, где покоились останки Фридриха II. При колеблющемся свете свечей они поклонились над гробницей Фридриха II в вечной дружбе. Вскоре в их дочь без памяти влюбится 17-летний Великий князь Николай Павлович, будущий император Николай I, и прусская принцесса станет русской православной государыней Александрой Федоровной. Николай II в начале XX века скажет в том же Потсдаме: «Я никогда не буду воевать против Германии». Когда его прадед Николай I с его прабабкой Александрой Федоровной приехали в Пруссию, пораженные дружелюбием пруссаков, русские казаки и солдаты скандировали:

— Рус, прус — братья!

В 1813 году русские и пруссаки плечом к плечу изгоняли из Германии наполеоновский атеистический сброд. Кутузов тогда написал дочери:

— Весь немецкий народ за нас.

Не должен был Николай II ни при каких обстоятельствах изменять своему обещанию и клятве прадеда, на радость своих будущих убийц — англичан и французов. Но вокруг государя не было достойных мужей — одни болтливые либералы, вроде Милокова, или безвольные и лукавые монархисты, готовые при первых же криках черни напялить красные банты.

Не вступил Россия в войну в 1914 году, не было бы миллионов убитых россиян, Гитлер состарился бы австрийским бомжом-краснобаем, а Россия была бы сейчас высококоразвитой и цветущей империей с населением в 400 миллионов человек (по подсчетам Менделеева).

Но в 1945 году русские танки должны были взять Берлин. И взяли.

Четыре танковые армии — это четыре тысячи экипажей, четыре тысячи боевых общин, боевых артелей, обстрелян-

ных и закаленных. Из десяти солдат девять прошли через госпитали. В каждой армии 20 тысяч машин — это 20 тысяч водителей, лихих и неунывающих шоферов, помирать которым рановато, как пелось в их песне. В каждой танковой армии — по артиллерийскому корпусу прорыва. При каждом корпусе пушек — дивизия тяжелых «катюш». Над головами — четыре тысячи русских самолетов, захвативших господство в германском небе. Такой военной силы не видела земля от сотворения мира.

Когда русские танки окружили Берлин, за их спиной остались поля сражений от Волги до Шпрее с разоренными русскими селами, с торчащими трубами печей и разрушенными городами. Они помнили горькие «котлы» начала войны. Потом будут от боя к бою совершенствовать боевые порядки. Лучшим танковым корпусом в этой грозной армии будет тот, который пошлет Урал — опорный край, кующий оружие.

За спиной таранного авангарда танковой нации десять великих танковых встречных битв. Военные историки знают 30 крупных танковых операций. Мы повели лишь о десяти самых беспощадных встречных сражениях. Ни одно из них, кроме Прохоровки, не вошло в сознание народа, не стало частью его переживаний и гордости.

Пятьдесят пять лет мы замалчивали, не осмыслив, опыт отцов, обкрадывали народ, пока не превратили его в иждивенцев и рэкетиров, попугав, испытывающих слабость в коленках при виде заморской этикетки и гитарки. Все десять встречных танковых битв должны найти отражение в живописи «грековцев» в календарях, кинофильмах и, главное, во всех учебниках средних школ и училищ. Имена этих сражений пусть будут так же известны, как имя Прохоровки. Бронетанковая академия и Институт военной истории обязаны по каждой встречной битве написать серьезную работу и издать отдельными книгами — «Великие танковые битвы» в 10-ти томах.

Поддержать это начинание — священный долг всех танкистов, от курсантов до генералов, перед памятью отцов, горевших в танках и бившихся во встречных ближних боях.

ТАНК — ОРУЖИЕ ОДУШЕВЛЕННОЕ

Человек был и остался абсолютным оружием всех битв. Но его-то казарменный коммунизм и перемолол в своей авангардно-абстрактной бессмысленно-интернациональной мельнице. Оружие совершенствовалось непрерывно, а бойца барабанили лозунгами и готовили как придаток к механизму. Своеобразное обожествление техники, столь много значившее для овладения Россией передовым техническим опытом, в этом случае сыграло свою злую роль.

Здесь речь прежде всего о воинском воспитании и обучении. Танк — оружие почти одушевленное. Танкисты, как и конструкторы, относятся к нему как к живому существу. Три или четыре бойца экипажа — это уже боевая артель, военная община, а когда она осознает свою роль в исторической схватке, то становится военно-духовной общиной.

Такого оружия, как танк, в истории сухопутных войн не было. Всадник, действуя даже в лаге, был одиночкой. Танки же, пусть и отдаленно, сравнимы только с тяжелыми колесницами. Не случайно, обладая наибольшей глубиной исторической памяти, Израиль назвал свой танк «Меркава» (колесница по-древнееврейски). Танк на поле боя прежде всего ищет танка врага, чтобы, уничтожив его, ринуться в оперативную глубину. Даже если против танков поставить на километр фронта колесо в колесо артиллерию, все равно, собрав танки в кулак и бросив их на один стометровый участок, при поддержке авиации и самоходок, танки, пусть с потерями, но раздавят пушки и прорвутся. Как говорили уральцы: «Сгорим или прорвемся». Это понимал и страстно проповедовал Гудериан и лучшие немецкие военачальники, но осталось смутным не только для Сталина, но и для

иных лучших наших полководцев. Это видно хотя бы из приказа наркома обороны от 16 октября 1942 года. В нем главной задачей танков объявлялась борьба с пехотой, а борьба с танками противника возлагалась на артиллерию. Причем, это на уровне «корпус-армия».

Справедливости ради, надо заметить, что англичане, выдвинув «отцов» танковой войны Фуллера и Лиддела-Гарта, были не умнее нас. В те же годы в Африке они делили свои танки на наступательные и оборонительные. Ромель же, сплотив свои немногочисленные танки в подвижный кулак, гонял англичан по Ливийской пустыне. После первых трепок в Африке от немцев и американцы поняли, что они даже англичан намного превосходят в танковом неведении. Стремительные всех на своих бескрайних просторах танковым истинам учились русские, которые оказались как будто созданы для танковых битв. Уроки были жестоки и кровавы, но из этой школы выходили бойцы особой, можно сказать, национальной закалки. Ведь в них соединился высокий древний русский дух воина-спасителя с безудержным, страстным, «корчагинским» порывом устроения нового мира.

Вот они — эти уроки.

За шесть месяцев второго полугодия 1941 года Путиловский (Кировский) завод в Питере, в блокаду, под обстрелами дал фронту 935 тяжелых танков КВ. Даже половины из этого числа достаточно было собрать в кулак, чтобы прорвать любой фронт на земле и разметать блокаду. Но этого не случилось. Танки распахали по полкам и батальонам, где они или были подбиты, или поломаны, или застряли в русском бездорожье. Кроме того, сложная машина требовала особой выучки и простому трактористу на ней делать было нечего. Так что напрасно, напоминая, что теперь у нас танков больше, чем у немцев, Сталин крайне гневно вопрошал у подчиненных: «Куда вы дели танки КВ?»

Только за один 1941 год, несмотря на потери, «котлы» и эвакуации заводов, мы выпустили 6950 танков разных модификаций. Немцы, заставив трудиться всю Европу, сделали вдвое меньше — 3256 танков. Но без танковой идеологии, которая отливается в чеканные и мудрые положения Устава танковых войск, количество оружия не дает побед. Даже создав летом 1942 года первые танковые армии, мы не до конца понимали их природу и назначение, как ударных и подвижных сил. В один полк могли попасть и тяжелые танки, и средние, и даже остатки легких. К тому же в танковую армию включили пехотную дивизию, которая «путалась под ногами» и связывала действия танков.

В том же переломном и отчаянном 1942 году, вновь превосходя противника по количеству танков, наши бойцы, чтобы остановить немецкие машины, еще бросаются под танки со связками гранат.

Андрей Платонов напишет жене в 1942 году с фронта: «Помни тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага». Напоминая о подвиге морских пехотинцев В. Цибульков, И. Красносельского, Ю. Паршина, Д. Одинова, А. Фильченкова при защите русской святыни Севастополя, Платонов пишет: «Это, по-моему, самый великий эпизод Войны (выделено мной. — К.Р.) и мне поручено («Красной звездой») сделать из него достойное памяти этих моряков произведение... Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. У меня получается нечто вроде реквиема в прозе. И это произведение, если оно удастся мне, Мария, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев». Платонов выразил тайную миссию всех дружинных певцов, на которых, со времен Гомера, держится весь эпос и вся мировая литература.

Все истребители танков являются тоже органичной частью нарождающейся танковой нации. Николай Островский писал: «Я пишу для той молодежи которая встретит врага огнем и сталью». Он предупреждал левиз броневых полков танковых армий. Своим «корчагинским» духом Островский в войну присутствовал во всех боевых общинах новой танковой нации.

Истребители вражеских танков были первые помощники наших броневых машин. Приказом Ставки в том же 1942 году были созданы легкие пушечные полки и противотанковые батареи в стрелковых частях. Их переформировали в знаменитые и грозные ИПТАПы — истребительно-противотанковые артиллерийские полки и дивизионы. На руках солдат — скрепленные стволы пушек. Их появление на фронтах знаменовало наступление и жаркие бои.

Одним из "корчагинской" породы был и майор В. Петров, командир одного из ИПТАПов. В бою под Киевом осенью 1943 года он заменил погибший расчет и стал бить по танкам прямой наводкой. Снаряд разбил орудие, а Петрову перебил обе руки. Но Петров не ушел с поля боя и продолжал командовать, пока не была отбита танковая атака. За этот бой майор Петров получил звание Героя Советского Союза. И дальше, даже лишившись рук, он остался с полком и воевал так успешно, что получил вторую звезду Героя.

Сто четыре танкиста за войну были удостоены орденов Славы трех степеней. Звания Героя Советского Союза удостоились 1142 человека, из них 16 дважды. Среди этих шестнадцати тот самый генерал Якубовский, который захватил ночью Фастов.

Когда англичане перевели роман "Как закалялась сталь", они просили у Островского разрешения назвать его роман "Рождение героя". Не откажешь англичанам в зоркости и точности в оценке сути романа.

Без Николая Островского немисливо постигнуть дух времени. Он писал роман для того, чтобы вернуться в передовые цепи. Островский, почти что в одиночку, творил то, что в Германии десятилетиями вырабатывала нацистская партия и государство, — он лепил нового героя, и хотел "дать образ молодого бойца, на которого равнялась бы наша молодежь".

Тяжело раненный еще в Гражданскую войну, контуженный, Островский начал писать роман уже будучи слепым, парализованным, при непрерывных, мучительных болях. Пишет лежа, диктует. Получил ордер на полкоманды в коммунальной квартире. За занавеской умирает незнакомая старушка. Кровать у него из ящиков и досок. Вместо стульев чурки. Кашляет кровью и творит. Островский пишет на оборотной бумаге и просит в письмах у друзей присылать ему по одному-два чистых листа бумаги. Живет на скудные продовольственные карточки и воодушевляет всех.

Он спешит, как спешил Михаил Кошкин, когда бросил крупную должность и пошел в Политехнический институт учиться на конструктора танков. Интуицией гения

он предчувствует приближение беспощадной войны, поэтому у него нет полутонув — он или любит, или ненавидит.

Островский — певец нового отбора, нового дворянства: "Истина для меня, раз не большевик, значит, весь человек, не боец передовых цепей наступающего пролетариата, а тыловой работник". Он просит, вымалывает только одного — беспощадной критики: "Я же военный человек. Мне можно говорить прямо и резко обо всем... Я не свалюсь с ног, выдержу любую критику".

Это слова самого Островского произносит Павел Корчагин матери перед отъездом на фронт: "Я, мамань, слово дал себе девчат не голубить, пока на всем свете буржуев не прикончим. Что, долгонько ждать, говоришь? Нет, мамань, долго буржуи не продержатся... Одна республика станет, для всех людей, а вас, старушек да стариков, которые трудящиеся, — в Италию, страна такая теплая по-над морем стоит. Зимы там, маманя, нет. Поселим вас во дворцах буржуйских, и будете свои старые косточки на солнышке греть. А мы буржуа кончат в Америку поедим".

Здесь древнейшая русская идея о социальной справедливости перелита в самую изысканную еретическую всемирность. Корчагин — самый русский герой из всех героев Великой литературы. Это тот же Алеша Карамазов, сменивший монашескую одежду на длиннополую кавалерийскую шинель. Можно даже сказать, что если все герои литературы русские, то Корчагин "русак" с испепеляющей любовью к правде и к честной жизни.

Островский уже видел своего смертельного врага — в лице "напманов", тогдашних "новых русских", этих рыночных воров и доносящейся номенклатуры. Он скажет о них: "Все это мясо живет на нетрудовой доход".

5 февраля 1936 года наркомат обороны вернул недвижимого Островского в армию со званием бригадного комиссара и выдал военный билет. Создатель Павла Корчагина получил в петлицу генеральский ромб и комиссарскую звезду на рукав. Ему 32 года. Его девиз:

— "Только вперед, только на линию огня".

А на Тихом океане уже полыхает война, мы воюем в Испании, а через три года вермахт перейдет польскую границу. "Отец тигров" ("тигер фатер") Э. Алерс уже получил задание на разработку нового тяжелого танка. Тогда же замыслил свой танк Михаил Кошкин, а к будущему танку КВ приступили Котин и Духов. Наш великий философ Алексей Лосев приводит слова Фомы Аквинского о том, что "форма дает каждой вещи бытие". Здесь "форма" и "идея" тождественны. Кошкин дал танку наиболее совершенную форму, воплотил идею органичности, цельности и красоты. "Всякое сущее либо просто, либо составно, — пишет Фома. — Но то, что просто, неделимо, как в актуальном, так и в потенциальном смысле. Напротив, то, что составно, не имеет бытия, пока части его разделены... Отсюда ясно, бытие всякой вещи заключается в ее нераздельности". Потому и змей, которого убивает Георгий, не имеет бытия, ибо он не органичен. У него крылья птички, а сам он гад ползучий.

Своя душа была и у немецкого танка — она наиболее ярко воплотила в себе дух средневекового рыцаря-тевтона и нацистскую идеологию "сверхчеловека".

Ко времени работы над основными танками войны Германия полным ходом ковала кадры вождей и воплощала национал-социализм в соответствии с заветами своих духовных фюреров. Одним из них, наряду с Кантом, Фихте, Гегелем и Ницше, был Освальд Шпенглер, автор книги "Закат Европы". Он убеждал: "Перед нами стоит задача освободить от Маркса немецкий социализм, ибо никакого другого не существует". Уверенность наших народовольцев в особом пути России,

Экипаж танка КВ «Николай Островский»

опирающейся на деревенскую социалистическую общину, вызвала бы у Шпенглера только высокомерное презрение. Он уверен, что на свете есть только один социализм — прусский, где все за всех, и добавлял: «Маркс был только отчимом социализма. В социализме есть более древние, более сильные, более глубокие черты, чем те, которые содержит Марксова критика общества».

Эти «более древние, более сильные, более глубокие черты» призваны были привести в мир войска СС — «ваффен-СС», солдаты которых должны были стать олицетворением германского духа. Если число эсэсовцев в 1929 году не превышало тысячи человек, то к 1931 году их число, после беспощадного отбора, достигло 50-ти тысяч. Национал-социалисты сознательно создавали новую элиту Германии в лице Черного ордена.

Наполеон говорил, что Пруссия «вылупилась из пушечного ядра». На самом деле все было сложнее. Пруссия есть прямое продолжение Тевтонского ордена, возникшего в XII веке в Иерусалиме во время крестовых походов. Тевтонские рыцари, эти суровые воины-монахи, стали для поколений немецких школьничков символами героики и самопожертвования. Черный орел тевтонов с орденовских штандартов перейдет на знамя Пруссии, а затем Второго и Третьего райха, пока толстой, раскормленной курицей не украсит бундестаг Германии.

Черное братство эсэсовцев, по убеждению склонного к мистицизму Генриха Гиммлера, грезившему рыцарской символикой, должно было прийти на смену Тевтонскому ордену и стать новым дворянством Германии. Если вермахт черпал свои кадры в городах, то СС набирала добровольцев преимущественно в сельской местности. Здесь все характеристики эсэсовских войск взяты из работ антифашистских историков, которые никогда не ставят под сомнение итоги суда в Нюрнберге. Но даже эти историки вынуждены признать, что с помощью изощренной пропаганды и муштры нацисты сумели сделать из боевых дивизий СС самые боеспособные, безжалостные и даже безрасчетные войска в истории человечества. Стойкость и готовность эсэсовцев к самопожертвованию поражала как врагов, так и союзников Германии.

После призыва молодых людей подвергали изнурительной и непрерывной муштре. Набирали рослых и абсолютно здоровых молодых людей. Юноша даже с одной пломбой в зубах не мог попасть к Зеппу Дитриху в «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Лучшие дивизии эсэсовцев, возраста в статусе из мотопехотных становились танково-гренадерскими. Из первых двенадцати эсэсовских дивизий к концу войны две были горными (6-я «Норд» и 7-я «Принц Ойген»), одна — 8-я по счету — кавалерийская «Флорман Гейгер». Зато остальные девять были панцер-гренадерскими. Среди них 1-я — «Лейбштандарт Адольф Гитлер», 2-я — «Райх», 3-я — «Мертвая голова», 4-я — эсэсовская полицейская панцер-гренадерская дивизия, 5-я — танковая дивизия СС «Викинг», 9-я — «Гогенштауфен», 10-я — «Фрундсберг», 11-я — добровольческая «Нордланд», и 12-я — эсэсовская танковая дивизия «Гитлерюгенд», которая также гордилась своим прозвищем: «Истребители, а не солдаты», как «Мертвая голова» прозвищем «солдаты уничтожения».

В отличие от правил вермахта, ни один эсэовец не мог стать офицером до тех пор, пока не послужил солдатом в эсэовских частях. Эсэовцам были присущи особые узы братства. За малейшие проступки, самоволки, пьянство, драки или любые преступления эсэовцев беспощадно выбрасывали. Дисциплина и личная верность фюреру была их религией. Кроме ежедневных кроссов и учений, они обучались боксу и рукопашной. Из них делали стойких и безжалостных бойцов. Атака, учили их, должна быть стремительной и жестокой, чтобы избежать больших жертв. Их натаскивали быть беспощадными врагами коммунистов, цыган, масонов, папистов, евреев, гомосексуалистов, проституток и всех прочих «унтерменшей».

Эсэовцы всегда подчеркивали свою особую связь с Тевтонским орденом. Весной 1943 года была сформирована

11-я добровольческая панцер-гренадерская дивизия «Нордланд». Ядром дивизии стал одноименный полк из танковой дивизии СС «Викинг», о которой с похвалой отзывались даже советские военачальники. К «Нордланду» добавили норвежский полк «Норге» и датский «Данмарк». В этой части служили и англичане. В дивизии «Нордланд» воевал танковый батальон «Герман фон Зальца», названный по имени самого знаменитого гротмейстера Тевтонского ордена Германа фон Зальца, который и ввел в эмблему ордена Черного орла. Бело-черные цвета Тевтонского ордена (белый плащ с черным крестом) нашли отражение в серебряной окантовке черного Железного Креста. Каждый солдат дивизии «Тотенкопф» мечтал получить серебряный перстень с мертвой головой, который он унесет с собой в могилу.

Чем суровее была муштра, тем больше мальчишек мечтало надеть черную форму с руническими знаками в петлице и с ножом в черном чехле, где на стали были выгравировано «Верность — моя честь». Имелась в виду личная верность Адольфу Гитлеру, в день рождения которого каждый эсэовец приносил фюреру присягу.

Мы не говорим здесь о карательных частях «ваффен-СС», о чьих подвигах нельзя вспоминать без содрогания и отвращения. Ведь по плану «Ост» четверть населения славянских государств — Польши, Белоруссии, Украины и России — должна была быть немечена, а три четверти, со смешанными угро-финскими или татарскими чертами, собирались загнать за Урал и составить из них свразийский буфер между желтым Китаем и арийским райхом. Каратели из СС много «потрудились» во исполнение этого плана. Путь элитных частей «ваффен-СС» тоже был кровав, но они хотя бы лицом к лицу сталкивались с нашими войсками на поле боя.

Даже в периоды расцвета войск «ваффен-СС» их число не превышало десятую часть от общего количества войск вермахта, вражда которого к Черному ордену Гиммлера никогда не утихла. На первых трех танковых дивизиях «ваффен-СС» — «Лейбштандарт Адольф Гитлер» Зеппа Дитриха, «Дас Райх» Пауля Хауссера и «Тотенкопф» Теодора Эйке — лежит печать их создателей. Во Второй мировой войне только Германия располагала дивизиями, которыми руководили их создатели. Правда, первые именные полки появились в русской Белой армии на юге России в Гражданскую войну. Тогда же в Германии появились части фрейкора, носившие имена своих создателей. Одна из них, бригада морской пехоты Эрхарта, жестоко подавляла отряды немецких коммунистов. Сам Эрхард долго был более популярен, чем Гитлер, и даже более фанатичен. Многие немецкие офицеры, особенно из пруссаков, могли и самого фюрера поучить национализму. Надменный и величавый фельдмаршал фон Рундштедт однажды глубоко травмировал фюрера, когда посоветовал ему не иметь дела «с этой негринской задницей Муссолини». Гитлер, считавший Муссолини своим учителем, чуть не задохнулся от обиды.

И все же даже всепроникающая организация нацистской партии с ее гестапо не смогла повредить здоровый ствол немецкой нации и ее армии, веками вращавшейся Гогенцоллернами. Если бы это было не так, то Германия не смогла бы возродиться после 1945 года. Даже при нацистских мутантах Германия на заводах и полях битв продолжала творить свою судьбу, неведомую миру, ослепленному ненавистью, судьбу, импульс которой был дан в древних веках. Лучшие солдаты Германии никогда не служили национал-социализму фюрера, но стране Гете, Шиллера, Клаузевица, Канта и монаха-рыцаря Майстера Экхарта, «от которого Господь ничего не скрывал». Должны же мы, хотя бы через полвека, уяснить себе, с кем мы воевали и какую армию победили?

Завершая рассказ о танковых дивизиях «ваффен-СС», заметим, что едва ли не самой боеспособной среди них считалась «Мертвая голова». Она не раз сражалась в самых безнадежных обстоятельствах до последнего солдата. Она носила порядковый номер «три». Но была и третьей по количеству кавалеров Рыцарского креста — 47. Более всего Рыцарских крестов пришлось на долю 2-й танковой дивизии СС

“Дас Райх”, а именно — 69. У 1-й танковой дивизии СС “Лейбштандарт Адольф Гитлер” их было 58. У танковой дивизии СС “Викинг” — 55 Рыцарских крестов. Но ни одна боевая дивизия СС не оставила в памяти таких ужасов, как 20-тысячная дивизия “Мертвая голова” — детище неукротимого фанатика Теодора Эйке. Он сумел заразить своих солдат исполняющей ненавистью ко всем врагам германской нации. Европа с 20-х годов была наводнена слухами и фактами о жутких злодеяниях коммунистов в России. Теодор Эйке внушил молодым людям, что перед ними не обычный противник, “а европейско-большевистский уклон, одержимый идеей уничтожить рай, если ему в этом не помешают”. Эсэсовцам адвально вбили, что они являются не только носителями традиций немецкого рыцарства, но и спасителями мира от страшной заразы. Последний командир “Мертвой головы” Гельмут Беккер сдался с остатками дивизии после боев у Балатона и Вены американцам. Советские руководители настояли на том, чтобы Беккера передали им, так как “Мертвая голова” воевала почти всю войну на Восточном фронте. Американцы выдали Беккера, и 28 февраля 1953 года его расстреляли. Сталину оставалось жить пять дней.

История мировых войн еще не знала более грозных и жестоких воинов, чем солдаты элитных эсэсовских частей. Все перечисленные танковые дивизии СС много раз встречались на поле боя с нашими танкистами и почувствовали на себе беспощадную ярость русского боя. В сражениях с таким уникальным противником и возрастала от боя к бою новая танковая нация.

ГЕНЕРАЛЫ ВЕРМАХТА

Как не важен для понимания природы нацизма Черный эсэсовский орден, все же Германия и ее вооруженные силы представлял, прежде всего, вермахт, который потому и называли “ваффен-СС”, что считал себя вековым и единственным защитником чести Германии. Мы никогда не проникнем в дух, природу и пружины отрешившей войны с Германией, если не коснемся, пусть бегло, судьбы трех выдающихся генералов вермахта.

Мы не имеем в виду ни такого знаменитого танкового генерала, как фельдмаршал Вальтер Моделль, по прозвищу “Лев обороны”. Солдаты любили его, ведь Моделль не раз сам с пистолетом в руках вошел в атаку. Не желая капитулировать, Моделль в 1945 году покончил с собой. Не говорим мы и о знакомом нам уже танковом генерале Геппнере, которого Гитлер повесил в 1944 году. Мы не коснемся и знаменитого, с орденом профилем, Германа Гота, чьи танки так и не смогли деблокировать Паулюса в Сталинграде. Остался в памяти и танковый генерал Вальтер Венк, последняя надежда Гитлера в осажденном Берлине. Даже “быстроходный Гейнц” — Гудериан, — на танках которого Гитлер разрешил написать готическую букву “G” в знак признания его заслуг, не откроет нам во всей полноте тайну вермахта и Германии, в битвах с которой родилась русская танковая нация.

Все прославленные немецкие полководцы нацистской эры, все без единого исключения, были офицерами Второго рейха, основанного князем Бисмарком и графом Мольтке во главе с любимцем русской армии Вильгельмом I Гогенцоллерном, умершим в 1888 году, он был ровесником Николая I и на два года старше Пушкина.

В XVIII и XIX веках цвет немецкой молодежи сбегался на лекции отечественных мыслителей. После 1870 года и разгрома Франции молодежь чутко стала реагировать на слова политиков типа Бисмарка, военных вроде Мольтке, Бернгарда, Гинденбурга. Религиозная энергия немцев перелилась в военную сферу, где они теперь искали разрешения своих национальных чаяний среди, как им казалось, враждебного им мира во главе с коварным Альбионом.

Потому, учитывая золотую эпоху Гогенцоллернов, лучшие всех судьбы Германии и танковых битв выветятся для нас три военачальника: однорукий танковый генерал Ханс Хюбе, самый любимый солдатами вермахта генерал, удос-

тоенный от них восторженного прозвища “дер Менш” — “Человек”; барон Хассо фон Мантойфель, дед которого был военным министром во времена Вильгельма I; и легендарный Эрвин Роммель, едва ли не единственный немецкий полководец, который не переступил границу России во Второй мировой войне.

Из всех немецких танковых генералов мы особо выделили этих троих, потому что все трое на взлете карьеры, как особой милости, попросили у фюрера в командование танковую дивизию и отправки на фронт. Все трое добились выдающихся результатов, получили “полный бант” к Рыцарскому кресту и энергично сами воспитывали и обучали свои дивизии. Это непреодолимое стремление самых даровитых офицеров вермахта и “ваффен-СС” к овладению танковым оружием и страсть к активному бою и были самым сокровенным и главным свойством германской жизни между войнами. В этом проявилась гогенцоллерновская жажда занять для Германии достойное ей место в мире. Фихте полагал, что в этом долг немцев перед человечеством. Фридрих Великий был уверен, что Бог пребывает в самом храбром батальоне. Самыми храбрыми и быстрыми батальонами стали танковые батальоны. В мире пробил час танков.

Ханс Хюбе. Гитлер любил его, пожалуй, даже больше, чем его солдаты. Во главе танкового корпуса попал Хюбе в сталинградский “котел”. Когда фюрер понял, что положение осажденных безнадежно, он потребовал от Ханса Хюбе покинуть Сталинград на самолете. Этот путь из окружения для многих офицеров был вожаденной мечтой. Но Хюбе наотрез отказался покинуть своих солдат. Все попытки фюрера вызвать Хюбе и сохранить его для Германии оказались тщетны. Гитлер, считавший Хюбе одним из трех величайших полководцев Второй мировой войны, пошел на крайнюю меру. Он отправил в Сталинград свой самолет с личными телохранителями с приказом вывести Хюбе из Сталинграда силой.

Ханс Хюбе был родом из Наумбурга, где в соборе в середине века освещали свои мечи крестоносцы. Он начал службу в 1909 году, а на следующий год стал лейтенантом. Руку Хюбе потерял в верденской мясорубке, но остался на фронте, закончив Первую мировую войну капитаном. Он отличался решимостью, тактом, энергией, методичностью и открытостью к новым веяниям. В 1934 году, после 25 лет службы, он все еще подполковник и командир моторизованного опытного батальона. В райхсвере не делал карьеру. Все четыре тысячи набранных к 1920 году боевых офицеров чувствовали себя членами особого офицерского ордена на бескорыстной службе Германии.

В 1935 году Ханс Хюбе за выдающиеся организаторские способности был назначен комендантом Олимпийской деревни. Он же отвечал за безопасность спортсменов. На этом поприще он поразил Гитлера своим умом и энергией. Фюрер дал ему погону оберста. Когда началась война на Западе, Гитлер спросил Хюбе, чего он пожелал бы получить от фюрера. В старину так вопрошал всемогущий владыка у удачливого подданного. Ханс Хюбе попросил себе в командование танковую дивизию и отправки на передовую. Ему дали 16-ую танковую дивизию, которую он сам терпеливо обучал и придал ей черты своей собственной незаурядной личности. За блестящие операции во Франции произведен был в генерал-майоры.

После Сталинграда Хюбе будет талантливо командовать 1-й танковой армией в самых, казалось бы, безнадежных обстоятельствах. 20 апреля 1944 года двобойск с Дубовым Листым и Мечам к Рыцарскому кресту он присвоил и Бриллианты. Хюбе ждал назначение на должность командующего группой армий, то, что у нас называлось “фронтом”. Его, несомненно, ждал со временем маршалский жезл. Но на другой день самолет Ханса Валентина Хюбе разбился рядом со Ставкой Гитлера в Берхтегсдорфе. Главного “Человека” вермахта не стало.

Хассо фон Мантойфель родился в Потсдаме в 1897 году. Отец его умер, когда Хассо было семь лет. Его и трех сестер будет воспитывать мать. Маленький барон Хассо окончил в

Наумбурге (Заале) кадетский корпус, затем привилегированное военное училище Берлин-Лихтерфельде. Как и подобает, чем аристократичнее училище, тем строже и скромнее быт юнкеров. Со званием фенриха (кандидата в офицеры) Хассо фон Мантойфель кавалеристом вступил в 1916 году в войну. Мантойфель был невысок, худощав, невероятно подвижен и обладал явными педагогическими способностями. Как только барон Хассо был зачислен в райхсвер, он сделал предложение миловидной блондинке Армгард фон Клейст, племяннице будущего фельдмаршала Эвальда фон Клейста. Тогда же он участвует в подавлении мятежей коммунистов — «спартаковцев».

Гудериан острым глазом танкового апостола разглядел в кавалерийском офицере фон Мантойфеле незаурядные дарования строителя бронетанковых сил. В 1939 году он стал комендантом училища по подготовке офицеров-танкистов в Потсдам-Крампице.

Кавалерист Мантойфель был прирожденным танкистом, сумел передать курсантам дух танковой тактики, приучал учеников к предельной активности в бою и подчеркивал способность каждого танкового экипажа, как драться в строю, так и вести свою одиночную войну, приспосабливаясь к ландшафту. Когда победоносные войска вернулись из Парижа, Хассо фон Мантойфель попросился перед вторжением в Россию в 7-ю танковую дивизию, пусть даже командиром стрелкового батальона. Командир полка был убит, и барон Мантойфель занял его место. Его полк был все время в пекле и на острие 7-й танковой дивизии, с которой Роммель в 1940-м прославился на Западе. За бой под Москвой у Яхромы полковник фон Мантойфель награждается Рыцарским Крестом.

В начале 1943 года он уже в Африке. Слава о неутомимом Мантойфеле, который выходит из самых безнадежных обстоятельств, дошла до фюрера. Генерал-майор Мантойфель, крайне удивленный вниманием к его персоне, явился в Ставку фюрера. Гитлер спросил боевого барона, какие у него желания. Мантойфель, не задумываясь, попросил 7-ю танковую дивизию и получил ее. Осенью 1943 года за захват его дивизией Житомира Мантойфель получил Дубовые Листья к Рыцарскому кресту. Гитлеру понравились успехи деятельного и отважного барона, и он, пригласив его на Рождество в Ставку, подарил ему 50 танков. Заметив восторг в глазах маленького пруссачка, Гитлер понял, что для обороняющегося вермахта люди с такой психикой, как у Мантойфеля, на вес золота. И он тут же назначил его командиром одного из самых знаменитых соединений — добровольческой танковой дивизии «Гроссдойчланд» («Великая Германия»). Вскоре за успехи он получил Мечи к Рыцарскому кресту.

Гитлер, измученный к тому времени традом сипавшихся на него плохих вестей с фронтов, видимо, испытывал потребность время от времени видеть удачливого барона. В начале 1944 года дивизия «Гроссдойчланд» вырвалась из русского котла, не потеряв ни одного танка. Осенью 1944 года Гитлер вновь вызвал фон Мантойфеля в Ставку и назначил его командующим 5-й танковой армией на Западном фронте. Армии фон Мантойфеля была отведена одна из главных ролей при наступлении в Арденнах, где немцы нагнали на янки страху. За Арденны Хассо фон Мантойфель получил из дрожащих рук фюрера Бриллианты к Рыцарскому кресту.

Весной 1945 года Мантойфель будет командовать 3-й танковой армией. 3-я танковая отступала, огрызаясь из последних сил, когда на командном пункте появился фельдмаршал Вильгельм Кейтель и, постыкивая нервно стеклом по руке, потребовал от имени фюрера наступать. Мантойфель и генерал Хейнрих сказали, что без подкреплений это немислимо. Произошла ссора. Исчерпав аргументы, Кейтель выпалил: «Вы ответите за это перед историей!». На что барон ответил: «Мантойфели служат Пруссии уже двести лет и всегда отвечали за свои поступки». Подавленный и разгневанный, Кейтель ушел в Ставку.

Дни Третьего рейха истекали. Мантойфель, сохраняя боевые порядки и не допуская паники, привел свою армию

на Запад и сдался Монтермери. С 1953 по 1957 год Мантойфель даже избирался в бундестаг, и читал лекции в Вест-Пойнте (США).

Фон Мантойфель был настоящим солдатом. В 1917 году Мантойфель, получив порцию шrapнели в ногу и не долечившись, сбежал из госпиталя, за что попал под домашний арест. В Африке от истощения он упал в обморок прямо на своем командном пункте. Позже, получив ранения от взрыва гранаты, Мантойфель не покинул позиции. Историки отмечают его исключительное уважение к каждому рядовому солдату. Эта боевая беззаветность командира импонировала солдатам, и они любили барона за то, что его ни в одном пекле не покидало чувство юмора.

Эрвина Роммеля называли «Лисом пустыни». Трудно найти в истории более неудачное прозвище. Судя по ранам, которые он наносил англичанам, повадки Роммеля в пустыне более напоминали поступь льва, чем лиса. Отвага, боевое коварство, стремительность и оригинальность превалировали в его почерке.

Отец и дед Эрвина Роммеля были мирными учителями — занятие почетное в Германии, как нигде в мире. В 1910 году 18-летний Роммель поступил в армию и в 1912 году получил звание лейтенанта. На войне, по свидетельству военного историка, как только молодой лейтенант Роммель попал под обстрел, «в нем проснулся хищник: хладнокровный, коварный, безжалостный и на редкость бесстрашный». Роммель был рожден для битв. Командуя ротой, Роммель проявлял «священное рвение», и капитаном удостоился высшей военной награды «Pour le Merite». Зимой 1917 года он взял отпуск и между боями венчался. В браке Роммель был счастлив. Закончив войну капитаном, звание майора он получил только в 1930 году.

В 1935 году Роммель становится преподавателем Военной Академии и проявляет наследственные педагогические способности. Свои лекции он строит на личном военном опыте, а затем издает их отдельной книгой — «Пехота атакует». К его удивлению, книга стала бестселлером и произвела сильное впечатление на Гитлера. Фюрер приблизил к себе. Во время польской кампании он уже генерал-майор и начальник батальона охраны фюрера. Роммель внимательно и звонлованно следит за разгромом Польши. Когда благосклонный к нему фюрер спросил его, чего бы он желал, Роммель, как Хюбе и Мантойфель, попросил танковую дивизию.

В конце 1940 года английские «силы Западной пустыни» во главе с генералом сэром Ричардом О'Коннором в очередной раз растрепали и разогнали «железные легионы» Муссолини, отличавшиеся непобедимым миролюбием и непреодолимым отвращением к звукам выстрелов. Англичане захватили в короткий срок Египет, Ливию, Киренаику с городами Бардия, Тобрук и Бенгази. Итальянцы недосчитались, по обыкновенно, тысяч сто тридцать солдат, полторы тысячи орудий и 400 танков. Чтобы спасти своего незадачливого союзника, Гитлер отправил Роммеля в Африку с двумя танковыми дивизиями. Так вошла звезда «Африканского корпуса» и его легендарного командующего. Силы англичан превосходили немецкие, но Роммель бросился на них с такой безрассудной отвагой и умением, что разбил англичан наголову — захватил Бенгази и пленил самого победителя итальянцев сэра Ричарда О'Коннора и генерал-лейтенанта сэра Филиппа Нима.

В июле 1941 года Роммель еще раз в пух и прах разбил англичан, хотя они превосходили его вдвое. В том же году он был произведен в генералы танковых войск.

В ноябре — декабре 1941 года британская 8-я армия навалилась на «Африканский корпус» Роммеля пятью моторизованными пехотными дивизиями, одной бронетанковой дивизией, тремя бронетанковыми бригадами и еще двумя моторизованными бригадами. У англичан было 748 танков на 249 немецких — трехкратное превосходство. Англичане вновь не смогли ничего сделать и были разбиты, хотя недостаток сил, отсутствие горючего и боеприпасов не дали Роммелю развить успех. Англичане, счастливые тем, что

избежали полного разгрома, стали позже даже оспаривать плачевные для них результаты этих месяцев.

21 ноября 1941 года под Тобруком англичане прорвали участок итальянской дивизии "Африка", и положение немецко-итальянских войск ухудшилось. Итальянцы были для англичан "манной небесной". Если бы не итальянцы, в их послужном списке за всю Вторую мировую войну не было бы ни единой полноценной победы ни на суше, ни на море. А тогда, 21 ноября, Роммель сам возглавил войска и во главе разведотряда двинулся на англичан. Он отбросил противника, подбив подложины танков.

Пока командир "Африканского корпуса" генерал Крювел отбивал все попытки 30-го английского корпуса прийти на помощь осажденному Тобруку, Роммель 23 ноября при Сиди-Резеге разгромил английскую 7-ю бронетанковую дивизию, шедшую на помощь Тобруку. На другой день Роммель стал в голову 21-й танковой дивизии и на предельной скорости понесся вперед. Он рвался с такой быстротой, что "Африканский корпус" растянулся за ним по пустыне в тучах пыли на полсотни километров. Остатки 7-й бронетанковой и 1-й южноафриканской дивизии в спешке бежали от неистового Роммеля. Генерал Каннингхем с 30-м корпусом решил бежать и укрыться в Египте. Но примчавшийся в штаб 8-й армии генерал Окинлек приказал держаться во что бы то ни стало. 27 ноября происходит еще одно сражение у Сиди-Резеге.

К концу 1941 года англичане решили, что Роммель остался без техники, горючего и боеприпасов и выдохся. Но в январе 1942 года он расколотил 201-ю британскую гвардейскую бригаду, сильно потропал 1-ю бронетанковую дивизию и снова вошел в Бенгази, отбросив англичан к линии Газала. В том же январе за эти успехи Роммелю присвоили звание генерал-полковника.

Англичане дрались храбро, но, по сути, без руководства и боевого управления. Их генералы не любили передовых порядков, но зато громких титулов получили больше всех воюющих сторон. Если кто-либо и мешал англичанам вести войну в Африке, так это еще и кичливый бездельник Черчилль, который непрерывно вмешивался во все действия командующих, сменив на этом посту за год пять человек. Не участвовавший ни в одном сражении, Черчилль со времен Первой мировой мнил себя полководцем. Ни при одном премьере в своей истории Англия не терпела столько поражений, сколько при нем.

А Эрвин Роммель уверенно входил в ранг национальных героев Германии. Одиноким "Африканский корпус" в далекой пустыне обрстал романтическим ореолом. Сам Роммель дрался как в первый день творения, будто до него не было войн. От его поступков веяло какой-то первобытной свежестью, которая просто зачаровывала солдат. При любом численном превосходстве противника Роммель всегда бросался в схватку первым.

Гитлер надеялся, что летом 1942 года танки Роммеля через Египет и Сирию выйдут к Тигру и Евфрату, а танки фон Клейста доберутся туда же через Кавказ, как Русский корпус в 1916 году. Идея не такая уж и бредовая. Только для ее осуществления надо было сначала захватить Мальту и не ввязываться в уличные бои в Сталинграде. Только Черчилль понимал реальность этого плана и трепетал. За Дюнкерк и за этот трепет он и заставит английскую авиацию сровнять с землей немецкие города с воздуха.

В мае 1942 года Роммель разгромил англичан у Эль-Газалы, несмотря на трехкратное превосходство британцев в танках (900 английских против 333 немецких) и десятикратное в бронемашинах. Роммель искусно перехитрил англичан и, с риском быть окруженным, едва не уничтожил всю 8-ю армию Туманного Альбиона. Несмотря на крайнее переутомление своих войск, Роммель гнал противника до самого Тобрука и, собравшись с последними силами, решил-ся на штурм.

Немецкие танковые генералы в соответствии с Уставом двигались в голове своих дивизий. Тогдашний командующий "Африканского корпуса" генерал Неранг возглавил

15-ю дивизию, так как ее командир генерал фон Ферст был ранен у Эль-Газалы. Командир 21-й дивизии, веселый и горячий генерал, князь фон Бисмарк мчался между своими головными танками в коляске мотоцикла и лично разведывал минные поля, прежде чем разрешить танкам двигаться за ним. Сам Роммель не мог отстать от своих командиров и тоже был в голове наступающей колонны.

Как только "Африканский корпус" в тучах пыли появился под стенами Тобрука, Роммель на штабной машине выдвинулся на самые опасные позиции, чтобы лично руководить штурмом.

В сумерках 20 июня 1942 года дивизия фон Бисмарка прорвалась в Тобрук. 15-я немецкая танковая дивизия полковника Кразмана на кряже Пиластрино разбила 1-й Шервудский полк и 3-й Колдстримский гвардейский полк и захватила штаб бригады. 2-й Камеронский полк дрался в цитадели до вечера и сдался, когда капитулировала вся крепость. Ночью Роммель телеграфировал в Берлин о падении Тобрука и захвате 33 тысяч пленных. Казалось, кошмар Дюнкерка стал огненным судьбой англичан.

После штурма у Роммеля осталось всего 44 исправных танка. Но и они не стояли на месте. Темпераментный генерал фон Бисмарк на остатках бронетехники бросился за рассеянными англичанами до самого Гатуты и перешел границу Египта. До Нила оставалось километров шестьдесят. Только танковый бросок отделил у Эль-Аламейна Роммеля от древней Александрии. Не имея своих танков, Роммель воевал на машинах, отобранных у англичан. Из имеющихся у него в наличии транспортных средств 85 процентов были сделаны в Англии или США. Вечером 21 июня 1942 года Роммель услышал по радио, что произведен в фельдмаршалы. Жене он тогда же написал: "Гитлер сделал меня фельдмаршалом, но я вместо этого предпочел бы еще одну дивизию". Роммель был искренен. Он понимал, что если не захватит сейчас Александрию и Каир, то союзники со своими несметными ресурсами соберутся с силами. С 5 по 27 июля Роммель отбил десять контратак англичан.

Англичане день и ночь выгружали горячее, боеприпасы и слали войска. У Роммеля истощились последние запасы горючего. Бензина у него на 80 миль хода да 259 латанных танков против 700 английских. Вновь соотношение сил один к трем.

Менее чем за год Роммель разбил уже четырех командующих 8-й английской армией. Теперь прислали пятого — Бернарда Лоу Монтгомери, битого жестоко при Дюнкерке, где он возглавлял дивизию. Дюнкерк приучил Монтгомери к почтительной осторожности, тем более что перед ним был самый молодой и, может быть, самый талантливый из германских фельдмаршалов, которого сам Черчилль называл "великим генералом".

Когда 2 октября 1942 года Монтгомери начал наступление, Роммель был на отдыхе и лечении в Германии. Полтора года непрерывных боев в пустыне надломляли его. Гитлер позвонил Роммелю и попросил его вернуться в Африку.

При Эль-Аламейне, которую герои Дюнкерка будут превозносить над Сталинградом, Монтгомери имел неприличное превосходство над остатками "Африканского корпуса". В живой силе соотношение составляло 4:1, а в танках — 5:1, и такое же соотношение в самолетах. В таком случае Эль-Аламейн, в чисто военном отношении, надо признать личной победой Роммеля. Он искусно и мужественно отражал все атаки, пока в "Африканском корпусе" не осталось 35 танков с пустыми баками. В 15-й танковой дивизии вообще не осталось ни одного танка, а только семь орудий. Роммель приказал отступать.

Гитлер издали требовал стоять насмерть до конца. Роммель сумел вывести армию из Египта. Монтгомери остерегался даже приблизиться к раненому "Льву пустыни". Монтгомери предпочитал осторожно и почтительно подталкивать грозного противника к отступлению. Однажды, когда Монтгомери проявил активность, Роммель так огузнулся, что будущий "герцог Эль-Аламейнский" едва унес ноги. "Соблюсти лицо" англичанам позволяли ита-

дьянцы — после Эль-Аламейна англичанам сдались четыре итальянские дивизии.

Тысячеличное отступление Роммеля с арьергардными боями, при полных боевых порядках стало, по сути, победным маршем Роммеля при почетном эскорте вооруженной до зубов 8-й английской армии, офицеры которой требовали приравнять подачу горячей воды на позиции для бритья к снабжению боеприпасами. Между переходами они закупили низкорослых лошадей для игры в конное поло. Тем временем в конце этого отхода некоторые части Роммеля, исчерпав все запасы бензина, вынуждены были заправлять машины тунисским вином.

В конце февраля 1943 года неукротимый Роммель нанес союзникам еще одно поражение на Кассеранском перевале. Вернувшись из Африки, он получил Бриллианты к Рыцарскому кресту. Гитлер поручит ему войска, охранявшие Атлантическое побережье. В 1944 году после покушения на Гитлера Роммелю, каким-то образом замешанному в заговоре, предложили застрелиться, чтобы спасти семью.

Бои в Африке, из-за отсутствия войск СС и особенности театра военных действий, были, может быть, последними на земле "джентльменскими" битвами, ибо, несмотря на ожесточение и упорство, они были лишены ненависти и самосудов. В Африке пустыня была как бы Самим Богом создана для танковых сражений. Отсутствие укрытий и синее небо особенно повышали роль авиации.

АСЫ ВСТРЕЧНОГО БОЯ

Еще во время Второй мировой войны газеты и книги пестрели именами авиационных асов. Многие о них узнали мы и за последние пятьдесят лет. Много, да не всё и далеко не все.

Над ливийскими песками взойшла звезда поразительного воздушного аса, "орла Африки" Ханса-Йохима ("Йохена") Марселя. Его отец Зигфрид Марсель в Первую мировую был кайзеровским летчиком. В 1944 году, уже генералом, он найдет свою могилу в русских снегах. Зигфрид Марсель переживет своего сына Йохена всего на два года.

Даже среди яркой плеяды немецких асов Йохен Марсель выделяется исключительностью личности и судьбы. Даже не Эриха Хартмана, сбившего на Восточном фронте 352 наших самолета, немцы считали своим самым великим пилотом, а штурмовика Ханса Руделя. Немцы понимали толк в войне. Штурмовик рисковал больше истребителя, и век его был короче. Эриха Хартмана сбивали десять раз. Последний раз — над Берлином 8 мая 1945 года, после чего он на десять лет попал в сибирские лагеря, пока его не вызволил Аденгауэр. Руделя сбивали 17 раз. Его называли "орлом Восточного фронта", и на его подвиги воспитывали молодежь. Пудель сжег несколько тысяч наших танков. Йохен Марселю выпала судьба воевать только с англичанами.

Не убавляя ни одного из достоинств Эриха Хартмана и других асов, в том числе штурмовика Руделя, их удачливость, не посягая на боевую бухгалтерию сбитых самолетов, выражу мнение, что Йохен Марсель — все же самый великий летчик всех времен, такой же, как и наш морской летчик Борис Сафонов, дважды Герой Советского Союза, нелепо погибший. Как личность, Марсель был недостижим ни для одного аса. Длинноволосый, изящный, поразительно красивый, Марсель сводил женщин с ума. Он аккуратно отвечал на мешки писем поклонниц, а иногда после бурной любовной ночи не имел сил встать из истребителя. Позже его называли последним рыцарем и первым хиппи Европы.

Воевать он начал в 18 лет в Англии. Но звезда его, как и Роммеля, взойшла в Африке, которая магически раскрыла таланты европейских воинов. Ввали от начальства и дам Марсель, на беду англичан, обрел новые крылья и дыхание. Он испытывал отвращение к дисциплине и выправке даже в среде свободных от муштры летчиков. При всем при том Марсель был необычайно хладнокровен, отважен и

жесток. Слава его росла от одной победы к другой, пока он не стал любимцем всех мальчишек и женщин Германии. 3 июля 1942 года Марсель за 11 минут сбил над Газалой шесть "кирхигов". Когда он сел, половина его боекомплекта не была израсходована. В этом-то и тайна его необычайных побед. Марсель при фантастическом инстинкте боя сблизился с противником до невозможнейшей короткой дистанции и холодно и методично "стрелял с бедра" в упор. Друзья подценили, что ему, чтобы сбить самолет, требовалось в среднем 15 пуль. 17 июля 1942 года Марсель сбил свой 100-й самолет и стал лучшим асом Германии. Всего же в этот день он сбил десять самолетов, шесть из которых за семь минут. Как бывают гении в музыке, так и Марсель был гением воздушного боя и, видимо, даже воплощенным духом войны.

Гитлер вызвал его в Ставку, произвел в гауптманы и вручил Рыцарский Крест с Дубовыми Листьями и Мечами. Короткий отдых Марсель посвятил любви и ответам на письма поклонниц.

В конце августа 1942 года Марсель вернулся к Эль-Аламейну, помогая Роммелю прорваться у хребта Алам-Халфа.

1 сентября 1942 года, помогая наземным войскам, Йохен Марсель за один день сбил 17 английских самолетов. Марсель стал кошмаром англичан и постоянным угнетателем психики английских летчиков. Позже другой немецкий ас, майор Эмиль Санг, на Восточном фронте за один день собьет 18 советских самолетов.

В сентябре Марсель поднимался в небо каждый день по несколько раз. Он был на пределе истощения. Никто не мог сравниться с ним в бою в инстинкте упреждения. За сентябрь 1942 года Йохим Марсель сбил 61 самолет. Итальянцы боготворили его и называли "звездой Африки". К 30 сентября 1942 года Марсель довел число сбитых самолетов до 158. Такого счета не было тогда ни у кого на всех фронтах. К этому времени Эрих Хартман не сбил еще ни одного самолета. Роммель благодарил "орла Африки" за помощь.

То, что не могли сделать английские летчики, сделал случай. В небе над Каиром его "мессер" вдруг стал наполняться дымом. Он тем не менее дотянул до Эль-Аламейна, и над своими позициями выбросился с парашютом. Но от удущия он выпрыгнул неловко, и его ударило о хвост оперения. Парашют не раскрылся, и "орел Африки" камнем полетел к земле.

Марселя похоронили в Африке. Ему было 22 года. Так ушел из жизни боец и рыцарь-повеса Ханс-Йохим Марсель, живой символ германской военной службы. Он вполне дополняет образы неукротимого Эрвина Роммеля из Швабии, неунывающего и драчливого маленького пруссака барона фон Мантойфеля и сурового одиозного "Человека" Ханса Хюбе из Наумбурга. В их лице Германия творила свою судьбу, противоречивую и трагическую.

Как видим, далеко не все знаем мы об асах авиации. Но еще меньше — о танковых асах, гениях встречного боя. А ведь танкист — совокупный посол своей страны на поле боя, ибо в его действиях выражается и боевой дух народа, и степень боевой подготовки, и уровень техники. Увы, если смыслом своего существования нацизм провозглашал отбор воинов-героев, то о наших героях-танкистах говорили глухо, робко и неохотно. Сведения о первых наших танковых асах появились только в 1994 году в газете "Красная звезда".

Величайшим танкистом всех времен на Западе считают Михаэля Виттмана. В 1937 году он, демобилизовавшись из вермахта в чине унтер-офицера, решил не возвращаться на ферму отца, а поступил добровольцем в "Лейбштандарт Адольф Гитлер", тогда личную охрану Гитлера. Здоровых деревенских парней, после специального отбора, охотно зачисляли в СС. Войну Виттман начал на Западе командиром самоходного орудия. Он обладал, видимо, стальными нервами. На Восточном фронте он прославился хладнокровием, серьезностью и в 1941 году за успехи получил Железный крест обеих классов. В 1942 году, после училища, Вит-

тман уже унтершарфюрер СС, т.е. лейтенант. Он становится командиром взвода "тигров". В первый день Курский битвы, 5 июля 1943 года, Виттман лично подбил восемь советских танков и семь орудий. Всего за битву на Курской дуге он уничтожил 30 советских танков и 28 орудий. В январе Виттман награжден Рыцарским крестом, а еще через полмесяца и Дубовыми Листьями к Рыцарскому кресту. Когда весной 1944 года обершарфюрер СС покинул Восточный фронт, в его послужном списке значилось 119 подбитых советских танков. На Западе Виттман укрепил свою славу непревзойденного танкиста и получил Мечи к Рыцарскому кресту. Виттман погиб во Франции летом 1944 года, в одиночку сдерживая напор большой группы танков. К этому времени на его личном счету было 138 танков противника и 132 артиллерийских орудия.

В чем же тайна успехов Виттмана, кроме его выдающихся бойцовских качеств? Прежде всего, в отношении общества и нацистской партии к отбору и культуризации на всех уровнях. Но самое главное — это сугубо немецкое внимание к качеству техники и оружия и национальная страсть к серьезной военной выучке. Члены экипажа Виттмана, каждый на своем месте, были асами в профессии. Особое внимание немцы уделяли обучению механиков-водителей, едва ли не ключевой фигуры в бою. От механика-водителя зависел выбор позиции, умелое использование ландшафта и способность не подставить бок или корму под чужой ствол. Немецкий танк, в связи с этим, жил на поле боя в четыре раза дольше русского. При этом немцы умели воевать на технике противника — танкисты Роммеля могли идти в бой на захваченных английских танках, а одна рота дивизии "Лейбштандарт Адольф Гитлер" воевала на наших танках Т-34 (немцы на их бортах выводили громадные кресты, чтобы их не приняли за русские танки). Немецкий танковый ас гауптшарфюрер СС капитан Эмиль Зайбодл почти всю войну воевал на танке Т-34 и подбил на нем 69 советских танков. Рыцарский крест Зайбодл получил уже после смерти Гитлера за два дня до капитуляции — 6 мая 1945 года.

Мы по праву гордимся тем, что выпустили за войну в два раза больше танков, чем немцы. Если бы мы хорошо обучали войска, то танков нам понадобилось бы в два раза меньше и жертв было бы меньше во столько же раз.

До середины 1942 года, то есть до появления первых "пантер" и "тигров", нашим танкам Т-34 и КВ не было равных на поле боя. Потому в этот период наши танковые асы подбили наибольшее количество немецких танков.

Лучшим советским танковым асом по праву считается кубанский казак из станицы Безстрашная Дмитрий Лавренко. Он воевал на танке Т-34 и до своей гибели в 1941 году всего подбил 52 немецких танка. Впервые он прославился под Орлом и Мценском, когда танки Гудериана напоролась на бригаду М. Катюкова. За четыре дня экипаж Лавренко уничтожил 16 немецких танков. Лавренко был активен и все время искал врага, предупреждая его даже в засаде. Он погиб в ноябре 1941 года, заслоняя Москву у деревни Горюны.

Второй наш ас — старший лейтенант Зиновий Колобаев. 19 августа 1941 года у села Войковицы под Ленинградом в жесточком трехчасовом бою он уничтожил 22 немецких танка. Видимо, это абсолютный рекорд. Группа из четырех танков КВ, которой он командовал в том бою, уничтожила всего 38 танков. Помимо подбитых Колобаевым 22-х танков, восемь танков подбил лейтенант Сергеев и по четыре танка лейтенанты Евдокимов и Ласточкин.

Третьим можно назвать лейтенанта Семена Конавалова. 13 июля 1943 года в районе хутора Нижнемятканы Ростовской области его экипаж на КВ уничтожил в одном бою 19 танков, два броневика и восемь грузовиков. В конце боя его КВ подбили. Три члена экипажа были мертвы. Конавалов снял пулемет и вместе с замполитом роты пошел к своим. По пути они пленили немецкий танк и в распоряжение части вернулись на нем.

Четвертый ас, лейтенант Павел Гудзь, воевал на КВ в бригаде М. Катюкова. В одном бою под Волоколамском в

1941 году он встретил 18 немецких танков и десять из них подбил.

Мы знаем, что, кроме Михаэля Виттмана, другой немецкий ас, Отто Кариус, подбил 150 советских танков и САУ. Другой немец, унтершарфюрер СС Карл Броман, подбил на "тигре" 66 танков. При желании мы можем найти подробный послужной список немецких асов и их биографии. Что касается наших родных танковых асов, то находишь лишь обрывки их биографий. Никогда не узнаешь — сколько воевал? где закончил сражаться? где склонил голову? Мы знаем, что старший лейтенант Дмитрий Шолохов 30 июня 1942 года в Харьковской области подбил восемь танков. Столько же танков сжег старший лейтенант Иван Корольков в бою у станции Буцацловка (Харьковская область) 10 июня 1942 года. И все. А сколько они всего подбили танков за войну? Где воевали?.. Не знаем. До сих пор не знаем!

Эти странички пишутся не только для того, чтобы, как говорил Андрей Платонов, "приблизиться к душам павших героев", но и затем, чтобы не начинать вновь все сначала в муках и надрыдах. Герои должны вернуться к своему народу!

КУЗНИЦА КАДРОВ

Середина 30-х годов. Война накатывалась на континент. Сталин пытался сблизить национальные чувства с державными задачами. Как символ этих устремлений в Москве к 31 декабря 1937 было закончено монолитное здание Военной академии. Академии, которой тогда присвоили имя Михаила Фрунзе, суждено будет стать главной кузницей офицерских кадров. За время реформ последних лет к Академии имени Фрунзе присоединили Бронетанковую академию, весьма авторитетное и даже могучее недавно учебное заведение.

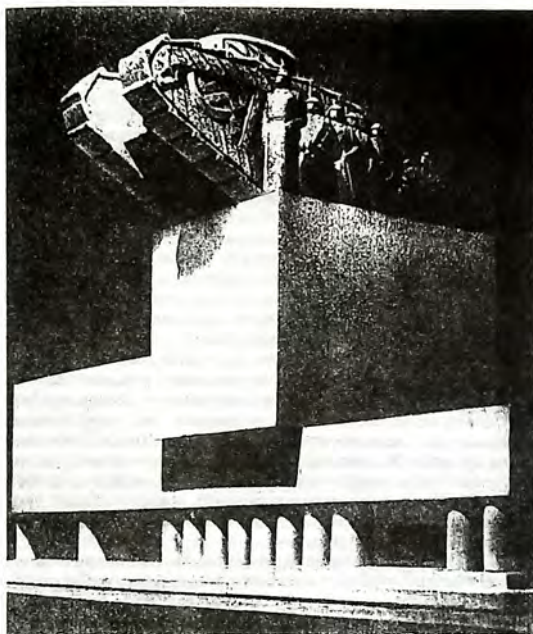
Сегодня начальник академии генерал-полковник Леонид Сергеевич Золотов, который прошел в танковых войсках все ступени от замполета роты до командарма, склоняется к тому, чтобы дать академии имя А.В. Суворова. Исторической правде и духу времени более соответствовало бы имя Георгия Константиновича Жукова на фронте объединенной Военной академии. Смею выразить в этой связи еретическую мысль — военный вклад Г.К. Жукова в судьбу России неизмеримо выше вклада даже доблестного Суворова, князя Итальянского. Жуков, извините, не турок бил, а разгромил самую организованную и боеспособную армию в истории человечества. В русской истории нет военных гениев равных Жукову, кроме разве самого Отца Отечества — Петра Великого.

Сталин, вернувшись в 1943 году народу ордена, носящие имя Святого Александра Невского, князя Суворова, князя Кутузова и адмиралов Ушакова и Нахимова, и возвратив золотые погоны офицерам, тем самым навсегда отменил и как бы тайно истребил наследие РККА, созданного ненавистным ему Троцким. Но символы той кровавой эпохи на полке пережили даже самого Сталина.

В 30-е годы Военная академия — самое передовое военное-учебное учреждение в СССР. А художники и архитекторы, создавшие монолитное здание Военной академии на Плющихе, на пречистом пути от Кремля к Новодевичьему монастырю, лучше всего сумели передать дух эпохи.

Здание академии, слушатели которой будут открывать все парады на Красной площади, заложили в 1932 году накануне прихода Гитлера к власти. Автором проекта был архитектор Л. Руднев, ученик известного зодчего И. Фомина. Руднев победил на конкурсе, в котором участвовали академики-архитекторы В. Шуко и даже его учитель И. Фомин. Архитектором-художником был выбран В. Мунц. Мозаика актов зала выполнена в мастерской художника В. Фролова. Автором основного художественного замысла стал академик живописи Е. Лансере. Стены облицованы светлыми мрамором. Стены главных кабинетов начальника и комиссара академии отделаны карельской березой и карачагачем. Сегодня академия располагает самой крупной в Ев-

Модель скульптурной группы около Военной академии РККА

ропе библиотек военной литературы, свезенной сюда со всех царских Военных академий и училищ.

Когда в первый день 1938 года слушатели поднялись по двадцатиметровой ширины лестнице к парадным дубовым дверям с бронзовыми решетками, молодые командиры чувствовали, как сорокаметровая мощь здания гладкой стеной стилибата на двух метровых могучих полуколоннах из полированного лабрадора вливает в их грудь державную мощь, спокойствие и необоримость. В то время здание академии было самым большим зданием в Москве.

Стилобат охватывает поясом центральный объем здания. На углу Новокошеновского переулка в стилобат врезан куб, на котором архитектор, с гениальным предвидением духа века, водрузил фигуру аллегорически осмысленного могучего танка в окружении стоящих фигур красноармейцев и командиров. Первоначально танк соорудили из дерева. Далее предполагалось сделать из меднокованых листов, укрепленных на металлическом каркасе. Общая высота группы около 15 метров. Это сейчас по всей России на пьедесталах стоят десятки танков. А тогда танковая скульптура с воинами, задуманная в начале 30-х годов, отражала тенденцию развития танкового искусства, которое чувствовалось по всему миру, а в Германии нашли уже воплощение в Боевых Уставах. Но художественно эта военно-оперативная идея была воплощена впервые в мире в России (а конструктивно создана Михаилом Кошкиным). Мы, как всегда, духовно и интеллектуально опередили весь мир. Нельзя не поразиться интуиции архитекторов-художников.

Сегодня в мире только две школы в танкостроении. Одна — русская, основы которой заложил Кошкин. Другая — западная, представленная танками стран НАТО: немецким «Леонардом», американским «Абрамсом», английским «Челленджером» и французским «Леклерком». «Общенатовское» семейство танков имеет характерные для них конструктивные особенности, отличающие их от русских танков, произведенных на заводах в Тагиле и Омске. Вдумайтесь. То, что смогли совокупным усилием создать все страны Европы и США, оказалось под силу одной России!

Только великая танковая нация могла выиграть противостояние со всем миром в создании могучих и умных бронированных машин.

К сожалению, не очень высокий уровень наших начальников не позволил им в полной мере оценить художественный и провидческий смысл танковой скульптурной группы. Им показалось, что в Т-34 больше лошадиных сил, чем в танке у академии, и скульптуру уничтожили. Теперь надо и ее восстанавливать.

ТАНКИ — ГОРДОСТЬ ОМСКА

Омский паровозовагоноремонтный завод уже отметил столетие со дня основания — он вступил в строй в 1896-м, в год коронации императора Николая II. Биография его совпала с самым драматичным веком русской истории. Начинался завод как Главные железнодорожные мастерские для среднего и капитального ремонта подвижного состава. Завод есть порождение Великого Сибирского рельсового пути и быстро стал крупнейшим предприятием Омска, которое относят к категории «градообразующих». В год создания завода будет закончена постройка стального пути от Челябинска к Омску. С этого же, 1896 года ведет свое рождение Ново-Николаевск (Новосибирск), когда берега Оби соединит мост у поселка Кривошеково. Транссиб пробудил к жизни громадный край до Тихого океана. Первый камень в основание Великого рельсового пути положил в 1891 году во Владивостоке Цесаревич Николай Александрович после возвращения из кругосветного плавания на крейсере «Память Азова». Россия осознала, что все ее будущие судьбы связаны с Сибирью, и повернулась, наконец, лицом к Тихому океану.

Первыми роль железных дорог в войне осознали немцы в лице Гельмута фон Мольтке. Его ученик граф Шлиффе замечал: «Железные дороги стали средством, оружием войны, без которого современные большие армии не могут быть ни собраны, ни отправлены вперед, ни сохранены».

Трагический разрыв между готовностью дорог и судьбой армии почувствовала Россия в японской войне. Даже само строительство Сибирской магистрали Япония расценила как угрозу своим замыслам укрепиться в Корее и Манчжурии для вытеснения России из этого региона. Самурай даже войну начали внезапно, чтобы нанести решающий удар до того, как Россия доведет Транссиб до Тихого океана. Особая комиссия генерал-инженера Н. Петрова провела в 1907 — 1909 годах исследование железных дорог в России и пришла к выводу: «Исход войны мог быть другим при более высокой провозоспособности Сибирской железной дороги». При другом исходе войны была бы иной и судьба России, и судьба ее царя. Вот что значат железные дороги в жизни великой страны.

Образцовой можно назвать организацию железных дорог в Германии в Первую мировую войну. Это дало право руководителю железных дорог Германии после окончания войны заявить, что «миро, которым помазан всякий полководец, должно в эпоху железных дорог отдавать смазочным маслом паровоза».

Слово «миро» в греческом языке означает «благовонный елей». Основным веществом для приготовления миро Православная Церковь использует оливковое масло. Кроме него, туда добавлял еще сорок веществ: ладан, лепестки розы, фиалковый и пряный корни, мускатное, розовое, лимонное и гвоздичное масла и т. д. Но в мире для полководца теперь, после Второй мировой войны, кроме масла паровозного, надо бы добавлять танковое масло и немного солнышки.

Интересно, что железные дороги дали воюющей стране не только локомотивы и вагоны, но и танки. Танкостроение, как часть живой воюющей силы народа, тоже обязано своим развитием железным дорогам. Все лучшие наши танки родились в недрах паровозостроительных заводов. Наиболее наглядно это видно на примере Омска. Омские Главные железнодорожные мастерские сразу стали крупнейшим

предприятием города на две тысячи рабочих. Названия его рабочих поселков — «Порт-Артур», «Сахалин», «Семипатинск» — отражают дух той эпохи, времени великих переселенческих кампаний Столыпина и японской войны. В 1930 году мастерские были преобразованы в Омский паровозоремонтный завод.

В 1941 году завод передали из Наркомата путей сообщения в Наркомат танковой промышленности. Производственные цехи создавали по принципу замкнутого цикла с минимальной кооперацией, чтобы каждый цех выпускал самостоятельно узлы машин. Как только стало ясно, что завод будет выпускать танки, в Омск эвакуировали два паровозостроительных завода из Брянска и Луганска (Ворошиловград) и два паровозогоноремонтных завода из Великих Лук и Конотопа. К ним прибавили Сталинградский тракторный завод и Ленинградский танковый завод № 174. Все они авральным порядком разместились на территории бывшего Омского паровозогоноремонтного завода.

Корпуса цехов строили наспех и из подручного материала. Стены возводили деревянные и каркасно-засыпные, перекрытия — брусчатые. Отапливали «мангалками». Так называли железные бочки, приспособленные под печи. Рабочие смены длинные. Работали впроголодь. Пайки, карточки, очереди за хлебом. Цеха без вентиляции и душевых. С завода на фронт ушли две тысячи рабочих. Пятеро из них станут Героями Советского Союза. На фронт с завода ушла и танковая колонна «Сибиряк», построенная на скудные средства омичей. К маю 1942 года на заводе уже 32 цеха и 21 отдел. Тогда же на фронт отправлен первый эшелон танков. 31 декабря 1942 года проведена первая плавка стали из первого Западно-Сибирского мартена. Налаживается производство танковых траков. Впервые в стране на Омском заводе заливка башни танка заменена на отливку в стальной кокиль. К концу войны производство танков возросло в пять раз. Всего же омичи дали фронту около семи тысяч танков Т-34.

В Советском Союзе после войны танки делали на четырех заводах: в Ленинграде, Харькове, Тагиле и Омске. Теперь Россия располагает только двумя центрами танкостроения — в Тагиле и Омске. Это делает роль каждого из них весьма ответственной в обороноспособности страны.

После войны Омский завод транспортного машиностроения, как стали именовать танковый завод, продолжал, кроме мирной продукции, выпускать и танки. При заводе выросло сильное конструкторское бюро, которое участвовало в разработке танков Т-54, Т-55 и, наконец, Т-80Б и Т-80У, вплоть до знаменитого и таинственного танка «Черный орел». В 1993 году впервые в нашей истории иностранцам продемонстрировали этот отечественный танк. Им оказался Т-80УК, который в Абу-Даби произвел неотразимое впечатление на специалистов.

Сибирский танк «Черный орел», которому более пристало бы имя «Ермак», показал миру, что русские оружейники продолжают высоко держать честь родившейся в войну танковой нации.

Сегодня Омск располагает единственным в стране военно-инженерным танковым институтом. Институты Омска, ставшие техническими университетами, выпускают серьезных специалистов для танкостроения. Заводы Омска и Сибирского соглашения могут снабжать танкостроителей практически всеми комплектующими. Омский завод прославился своим замкнутым циклом. Почему бы не углубить эту автономию? Сибирскому соглашению под силу выработать новую стратегию, с тем чтобы танк «Ермак» стал бы целиком порождением Сибири. Для этого налицо все составляющие мирового класса. А именно в Омске завод, конструкторы, вузы, которые могут освоить все комплектующие. Зачем же гонять составы по всей стране?

Сибирь сама способна дать лучший в мире танк. Омский машиностроительный завод со дня основания, все столет, был градообразующим предприятием. Теперь он может стать не только градообразующим, но и *градопосильным*. Для всякого прорыва необходимо массирование сил и средств. Поднять сразу все заводы городу вряд ли под силу. Но, всем миром навалившись на завод с мировой репутацией, можно вытаскивать и завод, и город. Такой прорыв должен стать как бы «национальным делом» всего Омска от мала до велика.

Новый директор завода, Андрей Мстиславович Вишняков, вполне отвечает масштабу такой задачи. Он на заводе сразу после студенческой скамьи МВТУ имени Баумана, бесспорно, лучшего технического вуза в мире. Андрей Вишняков прошел на заводе «все огни и воды». А «медными трубами» стали последние три года, когда надо было не только сохранить все структуры гиганта, но и выдать новый танк — гордость Омска. Омичи смело выставили на последних испытаниях (тендере) в Греции новый усовершенствованный танк. Участие их детища в международных состязаниях в Элладе взволновало весь инженерный цвет танковой нации.

В апреле, сразу после тендера в Греции, в Омске собрались ведущие конструкторы танкостроения. Из Петербурга прилетал и Генеральный конструктор танка Т-80У Николай Сергеевич Попов, высокий, скромный и даже застенчивый человек, напоминающий совестливых чеховских героев. Больше половины стоимости современного бронированного богатыря — это электронный мозг, который видит и слышит врага, выбирает цель и управляет огнем. Симпозиум конструкторов, проходивший в Омске, должен был согласовать усилия и выработать стратегию. Раньше такие совещания проводил военный отдел ЦК. Впервые в Омске на свой танковый собор съехались инженеры не по волево-

Летающий танк Т-80УК «Черный орел»

му решению центра, а по энергичному движению снизу. Это великий "подземный" толчок, указывающий на сдвиги в глубинных пластах народного сознания. Под гул натовских бомбежек Сербии русские конструкторы слетались на большой сбор. Инициатива шла из Сибири, с Омского танкового завода.

Душой всех подобных совещаний в последние годы выступает начальник Главного Автобронетанкового управления Министерства обороны (ГАБТУ) генерал-полковник Сергей Александрович Маев. Конструкторы такие конференции с шутилой уважительностью по фамилии первого танкиста России Маева называют "маевки". Маев — боевой генерал-афганец. В Афганистане в 40-й армии он был заместителем командующего по вооружению. Маев решителен, отзывчив, человечен, эрудирован. Он из той неистребимой породы людей, на которых держится Россия. Окончив в 20 лет в Омске танкотехническое училище, он прошел в войсках все ступени. До поста начальника ГАБТУ занимал должность заместителя главнокомандующих войсками по вооружению, где углубил знание всех видов вооружения, расширил кругозор и масштабность подходов. На его плечах и войска, и заводы, производящие автомобильную и танковую технику, и вузы, и ремонтные заводы, и конструкторские бюро. Он успевает всюду, воодушевляет, распекает, торопит, организует и не оставляет без внимания ни одной человеческой судьбы. Словом, как говорят и военные и конструкторы, "Маев — великая удача бронетанковых сил".

Самым знаменательным показателем большого сбора в Омске было то, что впервые ни один участник не жаловался на нехватку денег. Все сурово подтянулось и поняло, что от нутя и изживленности деньги не появятся. И решили действовать. В этом смысле омский сбор — исторический и переломный. В последний день, когда на прощальный вечер собрался цвет инженерно-танковой мысли, со всех концов России, порой казалось, что в речах конструкторов неслышно вплетается довоенный напев — "гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход". Что-то прозвучало на берегу Иртыша, в центре Великой Сибирской равнины. Как говорил фон Рабенхорст: "Все счастье армии всегда будет заключаться только в движении. Стояние на одном месте, хотя бы за неприступными валами, принесет только громадный вред".

В России счастье армии всегда совпадало со счастьем народа. Перед распадом СССР танковый парк нации составлял 68 тысяч машин. Крупнейшая в мире танковая держава полстолетия десятью тысячами танков в Германии нависала над и притихшей Западной Европой. Когда мы ушли, Запад бомбежками Сербии решил разогнать свой полувековой ужас и опеченение. В этом тайная причина всех причин истерических бомбежек Сербии натовцами, которые давно и напрочь забыли, как нужно воевать настоящему. Ни в Афганистане, ни в Чечне они, со своими солдатами с подгибающимися коленками, навьюченными припасами и биотуалетами, не продержались бы и недели.

Теперь вновь, как и в Отечественную войну, слово за Сибирью и Уралом.

И еще раз вспомним историю. Ермак, один из великих и загадочных героев русской истории, тоже прославился в Сибири. Многие русские поэты пытались осмыслить его образ и вернуть Ермака народу в художественной форме. Известны опыты Рыльева и Хомякова. Эту задачу ставил перед собой и Пушкин, но бой у Черной речки отнял у России учителя нации. Тобольские митрополиты делали попытки канонизировать Ермака. Именно после того, как в 1571 году крымчаки сожгли Москву, у Кучума появился оскал и он, осмелев, начал бандитские набеги на окраины Руси. Потому в толщах русского народа поход Ермака воспринимался как воинское подвижническое служение народу и Церкви. Вначале Ермак был даже более славен среди татар и калмыков, чем среди русских. Татары преклонялись перед его воинской доблестью.

В прошлом году, в Главном штабе ракетных войск под Москвой в поселке Власиха впервые в русской истории Патриарх Алексей II освятил храм во имя благоверного и святого Ильи Муромца, умершего в 1187 году. Самым близким по духу и миссии Ильи Муромца является Ермак. Он погиб на Иртыше. Он должен быть признан для начала как местночтимый святой воин. Сибиряки призваны добиться канонизации Ермака. А лучший в мире танк из Сибири должен носить имя национального героя — Ермака.

ОРУЖЕЙНИКИ УРАЛА

Второй центр отечественного танкостроения — "Уралвагонзавод" в Нижнем Тагиле. Видите, мы вновь никуда не уйдем от железных дорог, везде ставших колыбелью танковой промышленности.

Самый крупный в мире танковый завод возник в войну на Урале на базе Нижнетагильского вагоностроительного завода. Это так глубоко травмировало психику немцев, что даже спустя полстолетия после войны они тревожно грезили Уралом. Гитлер не смог бомбить Урал из-за отсутствия у Германии стратегической авиации. После войны, когда ФРГ создала вместе с Англией и Италией истребитель-бомбардировщик "Торнадо", патетически назвав его "самым грандиозным техническим проектом со времен Христа", то наименовали его "уральским бомбардировщиком". Так же упорно они называли "Уральским танком" танк "Леопард-2", просчитав, что он может за 14 дней достигнуть Уральских гор.

"Уралвагонзавод" был построен в годы первых пятилеток (1931—1936 гг.) как составная часть проекта Урало-Кузбасс. Первого октября 1936 года с конвейера сошли первые большегрузные вагоны. "Уралвагонзавод" по темпам и объему продукции не знал тогда равных в мире. Такова была индустриальная поступь тех лет. Страна готовилась к войне. Казалось, постулат Шпенглера, что государство существует для войны, приобретает зримые черты. Если вспомнить борьбу за рынки и торговые войны, то невольно задумаешься, прежде чем отмахнуться от Шпенглера.

В конце 1941 года "Уралвагонзавод" в Тагиле запустил первый в мире танковый конвейер. С 1942 года с него каждые 30 минут сходил танк Т-34. Каждый второй танк в войне сошел с конвейера в Тагиле. Ни один танковый завод, ни в СССР, ни где-либо в мире, ни до ни после не достигал такой степени производительности. Конструкторы, во главе с генералом А. Морозовым и его дружиной, продолжали дело Михаила Кошкина.

После войны Тагил выпускал танк Т-72, ставший эпохой в мировом танкостроении и самым распространенным танком в мире. Сейчас завод давно завершил работу над

Танк Т-90

Эти русские мальчики — подлинные герои войны

танком Т-90 и разработал новый танк Т-90С, названный уральцами "Владимир".

Заводы были основой и почвой великой танковой нации. Ведь отсюда уходили не только танки, но и танковые колонны с экипажами.

Самыми тяжелыми были условия работы в металлургическом, литейном и кузнечном цехах, каждый из которых сам был могучим заводом. Рабочие военной поры оставили воспоминания об условиях труда в этих цехах, напоминавших преисподнюю. Из-за нехватки стекла окна цехов на зиму затыкали тряпками, забивали фанерой и железом. Голые лампочки были почти неразличимы в горячем мареве. От мазутных печей разливалась всюду густая, жирная, черная копоть. Она покрывала вокруг все: оборудование, станки, стены, металл, лица. В мутном мареве еле различимы электрические лампочки. Люди задыхались и кашляли от едкой копоти. Раскаленные валы клали в громадные металлические кораба и засыпали песком. Трое суток валы остывали. Затем кран подхватывал кораба и вываливал оставшиеся детали на земляной пол цеха. Заготовки коленвалов с грохотом падали, и тогда тучи прокаленной пыли заполняли весь цех до крыши, и наступала крошечная тьма от смеси копоти и каленой пыли.

Когда надо было вызвать кран или дать отмашку крановщику — "майна", "вира", "влево", "вправо", — кузнецы макали в мазут ветошь, поджигали ее и, захватив щипцами, как факелом, сигналили, вызывая из мрака крановщика. Лица у всех были черны мазутной чернотой. Зимой то и дело в цех въезжали автокары, грузовики или железнодорожные платформы, груженные металлом. Широкие ворота тогда распахивали и громадные облака морозного воздуха врывались под высокие своды цеха. Воздух, обжигаясь о пламя десятков печей, о раскаленный красный металл, соединялся с мазутной гарью и пылью и удушливым туманом накрывал людей. Замасленные, лоснящиеся черные робы, отжелевшие от копоти, черные лица и руки — белели только зубы да сверкали белки глаз. От грохота не слышно друг друга. И так каждый день по двенадцать часов, вечно голодные, изо дня в день, из месяца в месяц. Танковая нация не знает отдыха.

В механосварочных цехах, где трудятся подростки, женщины и старики, было не намного лучше. Тысячи подростков от 14 до 17 лет по двенадцать часов в день стояли у станков. Это те же петровские "потешные полки", только производственные. Эти русские мальчики — подлинные герои войны, своим подвижническим трудом сделавшие все оборонные предприятия в буквальном смысле святыми. Жаль, что мы этого еще не осмыслили.

А дома ждут старики и голодные дети. Домой в авоськах несут остатки от скудного заводского обеда. Для детишек и

стариков припрятаны кусочек рыбки, котлетки, несколько ломтей хлеба, несколько ложек каши в банках. У иных под мышками собранные на заводском дворе мешки и досточки для растопки печей.

Такую картину рисовали ветераны военных заводов повсюду. Так трудились вчерашние деревенщики. На фотографии 30-х годов у котлов будущих заводов — толпы чистых крестьянских девушек и парней в лаптях. Выходит, в лаптях начинали и красные командиры, и будущие создатели танков.

Но раз совпала державная поступь с народным переживанием, все с суровым смирением несли свой крест. Танковая нация не знает отдыха.

А кто из писателей попробовал осмыслить этот подлинный и невиданный на земле эпос о подвижниках войны? Сейчас приватизаторы хотят, чтобы это святое поколение скорее вымерло, а они — приватизаторы — на безвестных могилках наворачивались бы и попирали власть, прежде чем со смрадом разложиться.

На каждом заводе России, без единого исключения, в память о святых подвижниках войны должны быть возведены храмы и часовни. Так должно быть!

БОЕЦ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Мы обсуждаем проблемы танкового дела с одним из этого удивительного поколения, просиявшего на Руси в Отечественную войну, с боевым танкистом, профессором Николаем Константиновичем Шишкиным, доктором военных наук. Он разработчик оперативно-тактических вопросов боевого применения танков. Николай Константинович, кажется, знает о танках и танковых битвах все, причем не только по книгам.

Познакомились в танковом институте в Кубинке. Профессор Шишкин — старший научный сотрудник Бронетанковой академии, которая теперь стала факультетом академии, надемся имени Жукова, бывшей имени Фрунзе. Боевой путь профессора Шишкина уникален. В Финскую войну он воевал наводчиком. В 1945 году закончил войну заместителем командира тяжелого танкового полка прорыва. Начал же войну командиром самоходного орудия. Шишкину выпало счастье воевать в лучшем танковом соединении войны — в Уральском танковом добровольческом корпусе. Воевал на тяжелой самоходке ИСУ-152, которую за удачную дуэль с "пантерами" и "тиграми" звали на фронте "Зверобой" (снаряд весил 48 кг, одна гильза — 15 кг). Под Мемелем (Клайпедой) Шишкин на своем "Зверобое" подбил десять "пантер" и "тигров". За каждый подбитый танк получал две тысячи рублей, которые тут же отбирали в фонд обороны. Шишкин расписался на рейхстаге. В конце войны ему было всего 23 года. Вот это молодость!

Шишкин скромный, обаятельный, духовно собранный человек, живой свидетель и участник битв великой танковой нации и олицетворение ее непобедимости. Поистине, чем сильнее любовь к Отечеству, тем выше умственные способности и воля.

Ни у кого, кроме простого пехотинца и, пожалуй, еще летчика-штурмовика, нет столько врагов на поле боя, сколько у танка. За ним охотятся пикировщики с неба, стреляют из засад прямой наводкой противотанковые пушки и ружья, подстерегают гранатометчики, саперы подсылают мины, пехотинцы готовят связки гранат и горючую смесь, над ним нависают с ракетами коварные вертолеты, выходят наперерез самоходки со страшным калибром. Тяжелые потери нанесли танку все виды оружия, но он выстоял и окреп, как подобает великому бойцу.

И все же главный враг танка на поле боя — только другой танк. Потому что он, танк, властелин битвы и нет ему пока соперников на тверди земной.

Но из-за своего устрашающего вида после Второй мировой войны танк стал еще и оружием военно-политическим — то и дело он начал появляться на улицах и площадях столиц Европы.

Полстолетия Европа живет без серьезных войн. Континент за всю историю не знал столь длительного периода мира. В известной мере это имеет отношение и к нашему обществу, как лучшей части Европы.

Наш военный мыслитель генерал Н. Михневич, автор вышедшей в 1911 году книги "Стратегия", был солидарен с другим генералом Генштаба Е. Мартыновым в том, что с развитием цивилизации воинственный дух народа и доблесть армии слабеют. Впрочем, это с горечью отмечали еще античные авторы и с надеждой зирали на полные варварской силы иранские и германские народы.

Петр I учел и эту угрозу и, со свойственным ему здравым смыслом, заклинал подданных, лучше всего стремиться к тому, чтоб "не уподобиться державе Византийской", ставшей легкой добычей турок, когда во время последней осады Константинополя погиб император, а на стенах некому было драться, кроме наемников.

Продолжительным благополучием, миром и сытостью может воспользоваться и супостат, умело разрушив оборонно-иммунную систему государства, расслабив общество, приводя к деградации обывателя и его отпрыска-призывника. В такие времена люди, по словам святых отцов: "Подобно расслабленным птицам, имея крылья, влечатся по земле".

Расслабленность особенно хорошо заметна по отношению к ударному оружию. Не служивший и балдеющий тузовщик ненавидит танк инстинктивно, как некий кошмар и уродство. Поэтому его танками чаще всего и пугают, правда, без особого успеха. Янки пугают авианосцами, а мы танковыми колоннами. Но авианосец величественно пугает с рейда и, недоступный, исчезает за горизонтом. А танк на улицах облепляют гадающие и возмущенные обыватели. Нет эффекта отстраненного величия.

Танк существует только для боя, а из него делают участника военно-политического шоу. А потом обсуждают в газетах: а нужен ли он вообще, танк? Тем более что семена агитации, после появления танков на площади, попадают в уже взрыхленную почву.

Почти каждой войне, которую геополитические пустомели называют "локальной", сопутствовали крупные потери в танках, что, впрочем, естественно. Не в обзоре же, в самом деле, нести основные потери. Но именно после потерь в танках в нашей печати появились стечения о бесперспективности бронированных машин и даже о закате эры бронетанковой силы. Этими стечениями дирижировали, что прекрасно видно, по одному факту — бесперспективными оказывались только наши танки. Тем временем остальные государства, производители танков, лишь наращивали мощностности. Известно, что самые неграмотные в военном отношении политики живут в России. Запад они кланут, но к мнению Запада подобострастно прислушиваются. Если на Западе начинают провокационную кампанию по поводу того, какое оружие устарело, а какому принадлежит будущее, то сильнее всего это бьет по слабым российским головушкам. Изготовив джину первых ракет, Хрущев стал резать новые крейсера и самолеты, а начальники Бронетанковой академии Ротмистрова прогнал со службы только за то, что тот смел возразить Генсеку, заявив, что "танки у нас хорошие".

Теперь против танков (да и не только против них) выступают, как правило, никогда не служившие и никогда не мущающие телевизионные и газетные журналисты-подростки, мужиковатые дамы, возлюбившие военную тему из-за несостоявшейся личной жизни, или изломанные меньшинства всех мастей. Периодически к ним присоединяются военнослужащие из столичных институтов какого-нибудь "системного анализа макропроблем", с их безудержным макрофрегоглядством. Это такие военнослужащие, которых трудно назвать офицерами, ибо они никогда не воевали, никогда не командовали, никогда не воспитывали воинов и ни над чем в жизни серьезно не задумывались, хотя в бытовом общении они люди балагурно-общительные, милые и любят анекдоты. Словом, это самый массовый тип российско-

го мужчины, готовый порвать пупок от хохота на концертах эстрадных юмористов.

Все идеи такие горе-специалисты заимствуют из разделов военных обозрений популярных западных журналов. Обработав их и еще недавно обставив цитатами Маркса и Энгельса, они этими откровениями оглушают своих начальников — простодушных строевых генералов, перебравшихся перед отставкой в Москву, после службы где-нибудь в Забайкальском крае "вечно зеленых помидор".

Кстати, точно по той же модели "делали" свою научную карьеру почти все наши реформаторы-экономисты, будущие "завлабы" перестройки. Они могли часами переливать из пустого в порожнее про "холдинги" и "глобальные процессы" в экономике, но были полными импотентами в практической экономической жизни.

Были доктора экономических наук, "сделавшие" научную степень и "профессорское звание" по статьям из журнала "Курьер" (Юнеско). Партийные бонзы из ЦК чмокали губами и млели от этих наукоидных песен и давали им лицензию на звание академиков. А вузовские воробышки на кафедрах "склевывали" у этих же титанов по зернышку на собственные диссертации. В этом смысле социализм сталстройной системой паразитирования. Балласт и должен был потащить его на дно.

Не случайно у нас родилось такое явление, как "посредник". Сегодня во всех сферах посредник стал главным врагом жизни и развития.

Без посредника, конечно, нельзя обойтись совсем, но, превращаясь в абсолют, именно посредник становится главным губителем всякого дела.

В танке есть шестерня, которая на научно-конструкторском языке так и называется — "паразитическая шестерня". Ее скромная задача — передать крутящий момент, не влияя ни на скорость, ни на мощь машины. Но чем больше паразитическая шестерня в размере, тем больше вреда она приносит всему механизму. Она берет на себя почти всю энергию машины, но только ничего не прибавляет, но, напротив, злостно разрушая двигатель. Она, шестеренка, должна быть такой, какой ей надлежит быть — ни больше ни меньше.

Нагляднее всего аномальная роль посредника видна ежедневно по передачам телевизионных новостей. Ведущий должен только передать зрителю информацию о событиях дня. В этом его "крутящий момент". Но мало того, что он эти события, прежде чем сообщить, сначала с прищуром обдумывает, а потом еще и рассказывает так, как будто все события на белом свете произошли только благодаря их телекомпаниям и, разумеется, не без его, ведущего, главной роли. Ужимками, интонацией, вводными словечками такой ведущий создает собственную версию событий. Правда, предвзвительно, он, разумеется, чашек-другой получает инструктаж у своих хозяев-работодателей.

Информация становится для ведущего уже второстепенным явлением, главное — его (или ее) выход к телевизионной рампе. Впрочем, актеры все они никудашные, и каждый вечер становится неприличным действием. При этом редкий ведущий (а особенно ведущая) не закончит свое сольное выступление игриво-фривольным прощанием, чтобы у каждого зрителя осталось надежда на следующий информационный интим. Словом, разгул "паразитической шестерни".

Посредники инстинктивно и тайно ненавидят бойца переднего края — "комбатанта", так же как тыловики опасливо не любят тех, кто сидит в окопах. Ведь именно тыл разлагает действующую армию, но не наоборот.

В нашем сегодняшнем нищем обществе в изобилии только "паразитическая шестерня". Мир после Второй мировой войны окончательно вошел в последнюю фазу потребительской цивилизации, начавшейся в Европе с побед буржуазных революций. Мы войдем в новое тысячелетие обществом потребительским, а значит, частью паразитической цивилизации. В этой связи тема танков и танковых прорывов может показаться неактуальной. Но так кажется только на сы-

тый взгляд "шестерни". По периметру границ России за полстолетия прошло уже десяток войн, где в битвах участвовало по несколько тысяч танков. Главное, никогда не забывать, что все южные границы России на десять тысяч верст являются особо танкоопасными. А это значит, что на всех границах России с юга возможно массированное применение танков. Вспомним вкратце предупреждение Великого Петра: "Не уподобиться державе Византийской". Не пора ли, впервые за 80 лет, обобщить опыт войн XX столетия и рассказать правду нашему обществу о судьбе танка?

Танк — оружие наступательное. Он боец переднего края. Сегодня непростое вернуть танку доброе боевое имя. Особенно у нас в России, после того как, начиная с пятидесятых годов, наши танки появились на улицах шести столиц в Европе. Первый раз — в июне 1953 года, когда Берия велел подавить восстание немцев в Берлине. Через три года наши танки вошли в Будапешт (1956 г.). В 1968 году советские танки в Праге. В августе 1991 года маршал Язов, после долгих колебаний, приказал танкам войти в Москву.

В 1993 году, в октябре, два нанятых танковых экипажа стреляли по Белому дому. К ужасу притихшего мира, в сердце страны танки расстреливали свой же парламент, набитый людьми! Стрельба по Белому дому явилась самым крупным политическим провалом после расстрела царской семьи.

На следующий год танки врываются на улицы Грозного. Однако те, кто отдавал команды стрелять по Белому дому, не могли грамотно ввести танки в Грозный. Просто не могли, ибо полицейские не могут командовать боевой операцией, это не их уровень! Они топорно продолжали нелепую традицию делать из танков, средства ударно-оперативного, орудие политического устрашения. Но чеченцы не чехи. Чеченцы сделали то же, что за полстолетия до них сделали немецкие подростки с фаустпатронами. Они сожгли танки демократов вместе с невинными русскими мальчишками.

И ведь самое страшное в том, что к тому времени танки уже имели надежную защиту от гранатометов — ее сделали еще для Афганистана. Но в Грозный бросили танки, не оснащенные этой защитой. Ни один наш танк не должен был погибнуть ни на улицах Грозного, ни в засадах, если бы "отцы командиры" служили России и любили солдат! Ни один танк не был бы тогда подбит, по крайней мере, теми средствами, которыми располагали чеченцы. Как заметили американцы, нельзя допустить, чтобы какой-то бездельник с двухдолларовым гранатометом мог подбить танк стоимостью в два миллиона долларов.

Однажды танки уже пережили самый страшный кошмар в своей истории. И этот ужас выпал на долю русских танкистов в Берлине в 1945 году. Затаившийся в развалинах или за окном фаустник-мальчишка стал смертельным врагом грозной бронированной машины. Эти мальчики отняли у советской армии целую танковую армию. Казалось, вновь ожил миф о Давиде и Голиафе в жуткой реальности.

Кстати, Давид не был так уж безоружен перед Голиафом, как может показаться. Свинчатка, пушенная из пращи, за 50 метров пробивала любой доспех. Праща была как выстрел пистолета. Но победа Давида была преддверием не только потому, что на его стороне оказалась смекалка, отвага и скрытая насмешка веселого пастуха над грозилкой-милитаристом. На самом деле рукой псалмопевца правил Господь. И недаром, с первого часа появления танка на войне, вместе с ним родилась и идея поединка одинокого бойца с грозным танком. Так что танк своим явлением поднял и духовную планку человека, ставшего на его пути.

ПОЛИГОН

Офицеры Главного Автобронетанкового управления вместе со своим начальником С.А. Маевым курируют жизнь танка на всех ее этапах: от замыслов в конструкторском бюро до производства танков, их применения в армии, ремонта

и утилизации. Одновременно они должны отслеживать жизнь и боевую деятельность танка во всех странах и особенно в государствах, производящих танки. Потому эта работа писалась с высоты многогранного взгляда Автобронетанкового управления, которое отвечает не только за танки России, но и за обучение и воспитание танкистов в академиях, училищах, полках и каждый день заслушивает отчеты Научно-исследовательского и испытательного танкового института в Кубинке и ставит ему новые задачи. В Кубинке и было написано это повествование.

Страна знает в основном авиационную Кубинку, откуда взлетают эскадрильи "Стрижей", "Небесных гусар" и "Русских витязей". Сюда же из Германии передислоцировалась и 16-я воздушная армия, самая сильная воздушная армия в мире. Та самая армия, которая под командованием Руденко вместе с 1-м Белорусским фронтом брала Берлин. Та самая армия, от которой теперь остались одни воспоминания.

Но, кроме авиационной, есть еще более древняя, танковая Кубинка, о которой до последнего времени запрещалось упоминать. В лучшем случае говорили — "полигон в Подмосковье".

Полигоном называют Научно-исследовательский и испытательный институт бронетанковых войск. Раньше Кремль внимательно следил за делами танковой Кубинки. Сюда непременно навещались военные министры, высшие чины военного ведомства и руководители страны. Они исповедовали силу и знали природу земной власти. Танк и был олицетворением силы. В Кубинке же эту силу испытывали, и испытывали с безжалостным реализмом.

Научно-исследовательский и испытательный институт бронетанковой техники начал свою историю в июле 1931 года как Научно-испытательный автобронетанковый полигон Управления механизации и моторизации РККА. В предвоенный период здесь были проведены испытания легких танков Т-26, БТ-5 и БТ-7; плавающих танков Т-37, Т-38 и Т-40; средних танков Т-28, Д-20, А-32 и Т-34; тяжелых танков Т-35, КВ, и других образцов автобронетанковой техники. В годы войны на полигоне испытано 306 танков и САУ, в том числе Т-34-85, ИС-1, ИС-2.

В 1947 году полигон стал называться Научно-исследовательским бронетанковым полигоном. Ученые и испытатели полигона в послевоенный период внесли большой вклад в дело создания танков, БМП, БМД, БТР, подвижных средств обслуживания и ремонта. В 1968 году за большие заслуги в создании новых образцов оружия и боевой техники полигон награжден Орденом Красного Знамени. А в 1972 году полигон преобразован в Научно-исследовательский испытательный институт.

В 70-е и 80-е годы, при активном участии сотрудников института, созданы танки Т-64Б, Т-72, Т-80, бронированная ремонтно-эвакуационная машина (БРЭМ-1), новый бронетранспортер (БТР-70). В 1976 году институт награжден орденом Октябрьской революции, а в 1977 году ему присвоено имя маршала бронетанковых войск Я.Н. Федоренко. В настоящее время в институте работает 7 докторов и 62 кандидата наук.

Такова сухая и скромная официальная справка об институте, который уже 68 лет аккумулирует в себе все танковые идеи в мире, хранит их, исследует, прогнозирует развитие бронетанкового оружия — и день и ночь испытывает бронетанковую технику на предельных режимах. Танки здесь заставляют прыгать с круч, гоняют по бездорожью, вроде лунного пейзажа, по "стиральной доске", глубокой грязи, под водой, на износ. А после этого в них стреляют из всех видов оружия, не оставляя ни одного живого места. Именно здесь, в Кубинке, техника должна выдержать и самый жестокий на земле экзамен — испытание боем.

В Кубинке добиваются абсолютной правды о машинах, которые испытывают. Здесь в этом деле не признают ни друзей, ни начальства, ни знакомых, не ведают никакой жалости, и за 68 лет не пошли ни на один компромисс. Здесь не признают никакой идеи политических евнухов, уверенных, что политика — "искусство возможного".

Генерал Драгомилов учил: "Всякое дело выигрывает от правды". Он знал, что здоровая армия стоит на правде. Ложь в армии — это неминуемая гибель в бою. Войсковое братство не может стоять на лжи, как нельзя выиграть сражение, получая лживые донесения. Армия стоит на правде.

Ученые и исследователи института перенесли за последние годы ряд жестоких сокращений штатов и бюджета, а порой над институтом в Кубинке собирались и более зловещие тучи. Теперь, с разрушением социалистической плановой системы, добавилась к старым бедам новая, более зловещая напасть, имя которой — дикий рынок, с его морально высокочек, для которых главное сбыть партию техники за рубеж, а там хоть трава не расти. Неподкупные военные испытатели раздражают таких "хозяев жизни". Ведь сама армия ныне техники почти что не закупает, но качество требует — по-прежнему. Кроме того, есть конструкторы с творческой сумасшедшинкой, которые готовы наворотить такого, что потом на полстолетия вперед позора не оберешься. Так кому нужен институт, стоящий на правде?

Но институт не сдастся. Больше того, здесь продолжают сохранять традицию военной приемки. А военная приемка — это особая философия производства. Даже американцы были вынуждены признать, что без военной приемки в СССР не было бы ни одного из достижений в военно-промышленном комплексе. У американцев тоже есть военная приемка, но они принимают только готовую продукцию. Насколько уязвима подобная система, знают испытатели в Кубинке. Наши же офицеры из военной приемки контролируют весь процесс: от варки стали до изготовления всех деталей и их сборки. Во времена перестройки стали было их, приемщиков, сокращать. Но теперь умные директора заводов, в том числе танковых, просто охотятся за офицерами военной приемки. А ведь тайна успеха военной приемки, кроме всего прочего, заключалась в том, что офицеры никогда не подчинялись дирекции завода, наоборот, их боялись и уважали все.

Потому и офицеры Кубинки должны бы чувствовать себя неким особым сообществом военных испытателей, поклоняющихся суровой и даже безжалостной правде, во имя жизни танкового экипажа. И так было со дня основания полигона.

В институте есть еще одна важная достопримечательность, а вернее, еще одна боевая часть, боевая единица. Здесь располагается, пожалуй, лучший в мире танковый музей, который вызывает живой интерес у иностранцев, особенно специалистов.

"СТОРИИ ИЛИ ПРОРВЕМСЯ!"

Музей — зримая летопись мирового танкостроения и танкового дела. Здесь знают о танке почти все. И здесь история нередко сопрягается с настоящим.

Начальник института, генерал-майор А. Евтеев, вывел из Германии последнюю российскую дивизию, и не какую-нибудь, а самую прославленную дивизию прорыва — бывший Особый Уральский добровольческий танковый корпус. Из Германии он ушел в г. Богучары Ростовской области под именем 10-й танковой дивизии. Мы мастера осквернять память. Англичане и американцы оставляют за танковыми полками даже их прежние наименования — "гусарский", "драгунский". А мы не сохранили даже именование "Уральский добровольческий"!

После первого комплектования Уральский добровольческий танковый корпус обучался и становился боевой единицей здесь, в Кубинке. Сосредоточился корпус в Кубинке 11 июня 1943 года и отсюда ушел прямо на Курскую дугу, точнее, в орловскую операцию "Кутузов". Совершив из Кубинки 330-километровый марш, Уральский танковый корпус, в составе 4-й танковой армии, сосредоточился в древнем Козельске, который в 1238 году два месяца держался в осаде против полчищ Батыя. 4-я танковая армия генерала Баданова вошла в прорыв, неся на своем острейшем Добровольческий танковый. И недаром Уральский добровольчес-

кий корпус немцы уважительно называли "черные ножи" по цвету чехлов их ножей. Корпус — гордость Урала.

История рождения этого корпуса — единственное в своем роде за всю войну. В конце 1942 года рабочие "Уралвагонзавода" в Нижнем Тагиле и Уралмаша в Свердловске предложили: "Сделаем сверхплановые танки и поведем их в бой". Руководители трех областей Урала — Пермской, Челябинской и Свердловской — обратились в Государственный Комитет Обороны, и просили разрешения сформировать "Особый Добровольческий Уральский танковый корпус". В обращении говорилось: "Обязуемся провести комплектование этого корпуса на добровольных началах и сверх контингента, подлежащего отправлению в армию по плану Наркомата Обороны. Берем на себя обязательство послать лучших людей Урала. Добровольческий танковый корпус уральцев обязуемся полностью вооружить лучшей военной техникой — танками, орудиями, минометами, боеприпасами, произведенными сверх производственной программы".

Москва разрешила. За несколько дней подано сто тысяч заявлений. Шел отбор добровольцев. Уходящие должны были подготовить себе замену у станка. Каждая область комплектовала одну танковую бригаду. В войну они так и назывались — "Пермская", "Челябинская" и "Свердловская".

Уральский добровольческий танковый корпус придал имени "уральцы" тот же высокий смысл, который к тому времени уже имело слово "сибиряки". Впервые мировую славу сибиряки приобрели в русско-японскую войну, когда они составили ядро русской армии в Маньчжурии. Все военные атташе отмечали особую стойкость сибирских частей. Если в восьми сражениях русская армия ни разу не была разбита, то это целиком относят в заслугу сибирякам. В Первую мировую войну сибирские стрелки упрочили свою репутацию, а в войне с фашистской Германией сибирские полки и дивизии были признаны лучшими русскими соединениями. Сибиряков ставили на прорывы или против войск СС. Именно сибиряки спасли в 1941 году Москву, а значит, и страну. Они же держали Мамаев курган. Из них в основном формировали ударные армии. Кстати, до революции нынешний Урал упорно включали в общее понятие "Сибирь" и справедливо относили к Сибири всю территорию до Тихого океана. Это было явно не случайно — и Сибирь и Урал рождали миру удивительно стойких и мужественных людей.

Рождение в 1943 году Уральского танкового корпуса, кажется, — первое событие, с наибольшей выразительностью передающее мощь и особенность Урала. Уральский танковый корпус впервые превратил Урал из понятия географического и административного в понятие духовно-нравственное, и закалил новый смысл этого древнего имени в боях. Появление корпуса — это как бы рождение нового типа уральца. Металл и Урал стали сопрягаться еще с XVIII века, со времен Татищева и демидовских заводов. Но Уралу в целом не хватало глубокого, трагического и чистого переживания, утвержденного и признанного за пределами седого Урала. И эту историческую миссию выполнил уральский танкист. Урал показал, что не только противостоит Руру, не только производит лучшие в мире танки, но и дает лучших в мире танкистов.

Корпус был добровольским, что было новым явлением в войне. Впервые из добровольцев было создано мощное соединение, полностью оснащенное на народные средства самих уральцев. Это был в полном смысле этого слова *народный* танковый корпус. Перед отправкой на фронт войны Уральского Добровольческого корпуса получили от своих земляков наказ: "Не забывайте: вы и ваши машины — это частица нас самих, это — наша кровь, наша старинная, добрая уральская слава, наш огненный гнев к врагу. Смело ведите стальную лавину танков... Ждем Вас с победой!"

Наказ обсуждали по всему Уралу. От имени матерей танкистов, записавшихся в корпус, выступала О.Н. Костеленская: "Нелегко расстаться с сыном. Но сегодня как мать я благословляю: иди мой сын в бой на врага, сокрушай его беспощадно всей силой уральского боевого оружия, всей

силой великого гнева нашего народа. Да будет сердце твое отважно, а твой путь победным».

Родоначальницей добровольцев в Отечественную войну стала Сибирь. Здесь первыми начали создавать сибирские соединения, куда каждая область Сибири выставляла свой полк или дивизию. Они-то и стали под Ельней с Жуковым, когда в недрах 24-й сибирской армии зародились первые четыре гвардейские дивизии, а потом разгромили фашистов под Москвой. Тогда же там были и уральские дивизии. Но нигде в войну уралец не проявлял себя так ярко, как в Уральском танковом корпусе. Корпус всегда был с частями прорыва и нес жестокие потери. Он участвовал во всех главных битвах от Орла до Берлина и шесть раз почти полностью терял свой боевой состав. И все шесть раз он получал пополнение с Урала. Поэтому, когда из Германии вывели 10-ю танковую дивизию, делегации трех областей Урала приехали в Вюнсдорф под Берлин и буквально умоляли вернуть на Урал прославленный корпус, обещали построить танкистам жилье, обустроить их, окружить вниманием. Но дивизию, как у нас водится, вместо Урала вывели в Ростовскую область.

Но в годы смертельной опасности Урал проявил свою особость и впервые стал, благодаря танкам и танкистам, духовно самостоятельным субъектом России. Немцы сразу поняли, где опорный край Державы. Гитлер вызвал к себе министра вооружений и попросил его уговорить Ганса Руделя, командира эскадрильи "Иммельман", лететь бомбить Урал. Когда министр Шпеер пришел к Руделю с "уральским проектом" фюрера, штурмовик отказался его исполнить, объясняя это незнанием навигации.

Вот в каком краю родился Уральский Добровольческий танковый корпус. Верю, что уральцы добьются и возрождения названия корпуса, и передислоцируют его на Урал и увековечат любимой боевой клич танкистов-уральцев: "Сгорим или прорвемся!"

ЧЕКАННЫЙ СЛОГ

Замечательный танковый генерал Александр Евтеев, потомственный солдат, за три года пребывания в Кубинке крупно прибавил в танковой науке и в том, что можно назвать "духом танковых войск". Он показал мне "Боевой Устав бронетанковых войск" 1944 года, который в 1981 году подарил "дорогим однополчанам" гвардии старший лейтенант в отставке, фронтовик Красенков.

Это Устав новых танковых войск, созданных после Сталинграда и Прохоровки, когда наши танкисты уже научились вести современную танковую войну — не просто поддерживать пехоту в ее боевых порядках, а крушить и взламывать оборону противника, не думать о флангах и устремляться на оперативный простор.

Новый Устав родился из битв, потому эта книга относится к числу тех самых мудрых на земле книг, где каждая строка и даже буква оплачена тысячами жизней. Из битв родился и новый род войск. А Устав за подписью Наркома обороны маршала И. Сталина закрепил это событие, отменив старый Устав 1938 года.

Прочтем эти чеканные строки.

Из главы первой "Общие положения":

"1. Бронетанковые и механизированные войска являются одним из основных родов войск. Они обладают большой ударной силой, так как сочетают мощный огонь с быстротой движения и броневой защитой.

Главной ударной силой бронетанковых и механизированных войск являются танки.

2. Бронетанковые и механизированные войска могут применяться во всех видах боя. Они являются решительным средством наступления и мощным средством контратаки в обороне.

Их задачи:

— В наступательном бою — стремительной и решительной атакой уничтожить противника, овладеть объектами атаки и удерживать их до прихода своей пехоты.

— В оборонительном бою — мощным и метким огнем с места и внезапными контратаками нанести пехоте и танкам противника тяжелые потери, отразить атаки противника и удерживать за собой обороняемую местность. <...>

5. При выполнении самостоятельных задач бронетанковые и механизированные войска обычно используются для развития успеха в наступлении".

Это драгоценные пункты. Они уже в 1941 году были у немцев, но их не было тогда у нас. Их не было в Уставах Англии, Франции и США (что до последних, то в США даже издали, как упоминалось, отдельный закон, подчиняющий танки пехоте.)

Но каждое слово Устава взвешено. Все строки полны смысла. Эта та проза, от которой Пушкин требовал "мысль". Боевые Уставы — это высокая проза и большая литература. В них нет ни тени уклонения, сомнений и слагательности. Командир с гамлетовским характером стал бы проклятием для солдат. Поэтому Риджуэй и говорил, что первейшая обязанность командира — избавиться от нытиков и волокитежников. После грязи с телеэкранов, истерии митингов, недомолвок политиков и нытья о своей несчастной судьбе освежим себя чеканной прозой Боевого устава:

"6. Боевые свойства бронетанковых и механизированных войск:

— высокая оперативная и тактическая подвижность, обеспечивающая быстроту маневра, стремительность и силу атаки, способность двигаться вне дорог и преодолевать препятствия.

— мощност ближнего артиллерийского и пулеметного огня с хода, с остановок и с места из-за укрытий, позволяющая уничтожить живую силу, огневые точки и танки противника, находящиеся на открытых местах или в легких укрытиях;

— способность оказывать сильное моральное воздействие на противника;

— неуязвимость от ружейного и пулеметного огня противника, от осколков снарядов, мин и авиационных бомб и от одиночных ручных гранат; относительная неуязвимость от огня противотанковых орудий и артиллерийских батарей".

После чтения этих чеканных строк понимаю, почему надлежало выдержки из Устава Воинского Петра I читать регулярно перед строем, помимо обязательных молитв. Такие Боевые Уставы целительны, ибо обладают мощной иммунной защитой от развязности и расслабленности.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Полстолетия после войны русские танки нависали брошированным кулаком над Европой. Десять тысяч танков были в боевой готовности только в Германии. В одной 3-й ударной армии, стоявшей Магдебурге, на самом коротком пути к Бонну, было больше танков, чем во всей ФРГ.

Серьезный танковый кулак мы держали в Монголии и Забайкалье. Забайкальский округ был самым боевым нашим округом. Нигде не чувствовалось такого братства в офицерской среде, как в Забайкалье. Туда попадали те, у кого нигде на свете не было никакой "лапы". Кстати, там, командуя танковой дивизией, генералом стал будущий маршал Язов. Там славу легендарного организатора заработал Матвей Бурлаков, которому суждено будет вывести из Европы наши войска.

Это было наступательное время, потому танкисты доминировали в армии всюду. Когда-то из 18-ти военных округов 16 возглавляли танкисты. Они были наиболее подготовлены для командования общевойсковыми соединениями. Тогда в стрелковых дивизиях танков было больше, чем в войну в танковом корпусе.

Танковые генералы всегда были востребованы. Танкистов можно встретить и в Совете безопасности (генералы Потапов и Нефедов), и в "Росвооружении", и в правительстве. Сейчас Генеральным штабом руководит выпускник Бронетанковой академии генерал армии Анатолий Квашнин, че-

довек глубокой военной культуры. Квашнин, как бывший командующий Северо-Кавказским военным округом в период войны в Чечне, на сегодня в наших Вооруженных Силах генерал с наибольшим боевым опытом.

Время от времени на троллейбусных остановках можно встретить рослого и широкоплечего седого генерала армии со звездой Героя Советского Союза. Чаще он бывает хмур, и стоит в толпе "пиджаков" одиноком "мамонтом" из отгремевших эпох. Это Михаил Митрофанович Зайцев, бывший командующий Западной группой войск. У генерала армии Зайцева обычно такой грозно-надменный вид, будто он только и мечтает, чтобы кто-нибудь из "пиджаков" его задел, и тогда он, Зайцев, участвовавший еще лейтенантом в последних офицерских танковых атаках на Курской дуге, мог от души врезаться бронированную затрещину расслабленному подрастающему поколению. Должны же наши юнцы наконец осознать себя мужчинами, обязанными защищать Родину!

Помню командира Тацинской дивизии в Забайкалье, который первый раз в жизни увидел паровоз, когда в 17 лет приехал в Омск из таежного села поступать в танковое техническое училище. Это же училище окончил нынешний начальник Автобронетанкового управления, "афганец", генерал-полковник Сергей Александрович Маев. Доводилось дружить со многими офицерами, которые первый раз в жизни спали на простынях в военном училище и там же поели досыта. Почти все наши генералы, с которыми доводилось беседовать в Западной группе войск, особенно из забайкальцев, провели детство в деревне. Их школьные года совпали с лаводками, разливами рек и многокилометровыми ежедневными пешими походами в школу и обратно. В сумерках многие из них замирали, видя на опушках огоньки волчьих глаз. Такого детства не было ни у одного натовского генерала. У наших офицеров совсем другой опыт ландшафта, просторов, шумящих лесов и выносливости. Не зря эсэсовские войска охотились за здоровыми парнями из сельской местности.

Все военкоматы и командиры знают, что самых плохих солдат дает Москва, и офицеры молятся, чтобы им не пришлось пополнение из столицы. Вот над чем есть смысл задуматься мэру города. Сергей Маев каждый день проходил то пешком, то на лыжах в школу и обратно два десятка километров. Потому он в училище, чтобы заглушить тоску по дому, шутя выполнял норму мастера спорта по лыжам.

После войны мы наводнили танками половину мира. Сейчас самый распространенный на свете танк — это наш русский Т-72, который все еще очень опасен в бою. И мы просто обязаны сохранить за собой титул великой танковой державы, ибо танки и поныне остаются решающей силой сухопутной войны.

Наиболее впечатляющие танковые сражения после войны произошли в Передней Азии. Сначала крупных успе-

хов добились израильские бронетанковые силы в семидневной войне 1967 года. Затем произошли крупные танковые сражения во время войны в 1973 году между Египтом и Израилем. В 1988 году, во время ирано-иракской войны, танковые силы участвовали в сражении за полуостров Аль-Фао в устье Тигра и Евфрата. В мае того же, 1988 года при Рыбном озере Ирак бросил в бой несколько тысяч танков. В ходе иранского контрнаступления в 1981 году произошли несколько масштабных танковых сражений самых крупных после войны 1973 года между Египтом и Израилем.

В 1915 году Черчилль, как военный министр, "пробирав" строительство первых танков. А всего через 27 лет он по пути в Москву, в 1942 году, видел в Каире, что танки Роммеля вот-вот закурпят Суэц и возьмут Александрию. Пройдет еще немного времени, танки будут драться у Суэца от горизонта до горизонта в тучах пыли и дыма.

К декабрю 1990 года американцы военно-транспортными самолетами перебросили в Аравию за 11–15 тысяч километров 300 тысяч человек и 400 танков, в том числе 82-ю воздушно-десантную дивизию. В операции "Буря в пустыне" было задействовано 20 процентов от общей численности регулярной армии США. Американцы сосредоточили в Аравии 527 тысяч человек всех родов войск, 1000 танков, 2000 бронетранспортеров, 1700 самолетов и 1500 вертолетов, в том числе противотанковые "Апач" и "Кобра". Ирак смог противопоставить этой силе 5000 танков (Т-72, Т-54, Т-55, Т-62) и 4000 единиц артиллерии.

Всего США в районе боевых действий сосредоточил 108 кораблей, в том числе шесть авианосцев, два линкора, восемь субмарин и около 80 кораблей других классов. Помните, как говорили профессора Императорской академии Генерального штаба, что с развитием цивилизации боевой дух народов угасает. Потому собранная в Заливе чудовищная военная гора оружия 29-ти государств мира во главе с США "родила мышь", и путив в ход любимое оружие тех, кто запасається штыками, т.е. бомбардировщики, улизнула в США оглушительная зажравшихся потребителей победными парадными. Еще один рекорд был установлен. В войне в Заливе, во время бури и пыли, США в процентном отношении нанесли больше всего в истории войн ударов по собственным войскам.

Теперь они решили вспомнить бомбежки Кельна и Дрездена и бомбят Югославию. На Пасху 1944 года янки уже бомбили Белград. Но сейчас бомбежки Югославии угрожают не только России или Белоруссии, но и Германии. Не случайно вокруг Сербии больше всех суетятся битые более других во Второй мировой войне англичане. Это они стирали с лица земли немецкие города. Несколько веков Англия мечтала о бассейне Рейна. В 1945 году она первым делом оккупировала рейнские земли. Кто владеет Рейном, тот хозяин в Германии. Чтобы ласкать себе слух, они даже свои оккупационные войска назвали "Рейнской армией".

Как русские мечтали о Константинополе, так великогерманские державники мечтали об устье Рейна, Роттердаме и Антверпене. По сути, всю Первую мировую войну Германия вела для того, чтобы стать хозяйкой устья Рейна. Даже контрудар в Арденнах имел конечной целью Антверпен. В 1984 году Англия убедила США перевести все командование НАТО в Англию, а Германию объявить "серой зоной", т.е. ареной возможных ядерных ударов.

Германия, объединившись, не вышла из НАТО и тем навсегда предала тысячелетнюю германскую идею, выразителем которой выступал веками Дом Гогенцоллернов. Германия должна была стать надменно нейтральной и предложить России такой же статус. Это и было бы спасением мира. Вместо этого германские социалисты в обнимку с социалистами-лейбористами Англии и социалистами демократами США и Франции решили наследить в Сербии. Германия предала себя. Великие духовные вожди Германии, сделавшие так

Танк Т-72

много для возрождения величия своей родины — Кант, Фихте, Шиллер, Гете и Гегель, — гениальные государственники осудили бы то место, которое нынешние руководители Германии отвели ей в мировом сообществе.

ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ

В апреле 1999 года несколько десятков писателей России с Председателем Союза писателей Валерием Ганичевым, по приглашению губернатора Белгородской области Евгения Савченко, прибыли на танковое Прохоровское поле для участия в первых в истории “Прохоровских чтений”, посвященных Курскому побоищу 1943 года, окончательно переломившему ход Второй мировой войны.

Приезд писателей в Прохоровку глубоко символичен. Сегодня перед всеми писателями стоит задача сохранить отечественную традицию единства слова и оружия и поднять творческое слово вровень с той высотой, на которую народ поднял оружие на святом ратном поле, когда среди желтоухих хлебов в смертельном поединке сошлись полторы тысячи танков и штурмовых орудий с обеих сторон.

С древности и до XVII века слова “поле” и “поединок” были синонимами. Приговорить “к полю” означало привлечь стороны в тяжбе к судебному поединку, где Бог всегда за правого. Слова “поле” и “полк” тоже одного ряда, причем слово “полк” в старину означало еще и “народ”, ибо иначе, как вооруженным, народ себя не представлял, так как военных дней у народа было неизмеримо больше, нежели мирных.

Эти мысли пробуждают поле, известное миру как “Прохоровское”, когда стоишь перед Звонницей и, запрокинув голову, видишь, как плывут в синем небе облака мимо золоченой сферы, коя суть державное яблоко, увенчанное золотой семиметровой фигурой Божией Матери, удерживающей над Русью свой Покров уже десять веков. Некоторые места Русской земли справедливо называют по именам сынов и дочерей, нашу землю прославивших. Так, Брянщину зовут землей Пересвета, героя Куликова поля. Рязанщину именуют землей Коловрата — великого витязя. Белгородщина, скорее, земля Михайлы Воротынского, одного из самых великих русских полководцев. В этих пределах прошла его ратная молодость. Здесь сходились три самые страшные дороги на Руси, три шляха — Изюмский, Кальмиуский и Муравский, по которым ордынцы угоняли в неволю ежегодно сотни тысяч русских пленников, а в притороченных к седлам корзинах увозили русских детей. Князь Михаил Воротынский увековечен на памятнике 1000-летия России за его защиту южных рубежей Руси. Он первым ворвался в Казань, он же в 1572 году разгромил 120-тысячное полчище крымчаков под Серпуховом. И он же — создатель Пограничной стражи России и устроитель засечных черт.

Битва, известная как Курская, пятьдесят дней гремела на просторах четырех древних русских областей: Орловской, Курской, Белгородской и Харьковской. В пределах этих земель нет ни одного города, который не зародился бы как сторожевая крепость. Четыре миллиона вооруженных до зубов воинов с обеих сторон сошлись на полях от Орла до Белгорода груды в груды. Несколько воздушных армий непрерывно дрались в небе, подстилаемые грозным гулом битвы с земли. Половина всех германских войск Восточного фронта, лучшая их половина, — самая боевая и фанатичная, — была сосредоточена для осуществления операции “Цитадель”.

А победили мы.

Четырехгранная 52-метровая Звонница видна издали. Какые двадцать минут бьет ее колокол. Первый звон посвящен героям Куликова поля и всем павшим от ордынских разбойных нашествий. Второй звон — в честь героев Бородины и всех воинов 1812 года. Третий звон — в память всех павших на Прохоровском поле и в Курском побоище.

Вермахт, на свою беду, вторгся на территорию нашей страны 22 июня 1941 года, в День Всех Святых в земле Российской просиявших. На верхних горельефах четырех пилонов Звонницы изображены святые покровители Русской Земли. Четыре пилона Звонницы олицетворяют четыре года войны. На двадцати четырех горельефах изображены на белом камне 130 образов. На пилонах, обращенном к Курской области, автор проекта Звонницы, скульптор Вячеслав Клыков изобразил икону Курской Божией Матери Коренной Знамения, заступницу Руси с древности. Другой пилон венчает “Святая Троица”, повторяющая икону Св. Андрея Рублева. Троица имеет и другой волнующий прообраз, олицетворяя три православных народа-брата, создавших святую Русь — оплот христианства в мире. Пилон “Победа” связан с именем любимого на Руси Святого Георгия, в день которого 6 мая фактически завершилась война. На последнем горельефе изображен Георгий Жуков, принимающий 24 июня 1945 года парад Действующей армии. Напомню, что тогда война еще была не закончена — шестая танковая гвардейская армия Краченко еще должна была пробиться в Маньчжурию через перевалы Хингана.

Монумент Победы — Звонницу — 3 мая 1995 года освятил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. В тот же день колокольный благовест возвестил об освящении Патриархом и новой общерусской святыни — храма, посвященного Верховным апостолам Петру и Павлу, на день которых, 12 июля, произошла Прохоровская битва.

Храм высотой в пятьдесят восемь метров, напоминает зажженную свечу. Главный архитектор проекта — Д. Соколов. В храме на белокаменных плитах высечены имена семи тысяч воинов, павших на Прохоровском поле. Горят свечи в храме в память героев, и возносятся ежедневные молитвы об упокоении положивших души свои за родную Землю и Веру отцов.

Гитлер грозил пройти плугом по Петербургу, из Москвы сделать озеро, Киев превратить в поселок фольклорной “Киевбург”. Но он не оценил противника. У Леонида Леонова в повести “Взятие Великошумска” танковый генерал заметил: “Я говорю, грозен наш народ, красив и грозен, когда война становится у него единственным делом жизни. Лестно принадлежать к такой семье”.

Танкисты были единодушны во мнении, что за эту повесть Леониду Леонову можно смело присвоить звание полковника танковых войск.

Прохоровское поле — удивительное явление на земле. Когда стоишь на нем, то со всех четырех сторон видишь убегающие с некоторым неуловимым покатом понижением к горизонту перелески, долины и русла. От этой шири веет былинным простором. И возникает ощущение, что стоишь на вершине Земли, которую венчает Православная Звонница. Не знаю, что пережили в далеких обозах и штабах, но все, кто дрался в поле, вышли из битвы вновь верующими в Бога. Тому много свидетельств. В окопах нет атеистов.

Вот что писал гвардии старший лейтенант Р. Мавлютов о пережитом на Прохоровском поле: “12 июля я находился в землянке оперативного отдела 95-й гвардейской дивизии. Именно в этот день неистовствовал немец, бил из дальнобойных. Земля под ногами ходуном ходила. На голову сыпался песок. И вот... одна из бомб угодила в землянку. Раздвинув бревна перекрытия, она зловеще пророснулась вовнутрь землянки. Угрожающе сверкала металлом. Все, подталкивая друг друга, вылетели из укрытия. Рассыпались и залегли, грызя землю. Лежим, а бомба не взрывается. Видно Господу Богу угодно было оставить нас в живых. Бомба и снаряды продолжали грохотать вокруг. Перебежками и ползком добрались до балки... И вдруг кто-то, дотронувшись до моего плеча, хриплым голосом произнес: “Смотри, идут. Танки, танки!”. Глянул в бинокль. И, о ужас!.. Прямо на нас, раскаивая длинными стволами орудий, двигались громадные чудовища со злобными черными крестами. У меня подогнулись поджилки, перехватило дыхание. “Господи, спаси и сохрани!”. — взмолился я, до того бывший яростным атеистом. Сошлись... Закружились...

Поджигали и таранили друг друга. Дым, пламя, грохот, скрежет. Скоро все пространство заволочено дымом. Запахом горелым металлом, мазутом, бензином, жареным человеческим мясом. Такое не приснится и в кошмарном сне. То, что я увидел, описать не могу. Не хватает слов, не с чем сравнить».

Герой Советского Союза Г. Пэнэжко: «Видишь крест на броне танка и стреляешь по нему. Стоял такой грохот, что перепонки давило, кровь текла из ушей. Сплошной рев моторов, лязг металла, грохот, взрывы снарядов, дикий скрежет разрывающегося железа. Танки шли на танки. От выстрелов в упор сворачивало башни, скручивало орудия, ломалась броня».

Самую краткую, емкую и точную характеристику Курской битвы, на южном фланге дал командующий Воронежским фронтом генерал армии Николай Ватутин в донесении на имя И.В. Сталина. Вот его начало:

«Докладываем: Войска Воронежского фронта в период с 5 по 23 июля 1943 года вели напряженную оборонительную операцию. В ходе этой операции противнику нанесено крупное поражение, наши войска одержали победу и к исходу 23 июля 1943 года полностью восстановили свое прежнее положение, выполнив поставленную Вами задачу и сохранив боеспособность».

О ходе операции, действиях наших войск и результатах операции считаем необходимым объективно доложить следующее:

1. План противника под условным названием «Цитадель» предусматривал в первый день наступления захват Обояни и во второй день наступления захват Курска и окружение наших войск в районе Курского выступа.

Для выполнения этого плана противник главный удар нанесил против Воронежского фронта, сосредоточив здесь в конечном итоге 11 танковых и моторизованную дивизию (ТДСС «Райх», «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Великая Германия» и «Викинг», 6, 7, 11, 19, 3 и 17 ТД и 16 МД). Из указанного количества 5 дивизий (3, 19, 17 ТД, ТДСС «Викинг» и 16 МД) были переброшены в район Белгород-Донбасса. Танковые дивизии были объединены в три танковых корпуса: 3, 48 и 5 ТКСС. По показаниям пленных, дивизии к началу операции были укомплектованы танками полностью и имели до 250–300 танков в каждой дивизии, из них значительное количество было танков «тигр». По данным нашей агентуры, в Ахтырке был сосредоточен резерв танков до 200 штук. Таким образом, противник имел до 4000 танков и самоходных орудий.

Кроме танковых дивизий, в наступление принимали участие до двенадцати пехотных дивизий.

Главные силы противник развернул и ввел в бой в полосу 6-й гв. армии, где с первых же дней операции было брошено в атаку 6 танковых дивизий. Всплеснувшие сюда же подошли еще три дивизии: «Викинг», 17 ТД и 16 МД...

Противник вел наступление, применяя массовые танковые атаки на узком фронте группами 500 и более танков при поддержке массированной авиации, которая на узком фронте производила авиационную подготовку и сопровождала атаку танков...

Наши войска дрались с исключительным упорством и 5 июля 1943 года в основном удержали свои позиции.

6 июля сражение продолжалось на переднем крае и в глубине главной оборонительной полосы.

Во второй половине дня противник по боевым двухдневным массированным ударам авиации по боевым порядкам 52 гвардейской стрелковой дивизии пробил здесь брешь и начал выходить к переднему краю второй оборонительной полосы. На участке 7-й гвардейской армии противнику удалось выдвинуться в район Крутой Лог.

В полдень 6 июля было принято решение о вводе в бой 1-й танковой армии Катукова, 2-го и 5-го гвардейских танковых корпусов...

7 июля противник неожиданно для него напоролся на активную оборону танковых соединений, которые действовали во взаимодействии со стрелковыми соединениями...

Звонница на Прохоровском поле (скульптор В. Клыков)

Лишь к вечеру противнику удалось потеснить 5-й гвардейский танковый корпус и противник начал просачиваться между Яковлево и Лучки — стык между Катуковым и Кравченко. Для ликвидации этого просачивания пришлось бросить в контратаку в направлении Лучки 31-й танковый корпус 1-й танковой армии, который успешно выполнил эту задачу.

Начиная с 6-го и особенно 7 июля 1943 года, противник центр своих усилий главных сил танков и авиации направил вдоль шоссе на Обоянь. Чтобы прочно закрыть это направление, начиная с утра 6 июля 1943 года мероприятия фронта началось быстрое усиление Обоянского направления. На усиление Катукова и Чистякова в период 6, 7, 8 июля 1943 года на Обоянское направление были переброшены с участков 38-й и 40-й армии три отдельные танковые бригады, четыре отдельных танковых полка, три истребительно-противотанковые бригады, до восьми ИПТАПов и два батальона ПТР. Сюда же поднята из 40-й армии одна пушечная тяжелая артбригада и 309-я стрелковая дивизия, а из состава 38-й армии — 204-я стрелковая дивизия и один гаубично-артиллерийский полк.

Кроме того, на 8 июля 1943 года был организован контрудар четырех танковых корпусов. Однако этот удар был упрежден противником, успех не получил, но отвлек часть сил противника с Обоянского направления на Прохоровское, облегчив положение Катукова...

Не добившись успеха на Обоянском направлении, противник к вечеру 10 июля 1943 года в полосу шоссе переходит к обороне и главные усилия (5-го танкового корпуса СС и 17-й танковой дивизии — всего до пяти танковых дивизий) он направляет на Прохоровское направление, а силами 48-го танкового корпуса наступает на Ивню и западнее в надежде свернуть наш фронт к западу...

Что касается Прохоровского направления, то в течение 11 июля 1943 года противник производил перегруппировку своих сил (5-й танковый корпус и 17-я танковая дивизия) на это направление и готовился атаковать.

С нашей стороны уже с 10 июля 1943 года на это направление выходили части 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова, а с севера на участок между шоссе и Васильевка (10 км западнее Прохоровки) выходили части 5-й гвардейской армии Жадова.

Обе эти армии готовились к контрудару на 13 июля 1943 года... армия Ротмистрова за счет ресурсов фронта была усилена одной тяжелой пушечной бригадой, двумя гаубичными артиллерийскими полками большой мощности, двумя полками РС, одной истребительно-противотанковой бригадой, одной зенитной дивизией и одним самоходным артополком...

Контрудар 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова и 5-й гвардейской армии Жадова начался 12 июля 1943 года в 8 часов 30 минут...

Танковая армия Ротмистрова с приданным ей 2-м гвардейским танковым корпусом непосредственно юго-западнее Прохоровки на узком фронте сразу вступила во встречное сражение с танковым корпусом СС и 17-й танковой дивизией противника, которые двинулись навстречу Ротмистрову. В результате на небольшом поле произошло ожесточенное массовое танковое сражение. Противник потерял здесь поражение, но и Ротмистров понес потери и почти не продвинулся...

13 июля 1943 года противник производил уже слабые атаки на Прохоровском, Обоянском и Ивнянском направлениях...

Противник с утра 16 июля 1943 года на участке 69-й армии Крюченкина перешел к обороне. 7-я гвардейская армия Шумилова провела несколько контратак, приковывая тем самым на себя часть сил противника.

Как только противник перешел к обороне, начались контратаки наших войск и сильная боевая разведка. Вскоре был обнаружен отряд противника. Войска Воронежского начали немедленное преследование противника и к исходу 23 июля 1943 года восстановили положение.

План противника сорван. Нигде противнику не удалось прорвать нашего фронта. Он лишь потеснил наши войска на глубину до 40 км...

Даже от этого сильно сокращенного донесения веет духом высокой прозы, как от наших древних летописей. За каждой строчкой — сражения многотысячных армий и танковых соединений корпусов. Даже великое Прохоровское сражение здесь удостоилось лишь нескольких скупых строк.

В Курской битве у наших фронтов 5 танковых армий, все 23 танковых корпуса, 6 из 13-ти мехкорпусов. В целом в битве участвовало 13 тысяч танков с обеих сторон. Кроме того, у нас было и 20 отдельных танковых бригад, более 60-ти отдельных танковых и около 30-ти самоходно-артиллерийских полков. У наших 5-ти фронтов в битве участвует 22 общевойсковые армии и 6 воздушных армий. Непостижимая уму сила.

У немцев в Курской битве более 20 танковых и моторизованных дивизий, свыше 100 других дивизий. С севера группой армий "Центр" командует фельдмаршал фон Кюге. У него на острие 9-я армия Вальтера Моделя. Группой армий "Юг" командует фельдмаршал Эрх фон Манштейн. У него в первом эшелоне 4-я танковая армия Германа Гота. Это она неделю проламывалась к Прохоровке, хотя по плану должна была в первый день взять Обоянь, а на другой день встретиться с Вальтером Моделем в Курске. Немцы не взяли ни Обоянь, ни Курска. А ведь они твердо верили, что с севера от Орла (Модель) и с юга от Белгорода (Гот) бронированными кулаками срежут выступ под основание у Курска. Прохоровка стала кульминацией битвы.

Ротмистров: "Немцы и русские одновременно ринулись друг на друга. В первом эшелоне два наших танковых корпуса (29-й и 18-й), стреляя на ходу сквозной атакой, врзались, пронзив боевые порядки немцев".

На поле дым. Пыль клубится. Танки сталкиваются, тараня друг друга, расстреливая в упор. Экипажи сходятся врукопашную. Между машинами мечутся танкисты в горящих на них комбинезонах. От грохота не было слышно отдельных выстрелов. Войска так смешались, что артиллерия с обеих сторон прекратила стрельбу, а авиация бомбить. Ротмистров слышал в своей радиостанции хриплую ругань и яростные крики: "Орлов, заходи с фланга!", "Вперед!", "Шнеллер!", "Ткаченко, прорывайся в тыл!", "Форвертс! Шнеллер! Форвертс!". Дыбились земля. Рвались гусеницы. Рикошетила снаряды. Взрывы боеприпасов внутри танков срывали башни.

29-й танковый корпус И. Кириченко сцепился с танковыми дивизиями "Адольф Гитлер" и "Мертвая голова". 18-й танковый корпус генерала Б. Бахарева врзался в боевые порядки эсэсовцев. 2-й гвардейский Татинский корпус пол-

ковника А. Бурдейного сошелся с дивизией СС "Райх". Ротмистрову приданы 2-й танковый корпус генерала А. Попова и 5-й гвардейский мехкорпус генерала Б. Скворцова. У Ротмистрова всего 850 танков и самоходок. 2-м танковым корпусом СС командует 63-летний одноглазый Пауль Хауссер, который после Прохоровки будет временно снят с должности. "Мертвой головой" командует 43-летний бригаденфюрер СС Макс Симон, танковую дивизию СС "Райх" возглавляет 53-летний группенфюрер СС Вальтер Григер. Третьим немецким танковым корпусом командовал генерал танковых войск Герман Брейт. У него три танковые дивизии. Командир 6-й танковой дивизии генерал Гюнтерсдорф погиб под Прохоровкой.

7-й танковой дивизией, с которой в 1940-м прославился Эрвин Роммель, командовал генерал-лейтенант барон Ханс Функ. А 19-ю танковую дивизию вел в бой генерал-лейтенант Густав Шмидт. Мысль о том, что он не прорвался к Курску, будет невыносима для его солдатской чести и он покончит с собой. По несчастливому стечению обстоятельств и командиру корпуса Григеру, и трем его командирам дивизий было по 50 лет и чуть больше. Все они кайзеровские офицеры, участники Первой мировой войны, из тех отборных четырех тысяч офицеров, оставленных в райхсвере под началом фон Секта.

На острие немецкого танкового клина шли "тигры". Они превосходили наши танки по лобовой броне и пушке, способной достать и пробить броню Т-34 на расстоянии двух километров. Клин строился не "свиньей", как принято у нас хихикать, а, если хотите, "вепрем". При виде "свиньи" кровь не течет из ушей, и Бога не призывают на помощь. "Тигры" были стальными клыками "вепря", а за "тиграми" шли "пантеры" (Pz-V). Потом двигались гренатеры.

У нас было только один выход для того, чтобы хоть как-то выровнять шансы, — это ближний бой. Встречная атака как нельзя лучше способствовала этой задаче. Но для ближнего боя требуются железные нервы, воля и готовность к самопожертвованию. Со времен Петра I, когда полки формировались только из коренных русских областей, штыковой удар стал формой русского национального боя.

Когда с появлением скорострельных ружей глупцы стали высмеивать певца штыкового натиска генерала Драгомира, он остудил их военно-салонные мозги, заявив, что "на 50-ти шагах и пуля молодец, потому что становится штыком".

Драгомиров дал понять "прогрессистам", что штык — это вечная категория боя, ибо символизирует короткую дистанцию и способность сойтись грудью в грудь. Это та великая категория, которая, судя по пыли в пустыне, напышенно названной "Бурей" и по трусливым бомбежкам Сербии, была утрачена европейцами со времен версальско-мюнхенских прохвостов. Во всех воздушных боях при всех равных тактических замыслах, моторах и оружии срезал противника тот, кто подходил ближе. У нашего аса морской авиации Бориса Сафонова даже фонарь бывал забрызган маслом и бензином от расстрелянного немецкого самолета.

Бывший офицер Пушкинского круга Игнатий Брянчанinov, один из величайших русских святых, епископ Ставропольский и Черноморский, двадцать лет переписывался с доблестным генералом Николаем Муравьевым-Карским. В одном из писем к нему на Кавказский фронт он 13 октября 1855 года в ответ на сетования о появлении совершенного стрелкового оружия заметил: "Когда пуля неожиданно помнела, надо узнать в какой цене остался штык".

Этой же русской идеей руководствовался и генерал-лейтенант Ротмистров, и его танкисты на Прохоровском поле.

ПОБЕДИТЕЛИ

Из фронтовиков, ставших позже маршалами бронетанковых войск, сейчас в живых, а значит и в строю, остался лишь уроженец Смоленщины Олег Александрович Лосик. Это он в июле 1944 года со своей 4-й гвардейской танковой бригадой ворвался в Минск и заслужил за это

Справа налево:

стоят — генерал-полковник М.Д.Саломатин, генерал-полковник А.Г.Родин, маршал бронетанковых войск П.А.Ротмистров
сидят — генерал-полковник М.Л.Чернявский, генерал-полковник Н.И.Бирюков, маршал бронетанковых войск Я.Н.Федоренко,
маршал бронетанковых войск П.С.Рыбалко, маршал бронетанковых войск С.И.Богданов, генерал-полковник М.Е.Катуков

звание Героя Советского Союза. Маршала Лосика чтут все танкисты. Он автор и научно-теоретических работ и с 1969 года возглавлял Бронетанковую академию — «альма-матер» всех танкистов. Лосик еще в 1938 году окончил Саратовское бронетанковое училище и на следующий год повоевал на зимней войне в Финляндии. В Курской битве непосредственно не участвовал, но Сталинградскую битву отвоёвывал всю ночь в день.

Не участвовал в Курском побоище и маршал бронетанковых войск Яков Николаевич Федоренко, разве что как представитель Ставки. Федоренко с 1940 года и до конца войны был начальником Автобронетанкового управления, командующим бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии и одновременно заместителем наркома обороны. На плечи Федоренко легла безмерная тяжесть организации, подготовки и снабжения всех бронетанковых частей и создании целой танковой ремонтной индустрии с десятками заводов. Федоренко всю войну пропахал на износ и сгорел к 1947 году. Битва гремела в пределах родных мест Якова Федоренко. Он из села Красный Оскол Изюмского района Харьковской области.

И все же цвет танковых генералов Курская битва в 1943 году собрала. Сегодня колокол Звонницы собирает их души на Прохоровское поле, к месту, где преставились их братья по оружию.

В службе «Всем Святым, в земле Российской просиявшим» после обращения ко всем русским святым, прославившимся в историческом течении веков, прославившимся разные части и области Земли Русской, после этого дивного перечня великих подвижников (а все они изображены на барельефах Звонницы), которыми возрастает и прославляется Церковь русская, в самом конце службы, в Девятой песне канона, есть обращение ко всем святым «знаемым и

незнаемым», «явленным и неявленным». Сколько было на Руси таких святых, подвизавшихся в неизвестности, сколько исповедников и мучеников, убиенных и умученных врагами-супостатами! А сколько миллионов военных, отдавших жизнь за други своя, скромных безымянных воинов, до сих пор не нашедших погребения и павших на чужбине! Почти восемьдесят процентов из них были из чистых русских деревень. Сердца их были православными — это видно по их самопожертвованию и смирению. Их сердца сохраняли духовное наследие десяти веков.

То же относится и к племени танковых генералов, сражавшихся в Курской битве. Нам неизвестно, кто ближе к Богу. Иной атеист на войне искупал грехи многих поколений подвижнической жизнью на поле боя. А сколько молодых ушло на тот свет, сохранив девство. Это были истинные монахи войны, соблюдавшие целомудрие, суровое послушание и беспримерную бедность.

Из десяти выдающихся танковых генералов Курской битвы восемь — крестьянские дети, «деревенщики». Почему «деревенщики»? А потому, что и былинного Илью Муромца называют «деревенщина ты, засельщина». Наши герои-танкисты под стать былинному герою.

Мы говорим о танковых генералах, которые олицетворяют собой тысячи своих солдат и офицеров. Генерал Ротмистров привел на Прохоровское поле 5-ю гвардейскую танковую армию. Она вся, по сути, ляжет здесь, но врага не пропустит. Сталин не простил Ротмистрову потерю армии. Павел Алексеевич так до конца войны и не получит звезды Героя. Ему дадут ее только в 1965 году. Да и то вскоре уволят из армии за возражение Хрущеву.

Ротмистров, как и Михаил Катуков, который возглавит в Курской битве 1-ю гвардейскую танковую армию, прославились под началом Жукова у стен Москвы. Тогда они командовали Отдельными танковыми бригадами.

Все шесть командармов шести танковых гвардейских армий, которыми мы располагали в конце войны, сражались в Курской битве. Катюков войдет в Берлин с Первой танковой армией. Семен Богданов возглавит Вторую танковую армию. С Третьей войдет в Германию неукротимый Павел Рыбалко. На Четвертой танковой армии в 1944 году Дмитрий Лелюшенко сменил Богданова и будет ввязываться с ней в Берлин.

Самой многострадальной окажется все та же прохоровская 5-я армия Ротмистрова. Над ней тяготел какой-то рок. Она была сформирована в июне 1942 года, и за три года войны ею командовали девять генералов танковых войск. Пятеро из них, еще до Ротмистрова (за девять месяцев) — А. Лизюков, П. Рыбалко, П. Романенко, М. Попов, И. Шлемин. А еще трое сменяли друг друга уже после того, как Ротмистров взял в августе 1944-го Минск, — его сменил М. Соломатин, то — В. Вольский, а с марта 1945 года — генерал М. Синенко. Военная судьба этих командармов 5-й различна. Но символом судьбы самой 5-й армии стала судьба ее первого командующего — генерала Лизюкова. Достаточно было взглянуть на волевого, лобастого и молодое лицо Лизюкова, крестьянского сына, чтобы понять, откуда дворянство веками черпало пополнение и из кого верстались казачьи атаманы. Лизюков был Героем Советского Союза и восходящей звездой. Он мог бы командовать фронтом лучше многих.

Летом 1942 года, после провала авантюрного наступления РККА на Юго-Западном фронте, немцы рванули к Волге. Фон Вехе ударил по Брянскому фронту и прорвал его. Паулюс начал погром Юго-Западного фронта. Сталин требовал выправить положение. Разумеется, любой ценой. На Брянском фронте разворачивалась недавно сформированная 5-я танковая армия Лизюкова.

Генерал Лизюков был умен и отважен. Он сам возглавит передовой отряд танкового корпуса и поведет его в отчаянную атаку, заслоняя наши бегущие части. В одном из боев генерал Лизюков сгорел в танке. Главная улица Воронежа, который защищал Лизюков, по праву названа его именем.

6-й гвардейской танковой армией с января 1944 года и до разгрома Квантунской армии командовал Андрей Григорьевич Кравченко. На Курской дуге он стоял во главе отважного 4-го танкового корпуса, за управление которым был удостоен звезды Героя. 23 ноября 1942 года во главе того же четвертого корпуса (скоро ставшего 5-м гвардейским) Кравченко в районе поселка Советский соединился с полками 4-го мехкорпуса Сталинградского фронта, замкнув кольцо окружения группировки немецких войск под Сталинградом.

Кравченко, как Катюков, Ротмистров и еще один участник Курской битвы генерал Андрей Гетман командовал под Москвой танковой бригадой. Что до Дмитрия Лелюшенко, то он, бывший кавалерист Первой конной, стал танкистом и командовал танковой бригадой еще в Финскую войну. В начале войны был в ГАБТУ заместителем Федоренко, а под Москвой командовал сначала стрелковым корпусом, потом 5-й армией на Можайском направлении. Если эти генералы состоялись как военачальники под Москвой и в Финскую войну, то генерал армии Гетман и будущий маршал бронетанковых войск Павел Полубояров командовали танковыми бригадами при Жукове на реке Халхин-Гол в Монголии.

Война породила четыре поистине великих танковых корпуса. Они и сейчас, переведенные в разряд дивизий, являются украшением танковых войск России. Все четыре легендарных корпуса участвовали в Курском боище. Три из четырех корпусов являются порождением Сталинградского битвы.

После прославленного рейда по тылам противника 24-й танковый корпус В. Баданова стал 2-м гвардейским с почетным именем "Ташинский". Он и сейчас дислоцирован в Забайкалье. Автор этих строк имеет честь состоять в рядах ташинцев в качестве почетного члена.

Тогда же 7-й танковый корпус Павла Ротмистрова с боями овладел городом Котельниково 29 декабря 1942 года. За этот подвиг корпус стал 3-м гвардейским с наименованием "Котельниковский", а Ротмистрову вручен орден Суворова II степени за №2 (этим орденом за №1, напомним, был награжден В. Баданов).

Наконец, 17-й танковый корпус Павла Полубоярова после стремительного рейда по обледеневшей степи овладел станцией Кантемировской. Корпус Полубоярова стал 4-м гвардейским с наименованием "Кантемировский". Сам командир награжден орденом Суворова II степени за №3.

Командиры этих прославленных корпусов, Ротмистров и Полубояров, станут Маршалами бронетанковых войск. Судьба Баданова будет иной. Он единственный из наших танковых генералов, кто закончил в 1916 году военное училище и получил погоны офицера царской армии. Затем гражданская война. С 1921 по 1929 год Баданов комиссар-командир полка и дивизии в войсках ВЧК и ОГПУ. В войну с Германией вступил командиром танковой дивизии. Звезда его взойшла после захвата станции Ташинская. В Курской битве Баданов, этот неунывающий и бесстрашный танкист с усами "а la Буденный", будет командовать 4-й танковой армией. Но в 1944 году будет тяжело ранен и сласт ее Лелюшенко, который приведет ее в Берлин. До конца войны генерал-лейтенант Баданов будет начальником военно-учебных заведений бронетанковых войск.

Мы говорили о четырех великих танковых корпусах. А самый великий из прославленных корпусов — Уральский Добровольческий, который последним ушел из Германии.

"Уральский Добровольческий" боевое крещение принял в Курской битве. Его полное наименование "Уральско-Львовский Добровольческий танковый корпус, гвардейский, Краснознаменный, орденов Суворова и Кутузова". Воевал в составе той самой 4-й танковой армии, которой командовал Василий Михайлович Баданов. В бой вступил на Орловском направлении 27 июля 1943 года на реке Орс у населенных пунктов Лучанское и Казанский. Корпус ввел в сражение генерал-лейтенант танковых войск Алексей Родин, ставший героем Советского Союза за бой под Сталинградом, командуя 26-м танковым корпусом. При генерале Родине корпус в декабре 1942 года стал 1-м гвардейским.

Теперь посмотрим, какая земля породила наших танковых генералов, в каком доме они сделали первые шаги по земле, какие рассветы и закаты видели, какие разливы мешали им ходить в школу.

Мы уже упомянули десятерых танковых генералов Курской битвы, которые с боями, через встречные танковые сражения, привели в Европу русские танки:

Михаил Ефимович Катюков, дважды Герой Советского Союза, из села Большое Ураково Московской области, участник встречного сражения под Бродями в 1941 году;

Семен Ильич Богданов родился в семье рабочего в Петербурге в 1894 году, в год восшествия на престол императора Николая II;

Павел Семенович Рыбалко, дважды Герой из села Малый Истопор Сумской области, ровесник С. Богданова;

Дмитрий Данилович Лелюшенко родился в хуторе Новокузнецкий Ростовской области в Сальских степях;

Павел Алексеевич Ротмистров, с именем которого, в честь "Котельниковского" корпуса и Прохоровки, мы все-таки будем связывать 5-ю гвардейскую армию, увидел свет в деревне Скворово Тверской губернии в 1901 году;

Андрей Григорьевич Кравченко родом из хутора Сумилин на Киевщине.

Итак, шесть танковых командармов перечислены. Теперь остальные:

Василий Михайлович Баданов, творец Ташинского корпуса, родом из села Верхняя Якушка Симбирской губернии;

Андрей Лаврентьевич Гетман — село Клепалы Сумской области, земляк Рыбалко;

Павел Павлович Полубояров родом из тульских оружейников;

Алексей Георгиевич Родин, Герой Советского Союза, десятый в этом списке, генерал-полковник танковых войск, командир 1-го гвардейского корпуса и 2-й танковой армии, родом из села Зуево Остатовского района Тверской губернии.

Не могу не включить в этот былинный ряд и дважды Героя Советского Союза двухметрового танкиста-белоруса Ивана Игнатьевича Якубовского, из деревни Зайцево Могилевской губернии. Якубовский даже среди неробких танкистов прославился нестигаемой волей и бесстрашием. В боях много говорили о его личной храбрости. Участник Курской битвы. Он закончил войну командиром 7-го гвардейского танкового корпуса. Якубовский дольше всех командовал нашими войсками в Германии. Он очень любил танкистов. Да и вся Западная группа войск была танковой — к ужасу натовцев.

Итак, из одиннадцати прославленных танковых генералов войны, девять — дети православных крестьян, и только двое — из городских рабочих семей (Павел Полубояров и Семен Богданов). Почти все перед войной закончили Академию механизации и моторизации РККА, стало быть, профессиональные танкисты. Все участники Курской битвы. Все полные вожди воюющей танковой нации.

В войне с фашизмом верным признаком благородства народившейся танковой нации явилось увлечение других народов миссией "славяно-русов", как бы сказал Пушкин. Заместителем наркома танковой промышленности станет директор Челябинского Танкограда, талантливый инженер И. Зальцман, которому в конце войны будет присвоено генеральское звание и вручен орден Суворова 1-й степени. Танкист-комбриг Давид Драгуниев станет дважды Героем Советского Союза. Во встречном танковом сражении за Фастов звезду Героя получит азербайджанец майор Х. Мустафев. Командиром танкового корпуса закончит войну Герой Советского Союза А. Бабаджанян. Танкисты с уважением вспоминают командарма-артиллериста К. Леселидзе, скончавшегося от ран, и командующего конно-механизированной группой, дважды Героя Советского Союза осетина генерала И. Плиева — одну звезду Героя он получил в Германии, другую в Маньчжурии.

Все до единого перечисленные генералы и офицеры являются представителями "корчагинского" поколения, которое до войны открыл миру Николай Островский, а в войну прославили Андрей Платонов и Леонид Леонов.

Это поколение в Европе запомнили надолго. В 70-х годах в Западной Германии провели опрос среди молодежи с одним вопросом, который звучал так: "Если в бою сегодня встретится батальон бундсвера и русский батальон, кто из них победит?" Подавляющее число опрошенных честно ответили: "Победит русский батальон". Эта память — тот самый бесценный капитал, который отцы-фронтовики оставили детям. С этим богатством можно веками проходить через любые испытания.

После почти столетия беспамятства, Прохоровское поле учит нас верности истокам и памяти отцов. При звоне благовеста с воинского поля на память приходит "Воинский Артикул" Петра I, который начинался словами: "Богу Единому Слава!"

А первая глава начиналась с раздела "О страхе Божиим": "Хотя Всем вообще и каждому христианину без изъятия надлежит христиански и честно жить, и не в лицеприимном страхе содержать себя, однако же сие солдаты и воинские люди с вящей ревностью уважать и внимать умеют; понеже оных Бог в такое состояние определил, в котором оные часто бывают, что ни единого часа обнадежены суть, чтобы они наивоодержим опасностям живота в службе Государя своего подвержены не были и понеже всякое благословение, победа и благополучие от Единого Бога всемогущего, а яко от истинного начала всего блага и праведного Победодавца происходит, и Оному токмо молится и на него надежду полагати надлежит, и тако сие наилучше всего иметь во всех делах и предприятиях и всегда благо содержать".

Не случаен тот факт, что четвертая часть офицерства в конце царствования Петра Великого происходила из простого народа и вошла в дворянское сословие. "Воинский Артикул" Петра I дал и абсолютную формулу победоносности армии, утвердив, что "офицеры солдатам должны быть яко отцы детям". Нарушение этого положения есть главный источник неуспешной заразы, мятежей и поражений.

От восстановления в полной мере заветов Отца Отечества Петра Великого будет зависеть "порядок в танковых войсках" и порядок в любезном Отечестве.

Но "Артикул" "Артикулом", а для новых поколений мы должны сделать из всех танковых боев один важный вывод. Как показала Цусима, много кораблей — еще не флот. Много танков — еще не танковая армия. Кроме качества оружия и его количества, кроме героизма солдат, исход боя и войны решают организация, военная мысль, знания, связь и, главное, возведенная в культ боевая подготовка и выучка, стремление к непрерывному боевому совершенствованию.

До появления "пантер" и "тигров" наши Т-34 и КВ не знали равных. Т-34 был лучше немецкого среднего танка Pz-IV. Но Т-34 участвовал в одном — трех боях, а Pz-IV хватало на пять — двенадцать сражений. Потому что немецкий экипаж был лучше обучен. К 1 декабря 1941 года за четыре месяца войны мы потеряли 20 тысяч танков. Наши потери в Курской битве были один к четырем. За каждый немецкий танк мы отдавали четыре. Да, они не прошли, но дорогой для нас ценой. Поэтому главное — это знания и дух.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Как же рождалась великая танковая нация?

Она органично вбирала в себя все отрасли заложенной Петром Великим промышленности и им же разбуженные умственные силы русского народа. В кадровом плане она, так же как и флот, и артиллерия, начинается с Сухарева-Копытца в Москве, где контингент в классы набирал сам Петр I. Все советские танковые заводы опирались на мощь дюжины паровозостроительных заводов, созданных в императорскую эпоху. Но танковая армия без автомобилей не живет и не воюет. Не только потому, что сейчас 95 процентов оружия находится на автомобильных шасси. И в войну в каждой танковой армии насчитывалось до 20 тысяч автомобилей разного назначения, не считая тех, что были под "калущами".

Поэтому Главное Автобронетанковое управление объединяет автомобили и танки под одним командованием, как бы олицетворяя танковую армию в походе. Танковая армия завтрашнего дня, видимо, будет действовать, имея в своем составе бронетранспортеры с пушками, равными по калибру танковым, где пехота будет укрываться такой же толщиной брони, как и танкистов. Пехота и танки по справедливости будут иметь равные возможности в огне, броне и маневре, что усилит их мощь.

Чтобы сегодня нация продолжала оставаться танковой и обрела бы к тому же новое качество, она должна опираться на броневые силы и широкую, если хотите, "автомобильную нацию". Тем более, что военные автомобилисты давно и с осознанным значением называют себя "автомобильной нацией". За их плечами великая Волховская операция на ледовой Дороге жизни — беспримерная в истории войн страда, и Чернобыльская битва с невидимым и страшным врагом, когда у смертоносного реактора действовали 20 тысяч автомобилей.

Начало всему военному автомобилизму в России положил указ государя императора Николая II Александровича от 9 октября 1910 года о создании "Автомобильной Роты". Несмотря на скромное имя, слово "Рота" не случайно пишется с заглавной буквы. По-нашему, это был военный "Главк". "Автомобильная Рота" — это серьезная военно-научная и строевая организация, со своим парком, мастерскими, гаражами, инженерами, уче-

Слева направо:
зам. начальника ГАБТУ генерал-лейтенант Н.Г.Ковалев,
генеральный конструктор БТР А.Г.Мосягин,
начальник ГАБТУ генерал-полковник С.А.Маев

ными и офицерскими классами. Из этой Роты в Первую мировую войну будут развернуты все военно-автомобильные силы для подвоза, артиллерийской тяги, самокатчиков, пулеметных частей, санитарных подразделений и броневых частей.

Все развернутые в годы Советской власти автомобильные гиганты в Москве, Нижнем Новгороде, Ярославле, Ростове-на-Дону были заложены перед переворотом 1917 года по личной инициативе императора Николая II, большого знатока техники. Тогда же к ним на русское золото куплены у Форда лицензии и танки.

Таким образом, 9 октября 1910 года — это законный праздник рождения автомобильных войск России.

Танки создавались на паровозо-вагоностроительных заводах, а кадры им давали старые учебные заведения. Институт, который окончил в Питере «деревенщик» Михаил Ильич Кошкин, еще недавно назывался «Императорский Политехнический имени Петра Великого». Без Петра I нигде не обойтись. Михаил Кошкин — это глубоко народный гений калибра Ломоносова, Болотова, Менделеева, Жукова. Благодаря ему теперь в мире только две школы танкостроения — одна русская, а другая — всего остального мира, или, скажем, НАТОвская.

Разрушители государства временно нарушили нашу мощь. И кажется, что мы безнадежно отстали, особенно в электронике. Правда и то, что сегодня две трети стоимости и, соответственно, ценности танка — это его электронный мозг. Но неправда, что мы не способны конкурировать в этой области. У нас такие научные заделы и кадры, что и в электронике мы способны поставить супостата на подобающее ему место.

Мы — благодаря подвижническому вкладу всего народа, от подростков, стариков и женщин в цехах до конструкторов, сталеваров, оружейников, государственных организаторов, наркомов, танковых генералов и безвестных парней в танковых шлемах, всего народа, ставшего солдатом, — единственные в мире поставили танки на поток, снабдили их горючим, оружием, дали увидеть бесстрашным экипажам европейские города, засыпавшие русскую броню цветами. Неужели мы сегодня настолько слабы в коленках, что не можем повторить подвиг великих предков — наших отцов, матерей, дедов и прадедов? Самой историей мы обязаны сохранить величие нашей танковой нации.

В июне 1999 года батальон наших десантников хладнокровным и стремительным броском из Боснии в Косово спас честь России и первым вошел в Приштину, опередив натовцев. Военные из альянса смирились. Как честные профессионалы, натовцы знали, что русским парашютистам после экзаменов в Афганистане и на Кавказе в мире равных нет. Броня российских машин в Югославии после весны 1945 года вновь была усыпана цветами. Стальная гвардия, родившаяся в Великую войну, продолжает свой исторический путь. Десантники в Сербии встречным броском только продолжили дело отцов.

Не забудем, что грузовики, боевые машины десанта и БТР, сделавшие дерзкий бросок, входят в тот парк военной техники, за надежность которого бьются начальник Главного Автобронетанкового управления генерал-полковник С.А. Маев, его заместитель доктор технических наук, генерал-лейтенант Н. Ковалев, и их самоотверженные помощники в Главке, на заводах, в частях и конструкторских бюро.

Ни одному начальнику ГАБТУ за всю историю Главка не выпало на долю такое бремя и напряжение, как генералу Маеву, но он выстоял, и танкисты встречных сражений времен Великой Отечественной войны признали его первенство.

Впервые после 1991 года всерьез стал заниматься автобронетанковыми силами министр обороны И.Д. Сергеев. Его всегда отличали вдумчивость ученого, стратегический размах и особая страсть к боевой готовности войск. Маршала Сергеева можно было видеть на полигонах автомобильной Бронницы и танковой Кубинки. С впечатляющим размахом, силами всех видов и родов войск им проведены учения «Запад — 99». На гороховском полигоне во время учений министр обороны изменил планы, чтобы еще раз увидеть в деле танк Т-90. С такой государственной поддержкой перед автобронетанковыми силами открываются новые перспективы развития.

Россия, как великая танковая нация, родилась на полях Курской битвы. История встречных битв отрезвляет умы, очищает душу, выжигает литературшину, ложь, мнѳгословие и возвышает дух. Именно поэтому День танкиста должен совпадать с днем величайшей танковой битвы, которая произошла на 12 июля, день Святых апостолов Петра и Павла.

***

Только на Прохоровском поле чувствуешь, что все ратники битвы живы у Бога и всегда с нами. Учитель Пушкина, Певец во стане русских воинов, штабс-капитан Василий Жуковский скажет по такому же случаю:

*Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками
Их тени мчатся в высоту
Над нашими шатрами.*

Эти они создали великую танковую нацию. Это они, постигнув тайну встречного боя, спасли нас и весь мир.

Они всегда с нами. Как писал Василий Жуковский:

Блажен, кого постигнул бой!

Евгений САВЧЕНКО

Губернатор Белгородской области

Евгений Степанович, разговор о сегодняшнем состоянии культуры нельзя не начать с вопроса о наших исторических корнях. Как в Белгородской области занимаются сегодня воспитанием исторического сознания?

Воспитание исторического сознания — часть формирования личности, гражданственности, патриотизма. Без знания истории, своих корней, деяний прошлых поколений рвется нить, связывающая эпохи, рушится преемственность поколений. А без исторической памяти нет народа.

Недавно я побывал в одной из средних школ Корочанского района. С каким удовольствием ребята показывали мне выполненные собственными руками стенды по истории города и района. Особенно приятно было видеть на этих стендах родословные или как теперь говорят, древа жизни местных семей, которые воссоздают сами дети. Уверен, в этой школе не будет Иванов, не помнящих родства.

Вообще, уважение прошлого, бережное отношение к истории — традиция для белгородцев давняя. Несмотря на войны, революции, «окаянные всеские дни» переломов и перестроек, смут и порух, многое на Белгородчине удалось сохранить или восстановить. Достаточно сказать, что на территории области взято под охрану государства 2 тысячи памятников истории и культуры, 35 из них — федерального значения, 12 городов включены в список исторических поселений России. Продолжаются работы по поддержанию почти тысячи памятников воинской славы.

Безусловно, с 3 мая 1995 года центром военно-патриотического и православного воспитания стало Прохоровское поле.

Так уж суждено было распорядиться истории, что именно через нашу землю пролегла в 1943 году знаменитая Огненная дуга, здесь развернулись

бои, окончательно определившие дальнейший ход, да и вообще исход всей Великой Отечественной войны. Именно здесь произошло крупнейшее танковое сражение Второй мировой войны, навсегда прославив и обесмертив небольшое Прохоровское поле, ставшее третьим — после Куликова и Бородинского — ратным полем России.

Я не раз бывал на этом поле. И всегда испытывал и испытываю здесь глубокое волнение. Может, это личное. Мой отец прошел от звонка до звонка всю Отечественную, воевали мои родные, близкие, многие сложили голову на просторах от Волги до Эльбы. Разве можно забыть их подвиг, предать их подвиг, предать их память?

Конечно, я не поэт и не могу передать словами чувства, которые переполняют меня, когда я подхожу или подъезжаю к этому священному полю России. Но в Прохоровке есть свой поэт, профессиональный журналист, а ныне — заместитель главы районной администрации Владимир Чурсин. Одно из его стихотворений так и называется:

ПРОХОРОВКА

*В названии этом — хриплый танка выстрел
И стон бойца, упавшего в траву...
Назло огню здесь колос снова вылезел,
И снова пьют ромашки синеву.*

*Июль бинтует утром балок раны
За хлебным полем по-над Пелом-рекой,
И я дышу не надыхаюсь туманом
И чувствую в ней дым пороховой.*

*Не будет войн когда-то в целом свете,
Но тут, на поле, даже тишина,
Прессуясь из невидимых отметин,
Как бы вчера войной обожжена.*

Сегодня на месте страшного танкового сражения выстроен мемориальный комплекс «Прохоровское поле», в со-

“Россия всегда строилась на вере”

ставе которого — храм Святых апостолов Петра и Павла, Памятник Победы — Звонница, Дом причта с гостиницей, воскресной школой и библиотекой для духовного воспитания подростков, Дом ветеранов войны.

Хочу напомнить вкратце предысторию мемориального комплекса.

В канун 55-летия победы в Курской битве в целях увековечения памяти погибших при защите Отечества было принято распоряжение Кабинета Министров СССР от 22 февраля 1991 г., а позднее — Постановление Совета Министров РСФСР от 15 мая 1991 года «О 55-летию Победы Советской Армии в танковом сражении в 1943 году под деревней Прохоровкой Белгородской области», которым предусматривалось строительство объектов:

— памятник на Прохоровском танковом поле;

— музей Прохоровского танкового сражения;

— районный Дом культуры на 600 мест в п. Прохоровка.

Сроки завершения работ были определены к 12 июля 1993 года. Однако, выполнение вышеназванного постановления в срок не было выполнено.

К моему приходу на пост главы администрации области прохоровские объекты находились в следующей стадии: заложены фундаменты Дома культуры и Памятника Победы.

С первого же месяца вступления в должность я обратился в Правительство РФ с предложением пролонгировать сроки действия вышеназванного постановления. В это же время на всю страну прозвучал призыв известного политика и государственного деятеля Н.И.Рыжкова: «Я призываю добрых людей вспомнить о Прохоровке. Готов сам стать «прорабом» на этой «новостройке». Николай Иванович возглавил Попечительский совет «Прохоровское поле» и внес неоценимый вклад в его сооружение. Удалось добиться

включения прохоровских объектов в число первоочередных, сооружаемых к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне и определить окончание их строительства к 9 мая 1995 года. Распоряжением администрации области от 3 февраля 1994 года был создан областной штаб по строительству Прохоровского мемориального комплекса, заседание которого проводилось еженедельно.

К моменту строительства мемориального комплекса встал и еще один вопрос. В известной всему миру Прохоровке не было церкви, а тем, кто навещал места великого сражения, негде было помолиться, зажечь свечу за упокой души убитых. Так возникла идея создания храма на народных жертвования.

Скажу откровенно: сначала мало кто верил в реальность столь грандиозного замысла. В условиях тотального распада и разрушения экономики, при всеобщем обнищании народа, да еще без государственного финансирования любое крупное строительство казалось обреченным на провал. И все же дело было начато и сразу же получило массовую поддержку населения. Нам удалось мобилизовать на строительство прохоровских объектов не только ведущие силы области, но с помощью Попечительского совета "Прохоровское поле" и всей России.

Пять тысяч дарителей — частные лица, общественные организации, предприятия, банки, акционерные общества — внесли свой посильный вклад в создание храма. В этом грандиозном строительстве приняла участие вся Россия, поддержку оказали жители ближнего и дальнего зарубежья, в том числе Англия и Югославия.

Помимо денежной помощи многие предприятия безвозмездно поставляли в Прохоровку технику и материалы, выполняли отдельные заказы по строительству храма.

Администрация области хорошо понимала, что щедрая благотворительность населения, предприятий и организаций во многом вызывалась четкой целью и конкретными сроками: завершить строительство храма и всего мемориального комплекса к 50-летию Победы. Да и люди видели конкретные результаты своей благотворительности: рос храм, поднимались другие объекты, возрождались духовная жизнь в Прохоровке. В строительной практике последних лет трудно найти другой пример такой дружной и слаженной работы, такого честного и добросовестного отношения к делу. Работая над созданием мемориального комплекса, мы также по-

нимали, что возводя храм в память о погибших, надо проявлять максимум заботы и о живых воинах-ветеранах, их детях и внуках. Вот почему возникла идея построить при храме Дом причта с гостиницей, воскресной школой и библиотекой для духовного воспитания подростков. Когда же прибавилось сил и опыта, а главное денег от спонсоров, администрацией области было принято решение возвести и Дом ветеранов войны.

В результате самоотверженного труда всех россиян в кратчайшие сроки — практически за один год и два месяца — произошло чудо, о котором неоднократно сообщалось в прессе и по телевидению. К большой радости белгородцев и удовлетворению всех россиян на месте, где был сломен броневой хребет гитлеровской армии, сооружен крупный мемориальный комплекс общенационального значения, гордость и слава области. В его составе — Памятник Победы на Прохоровском танковом поле, музей прохоровского

танкового сражения и православный храм Святых апостолов Петра и Павла. 3 — 4 мая, в дни празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне, были торжественно открыты объекты мемориального комплекса, в их числе Монумент Победы — Звонница (автор — Вячеслав Клыков).

3 мая 1995 года в Прохоровке был освящен Петропавловский храм. Храм освящал Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Решающее событие Курской битвы произошло 12 июля 1943 года, в день Святых апостолов Петра и Павла. По канонам православной церкви потому храм и назван их именами.

В здании вступившего в эксплуатацию Дома культуры п. Прохоровка была открыта новая экспозиция музея Прохоровского танкового сражения. Экспозиция музея, разместившаяся в трех залах, рассказывает непосредственно о Прохоровском танковом сражении и истории земли, на которой произошла великая битва.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 26 апреля 1995 года № 414 создан Государственный военно-исторический музей-заповедник "Прохоровское поле". Заповедник включает в себя музей, Памятник Победы, братские могилы советских воинов, места, где проходили основные события Прохоровского сражения. И трудно переоценить их роль в военно-патриотическом воспитании юных белгородцев. Но есть у Прохоровского поля и еще один важнейший и очень зримый символ. Здесь, на ратном поле в образе памятных и культовых сооружений скрепились воедино (и это очень символично!) история и современность, мужество и память, вера и православие. Да, Россия всегда строилась на вере, а укреплялась православием. Наша христианская вера — краеугольный камень Русской Державы, скрепы нашего славянского духа. И кто не понимает этого, противится этому, — тот волею или неволею способствует разрушению России. Вот почему в последние годы на Белгородчине строятся не только дома и клубы, школы и библиотеки, но и храмы. Реставрируем старые и возводим новые. Кто-то может возразить — не время нынче заниматься этим: уж больно тяжело всем живется, до души ли? А когда было время? История наша противоречива и непроста, легких передышек ни нам, ни нашим предкам никогда не отводилось, но на Руси, как бы ни было тяжело, всегда возводились храмы. И нам сегодня сам Бог велит это делать, порукой чему опять же наша благословенная история.

55 лет Прохоровской битве.
Н.И. Рыжков, В.С. Черномырдин, Е.С. Савченко
на Прохоровском поле.
12 июля 1998 года

ОТ БЕЛОВЕЖЬЯ — К БЕЛОГОРЬЮ

Евгений Савченко.
“Белогорье — сердце мое”. —
М.: 1999.

Гражданам, обществу очень важно знать позицию политиков по коренным, кровотокающим, застарелым проблемам нашей жизни. Ибо настанет пора подводить итог не бурным пропагандистским кампаниям вокруг импичмента или смены правительства, а целому десятилетию российских реформ и мучений.

По нашей давней традиции вал мемуаров захлестнет страну после 2000 года. Но люди жаждут получить ответы на терзающие их вопросы уже сегодня, до выборов.

А политики на этот счет пока предпочитают помалкивать.

И вдруг это молчание нарушила книга белгородского губернатора Евгения Савченко, жанр которой сам автор определил как “Размышления российского губернатора”. Не мемуары, не повествование о собственной жизни, а именно размышления о коренных, узловых проблемах России последнего десятилетия.

Публикация такой книги в наше сложное, переломное время, да вдобавок накануне губернаторских выборов на Белгородчине, — поступок несомненно мужественный. Ибо книга Савченко — не “дежурное блюдо”, не рублевый захват с копеечным ударом, а настоящее, по самому крупному счету — и отнюдь не губернскому, а всероссийскому! — осмысление того, что произошло со страной в ельцинскую эпоху. Увы, в силу своей глубины и взыскательности размышления Савченко вряд ли привлекут внимание нынешних СМИ.

Но когда после 2000 года столичные политики наперебой и наперегонки ринутся тягаться в анализе ушедшей эпохи — вот тогда-то всем придется вспомнить, что первый отважный голос на этот счет прозвучал в российской глубинке и принадлежал белгородскому губернатору Савченко.

Пересказать содержание книги невозможно, поскольку она очень насыщена — это публицистика самого высокого класса, включающая в себя важнейшие исторические аналогии. Можно лишь обозначить главные темы авторских размышлений. Это оценка радикал-монетаристской модели экономического развития, которая сввернула страну в глубокий кризис. Это жестокая критика земельной реформы, поставившей под угрозу продовольственную безопасность России, а также очень аргументированная полемика с лоббистами свободной купли-продажи товарной земли. Это кризис в духовной сфере и многое другое. Даже неполный перечень проблем, в которые очень серьезно “вгрызается” автор, говорит об особой злободневности книги. Кто еще из сегодняшних властей предрежащих отказался на столь откровенный и неллицеприятный разговор, подводящий итог уходящему десятилетию?

И здесь возникает, возможно, главный вопрос: почему Савченко совершил столь мужественный шаг, который выдвигает его в число наиболее заметных политиков? Ответ прост и вытекает из самого содержания книги: у белгородского губернатора есть полное моральное право на то, чтобы стать как бы запевалой в осмыслении итогов уходящего времени. Во-первых, позиция и точка зрения Савченко по коренным экономическим проблемам и по вопросам земельных отношений на протяжении всех последних лет была последовательной и принципиальной, никто не смеет упрекнуть его за “колебания вместе с руководящей линией”. А во-вторых, — и это, видимо, главное! — вопреки негативному воздействию монетаристских реформ и разрушительных для аграрного сектора очередных политико-идеологических вторжений в российскую деревню Белгородская область под руководством Савченко сумела выстоять и не только не отступила, а даже выдвинулась вперед в своем хозяйственно-социальном развитии.

На этот счет в книге немало убедительных фактов, но достаточно при-

вести лишь два. Первый: в Белгородской области доля импортных продуктов в торговле никогда не превышала 10 процентов. Второй: Белгородская область занимает первое место в России по вводу жилья на душу населения. Думаю, этим сказано о руководителе области хотя и далеко не все, но очень и очень многое.

По своей политической заостренности книга Савченко намного превосходит кликушества самых радикальных оппозиционеров. Но в то-то и дело, что Савченко — не оппозиционер, он последовательный сторонник разумных рыночных реформ. А потому и тон его размышлений спокойный, не истеричный, не прокурорский. Не отрицание новшеств, а тягкая душевная боль за то, что объективно необходимое дело реформаторства во многом оказалось извращенным, — вот чем проникнуты страницы этой примечательной книги.

По той же причине автор спокойно, без надрыва, но и без опаски показывать кому-то излишние консервативным говорит немало добрых слов о советском прошлом. Не потому, что хочет его возврата, а как бы протестуя против “иванов, не помнящих родства”, восстанавливая связь времен, ибо оглульное очернительство российской истории, по мнению Савченко, — это одно из наиболее опасных явлений, мешающих нам сегодня уверенно двигаться вперед.

И, наконец, последнее — не по важности, а по структуре книги, которая завершается главой о Совете руководителей приграничных областей России, Украины и Беларуси, — инициатором его создания, кстати, был сам Савченко. Однако есть в этой главе еще более важный, поистине символический подтекст, выраженный в самом ее названии: “От Беловежья — к Белогорью”. В Беловежье произошло разрушение великого Союза, а в Белогорье начинается возрождение векового братства трех родственных народов.

Анатолий Салущий
 Из журнала
 “Российская Федерация сегодня”

О Поэте Викторе ВЕРСТАКОВЕ

Один только универсальный гений Пушкина не дает возможности сразу — одной строкой — обозначить генеральную тему поэта — в одну крылатую строку она не уместится.

Но вот уже у Лермонтова эта строка есть: "Люблю отчизну я, но странною любовью".

У Тютчева: "Умом Россию не понять"

У Некрасова: "Ты проснешься ль, исполненный сил"

У Есенина: "шестую часть земли, с названьем кратким Русь".

У Блока: "О Русь моя! Жена моя!"

У Маяковского: "Пою мое Отечество, Республику мою".

У Рубцова: "Россия! Русь! Храни себя, храни!"

У Юрия Кузнецова: "Отдайте Гамлета славянам!".

Есть такая поэтическая строка, в которой обозначилась уникальная, только ему принадлежащая тема русского бытия конца XX века и у Виктора Верстакова: "Наши звезды и наши кресты" (разрядка моя. — Л.Б.-Г.)

Меня конечно же спросят, не хочу ли я поставить имя поэта Верстакова в ряд: Лермонтов, Тютчев, Блок, Кузнецов? Да, именно так — хочу.

Впрочем, это никак не зависит от моего или чьего-либо желания — Верстаков — единственный поэт переломного времени, непревзойденно просто сформулировавший трагическую неразвязку двух противоположных исторических понятий: "Помолись за Россию, за всевечную ее правоту, лишь бы мы огнем не гасили, и звезде служа, и Кресту". Или: "Отчего же, скорбя над пустыней, небеса высоки и чисты? Для чего же все зримее ныне наши звезды и наши кресты?" Или: "Бог песнопевцев и странников любит, снова я выжил в бою. Крест не спит и звезда не погубит горькую душу мою".

Эту странную для многих, часто неприемлемую, но совершенно органическую объединенность понятий, сердечную равноправность обоих — Верстаков вынес не из досужих обывательских размышлений, а прямо из боя, из огня — вот в чем их правда. Она не подвергается сомнению, потому что не горит в огне и в воде не тонет.

"Десятая рота сдала партбилеты"... Можно и "в землю зарыть партбилет", но "звезда из некрашенной жести восходит над нами опять" — это неизбежно доказано всей кровью поэзии Верстакова, всей безупречной поэтической, человеческой — солдатской и офицерской — судьбой.

Верстаков ближе всего к Блоку. К тому Блоку, у которого "в белом венчике из роз — впереди Иисус Христос" — впереди "двенадцати".

Верстаков ближе всего Блоку в бесстрашном, высоком, белоснежно-чистом неприятии буржуазного, мелкого, антиимперского.

Романтическая трагедия конца русского века рассказывается им всегда с такой неподдельной (ни под кого не поддающейся) правдой, с такой художественной красотой, с

таким всегда чистым и свежим лейтенантским чувством (при полковничьих погонах), что вы без труда запомните ее как нечто хрестоматийное, генио-ожидаемое, любимое, классическое, если хотите.

С именем Верстакова будет связана в русской поэзии драма войны в Афганистане и Чечне, трагедия сдачи Украине русского Крыма, классический офицерский романс XX века и многое-многое другое.

Но мне почему-то кажется, что главной наградой поэту и нам, его современникам, станут когда-нибудь стихи Виктора Верстакова, оторвавшиеся от его имени и гуляющие "на пространных державы" как Безымянная песня со всеми необходимыми для будущей Русской Армии классическими уставно-неуставными афоризмами:

От боя до боя не долго,
Не коротко, лишь бы не встать.
А что нам терять кроме долга?
Нам нечего больше терять...

...А что нам терять кроме славы?
Нам нечего больше терять.

...А что нам терять кроме веры?
Нам нечего больше терять.

...А что нам терять кроме чести?
Нам нечего больше терять.

...А что нам терять кроме смерти?
Нам нечего больше терять.

Лариса Баранова-Гонченко

Виктор ВЕРСТАКОВ

* * *

Осмеяна русская слава,
но гибель еще далека,
пока различима держава
с командного пункта полка.

На карты глядят и в прицелы,
готовясь в последний поход,
надежда страны, офицеры,
отчаянный русский народ.

Вчерашние ссоры — не битвы,
а битвы еще впереди:
под знаменем красным, с молитвой,
со славою русской в груди.

* * *

В России ночь.
Зима стоит ли, лето,
рассвет или закат, — в России ночь.
Темна земля, и нет на небе света,
и в душах темноты не превозмочь.

Лишь нечисть на слепых телеэкранах
безумствует у адского огня.
Лишь наша кровь на свежих наших ранах
пылает болью, как при свете дня.

Увидим ли Святую Русь воочью? —
ведь это во тьме имеет перевес...
Но Иисус Христос родился ночью
и ночью же, как писано, воскрес.

* * *
В углу Ставропольского края
граница видна из окна.
Не думали мы, что вторая
кавказская будет война.

Разбили французов и немцев.
Откуда же эта напасть —
среди вновь одичавших чеченцев
внедрять несоветскую власть?

Священные горы Кавказа
уныло торчат в облаках.
Нет правды в кремлевских указах,
нет ярости в русских штыхах.

За новое тысячелетие
под выстрелы выпьем до дна:
ведь там, впереди, еще третья
уже мировая война.

Возвращение к маршу

В час утренний на литургию верных,
осенены невидимым крестом,
из русских далей, светлых и безмерных,
сходились мы в предхрамьи пустом.

Ничьи рабы, опричь Руси и Бога,
украдкой матерями крещены,
сходились мы, избравшие дорожку
военной службы, чести и войны.

Сквозная даль разрушенного храма
смущала и притягивала взгляд,
и мы смотрели пристально и прямо
в чернеющую раму царских врат.

И в мертвом алтаре свершилось чудо,
нежданное и радостное нам:
там вспыхнул свет, раздался глас оттуда
и повелел войти в оживший храм.

Сподобились молитвы и причастия
и пения о воинстве святом.
Но в горний миг, на высшем всплеске счастья
очнулись вновь в предхрамьи пустом.

Божественной священной литургии
умолкли всеблаженные слова,
когда извне послышались другие:
"Сдан Ленинград. Потеряна Москва".

И грозно мы сходили по ступеням,
пилотки краснозвездные надев,
избрав навек из высших песнопений
военных маршей яростный распев.

Севастопольское море

Здесь на реях и на стенах
желто-синее тряпье,
здесь украинские деньги
и российское жулье.

Рестораны, тары-бары,
тили-грили, казино,
иностранные товары
и поддельное вино.

Ну а в бухтах и барахтах
догнывает русский флот.
Поневоле скажешь: — Ах, ты... —
И добавишь оборот.

На пароме проплываю,
по Приморскому хожу, —
сам себя позабываю,
только на море гляжу.

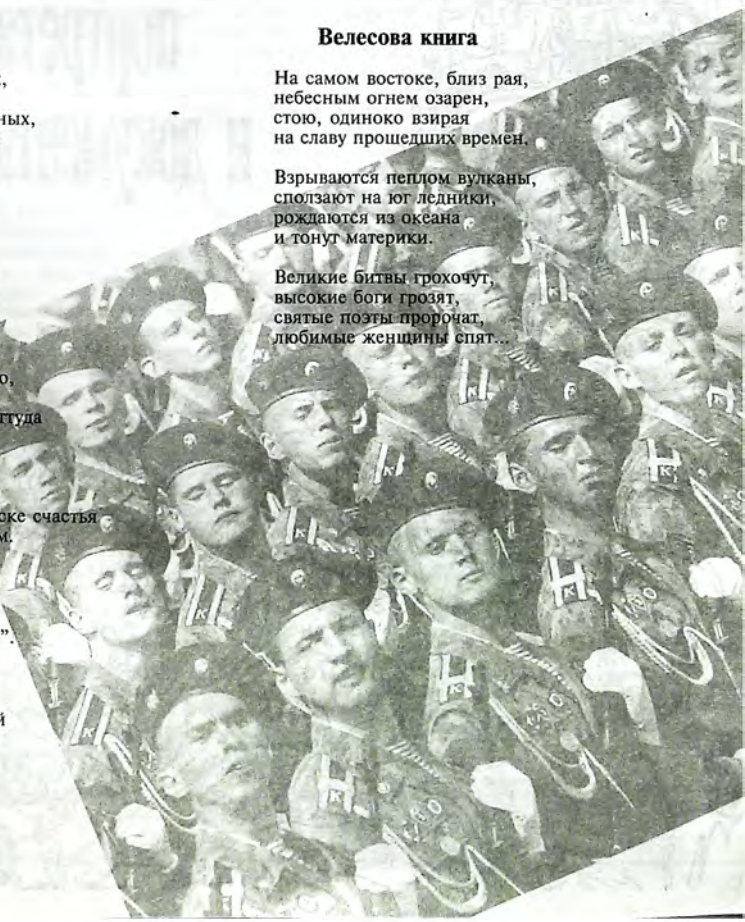
Здесь два века русской славы.
Здесь Советская страна
скоро встанет величаво
с севастопольского дна.

Велесова книга

На самом востоке, близ рая,
небесным огнем озарен,
стою, одиноко смотря
на славу прошедших времен.

Взрываются неплот вулканы,
сползают на юг ледники,
рождаются из океана
и тонут материки.

Великие битвы грохочут,
высокие боги грозят,
святые поэты пророчат,
любимые женщины спят.

Российские судьбы в жизнеописаниях, портретах и документах

Серия "Россе" ("Российские судьбы", издательство "Новатор") стала, безусловно, событием на современном книжном рынке. Широта замысла "Российских судеб" — изложения в 30 книгах жизнеописаний, фактов и гипотез портретов и документов о великих сынах Отечества и высокое качество подачи исторических материалов — выделяет ее из длинного ряда издающейся сегодня литературы в этом жанре.

Поставив эпиграфом к серии слова знаменитого русского историка Василия Ключевского: "Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятниками срастается нравственное чувство народа; они — его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них — оно завянет как скошенная трава. Они питают не народное самознание, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга", издатели и составители задали высокую профессиональную и нравственную планку для своих "Российских судеб".

Одной из первых была выпущена книга "Михаил Скобелев" (М., 1997, составитель И.Д. Носков). В нее вошли две большие работы: "Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев" русского офицера-эмигранта Н.Н. Кнорринга и "Скобелев" военного писателя и журналиста В.И. Немировича-Данченко, а также статьи и письма видных русских деятелей, таких как И.С. Аксаков, В.В. Верещагин, М.О. Меньшиков, К.П. Победоносцев, Я.П. Полонский, и, главное, статьи и приказы самого великого полководца.

Будучи потомственным военным (сыном и внуком генералов) Михаил Дмитриевич Скобелев (1843 — 1882) олицетворял собою русский военный дух, "одно его имя стоило целых армий" как выражался его друг славянофил И.С. Аксаков. Его страстное желание прославить военными подвигами имя русское, полководческие подвиги и личная храбрость — создали ему не умирающую и поныне великую славу в нашем Отечестве.

В.И. Немирович-Данченко писал о нем: "Человек показал, как многое он мог сделать, показал сколь гордой силы и гения дано ему... А знала его вся Россия!". Будучи великим полководцем, М.Д. Скобелев был одновременно и гражданином, глубоко понимавшим внутренние беды своей Родины, беды не разрешенные и поныне как показывает история. "Я должен сказать вам, — говорил он, — признаться перед вами, почему Россия не всегда стоит на высоте своих патристических обязанностей и своей роли, в частности это потому, что как внут-

ри, так и извне ей приходится вести борьбу с чужеземным влиянием. Мы не хозяева в собственном доме. Да! Чужеземец у нас везде. Рука его проглядывает во всем. Мы игрушки его политики, жертвы его интриг, рабы его силы... Его бесчисленные и роковые влияния до такой степени властвуют над нами и парализуют нас, что если, как я надеюсь, нам удастся когда-нибудь избавиться от них, то не иначе как с оружием в руках". И еще — "принцип национальности — прежде всего. Государство должно расширяться до тех пор, пока у него не будет того, что мы называем естественными границами, законными очертаниями. Заклучившись в узкие пределы только русского племени, мы потеряем все свое назначение... несмотря на весь наш необъятный простор — мы задохнемся в нем".

Итак, принцип национальности прежде всего — такой завет оставил своим потомкам великий полководец. Национальный гений проявляется разное в великих людях, его невозможно перепутать с гением какой-либо другой нации — он всегда остается узнаваем. Все гениальное общечеловечно, но одновременно все гениальное имеет глубокую национальную почву.

Два национальных типа мировоззрения XVII столетия, времени церковного раскола, представлены в серии объединенных под одной обложкой "Патриарх Никон. Протопоп Аввакум" (М., 1997, составитель В.А. Десятников). Оба, не знавшие компромисса в своих убеждениях, оба, непреклонные в стремлении к истине по разному им понимаемой, но оба были глубоко национальными типами русского общества того времени. Сборник состоит как из документов эпохи ("Известия о рождении и воспитании и о житии Святейшего Патриарха Никона" Ивана Шустерина, Жития протопопа Аввакума и его челобитных), так и из различных исторических исследований об этих деятелях крупнейших русских историков: академика И.Е. Забелина, профессора М.В. Зызыкина, профессора А.В. Карташева.

Столь же цельные, и столь же грандиозные характеры давала и последующая русская история. Величайший творец русской историографии, национальной исторической школы Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), обессмертивший свое имя написанием "Истории государства Российского", также имеет посвященный ему том в серии "Российские судьбы". В книге "Николай Карамзин" (М., 1998, составитель В.А. Шамшури) помещено биографическое исследование В.А. Шамшурина "Бессмертие. Страницы жизни", статьи и речи разных лет самого великого историка, а также воспоминания известных русских деятелей XIX столетия: поэта И.И. Дмитриева, сановника Ф.Ф. Вигеля, историка М.П. Погодина,

литератора Ф.В. Булгарина, великого А.С. Пушкина, поэта П.Я. Вяземского. Знаменитый писатель, уже в зрелых годах уединившийся для написания огромного полотна русской истории, Н.М. Карамзин представляется национальным подвижником, открывшим прежде всего высшему свету историческую Россию, Россию о которой большинство не знало практически ничего. Этот подвиг, подвиг по настоящему просветительский, дал неоценимые плоды для формирования национального мировоззрения и дал сильнейший культурный толчок всей последующей русской литературе и науке.

"Я не смею думать, — писал Н. М. Карамзин, — чтобы у нас в России было много патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут"... "Самодержавие есть Паладиум России: целость его необходима для ее счастья"...

Основу другой книги серии — "Федор Достоевский" (М., 1997, составитель М.В. Кузнецова), составляет исследование литературоведа Ю.И. Селезнева "Достоевский", — лучшее, что было написано о жизни великого русского писателя, по мнению составителей серии. В сборнике помещены также выдержки из "Дневника писателя" Ф.М. Достоевского и "Три речи о Достоевском" философа В.С. Соловьева. Страстное желание объяснить европейничавшему русскому обществу необходимость стать русским было проникнуто все творчество Федора Михайловича. Призыв не презирать свой народ не сходил с его уст вплоть до его смерти и поэтому как великая проза, так и не менее значительная публицистика Ф.М. Достоевского все-

гда будут современны в благодарной России. Почвенничество Ф.М. Достоевского, как и практически любого другого великого деятеля, является важнейшей составляющей всего его творчества, всегда обращенного внутрь русского общества, в душу русского человека.

Подвижничество — отличительное свойство великого характера, оно не дает покоя, в смысле успокоенности, требует постоянного жертвенного действия во благо ближнего. Жертвенность следующего героя "Российских судеб" Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911) подтверждена всей его жизнью, героическим служением долгу и мученической смертью от пули подлого революционера-убийцы; смертью, которую и сам П.А. Столыпин воспринимал как расплату за свои убеждения. Сборник "Петр Столыпин" (М., 1998, составитель Г.И. Лысцов) представляет широкий спектр мнений и воспоминаний о Петре Аркадьевиче политиков, мыслителей и родственников (либо лично его знавших, либо пристально следивших за его государственной деятельностью).

Хорошо известно его выступление о временных чрезвычайных законах по обузданию революции, когда его обвиняли в жестокости и кровопролитии. В этой речи он говорил следующее: "Россия... конечно, сумеет отличить... кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одною надеждой, с одной верой — исцелить больного". Петр Аркадьевич Столыпин был тем добросовестным государственным врачом, который смог, хотя и, к сожалению, лишь временно, исцелить Россию — большую кровавым революционным иступлением 1905 года.

Найдутся ли сегодня в Отечестве такие люди способные победить смуту сегодняшнего дня, в память о которых благодарное потомство будет издавать свои книги?!

Михаил Смолин

В серии "Российские судьбы" вышли также книги: "Святая Ольга. Владимир Святый" (М., 1996), "Преподобный Сергей Радонежский" (М., 1997), "Дмитрий Донской" (М., 1997), "Кузьма Минин. Дмитрий Пожарский" (М., 1997), "Преподобный Серафим Саровский" (М., 1997), "Александр Пушкин" (М., 1997), "Иосиф Сталин" (М., 1997), "Александр Невский" (М., 1998), "Александр Первый" (М., 1998), "Георгий Жуков" (М., 1998), "Федор Ушаков" (М., 1998), "Святой праведный Иоанн Кронштадтский" (М., 1998).

Все книги серии "Росс" можно приобрести в ОАО "ЦентрКнига".
Телефон для справок: (095) 171-9693

Константин АКСАКОВ

ПУБЛИКА И НАРОД

Чем бы ни занимались члены многочисленной семьи Аксаковых, их думы всегда о России, о русском народе, о судьбе русской культуры. Об этом свидетельствуют и материалы семейного альбома, хранящегося в фондах Государственного историко-художественного и литературного музея заповедника "Абрамцево". Альбом готовился всеми членами семьи как свадебный подарок Софье Александровне — невесте, а затем жене Григория Сергеевича Аксакова. В течение нескольких месяцев дочери С.Т. Аксакова заполняли альбом рисунками. Сергей Тимофеевич Аксаков записал в него отрывок, где рассказывается о детских годах Григория Аксакова. Писатель предполагал включить его в задуманное им продолжение "Семейной хроники". На левой странице альбома — дарственная надпись, сделанная в первый день работы над ним: "Всякий клочок бумаги долговечнее самой долгой человеческой жизни. Ты сохрани эти листы, милая Софья, и они сохранят тебе живое воспоминание прошедшего. С.Аксаков, 1847 года, декабря 27, Москва".

В подготовке семейного альбома принимали участие и сыновья С.Т. Аксакова: Иван Сергеевич и Константин Сергеевич.

И.С. Аксаков написал в альбом стихотворение "Душою светлой и прекрасной". К.С. Аксаков поместил в альбом несколько стихотворений, выражающих его славянофильское мировоззрение, а также статью "Опыт синонимом. Публика — народ". Стихотворение К.С. Аксакова "Софье" было последним из написанных в альбоме. Именно в этот день, 3 апреля 1848 года, альбом посылалась Софья Александровна.

Перечитывая эти два сравнительно небольших произведения К.С. Аксакова, не перестаешь восхищаться той прозорливостью, с которой наш соотечественник полтора столетия назад отстаивал культурную самобытность как условие исторического самоопределения народа, его самосохранения, постоянного развития и творческого самосозидания. Концепция и практика унификации мира на западной основе, отказ от признания равенства и достоинства всех культур ведут к немишуемой гуманитарной и экологической катастрофе.

Может быть, в третьем тысячелетии человечество все-таки вынуждено эти предупреждения? И мысли К.С. Аксакова и его друзей-славянофилов будут способствовать этому осознанию.

Вера Кошелева

Работы К.С. Аксакова из материалов рукописного фонда, хранящегося в собрании Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника "Абрамцево", публикуются по изданию: "Абрамцево: материалы и исследования; Вып. I" — Абрамцево, 1988, с. 110 — 112.

Было время, когда у нас не было публики "Возможно ли это?" — скажут мне. Очень возможно и совершенно верно: у нас не было публики, а был народ. Это было еще до построения Петербурга. Публика — явление чисто западное и была заведена у нас вместе с разными нововведениями. Она образовалась очень просто: часть народа отказалась от русской жизни и одежды и составила публику, которая и всплыла над поверхностью. Она-то, публика, и составляет нашу постоянную связь с Западом; выписывает оттуда всякие, и материальные и духовные, наряды, преклоняется перед ним, как перед учителем, занимает у него мысли и чувства, платя за то огромной ценой: временем, связью с народом и самой истиною мысли. Публика является над народом, как будто его привилегированное выражение, в самом же деле публика есть искажение идеи народа.

Разница между публикой и народом у нас очевидна (мы говорим вообще, исключения сюда нейдут). Публика подражает и не имеет самостоятельности: все, что она принимает чужое, принимает она наружно, становясь всякий раз сама чужою. Народ не подражает и совершенно самостоятелен; а если что примет чужое, то сделает его своим, усвоит. У публики свое превращается в чужое. У народа чужое обращается в свое. Часто, когда публика едет на бал, народ идет ко всенощной; когда публика танцует, народ молится. Средоточие публики в Москве — Кузнецкий мост. Средоточие народа — Кремль.

Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки; народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ — в русском. У публики — парижские моды. У народа — свои русские обычаи. Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большей частью ногами по паркету) — народ спит или уже встает опять работать. Публика презирает народ — народ прощает публике. Публике всего полтора года, а народу годов не сочтешь. Публика переходящая — народ вечен. И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике грязь в золоте, в народе — золото в грязи. У публики — свет (monde, балы и проч.), у народа — мир (сходка). Публика и народ имеют эпитеты: публика у нас почтеннейшая, народ православный.

"Публика, вперед! Народ — назад!" — так многозначительно воскликнул один хохляк.

Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860 гг.)

Стихотворение К. С. Аксакова
из альбома
Софьи Александровны Аксаковой

СОФЬЕ

Помню слово, помню святость долга
И тебе, мой друг, привет я шлю
К берегам, в которых наша Волга
Катит всю равнину вод свою.
Поклонись волне ее просторной,
Глубине, погоде верховой;
Поклонись ты старине нагорной,
Не забудь ты также луговой.
Из Москвы идет привет далекий,
Из столицы Русской старины.
За нее не раз в беде жестокой
Поднимались волжские сыны.
Юношей и старцев поседелых
Клич священный: "Вера и Земля!"
Доходил до стен и башен белых,
До святынь Московского Кремля.
Что сказать тебе, моя невестка?
И о чем сложить теперь мой стих?
Чай, к тебе домчались тоже вести
О волненьях Запада крутых.
Обойтись он хотел без Бога.
Это трудно; он увидит сам.
Запада на что же нам дорога?
Иль и мы пойдем к его богам?
Чужды мы фразерскому веселью
И страданиям ложным и лихим.
Нам зачем в чужом пиру похмелье?
Нам зачем насильно быть больным?

Знаменательно глубоко слово
Нам теперь гремящее. Ужель
Тотчас многие припомнят снова
Нашу Русь и Руси колыбель?
С Западом постыдные все связи
Искренне нам надо разорвать.
Вымыться от обезьяньей грязи,
Русскими нам, русским, быть опять.
От него мы заразились много;
Много своего лежит в пыли.
Надо вспомнить Веру, вспомнить Бога,
Вспомнить жизнь великую земли.
Но довольно; не сердись за приткось
И за склад: так много притких дум.
Государств волнения и шаткость
Так тревожно занимают ум.
О, возникни, Русь, земля родная
С самобытной жизнью старины!
Отягчают нас болезнь и ужас,
Будь, Москва, одна главой страны!
Но прости! Снеси мои поклоны
И супруга крепко обними —
Вкруг меня Москвы несутся звоны.
Господи! Молению вонми!

Константин Аксаков
Москва
3 апреля 1848 года

“...Ничего нет невозможного”

Разговор с писателем

МИХАИЛ ВОРФОЛОМЕЕВ

— Михаил, у каждого человека на нашей земле обязательно есть где-то то место, где тебя ждут и где тебе рады. Или ждали... Откуда вы родом?

— Родом я из Иркутской губернии, город Черемхово, но корни мои уходят в Забайкалье — я из, так называемых, семейских.

— Из казачества?

— Нет, это не казачество, это старообрядцы. Семейские, народ в Сибири известный, о которых мой друг Валентин Распутин очень хорошо сказал: “Эти люди сохранили генофонд России”. В начале XVII века они были переселены в Сибирь и с этого времени они никогда оттуда не уходили, образовав свой круг, и никого туда из инородцев не принимали. Шло отборное вызревание народа в тяжелейших условиях на границе с Монголией. Когда пришла советская власть, она силой, оружием, фактически прекратила существование семейских. Они еще остались и живут там, но разрушено было все до основания. Когда я приехал на родину своих предков, село Шебодай, то увидел, что даже сельское кладбище было снесено бульдозером. Сдались семейские только в 1927 году. Сильный характер. А совсем дальние мои предки — по материнской линии духовенство, а по отцовской — дворяне. Но они при переселении лишились чинов и званий и становились крестьянами. Так что я из своей семьи первый, можно сказать, писатель, интеллигент, хотя ныне слово это не люблю.

— Вы из иркутского писательского клана, одного из самых сильных по средоточию талантов?

— Да, странный такой ареал. В 12 километрах от меня село, где родился Саша Вампилов. В 20-ти километрах село Аталанка, где родился Валентин Распутин. Черемхово, где я жил, место тоже печально знаменитое тем, что на этой станции арестовали Колчака. А название Черемхово от слова черемуха. Ее там очень много, целые леса черемухи. Но

черемуха не такая, как здесь, она с вековую сосну по толщине. Такая же, как сибирская береза, которая крупнее в два раза средней русской. Черемухи так много, что сушили ее, перемалывали. Пирог пекли.

Писать я начал очень рано. В 14 лет я уже печатался в своем “Черемховском рабочем”. Сначала стихи, лет с 9, думал стать поэтом, а с 14 лет все больше уходил в прозу, и до 17 лет каждую неделю, регулярно в “Черемховском рабочем” появлялся мой рассказ. Люди даже привыкли, что в воскресенье обязательно будет рассказ Ворфоломеева. Потом я написал свою первую повесть. Она называлась “Полынь”. Потом по ней Сережа Салтыков снял фильм “Полынь — трава горькая”. Пьеса прошла по всей России, мало было городов, где ее не играли. В это время и познакомился с Сашей Вампиловым. Он сам ко мне приехал. Я тогда работал начальником цеха. Он зашел весь черный. Я спрашиваю: “Чего такой черный?” — “Да мы тут с Валеком Распутиным ездил на 120 километров, подзарбатывали немножко, в клубе выступали. А мороз 45 градусов, ну мы углем ведро набили, разожгли, так и ехали. Уголь горит, дым, а по другому не доедешь”. — “А где Валентин?” — “А он вообще обжегся от мороза и пошел в гостиницу. Мы завтра к тебе придем”. И эти два человека в моей жизни стали естественными, мы как будто перелились друг в друга, без всякого искусственного сближения, все было просто. В Иркутск я никогда не ездил, один раз побывал в Иркутске, походил около писательской организации и не зашел. Не знаю почему. Мне чего-то хотелось, не знаю. Нет, думал я, все-таки я должен в Москву. Моя мечта осуществилась в 26 лет и это случилось неожиданно. Меня пригласили на Высшие литературные курсы при ГИТИСе, я уехал в Москву и сразу театр на Малой Бронной поставил мою повесть “Занавески”, я тут же получил жилье, прописку. Это было как во сне. Без всяких препятствий, через год меня спокойно приняли в Союз писа-

телей. Представляете, это казалось невозможным. Но оказалось, что ничего нет невозможного.

— У каждого творческого человека была тогда такая мечта — в Москву! Казалось, что именно здесь и только здесь настоящая жизнь для писателя, хотя не всегда было так?

— Москву я полюбил только потому, что там было всегда огромное количество театров. И мальчишкой я, заработав денег, а у меня рано умерла мама, и я рано начал работать в 14 лет, сядил на поезд, отправлялся в Москву в театр.

— То есть это было абсолютно реально? А я-то думала — откуда же театр в Черемхово?

— Я приезжал, два-три спектакля смотрел, потом сядил на поезд и уезжал обратно. Билет стоил не так дорого. Четверо с половиной суток в дороге. Чаще всего я подходил к проводнице, выбирал молодых, делал печальные глаза и говорил: “Мне очень нужно в Москву. Я очень хочу посмотреть театр”. Мне обязательно находили местечко, кормили, поили чаем, а потом также уезжал обратно.

— Сейчас это наверно невозможно.

— Я не знаю. Мне кажется, что добрые люди все равно есть. Мы немножко драматизируем. Мы жили втроем: мой брат, замечательный художник-самоучка, поэт, который, к сожалению, рано умер, я и бабушка. Больше у нас никого не было. Как жить? Два огорода небольших нас кормили. Не ходили мы с протянутой рукой. Это все ерунда. Мы жили на краю города, где уже начинался лес, потом шла тайга и к нам приезжали деревенские люди, которые останавливались у нас, торговали на базаре. И тайга кормила. Грибов сколько хочешь, ягод сколько хочешь. Только собирай, делай. Мы сушили бруснику, сушили землянику, собирали кедровый орех. Это, по существу, делала одна бабушка, потому что какие мальчишки помощники. А когда сегодня я смотрю на здоровых людей, бьющих каской по мостовой, лучше бы они по своей голове побили. У вас столько земли брошенной, просто подло брошенной. Нет, вы залезли под землю, потому что там проще. Я сам из шахтерского города, знаю шахтерский быт, знаю шахтерские смерти. Это было как ритуал, каждый день встаешь и спрашиваешь себя: “Сколько сегодня убили?” Это было нормой. Убивало по 8 — 12 человек ежедневно, еще столько же резали или убивали. Бандитизм был чудовищный. Вот такое мое было детство. Этот город шахтерско-производственный, конечно, был моей маленькой родиной. Откровенно могу сказать, что я никогда не был поклонником советской власти, зная, как она расправилась с нашими семейскими. Я узнал об этом, когда учился в пятом классе. Это произошло утром в понедельник, потому что из интернета нас в воскресенье отпустили домой. И бабушка в понедельник рано утром гладила мне пионерский галстук и рассказывала историю, как их ночью выкинули из дома и положили в Забай-

калья гнали, с моей маленькой семилетней мамой в тюрьму в Новосибирск. А потом из этой семейной тюрьмы, тогда были такие семейные тюрьмы, им не разрешили больше вернуться на землю, а только в город. И мы выбрали именно Черемхово, потому что там было много наших сибиряков: Потемкины, Богомазовы. Старообрядцы всегда держались друг друга, а жили они очень замкнуто. В Сибири вообще бедных не было, да и быть не могло, потому что богатейшие земли, да еще зимой на прииски ходили подрабатывать, мыли себе золото. Я спрашивал у бабушки: "А бедные были?" Она долго думала потом говорит: "У нас в деревне был один. Дурочок Сашенька". Когда бабушка глядела мне галстук, она рассказывала, как сгоняли наших. Были, говорит, вокруг казачьи поселки, пьющие, гулящие, вот они сразу стали коммунистами. После этого я пришел в интернат. А был я старостой класса, занимался спортом, вел драмкружок, сам писал маленькие пьески, сам же их ставил. Я захожу, а в интернате линейка. И перед всем нашим интернатом я снял галстук, завязал его у узел, бросил, и сказал, что я никогда больше не буду его носить. Шла долгая и упорная борьба, чтобы вернуть меня в пионеры, особенно старались молодые учителя. Кончилось тем, что меня просто выгнали из интерната. Но я ушел без всякого сожаления. Понимал, наверное, что у меня другая судьба. Это предчувствие Дара Божия, а по-другому это не назовешь, есть в каждом творческом человеке. Мне интересно всегда было наблюдать за нашими крупнейшими русскими писателями, знали ли они заранее. Конечно знали... Когда ко мне обращаются молодые писатели, я всегда стараюсь это уловить. Если этого нет, то всегда нужно обязательно сказать: не занимайся этим, ибо это будет для тебя тяжкий и бесполезный труд. Человек превращается в графомана, причем часто облезлого.

— Кажется сегодня напечататься для писателя еще важнее и еще труднее, чем при нелюбимой вами советской власти?

— Я считаю, что работать в стол это один из моментов графомании. Человек профессиональный, он исхитрится, но он не найдет ту самую узенькую полосочку и по ней проскочит к читателю. А когда мне говорят, что раньше что-то из эмигрантов много работало в стол... Да не верю... Но когда сегодня не печатают, то это трагедия не для писателя, а для читателя прежде всего. Я еще драматург. Когда я пришел в Союз писателей в 26 лет, тогда драматургов было где-то 140 человек. А сегодня едва насчиташь даже 40. Это сложный жанр. А театр мало занимается современной драматургией. Писатели должны быть всегда на виду, их должны читать, видеть. Иначе прекратится всякая связь. Писателей становится меньше, они перемрут и ничего страшного не произойдет. Но для читателей, для общества сегодня сохранить преемственность той великой русской культуры — это задача номер один. И никто нам в этом не поможет, кроме нас самих. Ни Государство, ни Государственная Дума. Да они этим не занимаются.

— Момент упущен. Вам так не кажется? Сообщество читателей сократилось до минимума.

— Причин много. Скажем, появление телевидения. Писатели не предугадывали этого явления, насколько оно мобильнее нежелезнодорожной литературы. Но этот кризис в свое время произошел и с театром. Когда появилось кино, все говорили об упадке театра. Но получилось наоборот. У нас теперь кино нет, а театр существует еще как. Если раньше, например, в Омске было 4 театра, то сейчас их там 12. Практически в каждом крупном городе появилось 4 — 5 новых театров. Не так, как театр. Культура где-то будет обязательно прорываться. И зрителю хочется сегодня не просто какого-то, а именно русского кино. Не просто национального, а русского — это совсем другое явление, другая планета. Я очень много этим занимался, и каждый раз народ меня просто ставил на колени. Вот такой удивительный феномен, и его надо не потерять не только нам, его потеря будет колоссальной потерей для всего мира. Об этом надо задумываться всему миру, и особенно Европе...

— Вы занимаетесь сегодня драматургией? Многие ли ваши пьесы поставлены?

— У меня более 40 пьес. Практически все они поставлены, что, конечно, для автора приятно. Много у меня одноактных пьес, радиопьес, только что я стал победителем всероссийского конкурса детской пьесы. В сентябре месяца состоится премьера фильма по моей комедии "Святой и грешный", это первая, может быть, за многие годы народная комедия с блестящими актерами: Владимир Гостюхин в главной роли, Виктор Павлов, Лев Дуров, Николай Фоменко, Нина Павланова, Валерий Гаркалин. Цвет не просто комедийных актеров, а цвет русской актерской школы, лучше которой нет.

— Есть молодые актеры, достойные этой школы?

— Безусловно. Что меня очень радует, это то, что сегодня потрясающая молодежь приходит в театр. Ребята вдруг поняли, что надо актерам уметь все, и петь, и танцевать, и быть красивым, и всегда быть в форме. Если они танцуют, то танцуют так, как это раньше делали профессионалы. Да и публика... Если вы бываете в театре, большая часть публики сегодня — это молодые, до тридцати, потом идет такой переув. А вот среднего поколения нет.

— Поскольку мы говорили о русском кинематографе, о русском театре, как явлении культуры, интересно, как вы относитесь к новому фильму Никиты Михалкова. Это русский фильм?

— Это кич прежде всего. Фильм меня очень разочаровал, просто как профессионала и как человека. Я не знаю, что случилось, но вкус у Никиты Сергеевича подкачал.

— Мне почему-то кажется, что там плохой сценарий. Литературного материала не хватает. Такая наивность сегодняшнего дня, думать, что можно сделать

фильм, не имея хорошего литературного материала.

— Это в первую очередь. Литературы как таковой там нет. Я даже не понимаю, почему вдруг возникла у него эта идея. Самое главное, не веришь этим героям. Не веришь герою Олегу Меньшикову, сороколетнему мужчине не может играть юношу девятнадцатилетнего, как ты его ни гримируй, у него нутро другое. Это обман через экран. Плохой актерский подбор. Я уже не говорю о том, что устроили мордобой на реке — кулачный бой. Кулачные бои были отменены еще при Иване Грозном. Этого не могло быть исторически. Масленница, ряженые — ни одного живого лица. Смотришь, и понимаешь, что это на продажу для заграницы. Эти съедят все. Они так и будут думать, что этак живут в России до сих пор.

— Что это, в какой-то степени предзнаменование того, что русская гармония утеряна?

— Нет, нельзя все время думать, что у нас кроме Никиты Михалкова никого нет. Есть множество интересных художников, которые не кричат о себе так много, в президенты не собираются, а собираются серьезно заниматься искусством в кино. Для меня трагедия здесь нет. Для меня просто опять же понятен рычаг: много денег, много шума, но много шума из ничего...

— В каком жанре сегодня вам хочется писать и о чем? Сейчас наверное у нас, читателей, есть потребность в хороших русских романтических историях или в комедиях.

— Да в общем-то говоря, я никогда и не был особенно склонен писать трагедии. Я люблю писать и комедии, и о любви тем более люблю писать. Действительно красивое чувство, и настолько неизведанное для каждого, и каждое новое поколение подрастает, и все заново. Действительно, целое поколение, особенно мне жалко тех людей, которых называют шестидесятники, бросили свою жизнь на алтарь какой-то журналистской прозы, документалистики, публицистики и борьбы. Ничего из этого ровным счетом не получилось, кроме глупости. Удивительно похоже те шестидесятники прошлого века и шестидесятники нашего времени. Я и тех и этих не люблю. Жалко, что они были. Но они были. Как говорят, жалко, что была революция. Но она была, и тут уж ничего не поделаешь. Дай Господь, чтобы молодые добивались, дай Бог, чтобы такие как наш Валентин Распутин много бы работали. И даже я бы сказал так: пусть он даже не работает, пусть он просто живет, пусть он "ест". Знаете, как это важно. Для меня Валентин Распутин — это знаковая фигура всей отечественной литературы, по своему положению на сегодняшний день в обществе, нравственно-му влиянию равновеликая фигура, наверное, это Чехов. Больше не нахожу, с кем можно сравнить. Как Чехов всегда остается для меня действительно загадкой, и в писательском смысле, и в человеческом. Так и Валентин Распутин.

Беседовала Марина Ганичева

Михаил ВОРФОЛОМЕЕВ

Цвет ЧЕРЁМУХИ

повесть

Всю зиму Сомов занимался разводом. И вот сейчас, когда всё осталось позади, он сидел в пустой комнате, где под потолком одиноко висела на шнуре лампочка. Он сидел и думал, как хорошо, что всё осталось позади. В углу были свалены книги, коробки с красками брошены в другом углу. Сомову шел тридцать третий год. Он успел выпустить два альбома, провел несколько выставок. Сейчас он много занимался портретом. Последней его работой был незаконченный портрет балерины. Глаза балерины смотрели устало, без блеска. Ей было лет двадцать пять. Она несколько раз звонила, спрашивала, когда они продолжат работу, но Сомов и сам не знал, когда он вернется к ней. Предстоял ремонт, а сейчас надо было хотя бы расставить книги. Расставляя книги, он нашёл фотографию жены. Саша стояла облокотившись на перила маленького балкончика своей дачи. Высокая, с густыми падающими на плечи волосами, она выглядела победительницей.

Ещё раз взглядев на фотографию жены, Сомов тщательно и с удовольствием разорвал фотографию. И неожиданно пришло решение: как только потеплеет, съездить на родину в Сибирь. Там, у подножия Саян, стояло старинное село Бельское на реке Белой.

И вот сошёл почерневший лёд, зазеленели бульвары, женщины подставили солнцу белые плечи. Пришла весна, и Сомов, быстро собрав чемоданы, вылетел в Иркутск. Он летел в свое село, которое ещё каким-то чудом помнил. Он даже помнил дом, где жила его тётка, Лукерья Лазаревна. Она была старшей сестрой его матери. Родители Сомова давно умерли, схоронены в маленьком районном городке. Все остальные его предки лежали на кладбище в Бельском. Перелёт занимал семь часов. И как только Сомов сел в самолет, он почувствовал облегчение. Ну что ж, еду домой!

* * *

Почти весь перелёт Сомов проспал, прилетел ранним утром. Из аэропорта доехал на такси до электрички, а на ней до райцентра. Когда вышел на вокзальную площадь, замусоренную семечками, увидел людей, услышал их разговор, ему показалось, что он прожил долгую жизнь где-то за границей! И сейчас ему просто и хорошо! Люди оборачивались на него, не стесняясь разглядывали одежду. На нём были зелёные брюки, лёгкие мокасины, куртка из турецкой лайки в тон брюкам. Даже запах французского одеколона не успел выветриться...

Подшёл таксист, невысокий, с насмешливыми глазами.

— Чё, поедешь?

И это "чё", и то, как таксист, подмигнув, качнул головой в сторону машины, развеселили Сомова.

— Поедем, — сказал Сомов, и таксист, подхватив его тяжёлые чемоданы, понёс их к машине.

— А куда едем?

— В Бельское...

— Здорово! — обрадовался таксист. — А ты оттуда?

— Из Бельского, — ответил Сомов и сел рядом с таксистом.

Тот протянул ему жилистую, с грязными ногтями руку: — Валерка.

Сомов пожал его руку и тоже назвался.

— Накинешь? Ехать далеко, а обратно пустым рейсом.

Сомов согласился, и повеселевший таксист помчал его в село. Асфальт скоро закончился, и пошла нетряская, мягкая, земляная дорога. Над полями висели жаворонки, зелёные косы берёз с нежными листочками на ветру. Было солнечно и проторно. Вдалеке темно-синей полосой угадывалась тайга.

"Неужели я домой еду?!" — ещё раз сказал себе Сомов.

* * *

Пока ехали, таксист рассказывал Сомову свою жизнь. Слушал Сомов рассеянно, изредка покачивал головой, скорее из вежливости. Не доезжая километров двадцати, остановились попить у колодца. Сруб был долбленный из цельного дерева. Такие срубы Сомов видел только в Сибири. Таксист опустил журавль, бадья шумно набрала воду и медленно пошла вверх. Стояла такая тишина, что Сомов ошалело оглянулся.

Со вспаханных полей тянуло сыростью, пахло молодой крапивой и одуванчиками.

— Пей! — Таксист сверкнул ровными, белыми зубами.

Сомов обхватил мокрую бадью и глотнул обжигающую воду.

Они сполоснули лица, и шофёр, оставив воды в бадье — "чтобы не рассохлась", — закурил. Где-то голосисто пропел петух.

— А чё, отдыхать тут можно. — Шофёр затыкнулся папиросой. — Я этой весной с тестем двенадцать мешков паданки с тайги приволок.

"Паданкой" зовётся в Сибири кедровая шишка, которая падает осенью и зимой на землю. Весной, когда земля освобождается от снега, шишки собирают.

— ... Считай, четыре мешка чистого ореха. Жена продавала стаканом. Много получается. Счас хочу зайти осенью. Поколочу до ноября. Вывезу чистым орехом. Прямо в тайге отвезу.

Помолчав, таксист спросил:

— А сколько у художников отпуск?

— У художников отпуска нет.

— А как же ты едешь?

— Я так, самовольно.

Через час машина уже катила по селу, оставляя за собой белесый след пыли. Сомов гляделся в дома и не узнавал их. Слово осунулись и постарели дома. Раньше сибирский дом строился крепко. Низких домов не рубили. Дворы были обнесены толстыми тесовыми плахами, ворота ставили чуть не вровень с домом. Постепенно сибирский мужик уходил в

город. Дома стояли десятки лет, но время брало своё, и какой-нибудь вдруг припадал на угол. Что-то до слёз печальное есть в этом безмолвном соседстве памяти и времени. Строились, конечно, и новые дома, но они были непомерно большими и кирпичными.

Сомов сехал вдоль улицы, глядясь в стариков, сидящих на лавочках, в проходивших людей, но никого не узнавал. Дом Панкратовых был крайним в селе. Он так и остался крайним. Машина подъехала, таксист поспешно вышел. Её он узнал сразу. Невысокая, ещё прямая, в старинного покроя сарафане, повязанная платочком, она испуганно оглядела Сомова. Узнав его, всплеснула руками. Губы её затряслись.

— Приехал... — сказал Сомов и обнял старушку.

Тело её было худеньким и лёгким.

— Чё же ты, Егорушка, писем-то не писал...

Таксист выгружал чемоданы:

— Камни там, что ли? Бабка, открывай калитку, заносить стану...

Лукерья суетливо кинулась открывать калитку, потом двери. Сомов подхватил рюкзаки, этюдник, пошёл следом.

В доме было прохладно и очень чисто. Пол, как и раньше, был не крашен, а выскоблен до желтизны. Пахло побелкой.

— А я-то, — говорила Лукерья, — как чувствовала! Как знала, миленький ты мой, что приедешь! Печку выбелила. Так сдвни и тесто поставлю.

Из угла на Сомова глянула икона. На окнах цвела герань.

— Так же же, обедать станем?

Отобедав и получив деньги, таксист уехал, пообещав свидеться. Лукерья села ближе к Сомову, погладила его по голове.

— Вон ты какой стал... Егорушка. А я все одна горе мыкаю. Смерти, вишь, Бог не даёт. Да и то хорошо, что хожу сама! Ещё поросёночка держу да телочку. Собака есть, да убежала, холера, куда-то. Исть захочет — прискачет. — Старушка улыбалась шербатим ртом и всё держала руку Сомова, словно боялась, что он вот-вот встанет и уйдёт.

— А где жёна-то? — спросила Лукерья.

— Развёлся я.

— Ну?! И детей бросил?

— Детей не было.

— Ну?! Порченная, чё ли, баба-то?

Сомов усмехнулся. "Порченная! А ведь верно как, — подумало ему, — порченная". Это самое точное слово для его жены, для тысяч таких, как она... Порченная...

— Иди, иди-ка, мил дружок, разгуляйся! — сказала Лукерья. — Поди, всё позабыл?

— Нет. Всё помню.

— Надолго ты?

— Не знаю, тётя... Торопиться не буду.

Чтобы не ходить попусту, Сомов решил пойти в магазин и купить себе сапоги. Сельповский магазин был посреди села, наверху. Напротив стояла белая каменная церковь с деревянной рубленой часовней. Она уже давно не действовала, и в ней хранили горячее.

В магазине было прохладно, пахло резиновой обувью. Сомов, купив себе кирзовые сапоги, вышел. Продавщица, не выдержав, поспешила следом и спросила, к кому он приехал. А когда Сомов сказал, продавщица взметнула вверх белесые брови. Сомов оглядел её крупную фигуру, белые икры, белые, обнаженные до плеч руки и подумал, что не худо было бы сделать её портрет. Продавщице было лет двадцать пять, но, в отличие от балерины, её глаза блестели живо и молодо! Перехватив взгляд Сомова, она покраснела и, кокетливо склонив к плечу голову, попросила его проводить:

— К концу месяца рубашки будут импортные!

— Хорошо, я зайду. А как вас зовут?

— Меня-то? Ой, да Валей меня зовут.

— Хорошо, Валентина, жди, — улыбнулся ей Сомов.

За магазином был клуб, тут же, рядом, — школа и правление колхоза. Сомов спустился к реке. На берегу стояли

лодки, мостки. Вода шла сильно, но уже светлая и чистая. В средней полосе России не бывает таких чистых рек, какие есть в Сибири. Собираясь из горных ручейков и речушек, реки эти стремительны. Вода не успевает ни застыть, ни согреться в них. Когда плывёшь по такой реке, то кажется, что не по воде, а по воздуху несёт тебя.

Серебристо-серая галька лежала по берегу. На противоположной стороне Белой зашевелилась черёмуха. Её густой горьковатый запах, смешанный с холодным речным воздухом, ошеломил Сомова, и он вдруг осознал, что двадцать лет жил без этого запаха... Без близких, видимых в ясный день Саянских гор, без старой мельницы, возле которой белели каменные жернова. Это была его родина, родина его предков. И слово "родина", как никогда, близко ощутил он именно сейчас, а не тогда, когда жил в Москве или бывал в Париже.

Черёмуховый запах струился через реку. Пройдёт дватри дня, и черёмуха распустится в селе и в округе. Тогда наступят холода. Черёмуховый белый наряд отбрасывает солнечные лучи, как снег. Лёгкие морозные утра, с сухим воздухом и запахом смолы, делают сибирского человека здоровым.

Сомов медленно шёл околицей к своему дому. Ближе к реке, почти у самого луга, стоял самый интересный в Бельском доме. Сразу после декабрьского восстания 1825 года приехала сосланный сюда княжеская семья. Князь нанял мужиков, благо денег у него хватало, и те построили ему необычайно красивый дом. Размёры он был невелик и так аккуратно сложен, что больше походил на игрушечный. До сих пор он радовал глаз, и Сомов подумал, что надо нарисовать и его, и чудом уцелевшие старые дома. Всё уходило прочь с этих некогда богатых земель. Земля нуждалась в рабочих руках, а руки эти перехватывали горло...

Наверху, вдоль реки, тянулось село, стояли дома, огорода спускались к реке, но не близко. До воды ещё надо было идти метров пятьдесят. Почти в каждом огороде Сомов видел женские фигуры, большей частью это были женщины пожилые или вовсе старые. Молодые были на ферме, птичнике или в поле. Хороший день в сибирских землях — настоящий подарок и земле и людям. За один день успевала зазеленеть трава, проклюнуться ландыши. А сон-трава уже доцветала на солнце. Её большие кувшинчатые цветы были то чисто белыми, то синими, то нежно-жёлтыми с травянистым оттенком. Уже зажелтела куриная слепота и у воды расцвёл лютик. Сомов вспомнил, что раньше по склонам гор цвела саранка. Её яркие, влажные, как женские губы, цветы были заметны издали. Мальчиком он копал луковички саранок и ел их. Тогда они казались ему очень вкусными... Там, дальше, где река круто заворачивала к востоку, берег был скалистым и переходил в гору. По горе белела ниткой тропа. Её проделали ещё в старину, когда с Бельска люди ходили на ту сторону горы, где был поставлен фарфоровый завод. Он и сейчас работал, но уже не выпускал знаменитую сибирскую посуду, а перешёл на ширпотреб.

Проходя через луг, Сомов свернул к княжескому дому. У окон дома зацвели несколько кустов сирени. Цветы ещё не распустились и висели зеленоватыми-серыми гроздьями.

У ворот на легкой лавочке он увидел девушку лет семнадцати. У неё были тёмные с каштановым проблемноем волосы, такие же тёмные глаза и очень бледное лицо. Сомов остановился. Ноги девушки были закутаны в одеяло. Увидев Сомова, она вспыхнула нежным румянцем и нервно дернула края платка, что лежал на её плечах. Сомова поразила красота этой девушки и затаённая боль в глазах... Он улыбнулся и подошёл ближе.

— Вышли погреться? — спросил он как можно развязнее.

Девушка ничего не ответила, только покраснела ещё больше.

— А ведь мы почти соседи, — продолжал Сомов. — Мож-но, я с вами посижу?

Девушка молчала, но Сомов уже сел. Теперь её руки лежали на коленях. Тонкие, с продолговатыми ногтями, они

очень напоминали руки, которые так любили изображать на своих полотнах итальянцы эпохи Возрождения.

— Я живу почти напротив. — Сомов показал дом Лукерьи.

— Там живёт Лукерья Лазаревна... — глядя в землю, сказала девушка.

— Да! — обрадовано заговорил Сомов. — Это моя тётя. Больше у меня никого в целом свете. Я и она. Я родился в этом селе и прожил здесь десять лет...

Девушка несмело подняла на него глаза, синие, опущенные длинными тёмными ресницами. Кожа была настолько белой и чистой, что хотелось её потрогать — бывает ли такая?

— Я знаю, вы художник... Вы в Москве живёте.

— Верно! Меня зовут Егор. А вас?

— Надя.

— Вы здешняя?

— Нет... Я тут год живу... С бабушкой. Я из райцентра...

— С кем это ты? — услышал вдруг Сомов женский голос. Из калитки вышла высокая статная старуха с темно-синими глазами и робко улыбнулась. Сомов поднялся.

— Здравствуйте, я ваш сосед. Приехал к тётке, Лукерья Лазаревна.

Женщина поклонилась и покраснела так же, как вначале Надя.

— Марья Касьяновна. — Она ещё раз поклонилась. — Вы уж, верно, и не помните меня? А то ведь маленьким часто ко мне бежали...

Сомов пристально вглядывался в её лицо. Старушка вовсе застеснялась. Одетая она была во всё тёмное и повязана тёмной косынкой. Сомов её вспомнил. Тогда она носила такую же тёмную одежду и была очень красивой. Ещё и сейчас она была красивой, но тогда... Его отец, Пётр Касьянович Сомов, был влюблён... И именно из-за неё мать уехала из села и увезла сына и мужа. Ни матери, ни отца уже не было в живых, а она, та самая, о которой мать так не любила вспоминать, сейчас стояла перед ним...

— Вы на Петра похожи, — сказала она, — а волосы как у Насти. А это вот внучка моя. — Марья Касьяновна присела к Наде, и та сразу прильнула к ней.

Сейчас, когда их лица были рядом, Сомов удивлялся их сходству. Они были похожи и так прекрасны, что хотелось смотреть и смотреть на них. Главным в их лицах были глаза — блестящие, влажные у Насти и уже потускневшие и печальные у её бабушки. "Надо их обязательно нарисовать", — решил Сомов.

— Хотите, я сделаю ваши портреты?

Марья Касьяновна грустно покачала головой:

— Вот Наденькин, пожалуй, уж и надо бы. А мой... На что мне? — Она улыбнулась. Зубы её были белыми и ровными. — Ну, поди, домой пора? — спросила она внучку.

— Нет, нет! — испугалась Наденька. — Попозже, бабушка! Чуть попозже!

— Ну так я тебе колясочку оставлю, а уж ты сама как решишь. А то бы пошли, я уж пирог вытащила из печи. Егор Петрович, хоти пирогов?

— Спасибо, я только что отобедал.

— А зачем вы сапоги носите? — спросила вдруг Надя.

— Да я их только что купил. Я ходить люблю, а в непогоду тут грязно!

Пока они разговаривали, Марья Касьяновна вывезла из двора инвалидное кресло. Выкатив, она поставила его рядом с Надей.

— Заходите, Егор Петрович, — ещё раз сказала Марья Касьяновна и вдруг взяла обеими руками его голову, пошевелила висок и быстро ушла. Наденька смотрела на него, широко открыв глаза.

— Вы испугались? — тихо спросила она.

— Я? Нет, просто растерялся... Впрочем, не знаю. А зачем это кресло?

— Это моё... — Надя вспыхнула и опустила глаза.

— Ваше? — не понял Сомов.

— Моё. У меня ноги не ходят.

— Как не ходят?! — Сомов не задал, а как-то выкрикнул свой вопрос.

— Я в аварию попала в прошлом году... Но ничего, врачи говорят, что я буду ходить. Я уже немного стою на ногах! — Она помолчала, потом тихо добавила: — Идите, пожалуйста. Мне как-то стыдно... Мне неловко почему-то...

Сомов поспешно поклонился ей и, сказав, что завтра придёт, зашагал к дому. Не удержавшись, он повернулся и увидел, как Наденька с усилием поднялась и, покачнувшись, почти упала в кресло. Он хотел кинуться ей помочь, но она, ловко работая руками, уже вехала в калитку, которая громко захлопнулась. Сомов постоял и пошёл к себе.

***

На другой день Сомов занимался подготовкой мастерской. Под мастерскую он решил приспособить большую комнату, два окна которой выходили на огород. Раньше в ней жили родители, а после она всё время пустовала. Три высоких окна давали много света, а стены источали сладкий лиственничный запах. Комнату эту отец Сомова пристроил, когда женился. Прожили в ней мало, и она была ещё совсем свежей. За огородом начинался лес. Вернее, сначала шел мелкий ельничек, а дальше начинались сосны. На краю огорода росла старая берёза. Под шум её листьев маленький Сомов засыпал и просыпался, таким же слышал шум этой берёзы и сейчас. На ней много лет подряд жили соловьи. Бывали годы, когда они не прилетали. Отец объяснял это тем, что они, устав, решили гнездиться поближе к теплу, а тётка Лукерья говорила, что, значит, где-то война.

В этом году соловьев не было. Сомов спросил у тетки, давно ли они прилетали. Она сказала, что лет восемь не слышно.

К обеду мастерская была готова. Полы выскоблены, стены промыты. Сомов поставил в комнату несколько лавок, приволок из сараев длинный струганный стол, очистил его наждачной бумагой. Лукерья повесила на окна домотканые, белые занавески, отворила настежь окна, чтобы поскорее просохла пол и стены. Сомов наломал черёмухи и поставил её в стеклянную банку. Когда тётка ушла, Сомов прилёг на кровать. Ветерок шевелил лямные занавески, что-то шептала берёза, шевеля своими длинными косами, которые едва не касались земли. Во всём чувствовался удивительный покой. Прикрыв глаза, Сомов задремал.

Проснулся он, услышав мужской голос.

— Проходи, проходи, там он, у себя, — ответила кому-то тётка.

Он поднялся с кровати, заправил рубашку. В комнату вошёл невысокий, в светлых брюках и тенниске молодой человек. Голова его была круглой, крепкой, нос курносый и мясистый. Войдя, он широко улыбнулся и, вытянув вперёд руку, двинулся к Сомову.

— Добро пожаловать! — Сомов протянул ему руку, и незнакомец сжал её в своей сильной ладони.

— Валентин Сидорович Усольцев, директор местной школы. О вас знаю много, читаю. Вырезал несколько иллюстраций из журналов. — Усольцев подернул брюки, которые были ему велики, и оглядел комнату. — Со вкусом! Хорошо! Надолго вы к нам?

Сомов снисходительно улыбнулся:

— А я не к вам, я к себе приехал.

— Это здорово! А я нездешний, я со Шмурово. Не знаете?

Сомов признался, что не знает.

— Это километров шестьдесят, не больше. Сюда после института приехал. У меня жена педагог начальных классов, — а я — русский и литература! Гуманитарий! — Усольцев крепко уселся на лавку, ещё раз покрутил головой. — Приятно, когда вот так приезжает знаменитость. Что ни говори, нам культуры не хватает! Я хотел и жену привести для знакомства, но решил, что лучше попозже. Я, собственно, что? Собственно, у нас есть как бы кружок свой. Моя семья, врач Пётр Сергеевич Цыпин с женой, агроном Клав-

дий Семёнович. Есть ещё завклубом, но он с перебором. Пётр. У вас в Москве пьют?

Сомов ответил, что не знает, может, и пьют.

— А у нас пьют! Решительно и поголовно! Как с этим бороться?! Все оттого, что культуры не хватает! Я уже пять лет живу в Бельском, и все время пью! Я, собственно, зачем к вам? Как вы насчёт того, чтобы к вечеру к нам? Охота поговорить! Жена утку зарубила, то-сё, ещё грибочки остались. Сразу сообщаю, что будет только интеллигенция!

Сомов согласился, и обрадованный Усольцев долго тряс ему руку. Уходя, уже на пороге, он сказал:

— Если председатель явится вас звать, вы скажите, что идёте к Усольцеву. Я с ним, понимаете, в контрах. Прижмите его, пусть почувствует силу интеллигенции. А то, знаете, собственно, распустился!

— А что такое? — поинтересовался Сомов.

— Да так... На зиму дров не дал!

Когда Усольцев уходил, Сомов увидел, что брюки у него задирашпаны, причём так неумело, что было ясно: сам трудился.

Вскоре Лукерья позвала обедать. Сама она ела мало, всё больше глядела, как ест Сомов.

— А и где ж теперь-то твоя жена? — спросила вдруг Лукерья.

— В Париже. Во Франции.

— А это где же?

— Далеко, тётя...

— Ты, поди, тоскуешь?

— Нет. Скорее наоборот. Хотя бывает, что и тоскую.

— Тоскуешь, милочка... Лукерья вздохнула. — Тута с собакой поживёшь, и ту жалко, а человека?.. А ты, Егорушка, погуляй. Вон к учителю сходи. Он сурьезный. Маленько глупенький, правда.

— Почему же он глупенький? — рассмеялся Сомов.

— Вижу. Хоть и учился, а своего ума нету. Свой-то ум, Егорушка, он заметный. Он и по лицу след оставит. А который от книг, так тот ум на языке. Сколь знает, столь расскажет, боле и сказать нечего!

Сомов слушал Лукерью и думал — отчего это он раньше не приехал сюда? Зачем он потратил столько лет жизни на пустых, именно книжных людей?

— Ну да ты всё одно иди. Какой-никакой человек, а всё одно чей-то в нём есть. Чей-то болит, на чей-то жалуетесь. А ты чужую беду в сердце прими, тебе и своя беда радостью покажется.

— Тётя Лукерья, а что Надя? Что она?

— Так нынче с утра не видно было. А то она как утро, так уж сидит. А то физкультурничает по двору. Я уж собралась наведываться, да может, ты сходишь? Сходи, милый. Девушка молоденькая, а при такой болезни ей край надо людей видеть. А то бы и поуваживал за ней. Господь тебе таланту прибавит!

Сомов засмеялся и, не удержавшись, обнял Лукерью:

— Тётя, милая ты моя тётя! До чего же ты прелесть! — Он поцеловал её в морщинистую щеку.

Лукерья вытерла кончиком фартука набежавшую слезу:

— Нету у меня никого, кроме тебя! Светик ты мой лазоревый!

***

История Марьи Касьяновны Истоминой была простой. Муж её, Иван Истомин, в сорок первом был взят на фронт. Тётка Лукерья рассказывала, что пошёл он вместе с Петром Сомовым, отцом Егора. Провожала их Марья до райцентра. Ехали на телегах часов шесть да сутки стояли на вокзале. По рассказам Лукерьи, Иван Истомин был на редкость красивым мужиком. Когда эшелон отправили, Марья вернулась в село и стала дожидаться мужа. От него рос у неё сын Сергей. Прошёл год, и из сорока ушедших мужиков в живых осталось только семь. Погиб и Иван. С тех пор Марья не снимала траура. Вернувшийся с фронта Пётр Сомов ухаживал за Марьей, да всё напрасно. Тогда он женился на

другой, родился Егор. И жена Петра, Настя, зная о любви его к Марье, увезла мужа в город.

Когда Сомов вышел за ворота, Лукерья догнала его и сунула в руки банку со смородиновым вареньем.

Дверь, что вела в дом Истоминных, была обита по краям медью. От времени медь позеленела, а кольцо, также медное, горело на солнце, отполированное руками. Сомов толкнул дверь, прошёл через сени, открыл дверь, ведущую в комнаты. На кухне никого не было. Поставив банку с вареньем на стол, Сомов заглянул за занавески. На— денка крепко спала в своём кресле. На коленях её лежала книга. В углу стояла кровать, у окна письменный стол с резными ножками. Напротив в широкой черной раме висело зеркало. Из Надиного окна был виден их маленький садик, в котором росли четыре диких яблоньки. Залетевшая пчела гудела и билась о стекло. Сомов подошёл, распахнул раму, и пчела вылетела. Под яблоньками стоял голубой улей. Открывая раму, Сомов стукнул ею об угол, и от этого стука Надя проснулась. Вначале она не увидела Сомова, а посмотрела в сторону кухни. Потом, повернув голову к окну, вскрикнула. Сомов смутился.

— Я вас нечаянно разбудил, простите.

— Это вы?! Егор Петрович? Вы так против света встали, что лица вашего не видно. Садитесь! — И Надя указала Сомову на стул с высокой спинкой. Он сел напротив Наденьки.

— Я вам варенье принёс, тётя прислала.

— Спасибо... А разве бабушки нету?

— По-моему, дома нет никого.

— Ну да! Она в это время уходит доить корову. Вы знаете, где пасётся стадо?

— Нет, — признался Сомов.

— Стадо пасётся вон там, на горе, у берёзовой рощи. Между прочим, там во ржи живут перепёлки. Если вы не уедете до осени, то увидите, как их тут много. Когда вы собираетесь уезжать?

— Не знаю, — ответил Сомов. — Буду жить, пока не прогонят.

— Вас не прогонят... — грустно сказала Наденька, — вы сами уедете... Я сегодня с утра читаю Тютчева, и мне очень грустно. Вы знаете, с тех пор как я попала в аварию, я очень переменялась. Я совсем другой была.

Надя отворила настежь окно.

— А вы знаете, что мой дед с вашим отцом были вместе на фронте?

— Да, я знаю.

Сегодня Надя краснела не так часто. Она внимательно вглядывалась в лицо Сомова, будто хотела спросить что-то важное, а говорила о другом.

— Что-то вас беспокоит? — спросил Сомов.

— Нет. Я вас во сне видела. Во сне вы другой.

— Хуже или лучше?

— Нет. Просто другой. Я вас с женой видела. Где ваша жена?

— Мы с ней разошлись.

— Да?! — Надя вспыхнула и быстро проговорила: — Вы... Я поняла... Вы забыли её приехать? Да?

Сомов усмехнулся:

— Нет. Просто развёлся. Раньше, в старые времена, ездили на воды, а я вот приехал на родину.

— А я очень рада, что вы приехали. Мне в последнее время очень тоскливо. Расскажите что-нибудь. А то я всё читаю или радио слушаю. Когда была зима, очень было тоскливо. Только ложка выручала. Я люблю смотреть на огонь. А вы что любите?

Сомов отвернулся от Наденьки и пошёл к окну. «А в неё можно влюбиться?», — подумал он.

— Что? — ещё раз переспросила Надя.

— Я люблю просто жить, дышать, есть, рисовать. Пожалуй, больше всего люблю своё дело. Раньше бы я сказал это сразу.

— А почему сейчас нет?

— Что-то изменилось во мне. Наверное, я стал менее счастливым и более удачливым.

— А почему вы разошлись с женой? Она перестала вас понимать?

— В жизни так получается... Вдруг я начал чувствовать, что мне лучше, когда её нет. Когда мы разошлись, мне стало спокойнее. И вот прожили, кажется, немало, а ничего не осталось в памяти. Почему-то помню запах духов и много разной одежды. Как в театральной костюмерной.

— А вы садитесь, садитесь! — вдруг жарко, почти испуганно сказала Надя.

Сомов сел. Теперь он сидел спиной к свету и очень хорошо видел её лицо. Тёмные волосы чуть завивались на концах и у висков. Сзади они были связаны одним пучком. Лоб — высокий, чистый, словно натянутая бумага. Всякое чувство, возникающее в ней, тут же отражалось на её лице.

— На вас можно смотреть не отрываясь! — вырвалось у Сомова.

Наденька вскинула на него свои огромные синие глаза и улынулась.

— Вы сейчас сказали так, как мне Пётр Сергеевич говорит. У нас врач молодой, Пётр Сергеевич, так он меня наставляет. Он только недавно закончил институт и играет на баяне.

— Мне о нём Усольцев говорил, — вспомнил Сомов.

— Так у вас уже был Усольцев? Валентин Сидорович очень хороший, но, по-моему, неумный. Да, не умный, но хороший... Он тоже бывает у меня. Только редко. И вообще, кроме Цыпина, у меня редко кто бывает. Даже папа с мамой редко. Им некогда. У мамы больное сердце... Когда случилось со мной... Знаете, как это случилось? Нет?

Сомов покачал головой.

— Очень неожиданно, и я ничего не поняла. Я бежала из школы. Наш дом почти рядом со школой, надо только дорогу перебежать. И я всегда перебежала и привыкла... Я заметила его, то есть её, машину, совсем рядом. Такой синий самосвал. И всё. Пришла в себя в больнице. Ничего не почувствовала... Я долго лежала. Ваша бабушка сказала мне матрасик и набила его просом. Вы знаете, от проса пролежней не бывает. Я до сих пор сплю на просе. — Она вдруг смутилась. — Простите, Бог знает что говорю...

Сомов подошёл к Наде, взял её руку в свою. Рука была лёгкой и чуть влажной. Сомов наклонился и поцеловал дрогнувшие пальцы.

— Зачем вы? — тихо спросила Надя.

— Не знаю, вдруг захотелось.

— Вы всегда так? Делаете то, что вам захочется?

— Пожалуй, да.

И тогда Надя крепко стиснула его руку и быстро поцеловала. Сомов растерянно взглянул на Надю.

— И я тоже... Так захотела. — И она, засмеявшись, быстро выехала из комнаты.

Дверь хлопнула, и Сомов услышал голос Марьи Касьяновны:

— Ой, запалилась я, доченька! Молочка хочешь?

— А у нас гость. У нас Егор Петрович!

Сомов вышел на кухню. Марья Касьяновна, увидев Сомова, ловко накинула на голову косынку и завязала на шее.

— Корову доить ходила. Молока парного, Егор Петрович?

И снова Сомов поразился сходству бабушки и внучки. Молока он выпил. Марья Касьяновна налила его из блестящего подойника. Согретое живым коровьим теплом, пахнущее молодой травой, молоко это напоминало ему далёкое детство...

— Каждый день по кружке, — сказала Марья Касьяновна, — так за месяц как бычок станете!

Надя залилась смехом.

— Ну что ты, бабушка! Придётся нам его пасти!

И они вновь засмеялись так весело, что и Сомов не выдержал.

Напившись молока, Сомов пошёл показывать Наде свою мастерскую. Лукерья, увидев их вдвоём, и глазом не моргнула, будто они бывали у неё каждый день.

В мастерской Наденьке понравилось. Она перебирала тяжёлые тюбики с краской, нюхала их. Все это время, пока они были вдвоём, Надя незаметно и пристально разглядывала Сомова. И когда в один из таких моментов Сомов перехватил её взгляд, то увидел, что глаза её куда старше, чем она сама.

Потом она стала внимательно рассматривать его альбом, а Сомов взял лист бумаги, карандаш и начал быстро набрасывать её голову. Из окна, подсвеченный зелёным, шёл рассеянный свет. От этого глаза казались глубже. Когда Надя откидывала голову, то на её щеке просвечивалась голубая жилка. Жилка подрагивала, словно жила своею собственной жизнью.

«В ней что-то от той балерины, — подумал Сомов, — и неяркие губы, и тонкий, точеный носик. Надо быть готовым, чтобы понять эту красоту!» И он неожиданно догадался, что подготовили их встречу все те поиски, сомнения и страдания, истинную цену которых он познавал только сейчас.

В уголках её губ лежала тень, в которой таилась улыбка, нежность. Работая карандашом, Сомов думал о красках. С красками он был особо тщателен. Продумывал всё до мелочей. Когда же начинал работать, умел безошибочно смешивать цвета, добиваясь естественности. Отделяя локон, Сомов забился и, когда поднял глаза, увидел, что Надя внимательно и серьёзно смотрит на него.

— Ваши портреты готовы вот-вот заговорить. Вы, как бы это, несомненный. Я вас совсем не знаю.

— У нас много времени впереди, — сказал Сомов и догадался, какие нужны краски, чтобы её глаза вышли почти такими же. «Почти! — подумал он про себя. — Но не такие же!» — А несомненный, наверное, оттого, что учился у старых мастеров.

— У вас есть любимый художник?

— Конечно. Боровицкий. И вообще, старинная русская школа.

— Я знаю! Я это поняла! — Надя улыбнулась радостно. — Я сразу это поняла! Я ещё плохо образована, но я уже умею понимать и различать! Это как и в литературе. Есть Толстой, Лесков, Тургенев, Бунин. Я всё время думала, откуда они вдруг такие? Потом мне попались летописи... И я всё поняла! Так они хороши! А многие не понимают, и почему?

— От лени, — сказал Сомов. — Это всё от душевной лени.

— А как вы относитесь к Пикассо?

— Никак. Я его не люблю. Он на меня как художник не воздействует.

— А меня он просто угнетает! Нельзя настоящие чувства выражать формально! Это разрушает!

От этих слов словно электрический ток пробежал по рукам Сомова. «Это разрушает! — произнёс он про себя. — Какая она, однако... Да ведь я могу в неё влюбиться!» И от этих мыслей у Сомова выступила испарина на висках, так были сильны в этот момент его чувства.

Чтобы Надя не заметила его волнение, он поднялся и показал ей свой набросок. Надя восхищённо сказала:

— И как это можно, чтобы вас так слушались руки? Ну вот убей меня, а я и сотой доли этого не сделаю!

— Нужно работать каждый день. Появится навык, потом мастерство.

— А талант?

— Это изначальное. Но к таланту надо обязательно и ремесло!

— Как Савва Игнатьевич! Вы сейчас как Савва Игнатьевич сказали!

— Кто это?

— Он егерь. Вот вам кого бы нарисовать! Он знает какой? Огромный! Стремительный! Только он в селе почти не бывает. У него жена погибла пять лет назад. Хотите расскажу?

— Расскажите.

Надя отхлебала от окна к стене.

— Перед ноябрём жена Саввы пошла в село. Они сами жили в тайге. Там у них дом. Я её не видала. Бабушка гово-

рила, что она была красивой. Вы знаете, они оба были актёрами!

— Что?! — воскликнул Сомов.

— Правда, правда! Вернее, его жена была актрисой. Он её увидел, влюбился. Она, конечно, тоже. В Савву невозможно не влюбиться!

— И вы тоже в него влюблены?

Надя засмеялась:

— Как сестра в брата!

— Тогда ничего.

— Ну вот... Теперь, значит, его видит режиссёр и умоляет сыграть в его спектакле. Уговорил, и егерь Савва стал актёром! Только через год они сбежали в тайгу. Прожили в ней три года. И вот перед ноябрём его жена, Лариса, пошла в село и не вернулась. На другой день ударили лютые морозы. Савва прибежал в село, спрашивал о жене, а никто её не встречал. Он вернулся. На обратном пути он её увидел. Она лежала подо льдом! Видимо, переходила речушку, упала и убила. Её затащило меж двух камней. Мороз сковал воду, и она оказалась в хрустальном гробу... Она так всю зиму пролежала. Всю зиму Савва ходил к ней. Каждый день. Хотели даже силой его оттащить, но побоялись. Он знает какой? Два железных рубля сжимает и рвёт на две части! После он её схоронил. Теперь в село приходит только за солью. Да вот бабушке помогает. Стол мне сделал. У него золотые руки! Руки мастера... — Надя замолкла, задумалась.

— А откуда он?

— Он из Глуховки. Там теперь только два дома осталось. Савва Глухов. Мне пора, Егор Петрович.

Проводив Наденьку домой, Сомов зашёл к себе переодеться. Через полчаса за ним на разбитом «Москвиче» заехал Усольцев. Теперь на нём были чёрные и опять большие брюки и белая накрахмаленная до хруста рубашка.

— Всё готово для встречи! — бойко провозгласил Усольцев.

— Жена два раза вымыла полы, а я подмёл двор. Будут супруги Цыпины и... — тут Усольцев сделал паузу, глаза его округлились, — Екатерина Мамонтова! Охотовед! Женщина одинокая и редчайшей физиономии!

Лукерья проводила их до калитки и стояла, пока они не скрылись за поворотом.

Дом Усольцева назывался коттеджем. Несмотря на то что он был новый, вид его, уныло-серый, производил впечатление неоконченной стройки. В доме их встретила жена Усольцева Лена, невысокая, энергичная. Почему-то сразу стало ясно, что в доме командует она. Деланно улыбаясь, она распахнула портьеры на дверях и громко пригласила:

— Прошу!

Сомов прошёл в гостиную. Под люстрой стоял стол, обильно уставленный закусками и напитками. Как только Егор вошёл, из-за стола, как по команде, поднялись двое. Один, крепкий, с загорелым лицом и несколько развязными манерами, был Цыпин, а молодая женщина — его жена. В углу, рядом с магнитофоном, стояла высокая, темноглазая, в нарядном платье Катя Мамонтова. Она действительно была хороша: насмешливые глаза, рот крупный, красивые и крупные белые зубы. Мамонтова дождалась, когда к ней подойдёт Сомов, протянула ему руку и смело заглянула в глаза. Сердце гулко забило, но Сомов не подал виду. Перезнакомившись, сели за стол. Екатерина Максимовна Мамонтова была посажена рядом с гостем. «А что, — подумал Сомов, — хорошо!»

— Товарищи, — вскочил Усольцев, — наливайте!

— А водички нет запить? — как бы стесняясь, поведя плечами, попросила жена Цыпина.

— Рита, водой запивать вредно! — крикнул Усольцев.

— Товарищи! — вновь вскочил Усольцев. — Приятно, когда вот так, неожиданно, известная знаменитость! Ты на неё смотришь, а она очень даже простая и нашенская! Предлагаю выпить по первой за Егора Петровича! За нашего земляка, который всем доказал, чего мы стоим!

Выпили. Через полчаса пришёл агроном Кастромин с женой, а следом и председатель сельсовета Епифанов. Епи-

фанов был высок и худ и, видимо, из пьющих. Увидев его, Екатерина Максимовна потемнела лицом и даже как-то осунулась. Сомову тут же объяснили, что Епифанов третий год добивается Мамонтовой и что они пробовали жить вместе, но он в пьяном виде её избил, и она от него ушла. На кухне Усольцев с женой в подробностях описали Сомову, как она полуголая бежала из дома по морозу, а он, Епифанов, вешался, но его успели вытащить из петли.

Этот рассказ был неприятен Сомову, и хмель, только что охвативший его, вылетел вон. Тут на кухню вошла Екатерина Максимовна, прикурила. Усольцевы, сделав глазами понимание, вышли. В зале играла музыка, и там танцевала пара Цыпинных.

— Они в вас просто влюблены, — сказала Мамонтова. Голос у неё был низкий, как будто чуть простуженный.

— Они — это кто?

— Ритка и Лена. Конечно, посиди тут... — Она выпустила дым к потолку. — А вы не курите?

— Нет.

— Проводите меня сегодня?

Сердце снова забухало. Егор ответил: «Конечно, и даже с удовольствием». Она вдруг подошла к нему совсем вплотную:

— Хороший мой! — и сразу же отстранилась, прошла в комнату.

Следом вышел Сомов.

Первое, что он увидел, — серое лицо Епифанова. Рита в своих новеньких туфельках танцевала какой-то модный танец старательно и усердно.

— А вы бывали за границей? — спросила Лена голосом вожатой.

Рита кинулась выключать магнитофон. Стало тихо.

— Бывал, — ответил Сомов.

— Вот скажите, как там?

— Нормально. Впрочем, смотря о чём вы спрашиваете.

— А где вы были? — спросила Мамонтова.

— Во Франции, в ФРГ, в соцстранах.

— Культура как там? Несравнима с нашей? — спросил Усольцев.

— Почему же несравнима? Сравнимо всё.

— Понаездытся, а потом клеветают, — вставил Епифанов.

— А он ещё ничего не сказал, — вступилась маленькая Рита.

— Вот этими мозолями, — тыча себе в ладони, начал Епифанов, — самими этими живут всякие. Всех кормим! Бывал он!.. Ну и хрен с тобой, что бывал! — Губы его зло скривились, и было видно, что он не пьян. — А я не бывал! И не хочу никакой загранки! Продаётся помаленьку, курвы! И вы тоже! — Епифанов обвёл всех худым длинным указательным пальцем.

— Что у тебя, Коля, за манера?! — завопил Усольцев. — Приходишь и ласешься. Тебя кто звал? А уж пришёл, сиди тихонько. Вы на него не обращайте внимания, он у нас больной. Псих!

× × ×

К чаю как-то попритихли. Сомов сел на диван в углу. Выпил он немного, но и этого хватило, чтобы настроение было подавлено. Епифанов ушёл в кухню и там курил. К Сомову подошёл Усольцев, энергично потёр руки и откинулся на спинку дивана, словно устал играть надоевшую роль. Лицо его сразу постарело. Кожа у глаз обвисла.

— Вы устали, Валентин? — спросил его Сомов.

Усольцев посмотрел на него жалостным взглядом:

— Да нет! — Подумал и добавил: — Скучно тут! Я всё хочу поговорить с вами, да всё не получается... Неудобно вроде. Жена запрещает!

Женщины ушли на веранду, и оттуда доносились их голоса.

— Бедность засла! — вдруг выпалил Усольцев.

— Бедность? — не понял Сомов.

— Да. У меня друзья в райцентре живут. Миша Костин, Женя Егоров, Валера Вильчинский... Мы учились вместе. А

встречаемся мало. Такая, знаете, бедность, что в глаза друг другу не смотрим! Я уже подумывал на лесоповал уходить... Нельзя так!! — шепотом воскликнул Усольцев. — Так невозможно! Учить детей — благородное дело! Я из-за того, что учителем стал, курить бросил, женился, если хотите, не по любви, а по совершенству... Ну, как бы это... Хотел морально равную... Глупо все. Теперь она меня ест, а я терплю! Учитель в деревне, как поп, всем виден.

Помолчали, потом Усольцев сказал:

— А Мамонтову вы проводите... Мне её жалко очень. Сто раз ей говорил: уезжай в город! Там твоя жизнь! Нет... Все чего-то ждёт. А чего у нас можно ждать? Когда со стороны смотришь на нашу жизнь как на пейзаж — это одно. Когда живёшь этой жизнью... Охватывает ужас!

От женщин вернулись Цыпин и подошёл к Усольцеву.

— Вы на юг ездите? — ни с того ни с сего спросил он Сомова.

— Зачем?

— Отдыхать.

— Редко.

— И правильно! Отдыхать нужно там, где тихо и нет людей. Мужики! А давайте махнём в тайгу! Хотя с недельку пошаримся.

— Чего там весной делать? — возразил Усольцев. — Нечего там весной делать. Ещё клеши подхватишь энцефалитного.

— Человеку же надо красоту показать? — Цыпин был заметнее других пьян. — Пойдём в тайгу, художник? Там хорошо... Людей нет. — И он засмеялся мелко и шлестяще.

— Он у нас шутник... Ты бы лучше нам баню сделал. Ох и баню он делает! — Усольцев от восхищения растянул губы. — Потрясающе баню делает! С травами!

— Точно! — воскликнул Цыпин. — Баню! Счас я Ритке скажу! — Цыпин убежал к женщинам.

— Может, я вам надоед? — вдруг спросил Усольцев.

— Почему это?

— Не знаю. Я почему-то надоедаю быстро. Но мне очень надо с кем-то поговорить. Вы знаете, Егор Петрович, вырос я в крестьянской семье. Вернее, и семьи-то не было. Отца посадили, когда мне года четыре было. Пьяным на тракторе человека сбил... Мать после того попивать стала. Нас трое да бабка ещё... Что я помню? Грязь! Вечная и непролазная грязь! Одно знал: надо выбиваться в люди. Старший уехал в город, обокрал кассу... Когда убежал, его убили... Сестрёнка забеременела, стала аборт дома делать... Грязь... Никогда не забуду! Я тогда учился на первом курсе. Домой приехал... Матери нет, на ферме. Наташка сидит голая на кровати... Кровать в кровихе!.. Куда бежать? Фельдшера нет, баб звать боюсь. Забежал к тётке, так и сяк. Она — в дом. Наташке ещё хуже. Девятнадцать лет... Машину угнал из гаража и отвёз её в больницу. Счас живёт в Жмурове. Это я к чему говорю... Если так дальше будет, то это конец! Это не жизнь!

Из кухни вышел Епифанов и вцепился взглядом в Усольцева:

— Пусть её и нету... Советской власти! Ты её не трожь! Я тебе зубы повыщелкаю! За Советскую власть я тебя... — Желваки заходили по скулам Епифанова, и он неприятно щёлкнул зубами.

«Вставная челюсть», — отметил Сомов. Усольцев покраснел и притих.

Услышав шум, вбежали Рита и Лена.

— Нализался?! Иди спать! — стала толкать Епифанова Лена.

Он сгорбился, его длинное лицо стало ещё длиннее.

— Ладно, чё ты его гонишь? — попробовал заступиться Усольцев, но Лена пригвоздила его взглядом.

— Коля, ты слышал?!

— Баламуты! — Водянисто-пьяные глаза Епифанова налились кровью. — У! Баламуты... Я ещё доберусь... — Он пошёл к выходу. Пиджак был ему мал, рукава — чуть не до локтей. Всё у него было узким и длинным, даже клёсчатый галстук.

Глухая утробная ненависть шевельнулась в Сомове. Он подумал, что, если сегодня встретится вдруг с Епифановым, избьет его в кровь... Розоватая пелена проплыла перед глазами, на висках выступила испарина.

Когда Епифанов вышел, вернулась в комнату Катя.

— Пора и честь знать, — сказала она. — Лена, пойду я.

— Ну посидите ещё, — стала уговаривать Лена.

— Да уж поздно, — поднялась и Рита.

Прощались долго. Во дворе была крошечная тьма.

— Я ничего не вижу! — взмолился Сомов.

Катя крепко взяла его под руку:

— Держись. Это со свету так. Сейчас привыкнешь.

Воздух стал холодным. Даже не верилось, что днём было так тепло. Катерина прижалась к нему своим горячим телом.

— Ты, наверное, думаешь, — спросила она, — мол, и не узнала толком, а уж лезет?

— Нет, я ничего. — Сомов не видел её лица, не понимал, куда они идут. Только ощущал её тело, её дыхание у своего уха. Он подумал: выйди сейчас Епифанов, съезди ему по физиономии, он даже не поймёт, откуда кулак.

Глаза стали привыкать к темноте.

— А я боюсь, — призналась Катя, — что ты раз — и пропадёшь куда. Я, может, ждала-то только тебя!

Сомов молчал. Тут Мамонтова захохотала:

— Ладно! Не буду! Нарочно я так! Никого я не ждала... — Она отошла в сторону.

— Катя, — зашептал Сомов, — ты не уходи, а то я куда-нибудь провалюсь. — Он нашёл её руку в темноте: — Холодно, а?

— Мороз будет, черёмуха зацвела. Надо бы рассадку закрыть. А, ладно, ночь простоя! Слышь, Егор... — Катя остановилась. — Не суди меня! Я таких, как ты, только в кино видела! Ажно не верится, что вот ты, такой, со мной идёшь! Вот не верится, и всё!

Сомов совсем привык к темноте. На него смотрели блестящие глаза Кати. Он нашёл её губы и крепко поцеловал.

— Мы ведь пришли, — тихо сказала Катерина, — вот мой дом. — и тут же крепко стиснула его руку.

Под лампочкой, что висела на столбе, стоял Епифанов.

— Как я его ненавижу... Ах, если бы ты знал!

— Погоди! — Егор направился было к Епифанову, но Катя схватила его за руку.

— Не надо! Он клезузный!

Молча прошли они в ворота, и, когда Катя отмыкала дверь, с улицы донёсся испуганный крик Епифанова:

— Сука! Сука!

× × ×

Домик у Кати был небольшой: одно окно в кухне да два в комнате. Но был ещё крепким. В доме стояла хорошая мебель, пахло духами. У печки на белой табуретке спал огромный пушистый кот. Катя прошла в большую комнату и позвала туда Сомова.

— Я хоть немножко тебе нравлюсь?

— Да, — признался Сомов. — Ты красивая.

Катя сняла туфли. В углу, как белый корабль, стояла кровать под периной. "Что же мне делать-то?" — подумал Сомов. А Катя погасила верхний свет, зажгла маленькую настольную лампу под красным абажуром, задернула плотно шторы. Делала она всё просто и деловито. Потом открыла гардероб и стала раздеваться за дверцей. Сомов подошёл и захлопнул дверцу. Катя молча разделась донага. Ослепительно белое, чуть полное её тело было прекрасно. Катя достала халатик и накинула его. В это время за её спиной со звоном вылетело стекло и сдавленный голос Епифанова прокричал грубое ругательство. Катя беспомощно посмотрела на Сомова и вышла на кухню. Он вышел следом. Катя присела у печки. Лицо её стало серым и усталым. Кот прыгнул к ней на колени и выгнул спину. Сомов сел напротив.

— Вот и живу... — тихо сказала Катя. — Видно, верно говорят: не родись красивой, а родись счастливой. Вот по всему я-то и должна быть счастливой, а вишь как?! Словно

с ума посходили люди! Не дают жить, не дают! Чуть не такая, они все сразу кидаются...

Брови её сомкнулись у переносья, глаза зашились внутренней болью. Она стала похожа на казачку, на тех гордых с изломанной судьбою казачек, что Сомову виделись по иллюстрациям к Шолохову.

— Катя, а откуда ты родом?

— Здешняя... Прости ты меня, Христа ради... Эх, Егор, войди сейчас Епифанов, убила бы сразу. А ведь и убивать-то нечего. Пустое место... Здешняя я, Егор Петрович. Ты, может, и про моего отца даже и слышал чего. Мамонтов Максим?

— Что-то не припомню.

— Я в него пошла. Мать-то была некрасивой. Так, баба да баба. А отец до того красив, что через него безумствовали бабы! Мамка его на себе силой женила! Силой ли, страхом ли... Она была маленькая, беленькая... Хитрая. Я её не любила, Егор. Что ты на меня смотришь? Прости... Хочешь меня? Бери... Только, уж видно... чистое вино перемешали с кислым. Не поймёшь, что пьёшь.

— Ты рассказывай, — попросил её Сомов.

Катя спиной прижалась к печке, нащупала под табуреткой тапочки. На её пальцах не было ни одного кольца, и было видно, что она не красит ни губ, ни глаз. Волосы она отпустила, и они дынной волной упали на плечи. Кот пригнулся и сладко мурлыкал на её колени.

— Чё рассказывать? Отец матери в райкоме работал. Перевели его в райком из села. Видно, поэтому-то мать и привязала к себе бату. Да ненадолго. Года четыре они пожили... Он с войны вернулся молоденьким. Высокий... У! Отец-то! Высокий, волосы кудрявые, глаза как огни! Он, говорят, пришёл с войны, ушёл в тайгу. Вернулся, тут-то его мать и подхватила... Он всё говорил, как-то незаметно Дашка подлагла... Он меня любил! Потом записал Максим. Записал он, стал ходить из деревни в деревню. Бабы его легко принимали и легко отпускали. Наскисается батя, придёт — мать его примет, а после как начнёт... Жутко вспоминать! Вот по этой избе кружит, кружит Максим Мамонтов... Как я его жалела! Приходил он чёрный с перепоя! Как отойдёт, так опять глядит на дорогу. Так и умер мой батя на дороге... Шёл в Тюмень, упал и умер. Мне четырнадцать было. Мать замуж вышла. Она фельдшером была. Вышла замуж за одного... Говорить-то страшно... Изнасиловал он меня... Муженёк её! Изнасиловал! Мать была на дежурстве... Он пришёл... На другой день скандал! Уехали они в другое село, а я тут осталась, одна. Больше мать в глаза не видела. И не хотела... Умерла она лет пять назад. А у меня пошла жизнь непутёвая. Я после того мужчин боялась. И когда училась в техникуме, никогда даже на танцы не ходила. Дома да дома! До того дожилась, что подумала: может, замуж пойти за какого несчастного? Вот и выбрала Епифанова. А он подленький... Там и человека нет... Вот какая у меня история, Егор Петрович. Видно, мне с этой историей и умереть.

Сомов улыбнулся:

— Такой-то, как ты, да о смерти говорить...

— Эх ты! Я же в отца! Я зажгусь — сгорю! Я сгорю... Ко мне первое время Усольцев ходил. Придёт, сядет... Я говорю: "Ты так не ходи. Иди со мной Ленку брось, или меня!" Это я нарочно... Чтобы он... А он нет... Слабый он.

В окно кухни громко застучали. Голос Епифанова был совсем трезвым:

— Курва! Не дам жизни! Курва!

Сомов вскочил, но Катя перехватила его.

— Не надо... Его хоть убей... Он сейчас всю ночь вокруг куролесит будет... Вот уж верно, что жалеть не надо!

Она вдруг резко отодвинула занавеску, и Сомов увидел белое и длинное лицо Епифанова. Его водянистые глаза были широко раскрыты, рот перекошен. Он испугался и, видно, пытался, пока не пропал в темноте.

— К осени я кобеля приведу... В соседней деревне кобель от овчарки растёт. Злющий! Вот я его и приспособлю... Ну, пойдёшь? — Катя прикрыла занавеску, положила руки на плечи Егора.

Он заглянул в её глаза и понял, что лучше уйти. Шагнул к двери, но свет вдруг погас, и Катя сильно схватила его за руку, притянула к себе.

***

Ещё догорали звёзды, когда Егор выскочил из Катиного дома и быстрым шагом пошёл к себе. Воздух стоял чистый и морозный. Крыши были белыми от инея. После горячего тела, перины, сейчас, в студёном воздухе, Егор чувствовал себя как в проруби. Домой он пошёл не через ворота, а огородам. На востоке небо засинело, но стояла та минута, когда всё в покое. И особенно хорошо было слышно сильное течение реки. Егор перепрыгнул через плетень и по меже пробежал к окну мастерской. Оно было чуть приоткрыто. Егор влез в свою комнату, быстро разделся и нырнул под стёганое одеяло. Даже не успев согреться, он уснул.

Лукерья, спавшая вполглаза, слышала Егора — как он через плетень прыгнул, как бежал по огороду, как в окошко лез. Слышала, как он счастливо вздохнул, уже лежа в кровати, и перекрестилась. «Слава Богу, — подумала она, — живой прибёт! И у кого ж это он блудил?» Стала Лукерья перебирать молодых девок, да так и застыла от удивления. Какую девушку она в пример ни брала, обязательно с той можно было блудить. Не было такой, что вот хороша, да не про твою честь!

— Тут опять, конечно, и Егор ко всякой не пойдёт! Это поди придумай такого молодца! Даром что в городе вырос, а плечи, а один кулак чё весит?! — Лукерья уже не замечала, что разговаривает вслух, что шёпотом, да вслух. Привычка эта появилась у неё от одиночества. — Потом на лицо взять, — продолжала рассуждать Лукерья. — Наши-то мужики к этому году куда старше, а мой-то чё, браво! Голубочек ты мой сизынька! Прилетел ты, мой ласковый!

Лукерья поднялась с постели, спустила свои сухонькие ноги. Спала она последнее время в чулках. Мёрзли на ногах пальцы. Думая то о Егоре, то о хозяйстве, она встала, прикрыла постель и пошла умыться лицо. Рукомойник на лето она выносила на улицу, ближе к огороду. Вышла, поглядела на небо, на выбеленные инеем крыши и подумала: хорошо, что на ночь прикрыла огурцы да помидоры. Черёмуха, что росла у окошка, стояла как сметаной облитая. В морозном воздухе почти не чувствовалось запаха, но знала Лукерья, что пригреет солнце и горький её запах растечётся по всему селу. Запах этот гонит комара, мошку, даже мухи боятся этого запаха.

Лукерья сполоснула лицо и только хотела вытереть, как тут подлез под ног её прибежавший Бобка.

— Ах ты хохла! Ты где это шляешься?

Бобка закрутил своим пушистым хвостом и всё старался заглянуть в глаза Лукерье.

На конце села хрипло прогудела пастушья дудка. Это старый Никифор собирал стадо. Лукерья отперла дверь в стойке. Молоденькая телочка Зорька ещё лежала на соломенной подстилке.

— Моя ты крошечка! — Лукерья оглядела Зорьку, поцеловала её в кудрявый лоб. — Вставай, моя девонька, вставай, моя хорошая!

Бобка помогал Лукерье, лизал Зорьку в глянецкий мокрый нос, а та не давалась и сама норовила лизнуть Бобку. Потом нехотя поднялась и лениво вышла из тёплой стойки.

Лукерья отворила калитку. В то же время отворилась калитка напротив и вышла Марья. Всю жизнь, от дня рождения, прожили они друг против друга. Всё друг про друга знали. Молоденькими были — попали под коллективизацию. Бегал тогда Никифор с наганом в руке по селу, орал не своим голосом, гнал людей в колхоз. А как он мог кого-то агитировать, когда был последним лодырем и пьянчужкой. Но он-то и стал тогда председателем... Сейчас, постаревший и поумневший, Никифор нанимался на лето пасти скот. Старые люди его недолюбливали, молодые не замечали. А было время, когда имя Никифора Мотова наводило страх на всю округу. Многих он тогда согнал с земли, многих отдал под суд ни за что!

Марья вывела за ворота свою красную с белой звёздочкой у лбу корову Маню. Зорька потянула носом и набычилась.

— Ишь, не узнаёт матку! — весело улыбаясь, сказала Лукерья.

Смотрела она на Марью и думала, что вот, поди, как сестра родная она ей. Марья подошла к Лукерье, сели они на лавку и стали дожидаться стада.

— Как там Наденька?

— Так повеселела девка! — Марья поправила на Лукерье косынку. — Повеселела! Всё про твоего Егоря! Такой он, растакой он! Ведь чё говорит, Лушенька! Девочка-то она чистая, непорочная! И вот скажи какое дело... Твой-то спит?

— Спит! Я уж его не стану рано будить. Пусть себе спит! — Вот и верно! Нынче у них по городам всё нервы да нервы. А тут они их сном пускай полечат. Ты бы Егория попросила, пусть он с Наденькой поболе погуляет!

— Так я-то чё? Я-то скажу!

Они замолчали.

Из-за поворота показалось стадо. Каждое утро, встречая стадо, обе они думали, что заметно, очень заметно оно поредело. Раньше, как говорили тут, «до Хрущёва», стадо было большое. После, как пошёл тот искоренять частника, так оно поредело, сельский человек приспособился жить без скота и понял, что так хоть оно и голоднее, да легче! Сейчас хоть и было разрешено держать скот, а мало кто держал. Стадо не спеша подбрело к старухам. Зорька и Маня сами вошли и побрели к горе. Никифор, хохливший по утрам в тёплом брезентовом плаще, поравнявшись со старухами, оглядел их с прищуром:

— Чё, холеры, живые?

Марья кивнула.

— Ну и живите, язви вас! — И, шелкнув бичом, Никифор прошёл мимо.

— За тебя сватался! — улыбнулась Марья и обняла Лукерью за плечи.

— Ой, Марья, не говори! А я уж, верь, забыла! Это оно кого взял-то?

— Так Зою Прокошину! Трактористкой-то ещё стала!

— Ой, Господи, правда ведь... Утопла она ведь?

— Утонула...

Стадо медленно уходило вверх по дороге. Вставало солнце, и горький черёмуховый запах потёк по селу. Старухи сидели, взявшись за руки, как две молоденькие подружки, сидели да стали подниматься. Теперь Лукерье надо было почистить за Зорькой, накормить Бобку да приготовить завтрак для Егора. Ещё с вечера задумала она приготовить вареников. Сходила для этого к Марье за творогом, мука была своя. Ещё в прошлом году Семён Мотов привёз два мешка. Продав недорого, видно, украл муку, раз недорого, но к этому в селе уже были приучены. Крали многие. Крали и даже не совсем понимали, что крадут.

Всё, что осталось от вчерашнего обеда, Лукерья несла собаке и вывалила в алюминиевую миску, как она называла, «собачью посуду». Бобка деликатно помахал хвостом, повертел головой, попытался даже лизнуть Лукерью, но ест стал, только когда она ушла.

Теперь Лукерье надо было просеять муку. Рядом с сениями стоял чулан, где хранила она сушёные грибы, муку, зимой — мясо. Мука стояла в кедровой бочке. В кедровой посуде никогда не заводилось червяков. Лукерья насыпала муки, отруби высыпала в маленький бочонок, муку в долбленную миску и пошла в кухню. Тесто на яйцах получилось жёлтым. Приготовив тесто, пошла кормить кур. Те уже знали своё время и толпились у крыльца. Дав им корму, она сходилась проведать цыплят. Солнце уже подняло свою макушку из-за горы. Теперь надо было раскрыть рассадку. Садила Лукерья две грядки огурцов и четыре грядки помидоров. Огурцы уже выпустили свои мятые листочки, резные по краям. Помидоры дня через три-четыре можно будет высаживать в землю. Ко-какие кусты уж и цвет набрали. Лукерья раскрыла свои парники, достала из колодца воды и принялась поливать. Пока делала своё привычное дело, всё думала: «Вот поглянется ему здесь,

возьмёт и останется Егорий-то! Да к кому же бежал-то он?" И тут вспомнила, что Усольев, когда приходил, рассказывал, что будет Мамонтова! "Так кто же больше, как не Мамонтова, как не Катяка!"

Про жизнь Екатерины в селе знали все и все относились к ней по-разному. Лукерья сильно жалела: отца её хорошо помнила, да и кто его не помнит! Красавец Мамонтов спивался на виду, открыто. Когда запивает человек незаметный, это одно, а когда пил Максим, то это совсем другое. Будто гибло большое и красивое дерево. И никто не смел ничего ему сказать. Даже выдавшие виды мужики и те смирились перед его дикой красотой. Да тут ещё его женитьба на Дарье, семью которой в селе недолюбливали. Вот и остался мужик один, пропил себя и погиб.

Такая же судьба досталась его дочери. Когда Катерина шла по селу, играя своим сильным телом, у мужиков дышание схватывало, а бабы чуть не крестились вслеп, не то от страха, не то от зависти. Замуж никто её не брал, зная, что девчонкой её изнасиловал отчим — круглоголовый, с маленькими глазами человек. И как печатать на ней поставил. Когда Катя была молодой, ей советовали уехать. Она и уехала учиться, да, закончив техникум, вернулась... До двадцати лет прожила одна, а в двадцать с лишним пошла за Елифанова. Елифанов был заезжий. Шли толки, что в городе он был каким-то крупным начальником, что проворовался. Его скинули и направили в село... Прожила с ним Катя две недели.

— Эвон он у кого!.. — ещё раз повторила Лукерья, поражённая своим открытием. И, догадавшись, она не могла решить, худо это или нет. — Вот бы Надюша была здорова... Вот было бы хорошо... А что Катерина! — Пораздумав, решила, что дело, конечно, молодое. Пусть как хотят. — А потом, чё же, — рассуждала вслух Лукерья, — Катя-то, поди, живой человек! Эдак без мужика вовсе жить — заболеть недолго!

Пока раздумывала, руки незаметно лепили вареники. Теперь оставалось поставить воду да будить Егора. Часы показывали десять утра. Только подумала Лукерья идти будить, в окно постучали. Выглянула, а это Наденька!

— Спит? — спросила она, робко улыбаясь.

— Спит! Да я сейчас его будить стану.

— Не надо! Можно я сама? — Надя умела ловко на своей коляске въезжать в дом. "Это у меня руки сильные!" — говорила она.

Наденька въехала в мастерскую. Егор спал на спине. Сейчас лицо его было спокойным, на щеках виднелась щетина. Надя тихо-тихо дотронулась до его щеки, потом погладила по голове. Во сне Егор взял её руку и положил себе на грудь. Надя испуганно посмотрела на дверь, но Лукерья занималась своим делом... Егор открыл глаза, увидел Надю. Она вырвала руку, но Егор вновь её взял и поцеловал.

— Наденька, доброе утро!

— Доброе утро... — И она выехала на кухню. — Простулся, — сказала она Лукерье.

К полудню стало жарко. Солнце было ослепительно ярким. В лесу же было прохладно, трава и кустарник стояли влажные от утренней росы, выпавшей сегодня особенно обильно. В небе не было ни облачка. На полянках уже синели колокольчики, лилово-синие, зацвела мелуница, взгорки были сплошь покрыты одуванчиками. Дорога, по которой гулял Егор и Надя, была из брошенных. Раньше по ней ездили телеги, а как отпала надобность в гужевом транспорте, для машин отсыпалась дорога в другом месте. Старая же поросла травой, заглохла.

— Я по этой дороге грибы собираю. Да, я умею грибы собирать! Тут очень много рыжиков и маслят, — оборачивая лицо к Егору, говорила Надя.

Егор шёл за креслом, толкая его.

— Мне так хорошо никогда не было, — призналась Надя. — Смотрите! — Она показала пальцем на огромную, наверное, столетнюю ель. Под её шатром словно ковёр расстелили сплошь из ландышей. Даже не доходя до места, чувствовался нежный их запах.

Егор сделал Наде букетик и перевязал его травинкой.

— Мы, наверное, далеко от дома? — спросила Надя.

— Ты устала? — Егор перешёл на "ты" нарочно внезапно.

— А ты? — нерешительно произнесла Надя.

— Я нет.

— И я нет...

— А хочешь, мы вот на этой полянке остановимся, и я тебя порисую?

— Нет! Сегодня я хочу просто гулять! Без тебя я ведь не могла бы так далеко уехать. А правда, хорошо называть друг друга на "ты"? Тебе нравится?

— Очень!

— И мне! Ты нарочно перешёл на "ты". Я это сразу поняла! Можно я буду говорить? Это оттого, что я всегда мало говорила... А можно я тебе всё расскажу? Я тебе всё равно бы рассказала... Понимаешь, дело в том, что в тот день, когда меня сбита машина... И ещё вот что... Ты меня даже не спросил, а что с шофером? Меня никто об этом не спрашивает! А ведь он же отвечал! Я сразу, когда пришла в себя, сказала, что шофер не виноват!

— Почему? — Егор видел, что Надю охватывает волнение, что она хочет сказать нечто очень для неё важное. Он остановился, повернул Наденьку к себе лицом.

— Понимаешь, Егор, я знала, что встречу тебя и всё расскажу. У меня был мальчик... И мы с ним... дружили... Я его, наверное, любила. Мы целовались! И вот в тот день мы вышли из школы, и он такое мне сказал!.. Он сказал, что его заразила моя подруга. Знаешь, такие есть болезни... Ты знаешь?

— Да, конечно.

— А я ему так верила... И вообще... Я побежала от него! Мне было так ужасно... И тут машина... Ведь шофер ни при чём, когда я сама ничего не видела! Он приходил ко мне в больницу, этот шофер. Вася Павлов его зовут. Он старше меня всего на три года, а у него уже две девочки... И этот... Он тоже однажды пришёл. Он сказал: "Ты псих и шизик!" Всё, конечно, прошло. Сейчас отвратительно даже вспомнить о нём! И знаешь, Егор, вообще в школе было мало чего хорошего! Вот, например... — Она вдруг запнулась и посмотрела на Сомова умоляющим взглядом.

— Да, я слушаю.

— Что?

— Я слушаю тебя. — Сомов постарался придать голосу спокойствие и твёрдость.

— Я напрасно... Ах, Господи, зачем я?.. — Руки у Наденьки замирали по сторонам. — Отпустите меня, Егор Петрович, отпустите! Мне не надо было рассказывать! Господи, не надо было!

— Но почему?

— Почему? Потому что я кажусь вам плохой, да? Да! Да! Я вижу!

— Совсем нет, Наденька... — Сомов взял её руки. — Совсем нет! Тебе нужно было, ты рассказала. И никто об этом не узнает!

— Вы мне больно делаете, — сказала Надя.

Сомов разжал ладони и отпустил Наденькины руки.

Сейчас он был растерян и не знал, как вести себя с ней.

— Я знаю, о чём вы думаете, — тихо сказала Надя. Лицо её стало неожиданно покорным, даже обречённым. — Вы думаете: к чему вам любовь-калеки. Я знаю, вы так думаете. — Что ты, Надя! — Сомов вскопчил, захваченный врасплох.

— Ведь любят же траву или цветы? — заговорила Надя. — А ведь вот этим ландышам всё равно, что я их люблю! Правда ведь? Наверное, травой быть лучше... Я сама, Егор Петрович, я сама во всем виновата! Зачем меня не пригостили к жизни и позволили жить? Я ведь ни к чему не готова была. Это я сейчас готова... Или я просто хочу жить! Я очень хочу жить! — Она замолчала, вздохнула коротко, потом улыбнулась: — Вот всё и прошло! Пойдёмте, Егор, на пороги!

— Где это? — спросил Сомов.

— Надо пойти к реке. Вот по этой дороге в гору. Там отвесная скала. Пойдёшь?

— Ты мне хотела рассказать про школу.

— Правда? Прости меня, Егор! У меня это от болезни неуравновешенный характер. А с Васей Павловым всё в порядке. И жена его приходила. Маленькая и глупая. Знаешь, Егор, я не люблю маленьких и глупых женщин. Как правило, они злые. Вот и Вася Павлов, он часто ездил ко мне! Мне кажется, он был немножко влюблён в меня... И вот как-то приехала его жена и спросила: "Что это он повадился мотаться сюда? Приворожила ты его, что ли? Всё равно ведь ты калека! Калекой и останешься!" Мы с ней вдвоём были в палате... Я её спросила, зачем же она вот так говорит? Ах, Егор, такие женщины не способны любить! Это эгоизм, а не любовь. Больше я не видела Васю. Он был хороший.

Она замолчала. Лёгкий ветерок шевелил её волосы, солнце, падавшее сквозь листья деревьев, делало её глаза прозрачно-синими. На ней была белая блузка с открытым воротом и вышивкой. И сегодня сквозь кожу на шее выделялась синяя жилка. Она спускалась к самой груди, и видно было, как она живёт, подрагивает. Надя держала ладыши, и ногти её были розовыми. Она повернула к нему лицо:

— Ты устал?

— Нет.

— Ещё чуть-чуть! — Она улыбнулась. Теперь в её глазах светилось счастье.

"Странная", — подумал Сомов.

На верху пологой горы лес кончился. Внизу стояло их село, под горой бежала река. Надя попросила подвести её к обрыву. Там, где гора резко обрывалась, была небольшая каменная площадка. На ней они и остановились. Прямо под ними река с рёвом билась в валуны и разворачивала свой бег к востоку. До воды было метров двести, но шум её был слышен так, будто она бежала у них за спиной. Глядеть вниз было жутко. Там пеннелись, бурлили и уносились прочь зеленовато-синяя вода. Неожиданно Надя подъехала к самому краю обрыва. У Сомова пересохло во рту. Он хотел что-то сказать, но язык не повиновался. Кресло на велосипедных колёсах стояло на самом краю. "Она же не отъедет... Чуть шевельнется — и всё..."

Надя, дрожа всем телом, заглянула в пропасть, потом повернулась к Сомову и крикнула:

— Я люблю тебя! — Голос прозвучал отчаянно и далеко.

Бледный, с бьющимся от невыносимого страха сердцем, Сомов шагнул к Наде, крепко схватился за спинку кресла и осторожно подвинул его ближе, потом ещё ближе к себе. Когда он понял, что опасность миновала, он отвёз Надю подальше и упал на землю обессиленный. Только сейчас Надя поняла, как она напугала Сомова.

— Егор Петрович! Что вы?..

Мелкая холодная дрожь била Сомова. Он молчал, захотелось материться, но даже на это не хватало сил.

— Нельзя... Так нельзя... — выдавил он хрипло и сплюнул горьковатую слюну.

— Простите! — Надя вдруг сама перепугалась. — Я не знаю, что это на меня нашло. Прости, Егор!

Он сидел у её ног и только кривил губоловой. Тогда она поднялась с кресла и, качаясь, почти упала ему на руки. Неожиданно для себя Егор крепко прижал её к себе. Надя вскрикнула и, обхватив его за шею, прошептала:

— Я тебя люблю.

Домой возвращались тихо.

— С этой горы, — сказала Надя, — я на велосипеде ездила! Отпускала тормоза и летела... Страшно и сладко, как сегодня с тобой! — Она помолчала и добавила: — Я ужасно спать хочу!

Сомов засмеялся и прибавил шагу.

× × ×

Проводив до ворот Надю, Сомов пошёл домой. Тётки дома не было. Он зашёл в мастерскую и увидел, что там его ждёт Усольцев.

— Я видел, как вы с Истоминой с горы спускались! — Он выставил свою руку и подошёл здороваться. — Дико-

винная девица! — Усольцев растянул губы и поднял вверх брови, показывая, что "девица диковинная". — Во-первых, умна, во-вторых, красива! Моя жена, правда, считает, что её красота приторная, но я не согласен. Ведь волнует же? — Усольцев вздёрнул брови. — А куда вы ходили?

— По лесу гуляли. Смотрели на реку с обрыва.

В окно Сомов увидел Лукерью. Подоткнув подол сарафана, она высасывала на грядки рассадлу помидоров. Что-то вроде укора колыну Егора.

— Тётя, помочь? — крикнул он.

Лукерья разогнулась.

— Чё тут помогать? Отдыхай, миленький!

— Лукерья Лазаревна! — крикнул Усольцев.

— Ох, Валентин Сидорыч!

— Бог в помощь!

— Спасибо! — Лукерья снова принялась за работу.

— Вчерашний случай с Епифановым обсуждается всем селом! — расхаживая по комнате, сообщил Усольцев. — Говорят, он разбил окно у Мамонтовой?

— Я не знаю. Я сразу домой ушёл... — солгал Сомов, покраснел и, отвернувшись от Усольцева, стал глядеть в окно. "Чёрт-те что, — подумал он, — криво душой перед каким-то Усольцевым". — Впрочем, я вру! — Он повернулся к учителю лицом. — Я вру! Но откуда эти разговоры?

— Так ведь село! И что ни говори, событие... — Усольцев съёжился и сел на табурет. — Вот вы уедете, а у нас опять одно и то же! Если по правде, так я люблю Екатерину Максимовну!

— Зачем же тогда вы познакомили меня с нею?

— Думал, что как ножом отрежу, а получится наоборот. И совсем я к вам не в претензии! Какая может быть претензия! Женись бы на Катерине — вернее жены не сыскать! А вот не вышло!

— А почему же не вышло-то?

— Не обладаю достаточной волей! Когда её сломали во мне? Должно быть, в детстве... Мысль была одна, и мысль каждый день — как выжить? Понимаете? Выживал как мог. Я вот смотрю на своих ребят в школе... — Что-то изменилось в лице Усольцева. Сомов понял, что лицо его побелело, а глаза стали темнее. — Да, — продолжал Усольцев, — и я пытаюсь их жалеть... Шека его дёрнулась, голос изменил ему, и он вдруг бурно, по-детски зарыдал.

— Валентин Сидорович! — испугался Сомов. — Что вы? Ну что вы?!

— Простите. — Усольцев достал большой и нечистый платок, вытер им лицо. — Надо же, никогда не плакал... Надо же, стыд какой!.. — Он долго смотрел себе под ноги, потом спрятав платок, стал собираться.

— Не уходите, — попросил его Сомов, — давайте-ка я портрет ваш напишу?

Он усадил Усольцева против света, вполборота к окну, достал чистый холст. Усольцев с покрасневшим лицом и глазами старался не моргнуть.

— Валентин Сидорович, ну что вы как лом проглотили? — пошутил Сомов.

— Да? Хорошо! Знаете, а зовите меня Валентином! Так надоело это "Сидорович"!

— С удовольствием, Валентин! — Сомов быстро набросал контуры фигуры и подумал, что несколько портретов, которые он конечно же тут напишет, будут памятью на всю жизнь.

Из огорода зелено отсвечивала сирень, готовая распуститься. Не было ни ветерка...

— А вот и я! — услышал за своей спиной Сомов Надин голос. Теперь на ней были джинсы и голубая в горошек блузка.

Усольцев, стараясь не поворачивать головы, поздоровался.

— Ой, вы рисуете?

— Рисую. Надя, бери картон, вон там есть проклеенный... Валентин, одну минутку!

— Хорошо, хорошо! Сколько угодно!

Сомов разобрав свой этюдник, поставил рядом со своим мольбертом и предложил Наде порисовать.

— Учитесь, Надя! — бурно обрадовался Усольцев. — Учитесь и будете у нас в школе учить детей! Как я сразу не догадался, что вам в школе надо работать! — Лицо Усольцева пылало вдохновением. — Дети, они вас обожают станут!

— Почему это? — недоверчиво спросила Надя.

— А потому, что дети любят красивых!

— Вы просто комплиментщик, Усольцев! Вам бы в театре галантных кавалеров играть!

Пока они разговаривали, Сомов прорисовал некоторые детали.

— Надя, начинать надо с целого! То есть рисуй всё то, что видишь.

— Но ведь я никогда не рисовала красками!

— Учись! Смотри, какую краску с какой я смешиваю.

— Вы уже на "ты"? — удивился Усольцев.

Надя покраснела.

— А что вас удивляет?

— Помните, зимой вы мне сказали, что позволите называть себя на "ты" только близкому человеку? Я к вам всегда ходил, а так и не удостоился вашего "ты". А вот Егор Петрович — пожалуйста!

— Это всё я, — сказал Сомов. — Почти силой заставил её перейти на "ты".

Надя с восхищением наблюдала, как Сомов смешивал краски, как делал несколько мазков кистью — и получались руки или волосы. Она тоже набросала коричневой краской фигуру Усольцева. Сомов немного поправил её, но остался доволен.

— У тебя прямо талант! Поразительно... Знаете, Валентин, как это здорово, когда человек талантлив и не испорчен учителями!

— Это вы в мой адрес? — шутливо спросил Усольцев.

— А я всегда ненавидела школу! — призналась Надя. — Когда вы мне предложили учить детей... А сейчас я думаю, что, наверное, пойду... Если вы меня возьмёте, я пойду! — Надя задумчиво водила кистью по холсту.

— Теперь, Надя, надо прочертить те места, где тень. Глазницы, ноздри, губы, тени на фигуре.

— Хорошо! — Надя занялась работой.

— Почему же всё-таки именно теперь вы пошли бы в школу? — заинтересовался Усольцев.

— Я о Боге думать стала.

После этих слов наступила пауза. Слышно было, как Усольцев выдохнул из себя воздух.

— Как это о Боге? — В его голосе послышалась тревога.

— Вы не поймёте, Валентин Сидорович. Пока вы здоровы, вы не поймёте... Чтобы понять, нужно очень и очень пострадать. Я однажды Христа увидела! У меня был жар, и бабушка наполнила меня брусничкой. Потом ушла к себе, и я слышала, как она молится. Она молится каждый день, но в тот раз молилась особенно... И вот под её шёпот я стала засыпать. Но, ещё не заснув до конца, я увидела синее небо, кипарисы, цветущий миндаль... Я раньше никогда не видела цветущий миндаль. А впереди было синее море. Было много разных людей. Одни были арабы, другие евреи... И вот по жёлтой траве, босиком ко мне подошёл Христос. Он был как будто немного смущён... И я поняла почему! На нём была старая и кое-где порванная одежда. Я взяла его руку, тут же с моря подул лёгкий и свежий ветер. Всё исчезло, и я заснула! С тех пор я стала думать о нём, о людях, которые идут его дорогой... Это очень тяжёлая дорога! Но ведь все остальные — неверные!

— Почему это? — удивился Усольцев.

— Потому что они нигде не ведут! И вы, Валентин Сидорович, обманываете детей, не говоря им о Христе. Нельзя же так! Вот у нас в селе церковь стоит, а зачем она? Почему не действует? А в первую очередь, надо вам сказать, Валентин Сидорович, что жизнь есть благо! Когда бываешь рядом со смертью, то это очень ясно видишь!

Пока она говорила, Сомов наблюдал за ней. Лицо её преобразилось, стало бледным и торжественно чистым. Такие лица он видел на картинах Нестерова. И в то же вре-

мя — голубая в горошек блузка и джинсы... В лице Усольцева тоже случилась перемена от Надиного рассказа. Оно было подавленным и смятенным.

— Не знаю, как и возражать вам, — криво и неестественно улынулся он.

— Зачем же сразу возражать? — вспыхнула Надя.

— Но такие слова... Где вы всё это вычитали? — Усольцев тревожно понюхал воздух.

— Это само пришло... — Надя взглянула на портрет, который дописывал Сомов, и воскликнула: — Как похоже!

Усольцев тут же завертелся на месте.

— Нелзя ли посмотреть?

Сомов попросил посидеть ещё немного. Он рисовал и думал, что окончательно сформировало Надю одиночество... И что мысли её — это разговор души, той души, о которой человек совершенно забывает в сутолоке дней и лет. И тут, словно угадав его мысли, Наденька заговорила о душе:

— Вот вы спросили, где я это прочитала? Наверное, у многих писателей есть, только разбросано. Мы ведь как? Мы ведь головой читаем и душой! Я ребёнком себя вспоминаю сейчас... К нам приходил один папин знакомый, и всё время он был пьян и сквернословил. И тогда моя душа не приняла этого! Я просто не понимала, что он говорит, а только знала, что он всё время жалуется. Вот и в школе душа тоже очень долго сопротивляется тому, что ей внушают: "Нет тебя! Нет души!" Это ужасно! Как же нету? Как же? Ведь мы же детьми её чувствуем! Что же мы тогда бережём в себе? Не понимаю ещё и совсем не разбираюсь в жизни, что бережём! И вот сегодня у нас с Егором случай был на горе. Так вот я подумала, когда так хорошо, это тоже — душа? Я хотела проверить и напугала Егора...

Сомов отложил кисти и отошёл от портрета. "Допишу потом. Характер есть".

— Так что же такое, по-вашему, душа? — совсем растерялся и от этого разволновался Усольцев.

— Душа — это душа! — И Наденька засмеялась.

— А теперь вы возьмёте её к себе в школу? — спросил Сомов.

Усольцев пожевал губами.

— Не знаю, — искренне ответил тот, — прямо не знаю! А что, если она возьмёт да и скажет такое ученикам?

— Ну а как же иначе? Если это её мировоззрение! Её собственное, выстраданное!

— Не знаю... Потом, и в программе этого нет! А потом бедные и богатые? Это как? Если душа, то зачем такое разделение? Вы видели, какие у нас хоромы городские строят? Какое к чёрту душа, когда стрелять хочется...

Сомов и Надя рассмеялись.

— Что же тут смешного? — Усольцев поднялся. — Я-то могу это понять... Но так... Для домашнего собеседования. А чтобы в школе... Да там и так никакой дисциплины! И потом, рано нашим школьникам о таких вещах думать, — заключил Усольцев. Теперь в нем были и решимость и упорство.

Он бойко подошёл к портрету, взгляделся. Сомов набросал его сидящим вполобороту и словно к чему-то прислушивающимся. Лицо его было наивным и трогательным. Усольцев растерянно глядел на себя, пожимал плечами, отходил, подходил. Наконец спросил:

— Чё, похож, что ли?

— Очень даже! — заверила его Надя.

— Ладно... — согласился он.

— Я ещё допишу, — сказал Сомов. — Только, Валентин Сидорович, мне не ясно одно. Почему вы считаете, что нашим школьникам рано об этом думать?

Усольцев засунул руки в карманы и заходил по мастерской, меряя её своими толстыми короткими ногами.

— Потому что... — Он пожевал губами. — Потому что им о другом думать надо! Ты ему о возвышенном, а завтра его же на ферму! Или в мастерские! А там?.. Там мат и пьянь и всякое такое...

— Так ведь возвышенное ему совсем не помешает, напротив, только поможет...

— А что, если Бога нет? Я понимаю, что и правительство нынче в церковь ходит, ну, а как другие придут?..

— По-моему, вы трус, — спокойно сказал ему Сомов. — Я знаю, — тихо согласился Усольцев. — Но я не из-за себя! Я вообще... — Он болезненно поморщился.

Вошла Лукерья, вытерла руки о фартук. — Егор, тут женщина одна... Ты бы выслушал. Может, чё бы присоветовал... Не шибко помешала-то?

— Нет, нет. — Сомов потёр виски и вышел на кухню. Там у окошка сидела женщина лет сорока пяти, в чёрном платке. При появлении Сомова она поднялась. Лицо её было дочерно загорелым, а между морщинок кожа оставалась белой, отчего лицо казалось как бы склеенным из осколков.

— До вас я... — сказала женщина дребезжащим голосом. — Дора я, Михайлова Дора. Сына у меня убили... Под Пасху. Поехал служить, а его шохвера убили и бросили. Денег, что были, отняли да куртку новую, раз надевану, сняли! А судить будто некого. Его же и обвинили! Чё делать, может, подскажите? — По её щекам катились слёзы.

Из долгого рассказа Доры Сомов понял одно: убили человека, а расследование ведётся как попало. Пообещав женщине, что как только вырвется в райцентр, то сразу же пойдёт в прокуратуру, он проводил её. В мужском пиджаке, кирзовых сапогах на босу ногу, Дора прошла через двор, согнувшись на один бок. Лукерья, заметив взгляд Егора, пояснила:

— От трактора это у неё. Трактор-то тягала, тягала, а чё-то возьми да лопни внутри. Вот её и скосбило. Её мужик из того бросил! А ведь, чё говорить, первая трактористка была по району!

Сомов вернулся в мастерскую. Надя и Усольцев о чём-то оживлённо разговаривали.

— Приходила Дора Михайлова... Вы не знали её сына? Усольцев покивал головой.

— Он девятилет бросил. Ушёл из школы. Метался, метался... Его убили... Вот у меня в позапрошлом году девочка одна... Вот и Надя знает!

— Нина Тюменева, знаю... — Так что эта Нина?

— То! — Усольцев сунул руки в карманы брюк. — К ней двое мальчиков пришли. В Новый год было. Отец с матерью у неё на ферме. Они ушли, а мальчишки стали приставать к ней...

— Да, говорите, говорите! — Видя, что Усольцев замылся, Надя его подтолкнула.

— Они её изнасиловать пытались... Она вырвалась, схватила ружьё... Убила обоих! Так что дел у нас ужасно много! Честное слово, просто невыносимо много дел... А председатель может тебе дров не дать из принципа! Знаете, из-за чего дров не дал? Колхоз давай рубить на дрова лес, сосняк. У нас на том берегу изумительные сосновые леса. Давай он их рубить. Я написал в область. Приехали, запретили. Председателю даже хвост накрутили. Так он меня встретил и говорит: дров, мол, теперь не получишь! Какой-то бред...

Вскоре пришла Марья Касьяновна и вместе с Надей ушла. Ушёл и Усольцев.

Садилось солнце. С горы старый Никифор гнал стадо. Возвращались с поля мужики, бабы торопились накормить семью и бежали на вечернюю дойку. Трещали мотоциклы. У магазина образовалась толпа мужиков. Красное сладкое вино было в почёте. Пили, тут же вели разговоры, ругались.

Пожуивая, Сомов надел куртку и вышел пройтись по селу. Солнце село, но ещё было светло как днём. С реки понесло густой сыростью. Стало заметно холоднее. Ставни Надииного дома были закрыты. Сомов поглядывал на её дом, подумал: "Что же сейчас делает Надя? Наверное, читает".

Но шёл Егор по улице, втайне надеясь встретить не Надю, а Катю. Когда он уходил, Лукерья сказала, что не станет закрывать "рямку". "Рямкой" она называла оконную раму. В этом слове Сомову чудилось и дребезжание стекла, и его звон.

Сомов шёл по улице, вдыхал забытые, стёртые в памяти запахи деревни, её звуки. У забора селпо, стоя или при-

сев на корточки, выпивали мужики. Время от времени подходила какая-нибудь женщина и забирала своего мужа... Сомов приостановился, поискал глазами Епифанова, но не нашёл. Выйдя за село к парому, он подошёл к реке, послушал её шум и, решившись, направился к Кате.

Весь день он старался не думать о ней, но к вечеру, вернее ближе к ночи, сладкая, дурманящая страсть разожгла в нём лихорадку.

Домик Кати он узнал издали по голубым ставням. Они были закрыты. Стемнело. На западе догорала багровая полоска заката. Над рекой зажигались первые звёзды. Из рота шёл пар. Сомов подумал, что в средней полосе не бывает таких перепадов температур. Он прошёл к дому, открыл калитку. На двери висел замок... Сомов даже подёргал его, до того не поверилось. Он сел на ступеньку и решил дожидаться. Вдруг в калитку вошла женщина.

— Егор Петрович, вы, что ли? — Сомов узнал голос Риты. — А я смотрю, вы — не вы?

Сомов покраснел, поднялся со ступенек. — Может, к нам зайдёте? — Рита подошла к Сомову и протянула руку. — А Кати нет, Катя уехала.

— Куда уехала?

— Она часто ездит в город. А мы живём рядом. Пойдёмте к нам? Петя сегодня дежурить в больницу остался. Там роды у одной женщины начинаются. — Рита взяла под руку Сомова, и они вышли из ворот. — Сегодня Епифанов такие ужасные новости по селу разносил! Про вас и Екатерину Максимовну! Он очень подлый и опасный человек! А вот наш домик. — Рита показала на огромный дом, больше похожий на амбар. — Пойдёмте? — Рита настойчиво тащила его в дом.

— Извините, Рита, но мне нужно побыть одному. Извините меня великодушно. Обещаю, что буквально на днях я буду у вас. — Сомов сказал это шутивым тоном со снисходительной ноткой в голосе.

Проводив её до порога, Сомов пошёл прочь быстрым шагом. То, что Катя уехала, не сказав ему ни слова, сильно обидело его, задело почему-то его самолюбие. "И ещё эта Рита! Чёрт бы их подрал!" Уже подходя к своему дому, Сомов подумал о Наде. То, что она ему объяснилась в любви, было как-то в нём заштриховано. Ему было любопытно наблюдать, как с разных сторон раскрывается перед ним её характер. Он твёрдо знал, что утром, пробудившись, обязательно вспомнит её чутые влажные руки, нежные губы и эти бездонные синие глаза...

Ему страстно захотелось услышать звуки рояля... Рахманинова. И тогда к нему пришло воспоминание о даче в Подмошье. Тихий летний вечер. Сквозь открытые окна льётся широкая и тоскующая музыка Рахманинова... Егор стоит в саду под цветущей липой, видит, как выходит из дома его жена. Её лица не видно, только силуэт. Потом выходит мужчина... Их поцелуй, и расудительный голос жены: "Без баловства, Федя, без баловства!" — "Я тебя обожаю!" — неверным, фальшивым голосом произносит мужчина. "Я понимаю, Федор. Нам обоим нужен развод". Больше Сомов слушать не стал. Он ушёл, потрясённый, в глубину сада.

"Мне это вспомнилось потому, что я увидел замок..." Сомов дошёл до плетня, перелез через него и направился к окну. Тётка уже спала. Он перелез через окно, разделся, не зажигая света, и лёг. Сна не было.

Шли бесконечной чередой воспоминания о прошлой жизни. О глупой и злой жизни. Сомов сам определил так свою жизнь — "глупая и злая". Но, видимо, не вся жизнь и не жизнь вообще, а жизнь именно с женой, да и то в последний период. Вспоминались московские знакомые, приятели. Но сейчас они были так далеки, что казалось, он о них когда-то читал, а не знал на самом деле. И тут Сомов услышал трель. В чёрной, почти звенящей тишине высоко и торжественно запел соловей. Звук несился от старой берёзы. Сомов поднялся, открыл настежь окна. На западе синело небо и берёза казалась нарисованной чёрной тушью на синем шёлке. Где-то в её ветках пел соловей, может, правнук того соловья, который пел в детстве маленькому Егору.

— Жизнь, жизнь, — прошептал Сомов, — что ты есть такое?!

Чувства его обострились, словно в нём открылись невидимые поры, через которые в него проникали и эти соловьиные трели, и холодный, шемяще-сладкий воздух, и мысли о том, что с ним случилось вчера и сегодня. Вдруг до него кто-то дотронулся.

— Егорша, ты чё, милый? Замерз ведь! — Перед ним стояла тётка Лукерья.

Егор вдруг понял, что не просто замерз, а насквозь продрог. Он залез под одеяло. Лукерья села сбоку, погладила его по голове.

— Чё, родименький, не спишь? Тут, как ты ушёл, Катерина приходила. Говорит, узнала, что племянник приехал, так, говорит, чаю хорошего принесла! Цейлонского! Много, десять пачек принесла! Говорит, в город еду. Жалела, что тебя не застала. А где ж ты гулял?

— Да я так... Прошёлся по улице.

— А у Наденьки по сю пору свет горит. Она ведь чё? Она ведь у тетрадочку пишет! Мысли какие в голову приходят али ещё чё? Пишет... Вот оно как, Егорша... Кабы здорова была, то какая жена-то, а? Ой, Егорша! Самая жена и есть! Ты, милый, с ей осторожно слова роняй. Она чувствительная. Ты поласковой с ней. Она, видишь, голубушка, как ты приехал, места не находит!

— Тётя, ты мне скажи: а сама-то ты любила?

— А как жесь! Голубочек ты мой сизанький! Как же это я не любила? Поди, всё на месте было... Любила-то, любила мово милого дружка... Попович он был. Сын попа нашего Михаила Андреевича Богодотского, Иван Михайлович. Когда церковь закрывали, они поковы в селе остались. Потом задумали переезжать. Ваня решил тут остаться. Мы пожениться договорились. Родители его против не были... Егорша, голубочек ты мой! Чё за бравады паришка! Так мы с им не целованы были. Постоим, за ручку подержимся... А чё сердце млеет! Поехал он родителей навещать, да и не вернулся. И где он? И не знаю... По сю пору и не знаю! Одно знаю, что не вернулся, зная, беда случилась. Я шибко его ждала, своєю Ванечка. Поковы сидела — годы вышли. Годы вышли, никому не нужна. Тут война! А как уж свадьбы после войны... Горе, а не свадьбы. Мужики все понадорванные вернулись. Сколько одной материны прибавилось в селе! Война, не дай Бог её... — Лукерья замолчала.

— Нынче месяц нарождается!

Через открытое окно смотрел на Егора тонкий высокий месяц. Он ещё ничего не освещал и светился так, словно ему едва на себя хватало мягкого золотого света.

— Должно быть, к счастью ты его увидел, Егорша! — Лукерья перекрестила Сомова, подержала на его голове свои лёгкие сухие ладони, и боль, которая закипала на гребне души, вдруг пропала...

Сомов уснул. Он не слышал, как уходила Лукерья, не видел, что месяц ещё долго глядел ему в лицо, пока не скрылся.

Соловей к полуночи притих. Притихло всё в селе. Только собаки перебрелись коротким сонным лаем.

***

Надя лежала на спине, подложив подушку так, чтобы можно было видеть сквозь окно яблоньки. Днём они распустились и стояли словно школьники в белых фартуках. Она слушала соловья и, как только он кончил петь, стала думать о соловье. Никто, кроме бабушки, не знал, что Надя спала мало. Засыпала она далеко после полуночи, просыпалась до восхода солнца. Если небо было облачным, шёл дождь, то Надя могла лежать долго и не вставать вовсе. Ночью ей хорошо думалось, виделось ярко. В семье она была младшей. Два её брата уже отслужили. Один заканчивал институт, другой после службы остался жить в Севастополе. Родители её дорабатывали до пенсии. Мать была тихой болезненной женщиной. Отец малоразговорчивый и трудолюбивый. В доме он делал всё. Он и готовил, и стирал, и по магазинам носился. Матери не под силу было вести хозяй-

ство. Высокий, синеглазый, со смуглым, будто загорелым лицом, отец по характеру был ровным, справедливым. Мать же была впечатлительной, часто плакала и боялась темноты. Однажды Надя услышала разговор отца с матерью. Отец стоял в одной майке на кухне, а мать сидела на табуреточке. Отец вытирал лицо, мышки его буграми перекатывались под кожей. Он был крепким, как юноша. Мать смотрела, смотрела и вдруг сказала: "Ты, конечно, ещё раз женишься! Вот я умру, а ты женишься!" Она заплакала. И в тот миг Надя поняла, что её мать не любит отца, а отчаянно, до боли завидует его красоте и здоровью... Тогда отец ничего ей не ответил, стал одеваться. Отец был человек тонкий, Надя любила его, любила и мать, но это была не та любовь, которую просило сердце.

В восьмом классе она полюбила, как ей казалось, своего одноклассника. Но того, что ей хотелось бы видеть в своём избраннике, она в нём не нашла. Тогда она просто придумала его. Она много читала и обо всем рассказывала тому, кого, как ей казалось, любила. Но он оказался пошлым и пустым. Сейчас, вспоминая своих школьных друзей, она думала, что вся их беда в том состояла, что они не думали о душе. Они не заботились и не подозревали о ней. "В раннем детстве, — думала Надя, — в самом раннем, когда мы уже осознаём, что живём, мы чувствуем душу".

Надя лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к звукам в доме и на улице. Надя старалась отогнать мысли о том, что услышала от соседки. Соседка Люба рассказывала бабушке, что по селу говорят, будто приехавший Сомов закрутил с Мамонтовой. Надя видела Катю несколько раз и каждый раз любовалась её красотой. И ей страшно хотелось, чтобы эта женщина была счастлива. Сейчас, когда она узнала, что Сомов был с ней, Надя не представляла, как ей жить дальше: Катю заметил Сомов Егор Петрович, которого Надя полюбила сразу, как только увидела. Именно его ждала её душа, а она не спрашивает совета... И вот он, её Сомов, полюбил Катю... А может, ещё не полюбил?! Просто она будет как сестра ему! "А я его буду любить вечно! Как жаль, что он не успел увидеть мою любовь". Наденька вспомнила, как она подвезла к краю пропасти... Она хотела увидеть, что он станет делать? И ей страшно в тот миг хотелось умереть, чтобы он мог понять, как велика её любовь! "Я никогда не подам вида, что знаю о его чувстве к Мамонтовой... Ведь он мой! Мой любимый, мой милый, Егорюшка..." Она стала вспоминать, как он ходит, как рисует, как они гуляли по лесу... Незаметно сон сморил её, и она уснула.

Марья Касьяновна всегда знала, спит или бодрствует внучка. Как только Надя уснула, она вошла к ней. Наденька лежала полуоткрытой. Марья Касьяновна поправила подушку, закрыла Надю одеялом. Молодой месяц скрылся за горой. Уходя, он мутно светил среди мерцающих глубоким светом звёзд. Но если звёзды казались далёкими и чужими, то месяц был родным и близким. Марья Касьяновна долго сегодня говорила с подругой Лукерьей. Обе они догадывались о Наденькиных чувствах, обе долго плакали о её любви, о своей любви. Да, видно, никогда не выплакать им было тех слёз, что нагорели за их долгую одинокую жизнь.

Марья Касьяновна поцеловала внучку и прошла к себе. Ложась, прислушалась к корове. Марья Касьяновна умела по малейшему шороху и звуку узнавать жизнь своего двора. Заболевает ли гусь, занемогает ли корова или с петухом что случится, а она уж слышит, чувствует. Животина, заболев, всегда призывает хозяйку. "Вот в прошлом году у Лукеры баран заболел, — вспоминала Марья. — Лукерья-то не было. Она на Пасху в церковь в город уехала, а я услышала. А ведь он не блял, не кричал. А я вот возьми и почувствуй, что он болеет. И верно, пришла, а он жаром дышит. Едва отпоила..."

Марья ещё перебрала несколько случаев, потом уснула, как в яму провалилась.

Разбудил её петух — молодой, горластый. Он залез на забор, долго крутил головой, выслушивал, нет ли где голоса, которому дать ответ. И тут же где-то далеко-далеко

прокричал первый петух. Голос его был натруженный — должно быть, это был самый старый на селе петух. Дождавшись, когда он стихнет, Марьян петух поджался, вытянул шею и звонко прокричал на всё село. Даже до реки долетел его голос.

× × ×

Прошло две недели, как Сомов приехал в село. У него уже сложился свой распорядок. По утрам они с Надей уходили на этюды. К обеду возвращались и обедали в доме Лукерьи. За это время Сомов написал портрет Нади. Писал он её под яблонками, когда те ещё были в цвету. Сейчас этот портрет висел у него в мастерской. Сомов повесил его чуть в стороне от других работ и время от времени что-нибудь поправлял в нём. На портрете Наденьки сидела в своём кресле, в белой с синими цветочками кофточке. В руках у неё был томик Тютчева, голова откинута в сторону. Вокруг Наденьки нежно белели цветы дикой яблони. Их розовый цвет освещал её лицо прозрачным живым светом. Вокруг была весна — весна была и в лице этой девочки. Только странный её взгляд, который Сомов давно подметил, выдавал напряжение внутренней жизни.

Уже были готовы и сохли портреты Усольцева, Цыпина и Риты. Он сделал и портрет поразивший его Дору Михайлову. Портрет этот ещё не был закончен и потому стоял на мольберте посреди мастерской. Написать Дору подсказала Надя. Случилось так, что, когда Усольцев ездил в район, Сомов попросил его зайти в прокуратуру и поговорить о деле Михайловой. Усольцев всё выполнил, и дня через два в село приехал следователь. Сомов с ним встретился, поговорил. Видимо, Егор так поразил следователя своим видом и умением говорить, что тот только отвечал: "Хорошо, очень постарайся! Очень постарайся!"

Дора пришла благодарить Сомова в чёрном пиджаке с медалями во всю грудь, в чёрном платке и в новых, ещё не ношенных лаковых туфлях, купленных, видимо, лет десять, а то и больше назад. Надя в это время была в мастерской у Сомова. Увидев Дору, она сказала чтобы он обязательно её написал. Писал Сомов её во дворе, посадил на брёвна, что лежали у дома, оставшиеся ещё от его постройки. Дора смущалась, но Сомов сумел её уговорить. Теперь портрет был почти готов... Чёрное загорелое лицо, чёрные от загара и работы руки... В глазах тоска. И только медали молодо и звонко горят на солнце. Непросто они достались Доре. Когда Сомов расспрашивал её о медалях, она отвечала:

— Работала, да давали... Денег-то раньше не шибко много было, больше медалей, чем денег-то, давали...

Наде очень нравился этот портрет. Она подолгу рассматривала его и говорила, что самое поразительное — это глаза Доры. Голубые, блеклые, словно выгоревшие от нестерпимого зноя, что окалили её лицо и руки.

Время цветения миновало. Завязались плоды, и, уже осыпанная зелёными ягодками, шумела под окном у Наденьки черёмуха. На лужайках и опушках вспыхнули саранки. Вперемежку с саранками и стародавними они ярко-оранжевым шитьём пронизывали траву. Подходило время первого сенокоса. Ребятишки после Ильина дня залезали в воду, но купались не на быстрине, а в протёкших мелких заливах. Сюда же заплывали греться чёрные мальки. При появлении ребят они весёлой стайкой, как по команде, беснущи брызжками, уносились в другое потаённое место. Ребятишки ловили пещарей, иногда попадались и плотные ельцы. Настоящие же рыбки уходили вверх по течению, далеко к селу. Там, в глубоких водоёмах и заводях, таился линь, а на крутой быстрине хватал таймень.

За эти недели, что Надя училась рисовать, у неё были заметные успехи. Рисовала она и раньше, даже немного занималась в детской студии, сейчас же, работая рядом с Сомовым, она быстрее продвигалась в учении. Ей нравилось быть рядом с Сомовым, слушать, о чём он говорит, наблюдать, как движется его рука по холсту. По вечерам к Сомову приходили Усольцевы, Цыпины, заглядывал маленький рябой Бляхин. Семён Бляхин был местным поэтом,

стихи которого печатались в районной многотиражке. Человечек он был тихий, молчаливый. Когда разговаривал, циркал пальцем о палец, словно очинял карандаш. Обычно к вечеру Лукерья ставила самовар, набрасывала на стол в комнате Егора белую скатерть, ставила довоенные ещё стаканы с блюдами, большое блюдо с мёдом. Лукерья налила чай, пододвигала стакан к гостю...

Утром Сомов пошёл в магазин купить сахару и хлеба. Покупал он теперь на два дома — себе и Наде. Вернувшись, застал у себя Семёна Бляхина. Семён пристроился ходить к Егору в гости. Садился в угол и наблюдал оттуда за всеми, кто появлялся. Работал он в местной котельной. На лето его пытались переводить на другие работы, но он не шёл. Летом у Семёна начиналась "его жизнь". Он вставал до рассвета и писал стихи, а вечером читал их своей старенькой матери, которая ничего не понимала. Читал и сам же плакал. Иногда, сложив стихи в папку, он хватал синий презернированный плащ и мчался в город. Там Семён ходил по редакциям, ловил литсотрудников, свято веря в их избранность и всеобщность. Покупал водку, поил всех, кто соглашался его послушать. Сам он пил мало. Пропив деньги, отовсюду изгнанный, возвращался он к своей маленькой старой матери, которая неизменно встречала его словами:

— А мене сказывали, что будто убили тебя, раздели и бросили! Я уж и поминаю тебя как усопшего!

— Усопший и есть! — трагически возмущал Семён и шёл спать.

Спал целую неделю, после чего начинал свою обычную размеренную жизнь.

С приездом Сомова у Бляхина появилось желание жить "другой жизнью".

Увидев входящего Сомова, Семён поднялся с табуретки:

— Не мешаю?

Он всегда говорил эти слова и никогда не здоровался.

— Нет, что вы!

— Благодарю!

Бляхин сегодня был в чистенькой, полосатой, сильно застиранной рубашке. Жидкие светлые волосы свои он аккуратно пригладил. Нос пуговкой, красный, словно от постоянного насморка, он смежно морщил. Бляхин не был занят. Так случилось, что по молодости лет все ему отказывали, и он, испугавшись дальнейших неудач, стал жить один с матерью. Мать он любил, и любил как-то болезненно. Купил аппарат, мерил ей давление, заставлял сидеть на диете. Выжившая из ума старуха во всём соглашалась с сыном. Вот и сейчас он начал с этого разговор с Сомовым:

— Напоил сейчас мать аспирином и уложил в постель. Вчера она работала на огороде, сегодня, чувствую, нездоровится ей — давление прыгает! Она меня в гроб вгонит! — Сказав, Бляхин поджал губы, словно обидевшись, что она его вгонит в гроб. — А я сегодня утром, как нарочно, муки творчества испытал! Вы сегодня испытывали?

— Я их не испытываю... — вяло ответил Сомов. Бляхин его смешил и в то же время раздражал.

— Нету экстаза? — серьёзно спросил Бляхин.

— Ага! Нету...

— Гаврюшкин... Вы не знаете, случаем, Гаврюшкина?

— Нет, — признался Сомов, — не знаю.

— В райцентре он живёт. Большой поэт! Косая сажень в стихах! Тот, если экстаза нет, — стаканчик красного... — Бляхин потупил полусеющую голову и замолчал.

Лукерья во дворе ставила самовар и разговаривала с Марьей Касьяновной. Сомов только видел их, но не слышал. Но по жестам их, по выражению лиц был уверен, что говорят они о Наде.

— Я вот, например, Пушкина не люблю, — заговорил снова Бляхин. — А Светлова уважаю! У Пушкина не поймёшь, а у Светлова всё понятно. У Рождественского хорошо!

Пришёл Цыпин.

— Гигант! — завопил он, увидев Бляхина. — Невеста твоя приехала! — Вадим Сергеевич залился шестистамым сме-

ком. — Егор Петрович, вы его невесту не знаете? Не знаете, да? — И Цыпин опять поклатился со смеху.

Бляхин густо побагровел.

— Где это вы её видели?

— На пароме! Насколько я понимаю, жить она будет у паромщика.

— Пусть живёт... Яшка её хоть бить не будет!

— Егор Петрович, а ведь у него действительно невеста есть!

— Какая она мне невеста! Всё она врёт! А вы, как врач, должны бы пресекать эти разговоры. Она как одета?

— Вполне прилично! Егор Петрович, невеста эта — того! — И Цыпин повертел пальцем у виска. — Роза Линькова! Роза, Роза, вянет от мороза! — завопил Цыпин. — Ага, того! Она живёт в Линьках. Там всего восемь домов и одни старики. Зимой, честно, живут только благодаря этой Розе.

Она по любому морозу, по любому снегу идёт в магазин за хлебом. Берёт мешок, и, верите, — с мешком обратно. Итого, сорок пять километров! А любит она попеременно — то Бляхина, то Яшку-перевозчика. Ну, Яков не особенно в счёт, Яков льющий зело! А что касается товарища Бляхина, то тут... Любви!

— Дура она! Дура! Болтает, и всё... А вы как врач...

— Бляхин! — остановил его Цыпин. — Она одета очень прилично. Егор Петрович, если она одета нормально, — значит, в данный момент она в уме. Значит, Семён нынче любовь раскрутит! — И Цыпин поклатился со смеху.

Появилась Надя. Сомов встретил её на кухне.

— Кто у вас? — спросила она.

— Цыпин и Бляхин.

— Я видела сегодня Розу. Ты её не знаешь?

— Только что Цыпин рассказывал.

— Бедная... — Надя хотела проехать в мастерскую, но Сомов удержал её.

— Ты до сих пор то на "вы" со мной, то на "ты"!

— Егор! Если бы я... Если бы ты мог... Мне видеть тебя — какой-то восторг! И я не знаю, бывает ли так? Но как только вижу тебя, теряюсь и говорю глупости, как вот сейчас! Егор, а давай завтра пойдём на тот обрыв.

— Нет-нет! Завтра — к реке.

— Хорошо... — Наденька взяла его руку и поцеловала. Она теперь часто целовала его руку. Целовала и прижималась щекой к его ладони. Егор ощущал её нежную кожу, чувствовал, как бьётся пульс на её шее. От Наденьки всегда пахло свежестью. В эти мгновения Сомов готов был встать перед ней на колени, объясниться ей в любви. Он видел мысленно, как она вспыхнет, как он станет целовать её чуть припухлые губы... Как близко-близко увидит её синие глаза...

Сомов понимал, что Надя — это и есть та самая девушка, которая ему судьбой завещана. И будь она здорова, он бы женился на ней не раздумывая! "А будет ли вообще она здорова?" — думал Сомов. — Возможно ли после такой болезни выздоровление?" И не знал, что себе ответить.

За окном показался Усольцев с женой.

— Гости идут... — тихо сказал он Наде.

Она улыбнулась и быстро уехала.

Усольцевы принесли черёмуховой наливки, долго рассказывали, как её делают. Сомов внёс самовар. Наденька за это время успела сделать карандашный набросок Бляхина. Все разглядывали, в том числе и Семён, и все, кроме него самого, находили, что хорошо.

— Меня лучше в профиль рисовать! В профиль всегда похоже выходит, — говорил Бляхин. Он, хоть и не находил вовсе сходства, был очень доволен, что привлек к себе внимание. Даже покраснел от удовольствия.

Когда разлили чай и добавили в него черёмуховой настойки, прибежала Рита Цыпина.

— Вы видели, Роза приехала! Я как раз из больницы выхожу, вижу — она... В белом платье! Братцы, честное слово, в белом платье!

— Это пахововское платье! — вспомнила Лена Усольцева. — Точно-точно!

И тут все наперебей стали вспоминать, какая была свадьба у Паховых и как наутро всю семью нашли мёртвыми. Выяснилось, что пили они привезенный спирт, а спирт оказался не питьевым! В живых осталась только старуха, которая не пила.

И вот подвенечное платье оказалось у Розы. Старуха раздала вещи умерших. Люди, особенно кто победнее, брали охотно. Роза взяла себе белое кружевное платье, обрезала его до колен и стала носить.

— Зимой она ходит в ватных брюках и телогрейке, — тихо, одному Сомову, сказала Надя.

От этих разговоров Бляхин беспокойно ерзал на табуретке и часто глядел в окно. Цыпин это приметил.

— Семён, тебе надо подкрепиться! Иначе Яшку не одолеешь!

Рассказали и о Яшке-паромщике. Это был старый, совершенно спившийся человек. Рядом с паромом стоит будка, в которой он живёт. Когда приходила Роза, она тоже жила в этой будке. И если Яшка гнал её, она шла ночевать на паром.

— А где её родители? — спросил Сомов.

— Нету у неё родителей, — тихо ответил Бляхин. — Её подбросили в Линьках. Никто её не брал, а после одна женщина взяла. Её кто-то из города привёз. Потом эта женщина, я слышал, померла. Так вот Роза и живёт — где накормят, где оденут.

— Как много несчастных... — сказала Надя. — Я раньше это не очень видела, а теперь вижу.

— Всё это от водки! — строго заключила Лена.

Усольцев вдруг побагровел.

— А ты всё знаешь, да? Ты всё пережила, да? А может, от электричества?

— Чего ты завёлся? — сделала круглые глаза Лена.

— Да то! Несёшь чушь. Ни милосердия в тебе, ни... Вообще ни черта!

— Вот это дал! — восхищённо сказал Цыпин.

Лена молчала растерянно, и было видно, как она собирается с ответом.

— Милосердие исчезает... — сказала Надя. — Оно исчезает потому, что о нём почему-то не говорят. Вот вы, Цыпин, вы доктор, а смеётесь над больной. Значит, никакой вы не доктор.

— Знаешь, Наденька, ты много на себя берёшь! — вскинулась жена Цыпина.

— Я не смеюсь! Я шучу, — сказал Цыпин. — Это другое дело.

— Что это ты оправдываешься? — строго урезонила его Рита.

— Я?! Я не оправдываюсь!

— Егор Петрович, вам, наверное, скучно среди нас? — тихо спросил побледневший Усольцев.

— Нет...

— Я вижу, что скучно. Мне скучно! А вам тем более. Там, у вас в Москве, большая жизнь! Не говорите и не доказывайте нам, что она такая же, как у нас! Нет! Мы здесь сдвинуты, скучны! Говорим чёрт-те о чём... Нам Блока заменяет Бляхин. Не сердитесь, Семён! Это я так...

— А что же ты хочешь? — вскопился Цыпин. — Тебе не нравится, ты руль поверни и кати в город. А лично я? Не хочется моя отработка — и арифметичи!

— Ты городской, а я деревенский. — Усольцев уже не мог сидеть и вскопился на середине. — Мне тут надо. В городе-то я вообще пугалом буду. Если честно, конечно, хватка у нас есть, а зачем она? Что я там буду защищать?

— А тут? — спросила его быстро Рита. — Тут-то ты кого защищаешь?

— Тут я себя защищаю. Того защищаю, который маленький во мне! Я вот в прошлый раз с Надей тут спорил...

— Чокнулись они на ней! — вырвалось вдруг у Лены.

Надя вспыхнула. И тут случилось неожиданное. В комнату вошла Катя в струящемся с нежно-лиловыми цветами платье, в босоножках на высоком каблучке. На шее был повязан

сиреневый платочек. Она вошла, несмело улыбнулась как-то всем и никому.

— Извините, что побеспокоила...

Сомов вскинул:

— Проходи, садись.

— Спасибо. — Катя прошла под взглядами всех.

От её длинных и сильных ног, от её тела веяло силой и здоровьем. Она села рядом с Надей и взяла её руки в свои. Впервые Сомов увидел их вместе. И если Катя была хороша какой-то стихийной, диковатой красотой, то Надя была прекрасна классически. Это сразу понял Сомов, как только они оказались вместе.

— Две грации! — воскликнул Цыпин.

Катя повернулась к Сомову:

— Там девушка одна... Если можно, я приглашу её? Её знают.

— Кто такая? — заинтересовалась Рита.

— Да кто? — воскликнула Лена. — Будто не знаешь? Розка, конечно! Розка всегда ошивается около Надьки!

Сомова раздражала эта хамоватая Лена. Он видел, как страдал от поведения жены Усольцев, но это настраивало Сомова и против неё.

— Позови, конечно...

Но звать не пришлось. В комнату вошла Лукерья, а рядом с ней девушка лет восемнадцати с белым, без кровинки лицом, на котором болезненно кривились крашенные губы. Глаза у неё были разного цвета. Один темный, другой зеленоватый-серый. Волосы — как лён. В белом застиранном платье, кедах — она походила на девочку-подростка, которую неожиданно вытолкнули на сцену. «А ведь она по-своему красива», — подумал Сомов. Роза поискала глазами, увидела Надю и, совершенно не меняя выражения на лице, пошла к ней.

— Я тебя во сне видела! — Голос у неё оказался низкий, будто простуженный. — Ты чё? Мужика любишь? Я его во сне видела. — Она вдруг в упор посмотрела на Сомова. — Во! Его любишь! — Роза широко улыбнулась. Зубы у неё были ослепительно белые. — Ты чё там сидишь? Иди сюда! Меня Катя привела. Я тебя искала, а Катя привела. Катка, дай мне духов, что раньше давала!

— Дам. Приходи, дам.

Роза взяла табурет.

— Пойду сяду... — И села рядом с Бляхиным. — Я у Яшки живу. Я у тебя жить не буду. У тебя мать дерётся!

Приход Кати, а потом Розы развеял назревающий скандал. Стали расспрашивать Катю, как там в городе. Потом расспрашивали Розу. Та просто душно рассказывала о своей жизни. Надя отхлынула к окну и смотрела на далёкий лес. К ней несколько раз подходила Катя. Все видели — что-то тут происходит, но никто не догадывался, что именно.

***

Лукерья с Марьей Касьяновной по своей давнишней привычке сидели на лавочке у ворот. Сидеть любили на Марьиной лавке. Осталась она ещё от той, первой постройки. Лавка была широкой, из одной толстой плахи. Были у неё и перильца, обвитые гирляндой цветов, вырезанных из корня. Спинка, также сплошная, была резной. В селе знали, что, отбыв срок наказания, замётно постаревший князь отдал дом и имущество молоденькой Агафье и Иллариону Истоминным. Говорили, будто бы они были ему детьми. Да и то верно, фамилии-то им сам князь дал. Иллариону шёл тринадцатый годок, и он служил в доме князя. Когда хозяин уехал, Агафья доразивала брата, потом вышла замуж за богатого промышленника из Иркутска. Прожив с ним две недели, померла. Илларион же остался в селе, жил тем, что открыл школу, учил детей. Мужу Марьи Касьяновны Илларион приходился прадедом. Сказывали, что женился он на девушке необычайной красоты, но всё время тосковал, писал куда-то письма. А дом переходил от одних Истоминных к другим.

Старухи любили вспоминать что-нибудь из своего далёкого детства или из юности. Охотно вспоминали костры, что жгли ребята на конце деревни, гармошечки.

К вечеру духота усилилась, едва струился со стороны тайги прохладный воздух. Однако стало ясно, что быть грозе. Марья, жалующаяся на сердце, и в этот раз почувствовала, как оно барахтается в груди, словно хочет выскочить наружу да глотнуть свежего воздуха. Сразу сделалось тошно, а тело липко покрылось испариной.

— Ох, Лукерья, одна беда, всё думаю, упаду, помру, а что с Надей будет?

— Дак ты не падай да не помирай! Мы как коров загоним, чаю со смородиной да валерьяной набухаемя — вот оно и полегчает. К грозе, должно быть, дело... — Лукерья поглядела на небо, но оно было чистым. Однако листья на черёмухе сникли, да и берёза не колышет ветвями, а ждёт чего-то.

— Слышь, Лукерья, Катка-то Мамонтова досель к тебе никогда не ходила, а тут к Наде, гляжу, пришла, после с Розкой — к тебе!

— Гуляют! Пускай себе гуляют... — Не стала Лукерья рассказывать Марье ничего. Однако она знала, что у каждой жизни своя стёжка. Где какой стёжке встретиться, а где разойтись, никто не знает, да и гадать не стоит.

— А до чего хороша Катка-то! — продолжала Марья. — Прямо кино какое-то!

— Надо бы Розке платье какое сыскать. Погляди Надино какое. Ей как раз от Нади будет. Нехорошо ей в белом. Прямо мертвец какой ходит!

В это время из Лукерьиных ворот, легка на помине, вышла Роза.

— Розка, поди сюда! Поди, доченька! — позвала её Марья.

Роза, ставя ноги ступнями внутрь, пошла, покачиваясь, к ним.

— Вы чё зовёте? Вам чё надо?

— Ты завтра приходи, я тебе платье дам да кофту! Придётся?

Роза присела на корточки и поглядела на старух своими разными глазами.

— Приду... — Потом неожиданно захохотала, обнажив свои белые зубы. — А твоя Надька-то этого чужого любит!

— Так что? Пусть и любит, — не стала возражать Марья.

Роза вздохнула:

— И ко мне в Линьках один рыбак зимой пришёл. Толстый и с машиной. Хотел любить, а сам проспал всю ночь. Зря я его караулила! Чужой-то — твой, Лукерья, да?

— Мой.

— Красивый! Его Катка уведёт! Я Катку голой видела! Мы селли с ей на речке мылись. Рыбы и те, однако, колом повставали! Прямо как камень тело у ей! А чё жаркое, то жаркое!..

— И скажи на милость, дурочка, а понимает! — удивилась Лукерья.

— Не дурочка я! Ты вечно, тётка, выдумываешь! Это вот Яшка — тот дурачок. Он дерётся! — Роза подскочила: — Мурашки по ногам забегали. Счас жених выйдет.

И действительно вышел Бляхин. Не сказав ни слова, он, согнув шею, пошёл по улице.

— Седни Яшка рыбу ловит, будет меня ухой кормить! Чё-то на голову давит... — Роза вдруг подошла к Марье и поцеловала её. — Не скажу, а знаю — ты тайну имеешь! Всю тайну сама поймёшь! — И, вновь грубо захохотав, Роза побежала следом за Семёном Бляхиным.

На вершину горы показалось стадо, и сразу же из Лукерьиного дома стали расходиться гости.

Подоив корову, Марья Касьяновна часть молока перегнала через сепаратор, часть поставила кваситься. Надя ушла в свою комнату и, подбывав к письменному столу, открыла дневник. Сегодня с самого утра она жила беспокойно, всё чего-то ждала... И вот под вечер к ней пришла Катя... Она ничего не говорила, а просто села и смотрела на неё. Тогда Надя не выдержала и спросила: правда ли, что она

любит Егора? Катя ничего не ответила, но всё было ясно... И вдруг она сказала: "Я-то, может, и люблю его, а вот уж как он, не знаю. Ты тоже ведь его любишь?" — "Люблю, — призналась Надя, — только что я? Меня ведь и в расчёт брать не надо".

Сейчас, оставшись одна, Наденька горько сожалела, что сказала тогда эти слова. Но она их сказала потому, что всё чаще и чаще думала о том, что, конечно, она навсегда прикована к своему креслу! И всё же каждое свое утро она начинала с гимнастики. Прodelывала упражнения два часа подряд. От этого у неё сильно развились руки, укрепились торс, ноги же по-прежнему оставались неподвижными. Она могла выпрямить их в коленях, могла встать, но сделать хоть один шаг ей не удавалось. Она стала замечать, что ноги её худеют... Всё её юное существо протестовало! Наденька не видя смотрела в свой дневник и думала, что если её любовь к Егору безответна, то жить не стоит. Она так и написала: "Жить не стоит, если в жизни нет любви!" Захлопнув дневник, Надя вышла из комнаты. Бабушка сидела на кухне и, задумавшись, смотрела в окно.

— Бабушка! — крикнула Надя. — Я не могу больше так жить! Ну зачем, для чего я живу, милая? Если это наказание, то за что? Скажи, может быть, ты знаешь? За что?!

Наденька разрыдалась, и Марья Касьяновна разрыдалась вместе с ней горько, как никогда прежде. Где-то далеко заворчал гром. Раскаты его приближались. Всё вокруг потемнело, стихло на мгновение и вдруг оглушительный треск, словно небо раскололось. Через всё небо от горизонта до горизонта с запада на восток стремительно пролетела ослепительная молния. Следом вторая, третья. Надя овладел ужас, её сковал страх перед всемогущей и грозной природой. А небо всё сотрясало от грома и молний, но на землю не упало ещё ни одной дождинки. И вдруг Надя стремительно вышла за дверь, потом за ворота. Она ехала к Егору.

Сомов, заворуженный огненной пляской неба, сидел, не зажигая света, посреди мастерской, Лукерья убежала к телке, чтобы той было спокойнее с хозяйкой. Егор не увидел, не услышал, а почувствовал, что в дверях Надя. Он повернулся. Наденька бросилась к нему, забыв о кресле, и чуть не упала, но Сомов успел подхватить её на руки.

— Егор! Милый! Я так бежала сюда... Я бежала к тебе, сказать, что ты волен в своих чувствах! Понимаешь, милый мой, так нельзя любить, как я, нельзя! Это грешно и преступно! Любовь не должна быть эгоистичной! Если люблю — значит, любишь, и всё! Ведь правда? Вот бабушка меня любит и ничего же не требует взамен! И всякая любовь, она должна быть очень высокой! Она должна быть такой высокой, чтобы мы, даже если... Вот даже если бы захотели, не достали бы её! Она как солнце... И ты меня прости! И пожалуйста... Егор, у меня была Катя... Что делать? Ты её люби! Она очень... Если хочешь знать, я не имею права на любовь! Но как мне хорошо с тобой... Почему-то совсем не страшно. А когда тебя нет, мне ужасно страшно! Мне кажется, что я скоро умру! Но у меня был ты! И если я умру, был ты... — Наденька заплакала, уткнувшись ему в плечо.

За окнами всё стихло, и тут же сплошной лиловой стеной обрушился ливень.

После грозы на короткое мгновение всё жило тихой, спрятанной жизнью. Но выглянуло солнце, и омытый, запыленный озоном и испарениями трав воздух стал лёгким, запели птицы, а над островом выросла радуга.

— Воду льёт, — сказала Надя, глядя на радугу. Она уже успокоилась, и только чуть побледневшее лицо её ещё хранило следы падавших слёз. — Егор, а почему ты никогда не рассказывал мне о своей московской жизни? — вдруг спросила она.

— Не знаю.
— А ведь мне интересно, как ты добивался успеха, как жил.

— Всё это я могу уместить в одно слово — труд.

— У тебя бывали отчаяния?

— Да... Видишь ли, Надюша, я приехал в Москву, уже не имея родителей, а следовательно, и поддержки. Но я не пробивал себе дорогу локтями, хотя следовало бы. И когда признание получали пустые, наглые... Не хочется сейчас об этом говорить. Ещё не отболело. Но вот что всегда меня поддерживало, так это то, что я — русский человек, пришедший на эту землю, чтобы увидеть её глазами своего народа. Немного, да?

— Немного.

Надя замолчала. Видимо, никогда раньше ей не приходилось думать об этом.

— Егор, а ведь все эти люди, что нас окружают, и есть наш народ?

— Конечно.

— И мы сами есть часть его.

— И мы сами плоть от плоти его.

— Как это здорово! Послушай, так вот же и смысл жизни! Прибавить к имени народа ещё пусть негромкое, но и своё! Вот я часто бываю на кладбище. Оно очень старое, но каждая могила сохранилась. Там даже есть самая первая! И есть дата — 1689 год. Здорово, да? Дата есть, а имя человека стерлось. Я спросила одну бабушку: а кто там похоронен? Она ответила так, словно всегда знала этого человека: "Там-то? Так Никола Полуянов. Никола Хрисанфич!" Стала я о нём узнавать. Оказывается, он первый срубил деревянную часовенку. И об этом помнят. Понимаешь, жил на земле Никола Полуянов! Добрый человек, русский.

Вошла тётка Лукерья:

— Притихли чего?

— А мы не притихли, мы разговариваем.

— Ну да и я с вами. А то бы пошли подышали? Не воздуж — мёд! Егорша, я вот что хочу спросить: как помру, с домом как? Дом жалко. Дом хороший!

— Не помирай, тёт. Живи.

— Ладно, поколь поживу, а после? Я ить на тебя дом записала.

— Надюша, давай займёмся музеем? Станем собирать иконы, посуду, мебель...

— И стеклотару! — раздался неожиданно низкий голос.

Егор повернулся и увидел на пороге огромного светловолосого мужчину. Лет ему было около сорока. Лицо загорелое, чуть выпирающие скулы. Глаза серые, красиво очерченные тёмными ресницами.

— Савва! — радостно крикнула Надя.

Савва, чуть пригнувшись, вошёл в мастерскую.

— Здорово, Надя! Здорово, Лукерья!

— Да ты как к нам собрался?

— Потянуло.

— И то! И то! Без людей жить... И то! А это племянник мой, Егор.

— Да слышал, — сказал Савва и руки не подал.

— Савва, ты что?! — возмутилась Надя. — Почему руки не подал, не познакомился?

— Велишь? — спросил он.

— Велю!

— Добро. — Савва неслышно и в то же время мгновенно оказался рядом с Егором. Протянул ему руку. Ладонь была огромной, и, когда Савва пожал руку Сомова, тот понял, что в этой ладони камень хрустит.

— А я, собственно, за вами, Егор Петрович.

— Да ну?

— Да. Баню я сладил. Прошу.

Сомов согласился.

— Так мы после бани придём! — сказал Савва Лукерье и быстро вышел.

— Он не ходит, а летает, — сказал Сомов.

— Точно! А в баню сходи, сходи! — поторопила его Надя. Вышли за ворота.

— Сейчас жары пойдут. Косить можете?

— Нет, — признался Егор.

— А косить надо. У тётки — корова.

— Я знаю.

— Я тебе вот что скажу, Егор Петрович, ты тут не играй, понял? Тут тебе не место играть.

— Я не понял.

— Не понял, да? Понял ты. И музея никакого ты не сладишь. То-то! Знаю я вас.

— Это кого "нас"?

— Тебя!

— Ты меня в баню пригласил или учить? — Сомов остановился.

— Не нравится? — спросил Савва.

— Не нравится.

— Тогда прости.

— Бог прости! — Сомов повернулся, чтобы уйти, но Савва оказался впереди.

— Ладно, остынь. Я же сказал, прости — значит, прости.

Дальше пошли молча. Проходя мимо столовой, Савва выругался:

— Ну ты погляди-и! Столовую в селе, а?! Чтобы бабы вовсе отучились готовить.

— А если кому некогда!

— Это кому некогда? Погляди, кто в этой столовке? Одни алкаши! Получается, не деревня, а сброд! У меня дед правильно сказал: вся пьяная зараза пошла после отмены крепостного права.

— А ты сам не пьешь?

— Никогда.

— Серьезно?

— А зачем? Ты знаешь, Егор Петрович, и женщины меня боятся. Ты, говорят они, чёрт! А я не чёрт! Я леший! — Савва улыбнулся. Зубы у него оказались белые, ровные.

Баней заведовал Яшка-паромщик. Он бегал в одних калесах, обливаясь потом, из бани к колодезю.

— Воду вам достаю! — отрывисто, словно пролаял, сказал Яшка. — Колодезная вода после бани — как вермут с утρεка!

Когда разделился, Егор с восхищением оглядел фигуру Глухова. Под белой, в отличие от лица, совсем незагорелой кожей ходили бугры мышц. Плоские и твёрдые, как булыжники. Яшка даже пережестился.

— И как ты такое носишь? — Он покачал головой.

Савва взъерошил свои золотистые курчавые волосы и кивнул на двери:

— Как там?

— Зверь! — делая страшное лицо, сказал Яшка. — Туда войдешь, обратно вынесут!

Сам Яшка не парился, но баню делал хорошо. Для него было истинным удовольствием наблюдать за парильщиками и слушать похвалу.

— Ты нынче, Яшка, себя превзошёл! — лёжа в ледяной ванне, рокотал Савва.

— Во! Четыре куба дров сжёг! Думал, брёвна лопнут!

Поначалу жар оглушил Сомова. Казалось, ещё мгновение — сердце лопнет, а лёгкие сгорят! Воздух стоял как раскалённое стекло. И вдруг на белые от жары камни Савва плеснул густого настоя ромашки и донника.

Пар ударил в потолок так, словно разорвалась граната. Егор присел, и тут же горячая пахучая волна прокатилась по всему телу. Пот потёк обильный. Егор парился на полу, а Савва забрался на самый верх.

— Егор, после я тебя венчиком пройду!

Мысли долго, до самой темноты. К вечеру Яшка, выпив свой очередной стаканчик, пошёл мыться на речку.

— Мене речная вода бодрит! Плеснись в ей, прямо как стаканчик выпью!

Было видно, что Савва жалел Яшку. Через его длинную, как гусеницу, лысую голову шёл шрам.

— С войны принёс, — сказал Савва. — Через этот шрам у него и с головой нелады.

Возвращался по темноте. Пахло огородами. Савва заговорил о Наде:

— Ты вообще ладно придумал с музеем. Ей надо. Она деликатного толку. Как моя жена.

О своём прошлом Савва помалкивал. Уже подходя к Лукерьиному дому, он неожиданно сказал:

— Жениться пришёл.

— На ком? — спросил Сомов.

— На Мамонтовой.

Егор даже с шага сбился от неожиданности.

— Да, Катя очень красивая...

— Ты-то как, всерьёз или просто? — спросил его Савва.

Егор понял, что он всё знает.

— Вообщее... Я не знаю, — сказал он честно. — А что же ты раньше думал?

— А я не думал. Сегодня Епифанов рассказал, вот я и надумал. Завтра предложение сделаю. Нет — нет! Да — да! Надо в село переезжать.

— Устал один?

— Устал. Без людей нельзя. Пойду в колхоз.

— А кто же егерь?

— Найдут. Мне в колхоз надо. Я ведь человек земляной, а вот взял и отошёл. Стыдно. Как будто спрятался от земли.

Эти слова потрясли своей правдой Егора. Было видно, Глухов выстрадал всё, что сказал. У самого дома Егор почувствовал — пахнет берёзой.

В доме их уже ждали. Самовар клочкотал от ярости. В жёлтой миске стоял мёд, моченая брусника, топленое масло ещё потрескивало от жары. Тут же стопкой лежали блины.

— Саввушка, упарился, поди? — встретила их Марья Касьяновна.

Он легко поднял её и поцеловал в щёку.

— Здорово, Марья Касьяновна. А кто же блины пёк?

— Я, — сказала Надя.

Она сидела у края стола. Егор увидел, что она переоделась в белую кофточку, которая так ей шла.

— А у тебя нос красный, Егор! — вдруг засмеялась Надя. От чая размокла. Полотенца, висевшие на шее у мужчин, стали мокрыми, а пить всё равно хотелось. Савва рассказывал о медведице. Надя, сидевшая с краю, наблюдала то за Глуховым, то за Егором. У обоих, при всей непохожести характеров, была как бы общая черта, и эта черта означала ум и волю.

Сомов же, глядя на Савву, думал, что его голова напоминает классические головы древнеримских воинов или императоров.

Глухов рассказывал случай на железной дороге. Медвежонок, по-видимому, пристрастился бегать на железнодорожное полотно и подбирать на нём остатки пищи, что выбрасывали проезжающие. А то просто глядеть на светлую поверхность рельсов. Однажды из-за поворота выскочил состав, и машинист, увидя медвежонка, дал сигнал. Тот бросился вперёд по шпалам. Поезд настиг его и смял. Всё это видела медведица.

— И вот чего удумала наша девушка, — рассказывал Савва. — Легла, стала ждать поезда. Через какое-то время следующий состав появился из-за поворота. А она встала на задние лапы и пошла на железяку. Говорили, что её далеко отшвырнуло в сторону. Я после того случая ушёл в егерь.

— Ты думаешь, что сейчас можно уже и не охранять тайгу? — спросил Сомов.

— Охранять надо. Не все могут, и не все хотят. Я договорился. Меня хороший парень меняет. В нашем деле главное — не продаться. А мне к земле надо. Я ведь агроном.

— Как агроном?! — удивилась Надя.

— В Иркутске учился!

— А сколько прожил в тайге? — спросил Егор.

— Двадцать лет. Мне сейчас сорок три.

Старухи, узнав, что Савва собирается переезжать в село, заговорили. Стали обсуждать, где лучше дом поставить, куда пойти на работу, а Сомов словно увидел, как до света будет вставать Савва Иванович Глухов и уезжать в поля, как будет радоваться его душа полному урожаю и запаху земли. И только при мысли о Кате чёрный комочек прокатывался по жилам и чиркал острой стороной по сердцу.

* * *

Ночевать Савва не остался.

— Нет, Лукерья Лазаревна, зачем? Я привык к воле! Пойду на паром. Яшка мне чего-нибудь сбросит.

Так и ушёл. Перед тем как уйти, подошёл к Наде, взял её, как девочку, на руки.

— Я тебе гостинца привёз. Дома увидишь.

— Савва Иванович, хорошо, что вы остаётесь! Я так рада!

— И я рад, Надюшенька, — ответил Глухов.

Когда тётка легла, Егор, стараясь не скрипнуть половицей, подошёл к окну и высочил в огород. Нестерпимо тянуло к Катерине. Прошёл он к ней за селом и свернул прямо к её дому. В дверь не постучал, а поскрёб. Она распахнулась.

— Заходи! — шепотом сказала Катя.

Егор прошёл. В комнате он увидел, что Катя в ночной сорочке.

— Пришли...

— Пришёл!

В кухне на столе горела керосиновая лампа. Сомов спросил:

— Для чего это?

— Боюсь я в грозу электричества! Как гроза — я керосинку!

Волосы у Кати были распушены и густой волной падали на плечи. Освещение было тёплым, живым. Только сейчас Сомов увидел, что глаза у Кати вовсе не чёрные, как он думал, а серые, с большими расширенными зрачками.

— У тебя Глухов был?

Она крепко стиснула его руку. Окно было открыто. Прямо под окном поднималась красная луна.

Где-то тревожно просвистела птица. Из окна шёл свежий запах молодой картошки.

— А ко мне Епифанов приходил. Сел на завалинку, тихий вдруг стал. Говорит: "Вот и всё, Катенька, надежды мне больше нет! Так что прощай. Глухов пришёл — свататься".

— Ты пойдёшь за него? — спросил Сомов.

— Пойду, Егор! Ему подмога нужна. А я всё стерплю. Не ревнуй, милый мой, хороший. Не ревнуй! Ты моя нечаянная радость! Огонёк ты мой! Я по тебе зарубочку оставила!

И только сейчас Сомов увидел, что на правой руке у неё бинт.

— Что ты сделала?

— Ох нашло! Как поняла про Савву, а ты перед глазами! И сладко, и жить нет возможности! Выскочила, а у нас в кладовке лежала коса. Что толкнуло, поди догадайся. Подошла — да как ширкнула рукой по косе. Прямо по шагу! Вишь ты, жилы сберегла. Ничего, зарубочка будет. Потрогаю, тебя вспомню.

Егор стоял взволнованный и не знал, что ему сейчас делать. Хотелось сказать: "Ты выходи за меня!" Но что-то держало его в трезвости. "А может, это малодушие? — думал он. — Ведь такой уже не будет!" Другой же голос говорил: "Не удержать тебе её..." И тогда он тихо сказал:

— Прости.

* * *

Пришло время сенокоса, и, словно что-то вспомнив, люди ожили. По вечерам стали петься песни, а в назначенный день все выходили на луга. Поехала и Лукерья с подружкой Марьей Касьяновной. Взяли и Надю.

Сборы были весёлые, хлопотные. Больше говорили о погоде, как да что получится. А приехали, поставили шалашики и, не дожидаясь солнца, вышли на луг. Среди всех выделялся Савва Глухов. Он стоял опершись о косу. Увидев Егора, крикнул:

— Рисовать будешь?

— Буду!

— Бог в помощь! Это красиво. Рисуй.

Рядом в ситцевом платье стояла Катя. Уже всё село знало, что Катерина выходит замуж за Глухова. Они и не тайлись. Но за эти несколько дней она сильно переменялась:

повязалась белой косынкой, стала выглядеть домашней, простой и замужней.

"Вот что в ней! — понял Сомов. — Она замужняя!"

Сомов уже прихватил холст, примерно разобрал, кого он возьмёт на полотно, прикинул, разметил.

Из телеги вышел старик Козлов. Ему было далеко за сто. Светлый, почти прозрачный старик с тонким и красивым лицом вышел вперёд косарей. Белая косоворотка с красным пояском делала его похожим на сказочного персонажа. Но сказка не сказка, а люди затихли. И послышалась неторопливая молитва. Слова её были непонятны Сомову, но в горле давило, и он понял, что сейчас заплачет. Так было всё неудержимо высоко, таким близким, родным, что хотелось упасть перед всем народом и крикнуть: "Простите!" И тут он почувствовал, как кто-то его тронул, повернулся, а рядом — Надя.

— Я с тобой постою! — шепотом попросила она.

Егор с благодарностью сжал ей руку.

А на поле происходило следующее. Старику дали косу, он сделал несколько взмахов, вернул её и отошёл.

И тут весело, напористо грянула песня, и люди начали косить.

— Надя! Надя! Это невероятно!

— Да... Это наш с тобой народ! — Она улыбнулась. — Я теперь много об этом думаю... А ты заметил, как переменялась Катя?

— Да, — признался Сомов.

— И Савва переменялся. Савва очень глубокий. Он, конечно, чувствует! Ты меня извини, может, тебе это неприятно?

— Нет. Немного шемит, но это так, как и по всякому прошлому.

Косили неделю, и всю неделю стояла сухая, жаркая погода. Все загорели, выровнялись. Особенно хорошо сенокос подействовал на Надю. Она окрепла и, приезжая на речку, вставала на песок, делая шаг-другой, не боясь упасть. Да и Сомов хорошо поработал. Сделал несколько эпизодов, научился косить и мог косить подолгу. Правда, ныли руки, ломило поясницу, но это была приятная боль.

Через неделю все вернулись в село, и пошла обычная жизнь. С краю села, ближе к Лукерьиному дому, стали возить лес. Это Глухов начал строить. Все знали о его необыкновенном умении ставить дома.

Подобралась бригада помощников, в основном людей пожилых, размеренных. Судили-рядили, как поставить, где вывести окна, дверь, какой фундамент лучше. Темно-золотые, высушенные брёвна лиственницы звенели от удара. Дом из самого леса может простоять двести, а то и больше лет. С последней машины леса приехал и Савва.

Старый плотник Маслов Иван спросил:

— Какой дом будем ставить?

— Хороший! — улыбнулся Савва. — Как в старину!

— Пятиметровый?

— Да, Иван!

— Ну, давай, с Богом!

И без лишнего слов принялся за дело.

К осени поставят, — говорила Лукерья. — Не дом — корабли!

От стройки шёл запах смолы и табачного дыма. Сомов всё это время много работал. И всё это время Надя была рядом. Она уже многому научилась и незаметно стала настоящей помощницей Сомову. Она понимала, что оказывает реальную помощь Егору, и от этого гордилась собой.

Перед тем как лечь спать, она открывала свой дневник и записывала в него самые сильные впечатления дня. Теперь её записки начинались так: "Сегодня Егор закончил портрет... Мы долго его обсуждали, и я вижу, как он доволен..."

Лукерья и Марья теперь всё чаще собирались вместе, гадали о Егоре.

— А что, будет кажно лето ездить сюда, так и Надя веселее, а про нас и толковать чего!

х х х

С августом пришли ночные заморозки.

Сомову надо было собираться в Москву, но он всё не мог решиться уехать. Не ехать надо было. На осень была назначена его выставка, и то, что он сработал за это лето, ему хотелось показать на ней.

Дом Глухова вырос за это время и уже стоял под крышей. Прочный, огромный, он, как гриб, словно сам вырос из земли. Савва на окна навесил наличники такой дивной работы, что выдавший много на своем веку Иван Маслов сказал:

— Где же ты такие видел?

— Где-то видел.

— Тебе бы для Кремля работать! Такое, брат, умение — это не плотничье. Это краснень! Это, брат, диво! Ты их сыми! Не ровен час, завистников накличешь!

С Катей, теперь уже Глуховой, Сомов изредка встречался на улице. Теперь она была вся в работах о доме. И, прожывая её глазами, Егор всё время думал об одном: «А ведь она и моей женой могла бы стать... И так же бы бегала по хозяйству, чего-то варила, стирала...» Такой и написал портрет Кати Сомов. Строится дом, она сидит на свежеструганной лавочке в светлой кофине. Её чистое лицо словно излучает тепло материнства. Левого брата она прикрывала правую, то место, где у неё шрам. Об этом знали только Сомов и Катя.

Десятого августа Савва пригласил на новоселье. В подарок Егор выбрал полотно с черёмухой. Одна из первых по приезду его работ. На скобленном столе в глиняном кувшине стоит огромный букет черёмухи. Писал он его с удовольствием, и получился он праздничным.

Народу на новоселье пришло много. Когда Егор с Надей вошли в дом, то на мгновение остановились, так он на них подействовал. Высокий, в пять метров, светлый, обитый гладко остроганными кедровыми плахами, которые источали таёжный смолистый аромат. Вдоль стен разные лавки. А стол, накрытый человек на сто, был так обильно, что и не верилось, в самом ли деле всё это растёт на их земле.

Гостей встречали хозяева. Катерина — в старой цыганской шали. Савва — в сером костюме. Картину, подаренную Сомовым, тут же повесили на стену и ахнули — до чего она пришлась в пору. Иван Маслов с мужиками, что работали, внесли кровати и шкафы из кедров:

— Получай, Екатерина, для плащей, для рубах. Ну, на койке и полежать можно, коли будет охота!

Мебель была сработана на диво. Все открывали, закрывали шкафы, спорили, что теперь уже никто такие не сделает! Наконец унесли в спальню.

В самый разгар гуляний пришёл Яшка-паромщик. И он принёс подарок: завернутую в газету гимнастёрку.

— Для работы — милое дело! — сказал Яков. — Она у меня с фронта. Не полиняла. Друг у меня был, Серёжа Прякин. Большой, как ты! Нам только выдали амуницию, а ему на пост. Ушёл, и всё... И убили. Так я гимнастёрку для памяти взял. Сорок лет пролежала, а она всё новая. Она новая, а Серёжи нету. Носи, Саввушка!

Савва принял подарок, посадил Якова. Пожилые женщины всплакнули, да и все как-то вдруг притихли. Война помнила и ещё болела. Цыпин встал и, взяв баян, объявил:

— Кончай воевать!

Тут же запели «Рябину», после «Священное море». Про бродягу пелось особенно хорошо. Женщины его жалели, мужчины в бродяге видели себя. Как спели, тут же вскочил чуть выпивший Усольцев:

— А почему мы современные песни не поём?!

— А ты попробуй, милый! — засмеялась Лукерья. — Окрам стыдобы, ничего не выйдет!

— Это почему?! — не сдавался Усольцев.

— Непонятны они нам! — сказал Иван Маслов. — Они как жестианки, гремят, гремят! Прямо весь белый свет ими заполнили!

— А знаете, — сказала Надя, — знаете, в них нет коллективной жизни!

— Духа и души нету в них, — сказал мрачный Кириянов.

Он всегда был как бы мрачным и хмурым, а на самом деле очень душевным человеком. Восьмой год работал председателем колхоза. Говорили о песне все и пришли к одному, что нынешняя, современная, как град, выбивает песенные ростки народной песни. Стали даже слова из новых песен вспоминать. Выходило пошло и глупо. Все эти песни жили в отрыве от народа, от его духа, от его внутренней и глубокой жизни.

Надя слушала разговоры с особенным интересом. Она открывала для себя то, что уже само назрело в душе, но не определилось до конца. Усольцев давно уже сдался. Но жена его, Лена, всё ещё продолжала спорить. И далее в протест запела «Миллионы, миллионы алых роз...», и тут все захохотали, так нелепо встряла эта песня — не песня, а что-то непотребное и дикое.

Расходиться стали, как стемнело. Лукерья и Марья Касьянова остались помочь. Осталась и Надя. Когда вышли, Усольцев подошёл к Сомову.

— Согласитесь, что невероятно, но факт! И дом есть, и семья! Нет, утвердительно говорю, не потянул бы я с такой силой! Савва — это факт налицо! Это что-то прямо... Я даже не знаю, что это!

Цыпина, подхватив под руку Егора, тихо сказала:

— Повезло Катке! Могло бы и побольше повезти!

— Нет, ребята! — протестовал Усольцев. — А дом! Музейный экспонат!

Прощаясь с Сомовым, Усольцев сказал:

— Извини, но я перебрал... мне бы только с Ленкой развестись... Но как?!

— Молча, — сказал Сомов.

— Да, вы правы... Надо быть решительнее! Очень надо!

Перед сном Егор зашёл к Наде. У них уже сложилось так, что перед сном они о чём-нибудь говорили. Прощаясь, Надя задержала в своих руках руку Егора, но он сделал вид, что ничего не заметил. На душе у него стало пусто, и он догадался, что Катерина ушла от него навсегда.

На другое утро Сомов уехал на этюды в таёжное село Моты. Уехал один, предупредив только Лукерью. В Мотах он остановился в маленькой гостинице, или, как тут она называлась, в Доме приезжих. Состоял он всего из четырёх комнат. Три пустовали, а в четвёртой жил он.

Прожив неделю, однажды ночью Сомов проснулся от страха. Не помнил, что приснилось, но страх и мучительная тоска разрывали сердце. Сомов едва дождался рассвета и с первым бензовозом выехал в Бельское. Чем ближе он был к дому, тем нестерпимее его тянуло туда. Даже шофер разнервничался:

— Ты это что, однако, того! Ты это, чуешь, что ли?

— Ничего я не чувую. Гони, гони!

— Да я гоню! Машина, холера, не бойка!

Вскочив у ворот, Егор вдруг остановился. Было, наверное, часов девять. Высоко на горе ходило стадо. На берёзах уже висели золотые пряди. Ещё день-два, и начнут косить хлеб. Пока его не было, у дома Глуховых вырос забор и высокие ворота. Ставни были открыты. И Сомову до боли захотелось, чтобы из ворот вышла Катя! Он ждал, сидел, и напрасно. Потом он повернулся к Надиному дому. Ставни были закрыты... Опять нехорошее предчувствие засосало под сердцем. Занемели пальцы. Он толкнул калитку и прошёл в дом. В доме у печки сидела Надя. Лицо её, словно выбеленное извесью, было потерянное.

— Надя! Что случилось, Надя?!

— Егор, бабушка умерла...

х х х

Схоронили Марью Касьянову на старом кладбище у церкви. Кладбище это стояло высоко над селом, и росли на нём могучие столетние пихты. К зиме пихты сбрасывали свой мягкий игольчатый наряд, а к весне вновь наряжались. Ребятишки бегали сюда собирать пихтовые шишки.

После похорон были поминки. Приехали родители Нади. Готовила на поминки Лукерья в своём доме, помогала ей Катя. Притихшая Роза тоже помогала, чем могла. К вечеру все поминки разошлись. Остались родители Нади. Сергей Лукьянович Истомин говорил мало. Мать Нади, Нина, нервно оглядывала дом, перебирала платочек и все глядела на дочку.

— Надя, — тихо сказал отец, — завтра домой.
— Да-да, домой! Только домой! — поддержала его жена. Надя молча смотрела в окно.
— Что же я дома делать стану?.. Я же не спущусь с четвёртого этажа!
— Квартиру поменяем. А как же по-другому?
— Оставьте девочку мне, — попросила Лукерья.
— А вы меня... Вы меня возьмёте? Лукерья Лазаревна, возьмите!

Мать вскопала с места, заплакала.
— Это невозможно! Как же так, что ты домой не хочешь возвращаться?! Ведь мы не чужие! Мы же родители!

Сергей Лукьянович поднял свою красивую тяжёлую голову и в упор посмотрел на дочь.

— Я не поеду, папа... Я от вас отвыкла, должно быть... Я понимаю, что жестоко это говорить, но лучше же правду сказать.

Сомов увидел, как Надя похожа на своего отца. В ней, как и в нём, были удивительная сила духа и сосредоточенность в себе.

— Уж сядь-то споров бы и не надо, — сказала Лукерья, — погоревать-то бы о Марье... Как это вот — выйду, а её нет?! Как же?!.. Ведь пятьдесят годов без малого мы на лавочке вместе просидели! Уж она-то меня дожждётся! Ох, не было лучше у меня подруженьки.

Отец встал, обнял Надю своими огромными ручищами:
— Тогда мы поедем. Живи! Я через неделю к тебе, к воскресенью.

— Отец, что ты говоришь! — вскрикнула Нина. Надя прижалась к отцу, и Сомову стало ясно, что в нём тоже Наденька искала вот такого сильного и умного человека, как её отец. Он видел, что их любовь друг к другу — любовь высокая, крепкая.

— Надя посидит с нами! — нервничала Нина.
Сергей Лукьянович посмотрел на дочь, взял за плечи жену:

— Поедем, милая... Завтра с утра на работу. То-сё! Пока поедем...

— Наденька! — закричала мать.
— Мама, не надо, пожалуйста... — поморщилась Надя.
— Мне без тебя... — Дальше она не смогла говорить.

Наконец кое-как распрощались. Сомов вышел проводить Истоминых. Приехали они на своём стареньком, но очень ходком "Запорожце". Попрощались. Сергей Лукьянович усадил жену, укрыв ей спину пледом.

— Она у меня всё простужается... — Помолчал, он сказал: — Я ведь отца вашего хорошо знал... Надю поберегите... Она хорошая...

Пожав руку Егору, он сел в машину.

Сомов дождался, когда красные огни исчезли за поворотом, и пошёл в дом. Лукерья ушла в свою спальню молиться. Наде она постелила в "холодной" комнате. Зимой она не оттапливалась, и жили в ней только летом. Окна выходили во двор. Сомов прошёл к Наде.

— Тебе тут удобно?
— Очень...
— Ты устала?

— Да. Мне кажется, я сейчас упаду и буду долго спать... И просто не знаю, как проснусь... Очень будет страшно проснуться. Это невозможно осознать... Моя бабушка сейчас лежит в земле... И никогда... Я никогда её больше не увижу! Знаешь, я очень люблю маму. Я люблю её меньше, чем отца, но я её очень люблю! Это я нарочно так с ней. Иначе она будет плакать и плакать! И отец её любит! Она очень нежная... Вот, Егор, выходит, что смерть всё-таки есть! А я не очень в неё верила. Приходит, Егор, такой момент... Вот и

ко мне пришло это время. Когда я вернулась с кладбища, поняла, что больше никого у меня нет! Есть, конечно, ты, но... Ты не мой!.. Хотя ты мой... Я не могу, не могу! — Надя уткнулась в подушку.

Сомов подошёл и положил ей руки на плечи:

— Успокойся.

— Ах, Егор, вместо счастья я даю людям только горе!

Это нестерпимо больно! Иди, иначе я опять...

Но Егор подошёл ближе к Наде.

— Надюша! Ты мне только скажи, и я сделаю так, как ты захочешь.

— Я знаю... — Надя вдруг улыбнулась Сомову. — Я знаю, Егор! Я это сейчас поняла. Главное, что я люблю! Я, не кто-нибудь другой! А любовь это и есть Бог... Я люблю! Я способна любить, а значит, верить и веровать! Это счастье... Наверное, грех сегодня так говорить. Но я говорю то, что думаю...

Когда Сомов простился и вышел, была ночь. Спать не хотелось, в доме было жарко оттого, что целый день готовили. Уходя, он заглянул к Лукерье:

— Тётя, я пройдусь...

— Иди, иди, а то уж шибко жарко!

Сомов вышел на тёмный двор. Вилля белым хвостом, выскочил Бобка.

— Где же ты обитаешь, друг сердечный? — Сомов поерошил собаку и вышел. Спустившись к реке, он ощутил прохладу.

Стояла середина лета. Над землёю холодно горел Млечный Путь. Его сияние надолго притягивало глаз. Егор пошёл вверх по реке, прямо по гальке, которая звонко, с каким-то шепетом скользила под ногами. Не доходя до старой мельницы, он увидел костёр и пошёл на огонь. У костра сидели трое. Двоих он узнал — Розу и Семёна Бляхина. Третий — Яшка-паромщик. Сомов подошёл, поздоровался.

— Я тебя давно увидела! — хрипловато сказала Роза. Белое платье с нее Лукерья сняла, и теперь Роза была в новеньком — в клеточку.

— Сидим вот... — начал Бляхин, — а Яшка врёт!

— Чё вру?! Чё вру?! — беспокойно заговорил Яков. — Точно, я видел! — Говорил он как-то неспокойно, отрывисто, точно лаял. — Гляжу, значит, гляжу, а она идёт...

— Это он про Марью Истому. Будто он душу её видел, — пояснил Бляхин.

— Чё перебиваешь? Неинтересно — иди себе! — остановила Бляхина Роза.

Получив такую поддержку, Яшка продолжал увереннее:

— Идет-то прям отсель! — И он показал пальцем на белую в тумане церковь. — А темень — глаз коли! Темень-то темень, а я её вижу! Думаю, может, перекреститься? Ведь я крещёный же! Потом думаю — не, не поможет! А она подходит, да молодого-молода! В такое растеряние меня ввела, прямо до сердечного колотенья! — Маленькие черные глазки Яшки округлились. Шрам его стал багроветь, ноздри подергивались. — И ладно бы, чё я её вижу, и все, — так бывает со мной, а главное — я-то не выпивши, а пахнет кисло, как после сварки, вот она в чём, главная примета! Как она подошла, гляжу, Царица Небесная, — да то Надя, внучка её! Ей-богу, внучка! Она пальцем погрозила, на речку встала, прямо как на стекло, и пошла вверх, как навроне в Саяны подалась!

Яшка от своего рассказа сам мелко дрожал, и капли пота, как бусинки, блестили на его выгнутом казаком носу. Бляхин вскопился с места и побежал к реке. Слышно было, как он пьёт воду, черная её горстями и шумно втягивая. Роза подвинулась к Сомову:

— Около вас посижу. Страшно тут с имя! Они прям как черти! И чё бесятся?

Вернулся Бляхин, рукавом вытирая лицо.

— Вы, как человек образованный, поймёте, что происходит всё оттого, что Яшка пьяница, — начал Бляхин, возбуждённо цыряя о палец. — Ты зачем говоришь об этом? — повернулся он к Яшке. — Ты меня пугаешь? Меня?! А я не

боюсь! Я вот сижу с человеком образованным, он мне всё объяснит! Скажите, отчего она пахла сваркой?

— Я не знаю, — признался Сомов.

Яшка захохотал высоко, по-женски. Хохот его разнёсся по реке эхом.

— Он видел, видел! — затараторила Роза. — Он и чертей видит! У, козлиная проклятый! — Роза высунула язык и стала дразнить Яшку.

Тот встал на четвереньки и, выпучив глаза, зарычал на Розу. Она взвизгнула и пнула его в лицо. Яшка свалился. Роза стремглав исчезла в темноте. Из темноты донесся её дикий вопль:

— Егорий! Егорий! Приезжай! Он Надю видел! Надьку! — Хриплый голос её был пронзительным и диким.

Поднявшийся Яшка теперь кинулся, дразнясь, на Бляхина. Обхватив друг друга, они повалились. Сомов расшвырял их в стороны, и они сразу присмирели.

— Теперь забегайся до полусмерти, — сказал Бляхин о Розе.

Сомов прислушался, но кругом было тихо. Посидев ещё с полчаса с притихшими мужиками, он, не прощаясь, поднялся и пошёл прочь.

Возвращался Сомов тем же путём, что и пришёл. Он шёл и думал, что завтра придёт к парому и сделает этюд с головы Яшки. Ещё он подумал, что надо бы сделать натюрморт с сибирскими цветами. Вдруг кто-то крепко схватил его за руку. Сомов отшатнулся и увидел, что это Роза. Уже поднималась луна, и её свет, как серебряная дорога, струился по реке.

— Тебе чего, Роза?

— Сказать хочу! — хрипло зашептала она ему на ухо. — Сказать надо! Надю он видел! И я Надьку видела! На гору она поехала! На гору!

— Ну-ка, успокойся! Успокойся! — Сомов чуть встряхнул Розу.

В лунном свете её белое лицо было как маска. Что-то трагическое и ужасное было сейчас в её глазах.

— На гору поехала! — заорала Роза и стала вырываться.

Смутное подозрение мелькнуло у Сомова. Он кинулся к дому. Добежав, увидел, что свет везде погашен. "Спят..." — подумал он и сел на лавку передохнуть. Со двора Истоминных послышалось мычание коровы. Коровя ржала не переставая. Свет у Лукерьи зажёгся, и она вышла во двор.

— Ты куда, тётя? — спросил её Сомов.

— Так чё же корова-то... Пойду к ней. Почуяла, чё ли? Тоскует, поди! — Лукерья вышла. — А где же Надя? Она же за тобой следом уехала. Поди, заблудится по потёмкам. Пойду погляжу, может, к себе поехала?

Лукерья ушла. Слышно было, как она во дворе у Истоминных открыла хлев, как что-то говорила корове. Та успокоилась и замолчала. Вскоре Лукерья вернулась.

— Замок на двери-то! Нету её там!

И тут до Сомова дошло, что Роза действительно могла видеть, как Надя поднималась на гору, куда гоняют скот.

— Иди спать, — сказал как можно спокойнее Сомов. — Я знаю, где она. Мы сейчас придём.

Лукерья вздохнула и ушла.

Как только звякнула школка, Сомов бросился бегом на гору. Луна поднялась, и стало светло. От света всё казалось торжественным и трагичным, словно природа показала, что иногда она сбрасывает покров тайны и обнажает свою истинную суть, значение которой в трагизме жизни и смерти, в их постоянной и молчаливой борьбе. Сомов бежал, и сердце его рвалось из груди. Наконец он взбежал на гору. Наверху дул легкий ветерок, и под его дуновением катились серебристо-зелёные волны реки. Там, впереди, у самого обрыва Сомов увидел Надю...

***

Надя подбежала к обрыву и отсюда, сверху, увидела в лунном сиянии реку. Пойменные луга стояли синими. Деревья, словно накрытые сверху тонким белым шёлком, от-

свечивали матово. Роса, холодная, осенняя, успевшая выпасть, светилась синим огнём. Всё было необычно, и всё говорило сейчас Наде только о смерти. "Я хочу её, — думала Надя, — хочу в эту темно-синюю вечность! В это могучее ничто! Вот сейчас я... Одно движение, и я... Только ощущение полёта, а удара я и не почувствую. Я даже не узнаю, что умру! Как это хорошо..."

Под скалой редела река, ударяясь о светлый гранит, и, кроме этого рева, во всём остальном мире стояла тишина. Надя подняла голову к звёздам. Они мигали холодно и безучастно. "Они вечны. Что им моя жизнь! — думала Надя. — Что моя жизнь этому бездонному космосу... Господи, как он необъятен!.. Где же там я найду бабушку, найду людей? Вдруг я останусь одна?.. — И это мгновенное озарение повергло её душу в ужас. А если там совсем пусто? Нет, нет! Господи, ты меня слышишь? Мне страшно! И мне нельзя больше жить!" Она тронула колёса кресла, и оно продвинулось к краю.

— Ну, давай! — сказала она вслух. — Ах, Егор! Если бы ты знал, как мне горько и сладко одновременно... Прощай! — Она крикнула это громко, всей грудью, чтобы заглушить дикий, животный страх. Она ненавидела этот страх! Но сейчас, когда нужно было сделать последнее движение, она не могла пошевелить рукой.

— Надя! — услышала она.

Повернувшись, она увидела, что к ней бежит Егор.

— Надя! Надя!

Домой они вернулись поздно. Уже поблекла луна, и солнечный свет, пока невидимый, окрасил своим живым теплом небо. И всё словно ожило, вышло из оцепенения, из плена неверного лунного света.

***

Через неделю Сомов уезжал в Москву. После случая над обрывом Надя сильно изменилась. Она стала спокойной, молчаливой.

Отвезти его взялся Усольцев. Оставался ещё час. Лукерья хлопотала по сборам, совала в чемодан всякие кульки.

— Так ты чё же надумал с домом? Не бросай ты его! Лучшего тебе и не сыскать!

— А что, Егор Петрович, родные корни! Как всякий великий человек, вы должны иметь свои пенаты! Понимаете, на ваш дом мемориальную доску повесят! — сказал Усольцев.

— И на ваш дом тоже повесят. — В дверях стояла Надя. Именно стояла.

— Ты сама?! — крикнул Сомов.

— Сама! Сама, Егор!

Коляска её была у дверей.

— Сила духа! Вот она, сила! — торжественно сказал Усольцев.

Восшедшая Лукерья даже заплакала.

— Я восемь шагов сделала.

— Ты будешь ходить, я знаю, — сказал ей Сомов.

— Буду! — неожиданно твёрдо ответила Надя.

И вот пришло время выезжать. Лукерья и Усольцев вышли во двор. Сомов поцеловал Надю в щеку:

— Ну, не грусти.

— Поцелуй меня, Егор Я тебя ждать стану! И ходишь научусь, и детей тебе рожа!

— Ты жди меня, — сказал Егор.

***

На высоте десяти тысяч метров Сомов посмотрел в иллюминатор. Над землёй стояла ночь. В огромном черном небе летел его самолёт. Егор возвращался в Москву. И тут он почувствовал стылый запах черёмухи. "Это Надя думает обо мне", — решил Егор. И тут же вспомнил — браки заключаются на небесах...

Самолёт уносил его всё дальше и дальше от того крохотного клочка земли, который неожиданным образом переменял его жизнь и, главное, наполнил смыслом, хотя во всём происшедшем сам Сомов не до конца разобрался.

Издано на просторах РОССИИ

Книгу прозаических произведений "Землетрясение" (М.: Издательство МГАП "Мир книги", 1998) издал профессор ИМЛИ Юрий Сохряков. Ключевым произведением сборника, в который вошли повесть, рассказы и эссе, безусловно является автобиографическое повествование о трагическом землетрясении зимой 1988 года в г.Ленинкане (Гюмри). Подземные толчки разрушили не только дом и быт, но буквально "переломили жизнь" главного персонажа "Землетрясения". Дружная счастливая семья потеряла самых своих светлых членов — маму и младшего сынишку. *"Лучшие уходят первыми... Видно, Господу они нужнее, чем мы, не осознающие, что забирая лучших, Он дает нам возможность покаяния"*, — приходит к выводу автор, переосмысливая свою жизнь. Но кто бы только знал, чего стоят подобные выводы! *"Тот, кто побывал на том свете, выравшись оттуда, уже не может жить, как прежде..."*

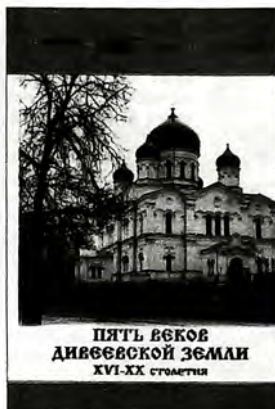
Может быть, впервые, но именно трагедия открывает глаза на такие действительно истинные, а не мнимые ценности, как любовь, самопожертвование, тепло домашнего очага... *"Теперь понимаю: в семье не только род человеческий продолжается, но и душа возрастает. Ребенок нужен для того, чтобы окупить Чудо"* — пишет Юрий Сохряков, и его книга именно тому и служит, чтобы пробудить работу души во имя прорастания в ней — Духа.

"На встречах курсах" — так называется вторая часть задуманного Александром Ткачуком большого повествования, вышедшая в конце прошлого года на Дальнем Востоке (Владивосток: Альманах "Русский Остров", 1998). Первая часть — "Ты долго плавал" — вышла во Владивостоке два года назад. Автор не боится касаться болезненных точек сегодняшнего дня, не лакирует ни наше прошлое, ни нынешнюю действительность, а пишет, как он сам говорит, *"только о том, что было на самом деле"*. А что же там было-то? А была реально узнаваемая жизнь, были встречи с людьми, чьим судьбам невозможно не сопереживать — будь то герой рассказа "Трус" капитан Григорий Трошин, все-таки нашедший в себе силы переломить ситуацию и единолично обезвредить троих бандитов, или герой романа "На встречах курсах" капитан Алексей Орлов, не пошедший в "услужение распахнувшегося во всю ширь миру чистогана". Не оставляют равнодушными и рассказы "Холодно без тебя", "Письмо вестники" и другие, прошитые сквозной темой разлуки с любимым, избравшим своим делом морскую службу.

Составленный талантливым иркутским писателем Анатолием Байбородным *"Русский месяцеслов" (Иркутск, 1998)* является собой удачный опыт слияния церковного и народного календаря с включением в него обычаев, обрядов, поверий и примет на все случаи жизни. Православные праздники и церковные обряды; жития святых покровителей, чьи имена дают родившимся в эти дни детям; различные приметы, касающиеся земледелия, торговли и охоты; секреты народной медицины, традиции сватанья и многое, многое другое — всё это и составило содержание нового издания. Современному человеку, отгороженному телевизором от общения с живой природой и только-только начинающему возвращаться к истокам мудрости своих предков, *"Русский месяцеслов"* станет по-настоящему умным и добрым советником и учителем на любой из дней, когда бы его ни открыли. А в пользу того, что народ не зря накапливал в памяти приметы и поверья, говорят такие пословицы как *"Заприметишь — и сам сыт будешь, и внуки-правнуки по миру не пойдут"* или же *"Как примета скажет, так и жито в закрома ляжет"*.

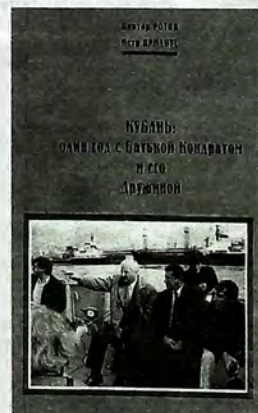
Книга сопровождается научными отзывами заслуженного работника сельского хозяйства В.А.Бердникова; доктора исторических наук, главного сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН Ф.Ф.Болотнева и кандидата филологических наук, доцента кафедры журналистики ИГУ В.В.Зоркина.

В условиях, когда отечественный читатель и зритель вынужден потреблять практически исключительно западную или ориентированную на ее образцы продукцию, вследствие чего с каждым годом все отчетливее утрачивается его национальная ментальность (что сегодня особенно заметно по современной молодежи), на переднюю линию духовной обороны выходит такой "второстепенный", казалось бы, жанр как краеведение. Одной из заметных вех в этом направлении стало издание серии "Дивеевские колокола", в рамках которой в конце прошлого года вышла очередная книга *"ПЯТЬ ВЕКОВ ДИВЕЕВСКОЙ ЗЕМЛИ. XVI — XX столетия."* (Нижегород: Издательство "Штрих", 1998. — 408 с., илл.). Книга издана в отличном полиграфическом исполнении, хорошо иллюстрирована и включает в себя очерки о жизни этого уголка нижегородской земли от XVI века и до наших дней. В эту историческую цепочку на равных встали и преподобный Серафим Саровский, и дивеевцы — защитники Отечества в вой-

не 1941—1945 годов, и те, чьими усилиями стало возможным издание этой книги сегодня. И пока эта духовная связь сохраняется не прерванной, верится, что Россия выйдет из всех нынешних и грядущих испытаний и во исполнение пророчеств преподобного Серафима Саровского наступит день, когда *"по всей земле Пасху запоеют"*.

Написанная Виктором Ротовым и Петром Придмуком книга *"КУБАНЬ: один год с Батюшкой Кондратом и его Дружиной"* (Краснодар: "Советская Кубань", 1998) посвящена попытке осмысления личности и взглядов Н.И. Кондратенко, этого неординарного человека, одного из немногих среди руководителей аналогичного ранга не побоявшегося воспротивиться разрушительному реформированию своего края и повести его экономике по пути национального выздоровления. Думается, если бы среди российских губернаторов было побольше таких людей, как "Батюшко Кондрат", то посаженное им дерево здравого смысла уже давно бы пустило свои ростки по всему государству.

Первая книжка поэта **Степана Севастьянова** *"Звезда небес, звезда морская"* (Санкт-Петербург: "ЛИО РЕДАКТОР", 1997) порадовала по-эсеннински звонким и певучим стихом, четкими и зримыми образами и, самое главное, очень личностным, индивидуальным повествованием. В небольшом по объему сборнике уместилась жизнь души автора протяженностью в целых двадцать лет, что говорит о тщательном отборе каждого стихотворения. Первое, что бросается в глаза при чтении книжки, это то, что Севастьянов неотделим от моря:

*Море! Любимое море!
Чаек густая метель.
Рябь в золоченном узоре.
Рейсы из длинных недель...*

И уже эта одна *"чаек густая метель"* говорит о том, что перед нами человек, не случайный ни в своей морской службе, ни в поэзии.

Бывают иногда такие неожиданные открытия: и книжечка, вроде бы, тоненькая, и автор в литературе явный непрофессионал — язык рассказов прост, сюжеты незамысловаты, — а прочитаешь один рассказ, и уже не можешь отложить книжку, не узнав, о чем следующий. Вот и с книгой **Анатолия Медведева** *"Улысь ближнего"* (Санкт-Петербург, 1999) такая же история. Читаешь и чувствуешь, что, как на героя его рассказа "Блудный сын" Ивана Петровича, на которого в 60 лет сошла Божья благодать и он впервые заплакал в храме, так и на тебя тихо струится со страниц книги невидимый свет добра, порождая в твоей душе сочувствие и сопереживание ко всем незнакомым тебе до этого момента персонажам. Не случайно, наверное, выход книги благословил Настоятель Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря игумен Пахомий, а предисловие к ней написал Настоятель Храма во имя Спаса Нерукотворного Образа (на Конюшенной площади) протоиерей Константин Смирнов.

Воронежский прозаик **Виктор Попов** известен всероссийскому читателю давно. В разные годы он издал в Москве и Воронеже такие романы и повести как "Живая защита", "Один выстрел во время войны", "Циклон", "Частный сектор" и другие. И вот новая книга автора — "Глухой неведомой тайгой" (Воронеж, 1998), в которую вошли одноименная повесть и два романа — "Жизнь по карточкам" и "Дни покоя". Главное, чем пленяет читателя проза В. Попова, это ее поразительная, во многом уже утраченная сегодняшней литературой, **ДОСТОЙНОСТЬ** происходящего. Буквально с первых же строчек его произведений — будь то сугубо реалистические вещи или фантастика — возникает безоговорочная вера в правдивость описываемого автором мира, а на основании этой веры — и сопереживание его героям. А думается, что именно вызывание этого сопереживания в читателе и является одной из основных задач

настоящей литературы как со времен Достоевского и Толстого, так и до нашего времени.

В глубине Тверской области, в Торжокском районе, живут два брата-близнеца — Василий и Михаил Рысенковы. Оба пишут стихи, оба были замечены в 1998 году на Всероссийском Совещании молодых писателей и по первой совместной книжке "Заповядные молитвы" (Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1997) приняты в Союз писателей России. И вот буквально только что вышла первая сольная книга **Михаила Рысенкова** *"Августовский воздух"* (Санкт-Петербург: Издательство "Сан-Веда", 1999), вобравшая в себя его стихи, не вошедшие в первый общий сборник. Читаешь их, и будто читаешь мартиролог эпохи:

*...Досадно, что сады и здания
Уложатся в размер строки, —
Их нет давно, одни названия:
Усохи, Нивы, Васильки...*

Одно радует — что теперь эти *"Усохи, Нивы, Васильки"* останутся хотя бы в строчке стихотворения, и до потомков дойдут пусть не *"сады и здания"*, то по крайней мере их названия. Так что уже за одно это мы должны быть благодарны поэту.

Потрясающую книгу написал и издал вице-президент Международного Фонда славянской письменности и культуры **Владимир Большаков**. Она называется *"По закону исторического возмездия"* и излагает многовековую и трагический путь России как непрерывную борьбу сил мирового зла с Православным государством. Увы, но как показывает проведенный автором анализ, во многих наших бедах виноваты не столько наши враги, сколько мы сами. *"Народ, — пишет В. Большаков, — сам про себя говорил в старину: "Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона", в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев. Сегодня, стоя перед судьбоносным выбором, пока вновь кто-либо не выкрикнул разрушительные призывы: "Грабь награбленное!" или "Мир хижинам, война дворцам!", нам пора задуматься, будем ли мы и дальше бить друг друга дубиной по голове или перед иконой Святого Сергея все вместе с покаянием вернемся на путь Святой Руси..."* И еще одна, встраивающая душу цитата: *"Где же вы, Сергей Радонежский,*

Иосиф Волоцкий, святой Гермоген, патриарх Тихон? Где Пересвет и Ослavia? Неужто перевелись уже на Руси богатыри? — с горечью восклицает автор, вглядываясь в своих современников, и сам себе уверенно отвечает: — Нет, не перевелись!.."

Но в чем же тогда, спросим мы, в чем кроется причина этой уверенности? В чем вообще состоит обещанный автором в названии "Закон исторического возмездия"? И, дочитав книгу до конца, увидим: **"ЗАКОН ИСТОРИЧЕСКОГО ВОЗМЕЗДИЯ неотвратимо возвращает нас в лоно богоустановленной Русской Православно-Монархической государственности. <...> Возлюбим же друг друга и сделаем главный спасительный шаг: принесем свое искреннее покаяние перед**

Господом Богом за грехи богоборчества и цареубийства, смоём со своего чела Каинову печать, решительно потребуем от архiereев незамедлительной всецерковной канонизации Царственных страстотерпцев и обратимся к Небесному заступничеству Пресвятой Богородицы, всем святым, в земле Российской просиявшим, Царственным мученикам и всем новомученикам Российским. <...> Тогда придет вновь рассвет на русскую землю, разбегутся все лукавые "царедворцы", и узнают все враги России, что еще не перевелись на Руси богатыри — потомки Святослава Великого и Александра Невского <...> и возродится Святая Русь после страшной смуты духовного рабства, и засияет краше прежнего земной дом Пресвятой Богородицы..."

Казалось бы, чего уж проще-то — покаяться да помолиться всем вместе? Но как же невероятно трудно оказывается осуществить всё это на деле...

* * *

Очень неоднозначное впечатление оставляет вторая книга стихов калужской поэтессы **Маргариты Бендришевой** с достаточно тривиальным названием **"Птица счастья"** (Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 1998 — 80 с.), хотя гораздо точнее было бы назвать ее по последнему стихотворению — "Всё хорошо!"

С одной стороны, Маргарита Бендришева человек открыто и не обделенный талантом: у нее зоркий глаз, легкое перо, цепкая память на детали быта, ирония и самоирония; а с другой — за всем этим как-то почти совсем не проглядывается (а потому — и не *угадывается*) судьбы, как это бывает у по-настоящему состоявшихся поэтов. При всей точности мелких бытовых деталей, собранные в книгу стихотворения представляют из себя пока что не более как зарисовки к какому-то еще не написанному и, может быть, даже не увиденному пока и самой поэтессой большому повествованию, этакому современному многостраничному "Евгению Онегину" (или, скорее всего, "Евгению Онегной"). Читая книгу Бендришевой, видишь в ней по-своему добросовестную бытовуху провинциального российского существования с такими точными жанровыми картинками, какие даны в стихах "На даче", "В троллейбусе", "Гости" и им подобных, но вместе с тем и понимаешь, насколько книге не хватает единого смыслового, сюжетного или идейного стержня.

* * *

Творчество Санкт-Петербургского прозаика **Николая Коняева** в представлении всероссийскому читателю не нуждается — в последние годы он является одним из наиболее активно пишущих и публикуемых авторов, рассказы и повести которого охотно печатают журналы и газеты не только обеих столиц, но и большинства областных центров России. Новый роман писателя называется **"Авакумов костер"** (М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. — 400 с.) и, как это видно уже из самого названия, посвящен временам церковной реформы патриарха Никона и соответственно — личности "неистового протопопа" Авакума, автора написанного им в пустозерском заточении знаменитого "Жития". Наверное, можно по-разному оценивать созданные Коняевым исторические образы, находить в них какие-то плюсы и минусы по сравнению со сказанным об этих персонажах предше-

ствующими исследователями, но ясно одно — сколько на Руси будут длиться смуты и расколы, столько писатели и будут обращаться за поисками аналогий к этому трагическому периоду нашей истории. И дай-то Бог, чтобы там наконец отыскался ответ, позволивший бы нам раз и навсегда избавиться от необходимости обращения к этой теме...

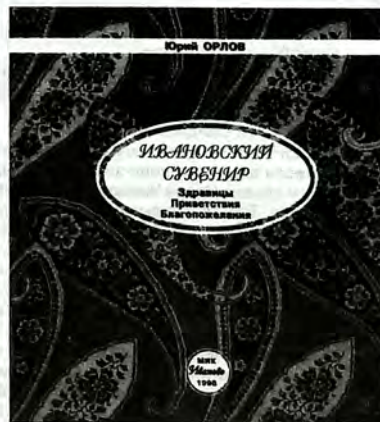
* * *

Литературные новинки из Крыма сегодня доходят в Москву все реже и реже. Одна из них — сельская книга прозы капитана дальнего плавания **Бориса Корды** **"Иду на кита"** (Севастополь, 1998. — 200 с.), состоящая из одноименной повести, вставившей в себя многое из пережитого автором. (А надо заметить, что ему, 34 раза побывавшему в Антарктике, совершившему кругосветку, есть что вспомнить за письменным столом!) И не случайно повесть "Иду на кита" посвящена автором мореплавателям Отечества. Любовь к Родине, к морю с его обитателями и, главное, к людям, связавшим свою жизнь с соленой стихией, наверное, и стали той первопричиной, что побудила Бориса Корду обратиться к литературному творчеству. Особенно остро ставит автор проблему истребления китов с целью добычи их мяса. Этим промыслом человек разрушает установленную самой природой гармонию, отчего остается в накладе его душа. И вообще, как показывает книга Бориса Корды, у каждой из существующих в мире профессий должен быть свой летописец.

* * *

"Ивановский сувенир" — книгу с таким названием выпустил при поддержке Главы города Иванова В.В.Троеглазова поэт **Юрий Орлов** (Иваново: МИК, 1998). Книга действительно очень красочно оформлена, издана на хорошей бумаге, в оригинальном формате, и напоминает собой сувенир, который не стыдно подарить даже самым уважаемым гостям. Ее содержательную часть составили всевозможные поэтические посвящения, поздравления на разные случаи жизни, приветствия ко всевозможным юбилеям, пиршественные заготовки, тосты, надписи на портретах, шуточные послания и другие произведения застольно-открыточного жанра, которые наверняка скоро разлетятся по всей России.

Подготовили
Николай и Марина
ПЕРЕЯСЛОВЫ

“Одиссей из России”

Так назвал себя поэт Игорь Владимирович Чиннов. Назвал точно, хотя, на современный взгляд, это не совсем так. Потому что родился он под Ригой в 1909 году в имении своей бабушки. Помимо Митавы (ныне Елгава) и Юрьева (Тарту) была в его детской памяти и Рязань с “незабываемой зимой, блистающим снегом, розвальнями, бубенцами”.

Вначале течение его жизни было плавным. Ломоносовская гимназия, университет, служба... Затем война, первое путешествие не по своей воле. В Германию, в Рейнскую область, где он провёл десять месяцев “весьма безрадостных”, по его собственным словам. После освобождения из лагеря продолжилось движение на Запад. Люневиль, Нанси, Реймс, Париж.

“В Париже было безденежно, но прекрасно!”

Среди знакомых Бунин, Ремизов, Сергей Маковский, редактор знаменитого “Аполлона”, Георгий Адамович и Георгий Иванов.

Прекрасно, но безденежно.

“И пришлось мне уехать на заработки — в Германию”. Там круг его общения составили Федор Степун, В. Вейдле, Гайто Газданов. Следующий остров Игоря Владимировича — США. Кафедра русской литературы в Канзасском университете. Он меняет города и университеты, Лоренс, Питтсбург, Вандербильт, но неизменно с ним Пушкин, Гоголь, Чехов.

Наконец, Флорида, пенсия.

Внутри этой пенсии Игорь Владимирович объехал полмира, но, по словам Зинаиды Шаховской: “Чиннов... поэт русский, где бы он ни находился — в Египте ли, в Перу, в Испании или Мексике, среди пальм и олеандров”. И наконец, в 1994 году, круг его судьбы замкнулся. Чиннов побывал в России.

“Итак, я на Итаке”, как сказал другой поэт.

Стихи Чиннова не впервые являются перед отечественным читателем, но впервые в таком объеме. “Загадки бытия” — это избранное из книг и журнальных публикаций, выходящих с 1950 по 1984 год во Франции и Америке. Книга прослосена рецензиями из различных эмигрантских изданий, рецензии писаны весьма известными литераторами. А. Бахрах, Г. Адамович, В. Вейдле, И. Одоевцева. Все они пишут о Чиннове крайне благоприятно. Спектр — от профессиональной приязни до самого настоящего восторга.

“Редкий, тончайший мастер, особенно в области стилистической”. — Г. Адамович.

“Книга Чиннова — образец твердой творческой воли, урок многим стихотворцам”. С этим сборником трудно расстаться. И, как слова из песни, из русской поэзии его не выкинешь”. — В. Вейдле.

“Стихи Чиннова сложны, изощренны, и законы поэтического ремесла ему прекрасно знакомы”. “В подлинности и значимости поэзии Игоря Чиннова сомневаться уже давно не приходится. Только что вышедшая восьмая книга его стихов — неоспоримое доказательство его мастерства”. — З. Шаховская.

“Он обдумывает и шлифует каждую строчку, но делает это с таким мастерством, что, кажется у него “Вдруг появляются стихи, — вот так, из ничего”. “Эти действительно стихи, написанные “кровью сердца”, как еще и теперь пышно выражаются любители поэзии. Нет сомнения, что они предельно искренни, что в них нет ни позы, ни притворства, они страшны в своей ужасающей обнаженности”. — И. Одоевцева.

Иногда рецензенты вступают друг с другом в заочный спор, и тогда возникает забавный эффект. “Он нередко бывает заворочен эффектными словами, и эту детскую болезнь он все-таки не преодолел. Звучание таких слов притягивает его больше, чем их смысл, ему импонирует дребезжание, их звон, их аляповатость и необычность”. — А. Бахрах.

Отвечает ему Г. Адамович: “Я готов согласиться, что в его поэзии есть что-то... слишком подчеркнуто скромное”. То есть автору предьявляются претензии с прямо противоположных позиций. В похвалах критики схожи — стилист, мастер, безупречно владеет словом. Ругают — за разное. Получается, что достоинства Игоря Чиннова странным образом продолжают взаимноисключающими недостатками. По-моему, это несомненное доказательство, что перед нами глубокое и сложное поэтическое явление. Даже под воздействием талантливого критического анализа оно не разлагается на элементарные части, не обнаруживает единого дна.

На мой взгляд, ближе всего к тому месту, где надо искать тайную поэзию Игоря Чиннова, подошел все же Г. Адамович. В рецензии на книгу “Метафоры” есть такой пассаж. “Чиннов по складу своему — один из самых антиблоковских русских поэтов нашего времени. — Правда, далее критик оговаривается: — Однако с какой-то трещинкой в своем антиблокизме, что и придает его поэзии особую, слегка щемящую прелесть”. Но оговорка не отменяет проблему.

При всей кощунственности и порочности любой попытки загнать живое существо поэзии в клетку умственной схемы, классификации почему-то существуют. К ним прибегают, ими оперируют. Стихотворцев делят на эпиков и лириков, эстрадных и “тихих”, почвенников и урбанистов и т.д. Можно разделить их на поэтов опьянения и поэтов трезвости.

Не в прямом смысле слова, конечно.

Во главе первых как раз Блок. Блок — это опьянение метафизикой. Скажем, Вяч. Иванов — опьянение библиотекой. В опьянении Северянина есть что-то парфюмерное. Маяковский — опьянение хамством. Очень талантливое, но тем не менее. Ряд этот можно продолжать.

В пределах такой классификации Чиннов противостоит Блоку. Здесь не сравниваются, разумеется, размеры поэтических фигур.

Чиннов жрец трезвости.

Элементы культа: ирония и самоирония, наблюдательность, словесный аскетизм, бодрый пессимизм.

Кто рядом с ним? Ходасевич, Анненский, Георгий Иванов, который являет собой пример опьянения трезвостью. Противоположности сходятся. И вся эта линия восходит, как правильно заметил все тот же Г. Адамович, к Боратынскому. “Но к Боратынскому как бы облегченному, проветренному, еще не впадшему в суровый свой “гамлетизм”.

Впрочем, надо помнить, что если все сравнения хромают, то любые классификации болы маний величия. Не важно, с кем можно сравнить Игоря Чиннова и кому противопоставить. Важно, что он ценен сам по себе, он неповторим.

Перед нами его книга:

Чиннов И.В. Загадки бытия. Избранное. Сост. О. Кузнецова, А. Богословский. — М.: Христианское издательство, 1998. — 320 с.

Одиссей вернулся в Россию.

Михаил Попов

Игорь ЧИННОВ

Мы уйдем, не давая ответа
Никому, не спросив никого.
Превратятся тоска и свобода
В своеволие и торжество.

Станет музыкой тусклая скука.
Даже злоба прославит Творца!
От высокого, чистого звука
Ледяные смягчает сердца.

И в пятнистой игре светотени
Под каштанами старых аллей
Эмигрантской толпой привиде-
ний
Доберемся до русских полей.

Две вороны да иней на крыше.
Воздух осени в роще горчит,
И на кладбище пение тише
Под сереющей тучей звучит.

Милый друг, спасибо за молчание!
Сладко слушать тишину.
В нереальной, неземной компании
Я от шума отдохну.

Я постиг особенное зодчество:
Лунный выстрою дворец,
Чтобы мир благого одиночества
Мне открылся наконец.

Будут тени, в бархаты одетые,
В узких лодках проплывать,
Будто серебристыми стилетами
Резать меркнувшую гладь.

И на бледные немые тени я
В той Венеции — другой —
В голубом четвертом измерении
Погляжу, мой дорогой.

Жил да был Иван Иванович:
Иногда крестился на ночь,
Вдаль рассеянно глядел.
Жил на свете как умел.
Жил на свете как попало.
Много в жизни было дел.

Сердце слабое устало,
Сердце биться перестало.
В небе дождь вздыхал, шумел,
Будто мертвого жалел:
Влаги пролилось немало —

Видно, смерть сама рыдала,
Близко к сердцу принимала
Человеческий удел.

Каждый стинет (и гниением очистится)...
Тем и закончится злая бессмыслица —

Хлопоты, горести, почести, прибыли,
Крик перед смертью, что денежки стибрили.

Вот вам гармония, вот Провидение:
"Смерть несомненна" (чего несомненнее).

Странно, что все же могу утешаться я,
Глядя, как вновь зацветает акация,

Глядя, как бабочка треплется, мечется —
Тоже, пожалуй, сестра человечества.

Что-то вроде России,
Что-то вроде печали...
(Мы о большем просили,
А потом перестали.)

Чем-то нежным и русским
Пахнет поле гречихи.
Утешением грустным
День становится тихий.

Пахнет чуть кислотовато
Бузина у колодца...
Это было когда-то
И едва ли вернется.

Петух возвещает, чуть свет,
Что ночь позади.
Кукушка — что столько-то лет
Еще впереди.

Ку-ку или кукареку —
Значенье одно:
Что сыплется — будь начеку! —
Струю зерно.

Ты знаешь, есть птица одна,
Она не поет:
Лишь время, как семья, она
Неслышно клюет.

ЯМИЛЬ МУСТАФИН СОЛНЦЕ РОДНИКОВОЙ ДУХОВНОСТИ

Харис Исаков.
Пушкин и религия. — М.: 1999.

Лет шестьдесят тому назад меня впервые привезли из тасканой глубинки на родину предков — Башкирию. В Стерлибашевском районе, где степи перемежаются с невысокими, почти лысыми горами, жила в совхозе сестра Тагима. Муж ее Муксинов Хасан работал районным агрономом. Летом здесь суховет из Казахстана раскаляют воздух до кипения. Однажды с мамой и сестрой я отправился за дикой вишней, росшей кустами на склонах древних гор. Розоватое марево предвещало жаркий день.

Быстро наполнив корзины перспелой вишней, в полдень мы отправились домой. Солнце стояло в зените и пекло как в русской печи, когда сдают хлеб. Утяжеленные вишней корзины заставляли нас делать частые привалы. До совхоза было топать да топать — верст пять. Впервые в жизни вдосталь наевшись вишней, я быстро захотел пить. Сколько мог — терпел. Когда же во рту пересохло, я стал канючить: «Пить хочу...» Мама утешала: «Потерпи, утенок, скоро придем домой...»

Вдруг в какой-то низине, поросшей осокой и куриной слепотой, я узрел спасительную воду. Я остервенело бросился к воде и, не обращая внимания на ее омерзительный запах и рыжий цвет, глотнул спасительную влагу... Мама и сестра разом заголосили, что я умру, если не брошу пить. Меня тут же вырвало...

— Потерпи, утенок мой, вон возле той горы родник, там напьемся, — указала мама на бурую гору, до которой мы шли, кажется, вечность. Теперь я уже не мог хныкать, а едва поскуливал... Родник я почуял метров за тридцать и, передав корзину сестре, из последних сил припустил бегом...

С какой усладой я пил родниковую воду! По сей день помню ее вкус. Припав губами к журчащей, прозрачной, как роса, воде, я пил жадно, ненасытно. Каждый глоток бодрил меня и придавал силы. И странно, я почему-то обмяк душой. Почувствовав прилив сил, я каким-то чужим, доселе неизвестным состоянием почувствовал благость бесосознательного озарения. Мне показалось, что я стал вдруг взрослее. В моей душе клокотали радость и непонятное

счастье от неумной, хоть и непонятной жизни...

Вот такую же жажду, только духовную, в наше треклятое время я утолил, прочитав трепетно, временами не стесняясь слез своих, замечательную книгу доктора технических наук, профессора Хариса Исаковича Исакова «Пушкин и религия».

О творчестве Александра Сергеевича Пушкина написаны тысячи книг критиками, поэтами, литературоведами, философами почти на всех языках народов планеты Земля. К необозримому наследию гения каждый автор, естественно, подходил со своими «мерками» и талантами, исходя из национальной психологии, личного характера и мировоззрения... И каждый из авторов имел счастье прикоснуться к бессмертному, неувядаемому, солнечно-громному творчеству русского гения, пророка.

Х. Исаков подошел к творчеству Александра Сергеевича Пушкина, как мне кажется, по-новому и совершенно оригинально и сумел блистательно раскрыть до сих пор никем не тронутую сторону творчества великого поэта — его отношение к религии: Православию и Исламу, занимающим в его творчестве особое место. Эти две религии не только нравственно возвышали Александра Сергеевича Пушкина, нередко защищали его от козней, зла недругов, но и дали ему несметные темы для бессмертных стихов и поэм, позволили ему с Божественной высоты и таинства создавать пророческие произведения.

Серьезный, интересный труд доктора технических наук Х.И. Исакова являет собой значительный вклад в пушкиноведение. Я не исключаю, что кое-кто из догматиков попытается опровергнуть некоторые положения, смелые, неординарные размышления, выводы. Однако ясно одно, что сочинение Х. Исакова выгодно отличается от работ профессиональных литераторов новизной, смелой постановкой важной проблемы, исследовательской скрупулезностью, выверенностью фактов. Главное, пожалуй, огромную любовь автора книги к Александру Сергеевичу Пушкину, как человеку-гению, преклонение перед его лучезарной одаренностью, отмеченному знаком Всевышнего. Такую любовь грех осуждать. Читатель немало удивится, узнав, что, прежде чем приступить к работе над книгой, Харис Исакович изучил арабский

язык! Для чего? Да для того, чтобы в оригинале читать Священный Коран и там найти ключ к разгадке пушкинского «Подражание Корану». Многие ли ученые мужи из пушкиноведов решились бы на такой шаг, чтобы узнать, проследить, что же заставило, подтолкнуло Александра Сергеевича Пушкина заняться изучением Священного Корана и посвятить немало прекрасных, таинственно-мудрых строк гениальной Книге, пророку Мухаммеду и Исламу в целом.

Сочинение Х. Исакова примечательно тем, что позволяет читателям более углубленно познать дивную связь великого поэта-христианина с Православием, что одухотворяло его на создание бессмертных произведений и поддерживало, придавало сил в тяжкие дни жизни. Изучение Ислама, проникновение в древнюю историю мусульман позволило Пушкину философски осмыслить влияние этих двух религий на национальную духовность православных и мусульман, воздействие Православия и Ислама на мировую цивилизацию, межнациональные отношения. В этих двух великих религиях Александр Сергеевич Пушкин черпал вечные идеи, мысли и, облагораживая, развивая ИХ своим гением, пророчествовал потомкам.

Не под влиянием ли Пушкинского «Подражания Корану» И.А. Бунин написал такие строки: «Проклят тот, Кто великий Коран не слышит...» Изучая Священный Коран, Александр Сергеевич Пушкин познавал многовековую, древнюю культуру, нравы, психологию мусульман и других народов. И что весьма важно, при этом поэт оставался искони православным русским человеком.

Об этом очень тонко и проникновенно пророчески написал другой великий русский писатель двадцатитрехлетний Гоголь: «Пушкин... это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Какое предвидение! Какая искренняя любовь к Александру Сергеевичу!

Один из интеллигентнейших русских людей, интеллектуал, уважаемый мною литератором Вадим Валерианович Кожин, безмерно любящий Россию и свой многострадальный народ, так отзывался о книге Х. Исакова: «Не приходится убеждать кого-либо в первостепенном значении основной духовной направленности книги Х.И. Исакова. Она создана мусульманином, который воспринимает Православие как братскую

Валентин КУРБАТОВ

“ЕСЛИ НЕ БУДЕТЕ КАК ДЕТИ...”

Валентин Голубев.
Русская рулетка. — СПб.: 1998.

религию, — точно так же, как православный Пушкин воспринимал Ислам, и в этом отношении книга, можно сказать, воскрешает пушкинский дух”. Услышать такую похвалу из уст строгого ценителя словесности, думаю, мечта каждого автора. Тем более автора первой книги.

Х. Исаков ярко, зримо раскрыл религиозные мотивы в творчестве “солнца” российской поэзии. Он строго и последовательно выдержал изначально взятую заглавную “ноту” — “Пушкин и религия”. Благодаря редкостной работоспособности, поклонению гениальному таланту поэта, Харис Исакович сумел вобрать в книгу огромные, доселе мало известные пласты творческого процесса Пушкина и его великих современников. И все это показано в тесной связи с исторически важными событиями.

Читая захватывающую душу и сердце читателя книгу, поражаешься высокой любви и уважения автора к Александру Сергеевичу Пушкину. Х. Исаков сердцем чувствует и понимает тончайшие душевные порывы великого поэта, его переживания и боли, общественно-творческие проблемы близко восприняты автором книги. В авторском слого, лексике прямо-таки слышны крики отчаяния за надвигающуюся на Пушкина трагедию. Всеми клетками души чувствуешь, как Харис Исакович хочет предупредить трагедию человечества... Наверно, поэтому я порою прекращал чтение и плакал... от беспомощности, что я тоже бессильно защищать, прикрыть собой Великого сына Великого народа.

А с какой нежностью, пониманием и сочувствием показывает Х. Исаков божественную любовь Александра Сергеевича Пушкина, уже признанного гения в России и Европе, к красавице Наталье Гончаровой!

Наверно, только так возвышенно, бережливо и трепетно сохраняя в душе признательность и любовь к творчеству великого поэта, несущему своему народу родниковой чистоты духовность, можно было создать не замутненную слухами и циничными глумлениями типа: “Он. Как и мы все, грешные, имел человеческие слабости...” Или тщетно пытаться умалить Божественный знак гения, да еще все поставить рядом с ним холодного, равнодушного, прагматичного Бродского.

Как здесь не вспомнить слова Верховного Муфтия мусульман России Тал-

худина: “Скромный взнос мусульман в богоугодное и святое дело является искренним выражением любви и уважения к бессмертному имени Александра Сергеевича Пушкина — чести и гордости человечества”.

Поэт-пророк предстает в книге Х. Исакова перед читателем во всем своем величии, трагизме и нежно-строгой любви к простолюдному. Появление Пушкина в обществе — в высшем ли свете, среди выдающихся государственных деятелей, прославленных защитников Отечества и Героев 1812 года, становилось явлением государственного значения.

По предвидению и пониманию путей исторического развития человечества Пушкин опередил современников на многие века. Вот стихи наших дней: “Не пленяйся бранной славой, / О, красавец молодой! / Не бросайся в бой кровавый! / С карабахской толпой!” Или из “Бориса Годунова”: “Твои слова, деяния судят люди, / Намеренья единый видит Бог”. Это же мысли из Библии и Корана!

И то, что такую замечательную книгу к знаменательной дате Пушкина написал высокообразованный мусульманин, да еще не литератор, а “человек со стороны”, подтверждает единобожие и что православным и мусульманам свыше предreshено жить в дружбе, взаимопонимании, взаимоуважении.

Не знаю, был ли знаком Александр Сергеевич с сурой “Трапеза”, аят 85/82 Священного Карана, где в откровении Всевышнего сказано: “Ты, конечно, найдешь, что более всех людей сильно ненавижу, что уверовавшим иудей и многобожники, и ты, конечно, найдешь, что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: “Мы — христиане!” Это — потому, что среди них есть иереи и монахи и что они не превозносятся.”

Читатель, конечно, обратил внимание, что мысли гения русской поэзии близки и сродни аяту. Устами Пророка Мухаммеда ясно и четко сказано, почему необходимо крепить дружбу с христианами, современными православными. Да потому, что православные не возгордятся, как иудеи, которые по сей день долдонят о богоизбранности и требуют к себе особого отношения.

Надеюсь и верю, что после прочтения книги профессора Х. Исакова “Пушкин и религия” каждый, как и я, утолит духовную жажду, которой так не хватает сегодня нам всем.

Не знаю почему, я с тревогой смотрю, как поэзия все отважнее заходит в храм. И прежняя робость была нехороша, будто поэт был в гостях, да и совсем в чуждом доме. И нынешняя смелость не в утешение, потому что вдруг начинаешь чувствовать, что настоящего-то сыновства так и не было. Сначала испуганный отчаяния, а потом сразу требовательный спрос, в перепрыг единственной подлинно христианской ступеньки — живой любви. Это и вообще в сердце умного нынешнего верующего, взявшего Христа разумом, так, а у поэта по детской его открытости — и того виднее.

Пятидесятилетний петербургский поэт Валентин Голубев выпустил к своему юбилею сборник “Русская рулетка”, самым названием задав интонацию темного срыва и вызова судьбе. Даже свет и надежда и святые детские воспоминания — все с внутренним задором, будто кому поперек. Ну, да и это тоже сегодня общее, словно мы все обложены отовсюду и надо все время заводить себя, чтобы держать в форме, как бывало на деревне мужики укресли себя “чапушками под драку”. И оно в лирике-то, может, и хорошо — “нас не трогай, мы не тронем”, а вот когда поэт заходит в церковь, этот задор выдает только совершенную потерю традиции, незнание системы координат и приближенность мысли. Ну вот, посмотрим наудачу:

*Нищий в электричке
Жалок и суров:
— Богу не до личных
Наших катастроф!*

*Загоняет пастеу
В райский сад настись.
Сытно кормит в Пасху,
В пост велит: постись!*

*Крашенные яйца
Праздник для души.
Согрешил — покайся,
Снова согреши.*

Эта “стадность”, этот равнодушный круговорот смущает поэта, он не хочет “скопом” принимать кровь Христову и, привыкший петь, “когда хочется, а не

хором, по взмаху руки", тут тоже предпосыл бы свою дорогу:

*В жизни обвал ли?
В грязь во всей красе?
На чердак, в подвал ли?
Но не так, как все!*

Обрадоваться бы только этой отдельности, этой готовности отвечать перед Богом в одиночку, потому что Бог действительно спрашивает с народов через отдельных людей, но мы уже сейчас видим, что это желание стоять в храме "не так, как все", привело в церкви к худшему виду духовного высокомерия и искалечило не одну жизнь. В этой отдельности, как и в настойчиво культивируемом сегодня идеале "личности" на месте прежней соборности, таится удачно прикрытая ловушка, изготовленная удачливым ремесленником зла, которого литература уже готова звать Мастером.

Я понимаю, что мое замечание кажется уж очень прозаическим и не в строку стихотворению. Однако это на один первый взгляд. Когда-то М.М. Пришвин, отравившись тонкой узорной скукой предреволюционного художественного жеманства, криком кричал, желая быть "как все", программно эту для себя ставил, догадываясь, что "быть как все" — это перерасти себя, признать существование другого, быть другим "как все", анонимным для самости, но открытым Богу. И граница между выходом из толпы и сливанием со "всеми" то-оненкая, шажок в сторону — и вместо единичности и искреннего самостояния перед Богом ты уже на улице в другой толпе, стократ худшей, в толпе гордецов. Вся сложность-то в том, что и поэт в гневе прав, и "все" правы, разве что языки их различны, а любви — услышать друг друга — нет. Как равно оба неправы, потому что одинаково говорят на языке улицы, а не церкви, которая до срока обманывает входящего в нее слишком открытым "гостеприимством", отчего у нас так много "легко разгадывающих" Бога стихов.

*В России Бог не грозен, хоть и строг.
Скорее он страдалец и заступник.
Но не шуты с ним.
Он ведь все же Бог,
Ничем не выделяющийся путник.*

*Начало наше видя и конец,
Судьбу нам ту иль эту подбирая,
Он швец, и жнец, и на дуде игрец
С архангелами над дорогой к раю.*

Опять как близко к угадке там, где Бог — "каждый путник". И как далеко от настоящей простоты и настоящей страха Божия, который учит, что всякая встреча с Богом — это кризис и готовность к суду. Да и какой страх, когда можно обмолвиться такой невыно-

симой приближительностью — "Он ведь все же Бог". "Все же" — это уже не Бог, а беспечный игрок "над дорогой к раю", такой в стихотворении широкой, что по ней можно валом валить, тогда как Евангелие не зря не устает напоминать про тесный путь, узкие врата и "игольное ушко" для верблюда нашего самохвальства. Нет, подхлотившие понастоящему близко знают, что грозен. Грозен именно самой любовью, которой мы не стоим и которую так неутомимо отвергаем. И уж совсем нехорошо, когда Бог делается предметом пустого "метеорологического" экзерсиса:

*Благодать у нас на родине.
Коль дождичек,
Так от Пасхи аж до самого Петрова дня...*

*На Крещение ни сырости, ни сыякости,
От мороза солнце сине-купоросное...
Хорошо ли тебе, Господи, не зябко ли
На кресте российском нашем неотесанном?*

Так и этак поворачиваю стихотворение, а не найду глубины и скрытого смысла, не слышу живого сердца человеческого правды — одно любопытство, не содержательнее самой этой фразы: не холодно ли на нашем морозе? А прибавь от себя глубины, спроси о русской исторической стуже и страшной "неотесанности" лихого нашего времени и переменчивого духа, выйдет и того хуже — ну что, мол, какво с нами, подлещами: не зябко ли? Хотя, конечно, на самом деле автор искал именно этой горькой исторической глубины, что обнаруживается спустя несколько страниц в более верно развитом стихотворении:

*Мы как в "яблочко" попали
В век, где бед что звезд и чисел.
Самый светлый здесь в опале,
Самый честный беззащитен.*

*В райском саде, где тревожит
Тишину лишь птица Сирия,
Затоскует Матерь Божья
Как там Сын ее в России.*

Эта тема будет неотступна и будет звучать все горше. Как завороченный, поэт будет оборачиваться в ту же мученическую сторону, упорно прописывая Бога в России:

*На досках русский Бог распят,
Лесину выбрали сырую.
То егемон, то супостат,
Сменив друг друга, озоруют.*

И еще не дочитав сборник, уже будешь предчувствовать неизбежность обращения поэта к памяти владыки, который слышал "русского Бога" лучше всего и говорил о нем мужественнее всего — петербургского митрополита Иоанна. И сборник действительно закончится тремя плачами по владыке,

более неисходными, чем мужественными, как ни притворяется решительным зов поэта:

*Неужели кроткое величие
Русской Церкви сгинуло,
И тут
Пастыри не нашего обличья
Супостату почесть воздают.*

*Ты не верил в то, что русской славы
Боровая потускнела медь,
Мы стоим последнюю заставой
Смертные, готовые на смерть.*

*Не копье флажок — он тоже знамя,
Коль один над Родиной, над всей.
Иоанн! Отец, останься с нами
Проповедь смертную своей!*

Я вполне разделяю печаль поэта, но смущаюсь безвольно-боевой интонацией, которая подтверждает все ту же далековатость от Церкви, прикладное ее понимание как нового казенной идеологии. И не очень верю решительности утверждения о "последней заставе" и "готовности на смерть". В "кротком величье" русской Церкви готовность на смерть подтверждали не игровой поэтических мускулов, а трудом веры, который прост и беден, как холстинная ряса Сергия Радонежского или выглаженный коленями Серафима Саровского камень. Смерти пока никто, слава Богу, не требует — хватало бы сил на обычный будний день, на слышание сердца и пути другого, а через него и на слышание существа, своей Божьей сердцевины. Вот где потребен подлинный подвиг и героизм.

Говорить-то мы о Боге научились — благо теперь это не то что не запрещено, а поощрятельно. Теперь бы научиться молчать о Нем с тем бдительным вниманием, которое само приведет в свой срок живое и единственное слово, равное молитве и отческому преданию. За церковным порогом поэт эти два слова знает, потому что христианской душой и горячим сердцем слышит беду Родины и понимает опасность разлившейся говорливости слишком "невиноватых" соотечественников, готовых судить кого угодно, кроме отражения в зеркале.

*Бурю поднимающие в блудцах,
О России стыдно слезы лить:
У нее жалейщики найдутся,
Только бы работники нашлись.*

Оно так и в церкви — там тоже не разговоры (хотя бы и благочестивые) нужны, а та же неслышная работа души, терпение и настойчивое усилие веры, спасительное безмолвие, устойчивость сердца. Укорить ее найдется кому и без русских поэтов. Им бы почувствовать себя ее настоящими детьми.

К 70-летию В.М.Шукшина ВЕНСКИЙ ЛЕС

30 июня в Москве в духовном театре "Глас" прошел необычный вечер — вечер памяти Василия Макаровича Шукшина. Духовный театр "Глас" явление в нашей театральной жизни уникальное, но об этом особый рассказ. А в этот день здесь встретились почитатели таланта Шукшина. И многое в этой встрече было определено судьбой. Шли отрывки из двух спектаклей по Шукшинским произведениям из репертуара театра, выступили его друзья Юрий и Ренита Григорьевы, замечательные режиссеры, снявшие о нем документальный фильм "На родине Шукшина" и фильм "Праздники детства" по его произведениям. Они читали отрывки из воспоминаний о нем, показывали фотографии из архива, рассказывали о съемках у Василия Макаровича в фильме "Живет такой парень". А потом в фойе прошла панихида по Василию Макаровичу. Во время вечера Григорьевы рассказали о том, что нашли у себя в архиве тетрадь с записями Шукшина, эпизодами для фильма "Венский лес". ...Я пришла к Григорьевым домой и впервые взяла в руки тетрадь с его рассказами. Четкий, мелкий и уверенный почерк, почти нет исправлений, как будто написано все набело сразу. Надо же было такому случиться, что именно в год своего 70-летия Василий Макарович подал нам голос. Все случается тогда, когда должно случиться. Всему свое время.

Марина Ганичева

сочный язык. Но все приняли, так это было искусственно, органично.

Мы подружились уже во ВГИКе и довольно близко сошлись. Не знаю каким это образом произошло: мы коренные москвичи, а он приехал издалека, за четыре тысячи километров от Москвы, из алтайской деревни. Но так сложилось, так бывает в жизни. Когда он закончил ВГИК и вынужден был уйти из общезнания, (ему предложили Свердловск, а он отказался, остался в Москве), то стал жить по друзьям. У нас Шукшин жил несколько месяцев, в двухкомнатной квартире на Комсомольском проспекте, мы ему отдали комнату с балконом, и он там работал, писал. Как-то его долго не было, к вечеру он принес громадную пачку, перевязанную бечевкой, и в ней среди книг лежала какая-то машинописная рукопись, довольно объемистая, страниц на триста. Когда Василий Макарович ушел, я "воровским" способом посмотрел, что за рукопись такая. Оказалось, что это роман "Любовины". Потом он нам ночью, на кухне несколько часов читал этот роман. И тогда я сказал Рените: "Это гениальный совершенно человек".

Ренита человек разговорчивый, и как-то она рассказала Шукшину, очень эмоционально и в мельчайших подробностях, как она была на Венском фестивале молодежи и студентов, где произошла у нее совершенно необычная встреча с немцем из ФРГ. Когда Ренита рассказала эту историю Сергею Аннолинаруевичу Герасимову, он ухватился сразу, и настаивал: "Так вот это то, что должно быть историей для вашего диплома. Берите и снимайте". Так появился сценарий "Венский лес". Мы предполагали, что Василий Шукшин сыграет там одну из главных ролей. Когда Ренита ему все рассказала, а Василий Макарович тогда еще ни разу не выезжал за рубеж, но он так все воспринял эмоционально, и сказал нам: "Знаете что, ребята, я все понял. Давайте, я сам напишу себе этот эпизод". Он взял нашу рабочую тетрадь, где были всякие записи по поводу "Венского леса", ушел к себе в комнату и наутро он нам зачитал два

эпизода. Один — где он должен был играть, в концлагере Маутхаузен, а второй — "Найт-клуб и Венский лес", где он не играет. Это настолько было ярко написано, причем написано разом, сразу, без единой пометки, сильно рукой Шукшина. Едва ли там есть несколько исправлений. Вот что поразительно. В этом характер Шукшина.

Потом эта тетрадка была потеряна. Несколько раз я принимался искать ее в наших архивах, мы переезжали с квартиры на квартиру, я опять искал тетрадь, но она не находилась. Так прошло 38 лет. И вот в год 70-летия Шукшина, Владимир Константинович Сигов, который написал замечательную книгу о Шукшине, попросил меня найти архивные фотографии для книги, я раскрываю папку, где эти фотографии должны быть и — лежит эта тетрадка с шукшинским росчерком. Не знаю, как это назвать. Случай, но случай Божественный. Приехал племянник Василия Макаровича, мы ему рассказали эту историю, и он говорит: "Во какие кренделя Василий Макарович выбрасывает!". Там, в этих двух эпизодах, есть какие-то поразительные вещи. Думаю, что это должно войти в собрание сочинений Шукшина с полным правом.

Рассказывает Ренита Андреевна Григорьева:

— Шукшин уехал в Одессу и не снимался в нашем фильме, но сцены, написанные им мы не стали использовать, это только он для себя писал, его интонация. Только Вася мог сыграть. Так же как "Степана Разина" только он мог сыграть. И мы сделали совсем по-другому в фильме, практически безмолвно. Но совершенно забыв этот эпизод, в нас остались ощущение Васино-го текста, потому наш главный герой в кадре тоже, как и у Васи, смотрит вдаль через колодезь проволочку.

А предыстория появления этих эпизодов такова. 1959 год, Вена, первый фестиваль молодежи и студентов в капиталистической стране. Все волновались, были бесконечные инструкции: открытая граница с ФРГ, Австрия не очень нас ждет, бдительность еще раз бдительность, приедут люди, будут провокации. И действительно, для нас была совершенно необычная картина, потому что после Московского фестиваля приехать в Вену и увидеть пустые улицы, надписи "Красный фестиваль долгой", "Красный фестиваль без нас", всюду плакаты с улыбающимися Элизмом Пресли — "Элизм Пресли против фестиваля", было как-то неуютно. Потом, кстати, Элизм Пресли уже был за фестиваль, и оказался очень милым парнем, пришел в наш студенческий клуб, пел для нас, бегались там все.

Мы собирались в Венской киношколе, и это была огромная удача, что мы сумели организовать семинар-встречу молодых кинематографистов. Собирались студенты, среди них Иштван Сабо, сейчас один из самых крупных режиссеров мирового кино, прекрасный югославский режиссер Душан Макоев, молодые, очень интересные французы, поляки. Шла дискуссия, показ и обсуждение фильмов. Я вошла в оргкомитет, и мы по очереди представлялись. Наша делегация особенно представитель-

Рассказывает Юрий Валентинович Григорьев:

— С Василием Макаровичем познакомился еще во ВГИКе, когда мы с Ренитой учились в мастерской Герасимова, а он в мастерской Михаила Ромма, дверь в дверь, в одном коридоре. Мы ходили к другу другу на просмотры, и тогда он нас поразила как актер. Гениальный актер. А несколько позже уже и как гениальный режиссер, писатель. Так, как он играл, никогда рядом поставить нельзя было. Я помню один просмотр, причем очень серьезный просмотр, собралась вся профессура, Шукшин играет отрывок из "Поднятой целины", и вдруг Василий Макарович так вошел в роль, что ясным русским матом посылает свою партнершу. В зале остолевание, сидит профессура, Сергей Аннолинаруевич Герасимов, ректор, и — такой

ная: Тамара Федоровна Макарова, киновед Армен Медведев, потом председатель Госкино, Изольда Извицкая, другие. Руководил нами секретарь ЦК комсомола Николай Колесников. Очень порядочный человек, но он знал одно: он должен всех обязательно обратно привести, а потому все в двенадцать часов должны быть на месте, по одиночке не ходить, ни с кем упасы Боже не удаляться и не уединяться. В один из дней, когда я предсказательствовала, мне на стол ложится записка: "Петер Шамони, ФРГ, Мюнхен". Я объявляю. Экран вспыхивает и начинается для нас тогда ужасающий фильм: ревущие толпы, демонстрации на Красной площади, человек с татуировкой Сталина на груди, эти кадры перемежаются с фанатичными гитлеровскими парадами. Вся суть фильма, в том, что фашизм и коммунизм — это одно и то же и все это приводит к Гитлеру и прочее. Мне на стол ложится записка в темноте: "Немедленно прекратить демонстрацию фильма. Н. Колесников". Я ему на обратной стороне пишу: "Фильм прекратить нельзя. У нас свободная дискуссия". Иштван Сабо подбежал, он мне записку передавал, и говорит: "Мы с Отто сейчас пережем провода" — "Ни в коем случае. Этого нельзя делать". Фильм заканчивается, сразу поднимается в зале Колесников и заявляет: "Советская делегация покидает семинар в знак протеста". И делает мне приказанный знак рукой. Я сижу, не понимаю, что мне делать. А вся публика, все студенты наблюдают за нашим немим диалогом. Делегация подходит к двери, уже почти все вышли, я сижу. Тогда Колесников на глазах всех возвращается ко мне и говорит: "Ну!" Я сижу. "Я не могу уйти. Я должна остаться". — "Ну хорошо! Мы будем говорить в другом месте и по-другому". Я, честно говоря, затрепетала вся. А все наблюдают за нами. Он выходит, сильно хлопнув дверью. Тогда высказывает на трибуну Иштван, а у него рыжие волосы, синие глаза, красивый необычайно, и кричит Петеру: "Ты провокатор! Ты сделал так, что стало невозможно дальше продолжать!" В общем, кричит-кричит. Тогда встает Петер: "Я думал, что здесь можно будет выслушать друг друга. Но я вижу, что вы действительно можете только выкрикивать лозунги! Я покидаю семинар!". Тут уже высказывают на трибуну и, забыв все на свете, кричу: "Петер! Остановись! Ты покидаешь, а ты подумал о том..." И начинаю что-то ему говорить, чуть ли не со слезами. И Петер вдруг садится. Так он до конца фestsиваля остался в зале. А уже в последний день он подходит ко мне и говорит: "Я хочу с тобой говорить, но не здесь!" Время уже к двенадцати, мы этой ночью уезжаем. Я соглашаюсь, и Петер ведет меня к выходу, идет дождичек, а на улице стоит мерседес. Тогда это было что-то фантастическое. Петер открывает дверь, оказалось, это его мерседес, на котором он приехал из Мюнхена, и говорит: "Может, проедем?" Дрожащая, я сажусь, и мы едем. Приезжаем в какое-то место, идут куда-то вниз ступеньки, подвальчик, оказалось, что это был найт-клуб. И Петер говорит: "Ну вот, здесь нам будет спокойно, мы сможем поговорить". В этот самый момент появляется у нашего

столика человек из НТС, который разбрасывал листовки в клубе, всячески вредил, ну и здесь я уже поняла, что всё, меня сейчас увезут в ФРГ, это провокация. С ужасом смотрю на Петера. А энтсовец пытается говорить, что мы можем здесь общаться не как представители разных систем, а просто как люди. Идет какой-то странный разговор, и вдруг я вижу, как гаснет свет, выходит женщина и начинает раздеваться под музыку. Первый раз в жизни я увидела стриптиза. Это привело меня в такой ужас, а энтсовец говорит: "Ну, а что вы так волнуетесь? Это такой же способ зарабатывать деньги". Я возмущенно высказала все, что я думаю по этому поводу. Петер очень внимательно наблюдал за мной, и когда тот пригласил меня танцевать, Петер довольно резко сказал: "Все! Идем отсюда!", взял за руку и вывел меня. Мы оказались в Венском лесу. Я не поняла даже, что он меня привез туда. А ведь весь фестиваль шутила: "Ой, я так хочу в Венский лес! В Венский лес!" "Большой вальс" я смотрела 26 раз! Колесников мне все время строго выговаривал: "Ты что, приехала в Венском лесу гулять? Мы приехали сюда работать! Здесь такая напряженная обстановка!" И в Венском лесу Петер вдруг начинает мне рассказывать свою историю, сначала на английском, потом на немецком, путая слова, взволновано. Трагическую историю о том, как на его глазах, когда он еще был мальчишкой, его отца забил эссовцы, потому что он отказывался кричать, отказывался поддерживать Гитлера. Трудно передать, но я увидела настолько надорванную и сломленную душу. Дальше он уже говорил о том, что он не хочет жить, что это иллюзия, что так жить не стоит, нужно прекратить это все. И я кинулась, конечно, как советский человек, воспитанный в духе исторического оптимизма, его убеждать, что так нельзя, как ты можешь, какая иллюзия... Не помню уж что я говорила, но он как-то пришел в себя. И в это мгновение, я говорю: "Петер, сколько времени?" — "Полтратьего". — "Я погибла! Все! В три часа мы уезжаем." — "Не волнуйся. Успеем." Мы несемся в мерседесе назад. Стоят уже наши автобусы. Стоят Колесников, Николай Дикой, еще один наш сотрудник, который все время ходил за нами, смотрел. Уже все грузятся в эти автобусы, а мы подъезжаем на мерседесе, все смотрят на нас, я должна выйти, пройти все это расстояние... А Петер в это время все повторяет: "Завтра, чтобы нам увидеться, понадобятся визы и паспорта! Может быть, это иллюзия, что мы сидим здесь вдвоем?" — "Сейчас мне будет иллюзия", — отвечаю, выхожу, и слышу, что Петер не уезжает. Когда я подошла, Колесников сказал только: "Та-а-а-а!" А Коля Дикой развел руками и добавил: "Ну, ты даешь..." Все я поняла, молча повернулась, потому что услышала, как машина поехала. После этого было разбирательство, но поскольку все у нас прошло удачно на фестивале, меня оставили в покое. А Петер прислал мне письмо, где были такие слова: "Мне трудно принять даже самую малую долю из того, в чем ты меня пыталась убедить. Но еще труднее мне забыть тебя. Петер".

Все, конечно, были взволнованы этой романтической историей, которую я бесконечно всем рассказывала. Петер был такой романтический герой, высокий, в черном свитере. Все во ВГИКе сразу же надели черные свитера. Все зарзалилось этой историей. Причем у Петера было много разумного в его разговорах, рассказах, мы тоже об этом задумывались. А Вася тогда у нас жил, много раз слышал этот рассказ. Герасимов тоже настаивал: "Все. Вот вам сценарий. Пишите." И мы написали сценарий и сняли дипломный фильм "Венский лес". А Василий Макарович Шухин написал для себя два эпизода. Герасимов взял нас на три дня в Мюнхен, сказав, что если в фильме не будет играть настоящий западный немец, то фильм не удастся. Мы уговорили за три дня сниматься в нашем фильме студента Мюнхенской театральной школы Хельмута Кирхера, замечательного актера, прекрасного человека, ставшего нашим другом. Кстати, когда Петера спросили, как Хельмут сыграл, он сказал: "Ну, она, конечно, меня идеализировала". Мы защищали диплом три раза. Перед защитой диплома в журнале "Коммунист" появляется обзор дипломных фильмов, где пишут, как жалко, что талантливые, но идеологически безграмотные люди, сделали интересный, но абсолютно пацифистский фильм, где наша советская девушка в идеологическом споре с западным немцем ничего не могла ему противопоставить, кроме слез. Так что мы только на третий раз его защитили. С Иштваном Сабо мы иногда виделись, а с Петером у нас никогда не получалось встретиться потом. Он стал знаменитым немецким режиссером, всемирно известным. И именно в этом году недавно, раздаётся звонок: "Рениту можно?" — "А кто ее спрашивает?" — "Это Петер Шамони". И Петер через сорок лет, уже с аэродромом (нас не было в Москве, потому что мы не смогли встретиться) говорит в трубку: "Ренитичка, это невозможно! Я посмотрел фильм "Венский лес". В Госфильмофонде мне его нашли. Но знаешь ли ты, что и я свой вариант снял этой встречи. Мы договорились с Наумом Клейманом (это замечательный человек, директор нашего музея кино), что мы обязательно соберем всех в Мюнхене, Иштвана, Душана, и покажем ваш фильм, мой фильм, и сделаем третий — эпилл, уже через сорок лет". А Вася немедленно сказал свое слово, чтобы и его не забыли: "Мильпардон, мадам! Я тоже здесь". Нашлись именно в этом году его записки. Ни годом раньше, ни годом позже. Потому что, когда мы поехали осенью 1963 года в поездку по Сибири, мы повезли свой дипломный фильм "Венский лес", а Вася ревниво все время говорил: "Что это "Венский лес"? Давай, поехали в Сроетки, я тебе такой Венский лес там устрою". Самое поразительное, что через сорок лет эта история на каком-то новом витке вернулась к нам. Он как будто ответил нам на все сегодняшние вопросы. Вдруг все сказал сам. И я абсолютно уверена, что это была его воля оттуда.

...Вот такая история. Сегодня мы знакомим вас с одним из эпизодов из архива Р. и Ю. Григорьевых, написанных В.М. Шухиным. В следующем номере публикация будет продолжена.

ВЕНСКИЙ ЛЕС

В.М.Шукшин, Наум Клейман (киновед, директор музея кино) и исполнитель роли Петера, студент Мюнхенской театральной школы Хельмут Кирхер.

Ренита Григорьева и Хельмут Кирхер.

Фото Ю.Григорьева

ВАСИЛИЙ ШУКШИН

СЦЕНА В ЛАГЕРЕ

...Атмосфера лагеря потрясла Алексея. Ровные тупые стены, камни, с которых омерзительно дышала смерть... — все просто, и страшно.

Он пробовал вслушаться в ровный, болезненный голос "экскурсовода", пробовал понять, — кому и зачем пришла однажды в голову мысль так просто и организованно умерщвлять людей — и не мог этого понять. Это было непонятно. Как зачарованный, смотрел он на детски-худую шею "экскурсовода"... и сердце щемила острая жалость и боль, — ведь так просто перебить эту шею, так просто отнять у человека жизнь.

— Не понимаю, Отто, — тихо сказал он.

Австриец вскинул на него ясные глаза.

— Что?

Алексей некоторое время смотрел в них, — в глаза.

— О чем ты думаешь? — Алексея легонько трясло.

— Мне тяжело, — признался австриец.

Алексей качнул головой.

— Не в этом дело... Я не о том. Неужели так просто отнять у человека жизнь?

Они говорили тихо. "Экскурсовод" тоже очень тихо рассказывал... живым о мертвых. Слушали. Старались не шуметь.

...— Всего здесь погибло 4 млн. человек, 28 национальностей. Особенно много погибло русских и поляков... — рассказывает "экскурсовод".

Отто посмотрел на Алексея.

Алексей в этот момент увидел Петера, стоявшего поодаль... и пошел к нему.

— Мне надо поговорить с тобой, — сразу начал он. — Я сейчас...

— Не понимаю, простите, — по-немецки сказал Петер.

— Не понимаешь? Сейчас поймешь. Отто!

Подождал Отто.

— Скажи ему, — волнуясь, заговорил Алексей, — скажи, что так выступать, как он, — нельзя.

Отто перевел фразу.

Петер внимательно посмотрел на Алексея... чуть дрогнули в усмешке уголки рта. Что-то сказал.

Отто, судя по интонации, возразил ему.

— Что он говорит? — нетерпеливо перебил их Алексей.

— Он говорит... глупость. Он говорит... он не понимает слово "нельзя". Очевидно — это новое коммунистическое слово, как — "спутник", "колхоз" и другие. Я сказал ему, что у него плохая память. Это немецкое слово.

— Скажи, Отто... — не надо с ним спорить... — скажи ему... — Алексей обратился непосредственно к Петеру. — Что ты думаешь о лагере?

Отто стал почему-то долго переводить, часто показывая глазами на фотографии замученных людей:

во время этого разговора они медленно двигались вдоль стены, на которой висели фотографии бывших узников лагеря.

Сзади кто-то отделился от делегации и тоже шел вдоль стены и негромко, методично читал надписи под фотографиями.

Скорбно гудел погребальный колокол.

— ...Иванов... Сидоренко... Хавин... — читает сзади голос.

— Он говорит: он не понимает, почему ты подошел к нему, к немцу, и о чем вы можете говорить, — перевел Отто слова Петера. — Он полагает, что тобой, русским, движет сейчас чувство мести. Это — естественно. Он это понимает. — Отто пытливо посмотрел на Алексея. — Я это тоже понимаю.

Алексей окинул взглядом обоих немцев... секунду-две растерянно молчал.

— Я не с тем подошел. Я слышал, как он выступал, у меня его слова в башке, как ржавые гвозди. Мне непонятно, откуда у него столько ненависти к тем, кто борется за мир...

Отто стал переводить. Алексей, волнуясь, продолжал говорить вместе с Отто:

— Меня его ненависть не пугает. Он это должен понимать. Я хочу, чтобы мы здесь узнали друг друга... — Голос Алексея креп. Он коротко взмахивал рукой, отрубая слова. — Я хочу, чтобы мы сейчас говорили все, до конца. Я не верю, что мы — враги...

— Я не успеваю, — сказал Отто по-русски.

Петер слушал внимательно и серьезно. Время от времени взглядывал на Алексея...

— Мы — солдаты, это хуже, чем враги, — ответил он на последнюю фразу, и Отто перевел.

— ...Зильберштейн (еще фамилии — польские, чешские, немецкие, французские), — читает голос.

...длин — бом, длин — бом, — звучит колокол.

— Вы думаете своим крикливым оптимизмом спасти мир. Это глупо. Это — снять с себя всякую ответственность за судьбу мира. — Петер говорит размеренно, четкими правильными фразами. Отто легко переводит. — Ты сейчас волнуешься, завтра пойдешь воевать, и тоже будешь волноваться — это самообман, это святая наивность, которую я ненавижу больше всего на свете. Я хочу, чтобы человек сегодня страдал, потому что радоваться — нет оснований. Мир раздирают противоречия, мир неизлечимо болен, а вы захлебываетесь от оптимизма. На этом я строю свое глубочайшее убеждение, что вы — слепы. Вас сознательно держат в радостном неведении...

— Хватит! — резко сказал Алексей. Он заметно побледнел. — Я все понял. Я понял, что ты озабочен судьбой мира больше, чем я. Я хочу спросить: что ты делаешь для того, чтобы спасти его от гибели? Отвечай прямо, не вливай философский хвостом. — Они говорили теперь, глядя друг на друга в упор, близко.

Отто стал переводить. В середине фразы споткнулся...

— Что такое "вливай"? — спросил он по-русски.

— Пусть не отбояривается общими фразами.

Отто подумал, что-то вспомянул.

— Теперь я не знаю — "отбояривается".

— Пусть говорит честно. Он говорит, что мы только кричим... А что он делает?

— А-а... хорошо. — Отто перевел.

Петер не сразу ответил.

— Вы боритесь за мир? — спросил он.

— Да.

— Скажи мне, тоже честно: зачем вы так активно вооружаетесь? Ты — служил, ты знаешь, что в армии каждые три месяца списываются старые образцы вооружения...

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Я не хочу, чтобы мир вычленился от фанатизма (иллюзий)... Для этого я кое-что делаю.

— Что делаешь? Ненавидишь? Да разве копить ненависть — это безопаснее, чем копить бомбы?

— Фу-фу-фу... Можно подумать, что ты в меня нежно влюблен, — перевел Отто слова Петера, и улыбнулся. Петер смотрел иронически, несколько сверху (он был выше Алексея). Алексей посмотрел ему прямо в глаза.

— Хрен моржовый, — сказал он. — Чего ты так смотришь? Скинь ты с себя дурацкую маску. Хрен моржовый не надо переводить.

— А что это?.. Я не знаю.

— Это... устаревшее выражение. Я хочу, чтобы он смел этот иронический тон.

Отто перевел.

Петер сказал что-то.

Отто долго не переводил... Потом заговорил:

— Он не верит, он говорит, что нет никакого смысла говорить серьезно.

— А к чему он Хрущева поминал?

— Он сказал, что все это говорит Хрущев, а за ним — все двести миллионов говорят то же самое.

— Так если двести миллионов говорят: "Мир" — неужели это несерьезно?

Отто стал переводить.

Потом перевел ответ Петера:

— Да, это несерьезно. Я лучше буду читать ваши газеты. Я не уважаю вас. Вы не свободны, как личность, у вас нет своего мнения, вы просто... — Отто посмотрел на Петера, что-то резко сказал ему по-немецки. Петер так же резко ответил.

— Что он сказал?

— Он переходит на личности. Это нечестно. Я сказал ему об этом.

— А что он сказал?

— Что-то вроде: крен моржовый.

Сзади двое негромко разговаривают:

(Титры. Суб. <титры>.)

— Мне кажется, они все на одно лицо — все поляки.

— А я подумал, что они все — французы.

— Боже мой!.. Живем на одной земле. Все — люди... Что мы делаем!

— Жалко, — задумчиво сказал Алексей. — Не вышло разговора. Последнее, что я хочу сказать: если придет еще один Гитлер, — не скулите. Сами виноваты. Если вам кажется, что кричать: "Мир! Дружба" — глупо, — сидите и ждите. Но только не распускайте сопли потом, — что вы были озабочены судьбами мира.

Отто стал переводить.

— Сопли — это... тут? — спросил он, показывая на свою верхнюю губу.

— Тут. Бывает — ниже, — зло ответил Алексей.

Отто стал переводить Петеру, показывая на свою губу. Петер снисходительно кивал головой, понимая.

— На этот раз Гитлер придет с востока, — сказал он. — Не изображайте из себя дурачка, — всякое тоталитарное государство кончается "гитлером".

— Ах, как тебе удобно жить! — изумился Алексей. — Черт возьми!.. Ты все на свете понимаешь!..

— Да, — гордо ответил Петер. — Я все понимаю. Кроме того: я живу честно — не обманываю себя и других.

— Будь здоров, — свирепо сказал Алексей. — Валяй... толстей. — Он повернулся и пошел в угол двора, к колючей проволоке.

..А день был веселый, звонкий... Тихо ликовала жизнь, ликовала природа... И странно было, что люди, обыкновенные, здоровые люди, не понимают друг друга...

С невеселым лицом прислонился Алексей к проволоке, глядя далеко в степь... Думал.

(Скрипка. Чардаш.)

Разговор с Н.И.Рыжковым

— Николай Иванович, что вы можете сказать о состоянии культуры России накануне вступления в третье тысячелетие, какова роль культуры в жизни нации?

— Тяжелое положение сложилось сейчас в культуре. Самую большую опасность я вижу даже не в том, что здания театров ветшают, новые не строятся, помещения библиотек и музеев занимают коммерческие структуры. Все это можно со временем исправить. Непоправимое же, по крайней мере для нынешнего молодого поколения, а скорее всего — в какой-то степени и для нескольких следующих, я вижу в сознательном размывании моральных устоев, разрушении нравственных и культурных традиций народа. Сегодня поистине пошлость правит бал. Еще в недавнем прошлом была целостная система воспитания детей и подростков. Пусть даже в ней и были свои недостатки, но молодежь читала Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского. Теперь идет массовая пропаганда того, как стать миллионером, сильной личностью, этаким доморощенным Рэмбо. Умело маскируя свои подделки, как правило — жалкие, под "духовную раскрепощенность", свободу творчества, нынешние "культуртрегеры" обрушивают на головы молодежи пошлость, культ потребления и наглую физическую силу. Идет массированное наступление на души, на неустоявшуюся детскую и юношескую психику. Некоторые апологеты происходящего видят в этом один из путей рождения нового класса, который на поверку оказывается чуть-чуть припудренным отживающим свой век классом — буржуазией. Видимо, утренней и вечерней молитвой для новоявленных претендентов на роль властителей дум служат слова: "Будем вырывать духовные корни коммунизма, ополчать и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем

всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них шпионов, космополитов. Вот так мы это и сделаем". Так сказал в 1945 году Аллен У. Даллес, один из идеологов и организаторов "холодной войны", будущий директор Центрального разведывательного управления США. И если правительство вкупе с "денежными мешками" подрывают корни материальной жизни народа, то наши идейные хриstopродавцы не менее усердно подрывают корни моральные, духовные.

У моей внучки лежит на столе книга для чтения в 1-м классе. Из нее полностью исчезли разделы: "С чего начинается Родина", "Великая радость — работа", "Наша Армия", "День Победы", "Наша Родина". Надо полагать, что и учебники других классов претерпели не меньше изменений.

Идет организованное, тотальное наступление западной масскультуры, имеющее целью довести наших людей до состояния полной бездуховности. А ведь именно высокая духовность на протяжении веков отличала народ России и была основой его нравственности, способности к самопожертвованию "за други своя", за Державу свою. Естественно, что именно такое его качество и необходимо было разрушить в первую очередь. Зарубежные "друзья" стремятся завезти в нашу страну отбросы не только химической и атомной промышленности, но и культуры. Нам навязываются чуждые русскому, российскому национальному сознанию образ жизни, идеалы, представления о добре и зле. В Россию спихивается кино — видеобарахло, не находящее сбыта на рынках стран их производителей. А в это время отечественные нищенствующие профессора и лауреаты междоусобиц конкурсов играют на своих инструментах в подземных переходах. И вот это тот случай, когда не грех бы было нам поучиться у Европы. Там умные люди вовремя поняли, чем грозит чуже-

"ИДЕТ МАССИРОВАННОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ДУШИ..."

родное массированное наступление на национальную культуру, и ввели необходимые защитные меры.

Трагедия нашей творческой интеллигенции в том, что в это сложнейшее для народа время она оказалась разобщенной, раздробленной. Именитые театры делаются. Писательские организации развозятся по национальным квартирам и идеологическим направлениям. Диктуется это не столько различием в творческих взглядах, сколько разным отношением к существующему положению дел в стране и используются какие-то первобытные методы борьбы: одни изгоняют из помещения бывших коллег, а те несут и сжигают чучела своих противников, устраивают травлю инакомыслящих. Где же право на свободу мнений, их плюрализм, о чем они так громкогласно и настойчиво вешали в недалеком прошлом? Прямо как в известной сказке Л.А.Филатова:

*Только надобно решить,
Как верней тебя решить:
Канделябром оглоушить
Аль подушкой задущить?*

Подчеркну еще раз, что нынешние "реформы" имеют антидуховный характер. Они идейно оскотпляют людей, примитивизируют их нравственность и мораль. Но у общества, не заботящегося о духовном развитии своих граждан, нет будущего.

Выздоровевшая от псевдодемократического угара Россия займет, конечно, рано или поздно достойное место в мировом сообществе. Хотелось бы думать, что она, наша Родина, о ее уникальными материальными, людскими и духовными ресурсами, сумеет реализовать в конце концов ту роль, которая ей уготована самим ее геополитическим положением. Тем самым Россия, если она встанет с колен и выпрямится во весь рост, объективно выдвинется в эпицентр мировой хозяйственной и духовной жизни.

Владимир КУНИЦЫН

Наш особый путь

Пипноз чисел и прежде всего больших, таких как тысячелетия, — не более чем еще одна форма несвободы, а по сути, желание человечества обуздать пугающую бесконечность. Однако магия числовых рубежей, и тут уж ничего не поделаешь, даже на подсознательном уровне заставляет энергично раскручиваться как созидательные, так и разрушительные силы и в отдельном человеке, и в социумах.

Видимо, поэтому закаты столетий и начала новых веков берут себе в эпиграфы суматошное карканье колдунов и шаманов или же глубокомысленное волхование футурологов.

А между тем осень уступает зиме, весна лету, и землепашец по-прежнему сверяет свою жизнь лишь с солнцем и зеленым ростком. И в этом эпическом безразличии главного кормильца к векам, тысячелетиям и вообще истории, как запечатленной суете человеческого рода, заключена незбываемая вера в вечность жизни, а значит, и в вечность тех духовных и нравственных законов, которые способны содержать человека в согласии с обживаемым миром.

Может быть, поэтому так спокойно относится крестьянское сознание и к утопиям и к антиутопиям, а совсем недавно, когда Россия по преимуществу была мужицкой страной, это отношение можно было характеризовать и как народное.

Не случайно, видимо, и в богослужениях до сих пор не употребляется ни единое слово из "Апокалипсиса". И церковь и народ помнят о предвечном конце света, но предпочитают мудро отодвигать это знание от своей повседневной жизни.

А по мысли академика Александра Панченко, поскольку не сбываются утопии, то и антиутопии не сбываются тоже.

И нам всем это важно понять и вспомнить именно сегодня, в эпоху нагнетаемого катастрофического психоза, вспомнить именно в России, вновь переживающей очередной и, как всегда, глобальный перелом. Вспомнить для того, чтобы вернуться к нашему определяющему нравственному постулату, утвержденному православием не на тысячу лет, а навсегда: каждый день, что бы ни происходило вокруг — жить по совести, в согласии с Божиими заповедями, не впадая в уныние. В этом очередном светлом круге — работай свою работу и не ищи зрачки Вия.

Может быть, отсюда исходит безразличие и русской Церкви и глубинного народного сознания к историческим часам и насечкам циферблатов. Их цель постоянна и неизменна — одухотворенность человека, его способность быть в ладу с собой, ближним и природой.

А это значит, что, по определению, в основе русской культуры заложено свое понимание прогресса и цивилизации, радикально расходящееся с материалистическим практицизмом.

На протяжении последних десяти лет идеологи новой власти нервно убеждают всех и вся, что у России нет особого пути, что ей, корявой и неотесанной, нет иного

счастья, как стать космополиткой, наподобие какого-нибудь Лихтенштейна.

Получается одно из двух: или эти господа совершенно не понимают, в какой стране живут, или же лгут злонамеренно.

У России был, есть и будет особый путь, ее, по словам Тютчева, на самом деле "аршином общим не измерить", и у нее — "особенная статья".

Между прочим, это хорошо понимал тот же Карл Маркс, труды которого наши новые идеологи должны бы еще помнить. Не они ли совсем недавно вколачивали в нас основы научного коммунизма? Так вот Маркс считал, что у России именно свой путь, отличный от западноевропейского в силу ее по преимуществу общинного уклада экономики, форм хозяйствования и — что не менее важно — психологического строя жизни.

Ради того, чтобы вникнуть в этот особенный путь России, Маркс специально изучил русский язык и читал труды Чернышевского в подлиннике. И он же предостерегал русских революционеров в лице Плеханова, говоря, что его "Капитал" написан не для России, а для Западной Европы. Это важнейшее письмо Маркса было сознательно скрыто Верой Засулич, о чем подробно сказано в труде Георгия Кунцына "Марксизм в России начинался со лжи".

К сожалению, в основе всех российских социальных трагедий лежит ложь. Теперь и мы тому живые свидетели.

Я полагаю, что нынешняя власть, совершившая в девяносто первом году буржуазный переворот в России, вполне осознанно до сих пор прикрывает очевидное — нейтральным словом "реформа", справедливо полагая, что в массе своей русский народ пока окончательно не понял, что с ним произошло на самом деле.

Говорят, от непомерной ноши — дух растет. Похоже, к России это приложимо.

Еще в начале горбачевской перестройки, уже в нашей писательской среде и так же вполне осознанно, стали предприниматься активные усилия — отлучить литературу от социальной жизни общества, перевести литературу в разряд эстетических наслаждений и удовольствий, опять вернуться к принципу: искусство ради искусства.

Новый режим увидел протянутую руку и благосклонно пожал ее. И раз, и два, давая понять остальным, какая литература теперь в цене.

Однако традиция, заложенная в русской литературе от Аввакума до Распутина, традиция быть вместе со своим Отечеством, и прежде всего в нужде и горе, и быть до конца, всеми силами помогая ему выстоять, — эта традиция была и остается столбовой.

Вот еще почему, говоря о современной российской литературе, нам необходимо осмыслить и то положение, в котором оказалась ныне Россия.

Кажется, не все еще поняли, что с распадом Советского Союза произошел не только великий передел геополитической карты мира. Если до начала девяностых противостояние двух сверхдержав носило социальный характер, грубо говоря, противостояние двух вариантов возможного будущего человечества — буржуазного или ком-

мунистического, то сегодня уже очевидно, как это противостояние трансформируется в противостояние двух глобальных форм мировоззрения, двух основных и принципиально отличных типов религиозного сознания и опять по оси Запад—Восток. Я имею в виду протестантско-католическое христианство и мусульманско-буддистский мир. На смену парным игрокам: Хрущев—Кеннеди, Рейган—Горбачев, мир получил противостояние между индустриальным эгоизмом Запада, богом-бизнесменом, богом-начальником личного успеха и мощнейшим идеализмом восточного общинно-родового самосознания. Наивно торжествуя победу над поверженной советской империей, Запад еще не догадался, что сорвал крышу с ящика Пандоры и, вместо вяло текущей “коммунистической угрозы”, получил гораздо более широкий фронт сопротивления отнюдь не только в виде исламского фундаментализма.

В этой ситуации Россия опять попадает в пограничное состояние. И на этот раз превращается в желанный союзника как для Запада, так и для Востока. Для Запада — и в роли сырьевой кладовой, и в роли сдерживающего буфера от экспансии мусульманского мира.

Для Востока — как возможный и удобный союзник в борьбе за реванш над западным политическим, экономическим и идеологическим диктатом.

По существу, мы стали свидетелями начала новой, надеюсь бескровной, мировой войны между, грубо говоря, западным и восточным типом мышления — за мировое господство. Не военное, не экономическое господство, как это было по-преимуществу до сих пор, а господство духовное.

И в который уже раз Россия оказывается в эпицентре этой схватки. Как тут еще раз не оценить лукавый цинизм “новых” идеологов, заявляющих о том, что у России нет своего, особого пути!

Надо полагать, что только Россия и окажется в итоге способной протянуть руку помощи сверхиндустриальному убогому Западу и смягчить и облагородить во многом справедливый пафос своих восточных союзников.

Учитывая опять же особый характер православной ветви христианства, сумевшей сберечь исконный идеализм в гораздо большей степени, нежели остальной христианский мир, сумевшей пронести этот идеализм благодаря русской литературе даже через десятилетия агрессивного государственного атеизма — наше взаимопонимание с миром Востока на высшем, духовном, свободном от экстремизма уровне — неизбежно.

Вот на таком историческом фоне нам приходится сегодня рассуждать о современной русской литературе. И, как мне кажется, не лишне держать этот фон в уме, пытаясь понять то, насколько адекватна наша литература вызову времени.

За последние годы Москва заметно потускнела как литературная Мекка. “Дух дышит там, где хочет” — это, пожалуй, современной России подходит более всего. И я полагаю, что литературная децентрализация — процесс неизбежный и даже целительный. Легкий доступ ко всеобщей информации, бурное развитие издательского дела на местах, свои, региональные и полноценные очаги культуры, покрывающие сегодня практически всю карту России, — очевидный залог постепенного духовного укрепления нации.

Сегодня столица остается фактически лидером лишь в тех процессах, которые я воспринимаю и для словесности, и для русской культуры вообще — как очевидно негативные.

Дело совсем даже не в формалистических экспериментах, которые более всего свойственны течениям постмодернистского и авангардистского толка. Без формальных поисков литературе, как делу абсолютно живому, не обой-

тись, и, если уж на то пошло, то и Пушкин в сравнении хотя бы с Державиным — революционер и в этом смысле. Дело в другом. Если еще лет пятнадцать назад практически каждое литературное произведение, в котором автор переходил заповедные нравственные табу, пытался не только выставить на всеобщее обозрение свою душевную гниль, но и представить эту гниль **как норму**, — оказывалось на виду и, как правило, получало отпор, то сегодня подобных стриптизеров трудно сосчитать. Я веду речь не о страхе перед правдой жизни, которая бывает и жестокой и омерзительной — я говорю о позиции автора. И прежде всего о его ответственности за произнесенное слово.

Любая правда жизни не страшна, если автор, ее изображающий, в своем сердце и уме хранит образ, отеченный Создателем, если, погружаясь в самые мрачные колодцы действительности и души, он видит над колодцем и звезды.

К сожалению, и более всего в столицах, издательский рынок распахнул двери для **пошлости слабых**. Надорвавшуюся Россию рвет дешевой беллетристкой и ледяным винегретом постмодернизма.

Однако усложненное время, насквозь пропитанное цинизмом и в политике и в экономике, а потому, видимо, и задвигающее культуру в самый нищий угол — что бы не мешала, не напоминала о совести, именно это время и ставит перед искусством прямую задачу — говорить простые истины. Те самые простые истины, которые благодаря Пушкину, Толстому, Чехову, Бунину, Горькому, Шолохову создали мировой феномен: русскую литературу. Ту литературу, которая помимо художественного текста как текста (на чем жаждали бы остановиться нынешние формалисты) и учила, и пророчила и развивала дух.

Между прочим, неожиданный аргумент в пользу не только словесной чистоты речи, но и ее духовной чистоты получила совсем недавно группа ученых Российской Академии наук под руководством Петра Горячева. Ученые экспериментально доказали потрясающую истину: с помощью словесных мыслеобразов человек может создать или разрушать свой генетический аппарат. ДНК способна “слышать” не только речь, но и смысл читаемого текста и в зависимости от этого текста оздоравливаться или получать травму, переходящую по наследству потомкам. С математической точностью доказано, что проклятия и даже бытовая матерщина, которой, кстати, изобилует ныне модная проза, разрушают волновые программы человека, а, скажем, слова молитвы, напротив, включают резервные силы генетического аппарата.

Ведь недаром же говорилось от века, что словом можно убить, а можно и возродить человека. Отныне эта истина переходит в разряд медицинского факта.

Вот еще почему и в некотором консерватизме русской провинции, счастливо избежавшей в массе своей искушения раззвать форму и смысл слова, дабы утвердить **гордыню пустоты**, я вижу огромный резерв России в ее нынешнем, повторюсь, духовном противостоянии силам разрушения.

Я абсолютно убежден, что борьба эта имеет наднациональный, может быть космический, характер, и в этой борьбе нет пограничных столбов. У каждого из нас **свой** конец света и **свой** Апокалипсис.

Стоит заметить, что современная литературная провинция, будь то Смоленщина, Сибирь, Дальний Восток или Орловщина, в общих чертах живут похожей жизнью.

Можно было бы выделить и несколько основных направлений писательских пристрастий. Это, разумеется, краеведение, историческая тематика и конечно же собственно современная проза и поэзия.

Все это напрямую относится и к орловским писателям, о творчестве которых мы сегодня будем говорить. Види-

мо, так уж объективно складывается, что, поскольку почти во всех российских регионах проживали некогда те или иные выдающиеся мастера русского слова, их нынешние земляки попадают под "облучение" своих именитых предшественников.

К Орловцам это относится, пожалуй, в наибольшей степени. Им больше повезло. Недалужь же Орел именуют неофициальной литературной столицей — Тургенев, Бунин, Лесков, Андреев, Фет, Тютчев, Пришвин. Есть кому влиять.

И потому неудивительно, что из тех авторов, которых мне удалось прочитать, книги Алексея Кондратенко и Владимира Громова — о великих земляках, Орловщине, но конечно же и шире того, поскольку как же рассказать о национальном чувствовании Тургенева в 1879 году, не попытавшись набросать широкую картину жизни русского просвещенного общества тех лет, что и делает с великолепной основательностью Владимир Громов.

В который уже раз, читая, ну, скажем, главу из книги Алексея Кондратенко "Время странствий" о Надежде Семенович, я поймал себя на благодарной мысли о тех писателях, которые, подобно Кондратенко, углубляют и расширяют наши познания о любимых именах. В этой главе Алексей Кондратенко изысканно и деликатно описывает взаимоотношения Бунина с Надеждой Семенович, ставшей впоследствии для писателя прототипом г-жи Авилловой в "Жизни Арсеньева". Пожалуй, обе эти книги все же не краеведческая, а историческая документальная проза, жанр сегодня весьма популярный и чрезвычайно благодатный по определению.

В то же время исторический роман Василия Катанова "Сабуровская крепость" — напротив, как бы стесняется чистого художества и порой начисто уходит в документалистику, сбивая читателя с толку столь решительным и произвольным смещением жанров. Впрочем, и эта книга — о земляках, представителях рода Каменских, что еще раз подчеркивает литературный патриотизм орловских писателей.

Но темы и сюжеты — это все же лишь темы и сюжеты. Гораздо интереснее порассуждать о том, о чем обмолвился Геннадий Попов в одном из своих стихотворений: "Прошла пора... Все истины простые // Мы протоптали в старой колеи..."

Так вот, я о том, в старой ли колеи протаптывают простые истины наши авторы? То бишь, речь о творческой самобытности. Ее же, самобытность, держал я в уме, говоря о необходимости сегодня вспомнить простые истины. И это аксиома, без которой нечего и разглагольствовать о литературе.

Нет таланта — нет истины, ни простой, ни сложной. Мне кажется, у орловских писателей, как, скажем, и у рязанских, есть опасность стать литературными староверами. То есть всю жизнь прошгать в литературном обзоze знаменитых земляков, старательно копируя их стиль, приемы, темы, даже образы.

Бывает, что именно такое снизу вверх ученичество и выдается за сохранение классических традиций. Хотя, по сути, с традицией ничего общего не имеет.

В этом смысле для меня личным открытием оказалось знакомство с прозой Юрия Оноприенко. Я уж не говорю о его художественной жадности — познакомиться себя и в жестком бытовом рассказе, и в народной сказе, и в исторической миниатюре, и даже в жанре пародии на ту же модную нынче мистику. Но что любопытно — во всех этих творческих усилиях Оноприенко не только не теряет своего личного, очень ярко самобытного начала, но и вносит толику новизны в сам жанр.

На мой взгляд, очень талантливо проявился автор в цикле рассказов "Мои поверья". Надо сказать, что, хотя такую вот, настоящую на народных суевериях, преда-

ниях и вымыслах прозу блестяще создавал полтора столетия назад Орест Сомов, видимо оказавший влияние на самого Гоголя, активно этот жанр в русской литературе не развивался. И тем более восхищает тонкая, изысканная народная стилизация Юрия Оноприенко, который каким-то чудом сохраняет в ней привкус подлинности, при том, что умудряется оградить от избораемого в деликатнейшей авторской иронии современного человека.

Пожалуй, вот такое вторжение в весьма классический жанр и можно назвать развитием традиции. Толчком изнутри жанра, а не внешним полтергейстом, которого досталось полной мерой как Есенину, так и Фету.

С Тютчевым сложнее — слишком умен даже в форме. Отсюда и подражателей меньше.

Сильное впечатление оставляет проза еще одного писателя из Орла — Игоря Лободина. Он не так жаден до жанровых перемен, как Оноприенко, и не тяготеет долгим дыханием повествования, кисть его движется не так стремительно, но зато остается простор и воздух для лирического чувства, вдумчивой сострадательности и внимания к деталям.

Я сейчас скажу, может быть, и не справедливую вещь по отношению к столичным писателям, но мне кажется, что провинциальный писатель ближе к человеку, ближе к натуральной народной жизни, он теплее, сердечнее, не так жесток в литературных амбициях, а сегодня, когда Москва во многом утратила свою покровительственную сановность и издательскую исключительность, провинция вообще стала самодостаточней и благородно-стенней.

И потому проза Игоря Лободина и проза, скажем, Ивана Рыжова оставляют впечатление настоящей, очень добротной и художественно полноценной литературы, которую смешно судить по географическому принципу.

Так же, как и великолепную поэзию Виктора Дронникова, о которой давно уже сказано нашим замечательным мастером Владимиром Соколовым, что Дронников, цитирую: "Русский поэт в самом светлом и благородном понимании этих слов... один из немногих тончайших лириков России".

Что тут прибавить? Это так. На меня лично сильнейшее впечатление произвел его цикл стихов о матери. Изумительная по глубине и чувств лирика.

Смею предположить, что в каждом городе России живет хотя бы один подлинный поэт, прозаик, художник, музыкант — не важно кто именно, но все вместе они составляют единое духовное пространство России, и фактически существует лишь одна проблема — чтобы их творчество имело аудиторию, работало в полную силу.

Именно это и именно сегодня важнее всего. О том вызове эпохи, который вновь брошен России, я пытался сказать вначале.

Но закончить я хочу опять же простой истиной. В России нужна власть, которая бы четко осознавала: подъем и укрепление национальной культуры — важнейшая государственная и стратегическая задача. Это вопрос нашей национальной безопасности. Будет решен он — неизбежно возродится экономика, очистится политика и укрепится дух и тело нации.

Как известно, Смердяков мечтал о парикмахерской в Париже и зарезал папашу.

Сегодня смердяковщина режет горло уже всей России. И при этом объявляет во "всесоюзный розыск" национальную идею.

Нам нужна власть, которая бы поняла — сохранение русской культуры, это и есть наша национальная идея. А может быть, и мировая, потому что стоять нам между Востоком и Западом всегда.

Издано на просторах РОССИИ

В самом начале года в издательском центре "Россия молодая" Международного Фонда православных народов вышла в свет небольшая по объему, но очень емкая по своему духовному наполнению книга "Русские святые войны" (составитель — Владимир Анищенко). "Святая Русь — не ме-

тафора, — говорит в обращении к читателям президент Фонда доктор философских наук В.А.Алексеев. — *Россия — Русь — это страна-мученица, многие века распинаемая на кресте испытаний, а русский народ — есть народ страстотерпец, страдающий за неизбывную веру в Христа и верность Правде Божьей...*"

Вот вера в то, что "на крови мучеников возрастает сила Церкви Христовой", и веда всегда русских людей на заведомо неравные битвы с врагами, укрепляла дух во время пыток и истязаний, помогала выдерживать боль, бросала грудью на амбразуры и направляла на таран самолеты.

В книге двадцать глав, из которых перед читателем встают во всей своей святости Великий князь Владимир, Мученик Меркурий Смоленский, Преподобный Илия Муромец, Благочестивый князь Олег Брянский, Преподобный Антоний, пронзенный стрелой, и другие, давно известные по житиям и былинам и только впервые открываемые воины Руси.

Книга вышла по благословению Святейшего Патриарха Алексия II со вступительной речью, произнесенной митрополитом Филаретом 2 октября 1843 года перед собранными из бессрочного отпуска воинами.

Извративший немало юных умов период господства в российских школах сороковских учебников, похоже, наконец-то заканчивается. Во всяком случае, книга "Живое слово" под редакцией З.И.Романовской, по которой учатся сегодняшние московские первоклашки, помогает им узнавать мир не по текстам В.Аксенова или И.Бродского, а при доброй помощи таких классиков русской литературы как Л.Толстой, И.Крылов и другие.

Вот и в Липецком издательстве "Гэлион" специально в помощь учителям издается прекрасная серия "Липецкая энциклопедия", в которой в 1997 году выпущен на-

писанный патриотами как своего большого Отечества, так и "малой родины" В. Шаховым и Б. Шальневым учебник-хрестоматия по краеведению Липецкой области для неполной средней школы "Родная культура: мир детства и отрочества". Это учебно-просветительское и нравственно-воспитательное пособие по краеведению и региональной культуре ставит своей целью дать крылья неокрепшим детским душам, открыть перед ними "историю духовности, нравственных заветов, утверждающих добро, милосердие, поклонение не обманной красоте". И учиться этому они будут на народных обычаях, песенном творчестве, героической истории своего края, чему в немалой степени призвано помочь духовное наследие

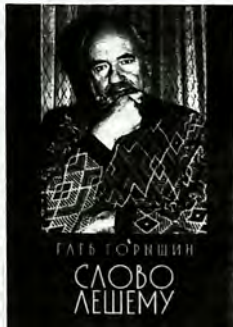
таких связанных с липецкой землей святителей и писателей как Тихон Задонский, Гаврила Державин, В.А.Жуковский, А.С.Хомяков, И.С.Тургенев, И.А.Бунин, М.М.Пришвин и другие.

Ростовчанин Виктор Петров — поэт откровенно трагического мироощущения, и новая книга его стихотворений "Спас-на-крови" (М.: Издание журнала "Юность", 1997 — 416 с.) является тому ярким подтверждением. Не надуманной, не высосанной из пальца, а самой что ни на есть истинной болью исходит практически каждая страница сборника, отчетливо проявляя неприкаянную сущность почти всякого настоящего поэта в этом безумном (или бездумном?) мире. Вот лишь несколько взятых наугад поэтических строчек, но даже они дают представление о том, в напряжении страстей какого накала предстоит погрузиться читателю книги В. Петрова: "выматал душу свою", "я сорваться готов на

крик", "нервы сплетая в жгут", "я хватаю рыданье ртом", "тишина криком кричит, как сумасшедшая" — и так на протяжении почти всего сборника. Со страдать ли автору в его терзаниях или нет, каждый читающий будет решать сам, но, странное дело — несмотря на явный трагизм книги, погружение в него обладает каким-то ошутимо СПАСИТЕЛЬНЫМ эффектом. Воистину сказано: "СПАС-на-крови".

Выпущенный уже после смерти автора Санкт-Петербургским издательством писателей "Дума" роман Глеба Горышина "Слово лешему", имеет подзаголовок "Записки очевидца" и является последней, так до конца и неоконченной работой писателя, точку в которой, как принято говорить, "поставила смерть автора". Но исповедальная проза (а именно в этом ключе воспринимается последняя вещь Горышина) в сущности и не имеет таких четких границ начала и конца, как традиционные сюжетные романы и повести. В "Слове лешему" автор, прикипев душой к глухой лесной деревеньке Нюрговичи и ее жителям, рассказывает о судьбах близких его сердцу людей и, задумываясь над их нелегкими жизнями, ищет ответы на "вечные" вопросы о смысле бытия, истине, о суете сует... И как чужеродные и даже враждебные этому гармоничному лесному миру залетают в его повествование имена Собака, Чубайса, отголоски иной, безжалостно всё разрушающей жизни...

Роман охватывает период с 1985 по 1995 годы; написанный в форме личного воспоминания, он является по сути авторским заведением всем, кто остается жить в покинутом им мире. Есть ли у нас здесь еще хоть что-то ценное, не разворванное реформаторами?.. "У нас, — говорит писатель, — у русских, есть язык — наша живая вода; сколько уже веков двигает она нашу мельницу, сколько перемолола мертвечины в жи во т в о р я щ у ю плоть смысла. Это свойство нашего языка заметили еще Ломоносов, Пушкин, Гоголь, Тургенев..." — И так ли уж второстепенны эти мысли по сравнению с высказываниями иных авторов о путях обустройства России, если человек не мог оставить их даже в работе над своим ПРЕДСМЕРТНЫМ романом?..

Герой не нашего времени

О жизни и судьбе
унтер-офицера Филиппа Ефремова

В нашей истории не часто можно встретить такого персонажа, которого в литературе принято именовать "положительным героем". Реальная история, как и реальная жизнь, такими людьми не богата. К тому же за последние годы нас избаловали всевозможными разоблачениями, и теперь мы с недоверием и подозрительностью глядим на любую историческую персону.

Давайте попробуем все-таки начать "с чистого листа" и взглянем на такого деятеля, жизнь которого еще не успела обрести историческим мифом. Давайте заглянем в XVIII век, полный коварства и страстей. За теми фигурами, что стоят у переднего края российской исторической сцены, если внимательно приглядеться, можно различить некоего Филиппа Ефремова. На фоне бурного "века просвещения" его история совсем затерялась. Сейчас она знакома лишь совсем немногим литературоведам, и то лишь благодаря небольшой книге воспоминаний, которую оставил после себя сам Ефремов — "Российского унтер-офицера Ефремова девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии". Ну что ж, попробуем окунуться в историю жизни этого унтер-офицера.

Итак, всецело отдаваясь биографическому жанру, жизнеописание этого удивительного человека следует, как и положено, начать с рождения.

Герой наш родился без малого двести пятьдесят лет назад, в 1750 году. В том же самом году умер Иоганн Себастьян Бах, но родился Антонио Сальери, Вольтер пересел ко двору прусского короля Фридриха II, а граф К.Г. Разумовский стал последним гетманом в истории Украины, умер историк

В.Н. Татишев, а известный российский путешественник С.П. Крашенинников стал действительным членом Петербургской Академии наук. Все это произошло в 1750 году. Спустя тридцать четыре года в книге своих воспоминаний Ефремов скупно, как в формулярном списке о службе, напишет о себе: "Уроженец я Вятской и сын Сергея Ефремова, секретаря тамошней духовной консистории".

Таким образом, детство Филиппа Ефремова проходило в настоящей сибирской глубинке, в небольшом городке даже по меркам непритязательного XVIII века. Население Вятки составляло тогда едва ли четыре тысячи человек. (Сейчас, кстати, название этого города на карте уже не найти, с 1934 года и по сей день он называется Киров.) Семья Ефремовых, по всей видимости, жила не слишком богато. Вряд ли место секретаря, то бишь стряпчего, в управлении делами епархии давало большие доходы. Как часто тогда бывало, Филиппа еще тринадцатилетним мальчиком зачислили солдатом в Нижегородский пехотный полк. Судя по всему, в отличие от дворянских недорослей, мальчика на самом деле отдали в службу. Уже в девятнадцать лет он был произведен в сержанты. В это время Ефремов со своим полком воевал в Крыму на Турецком фронте.

И вот настал 1774 год. Россию захлестывала волна крестьянского восстания, "пугачевщина". Филиппу Ефремову 24 года. Под его командой 20 человек солдат и казаков и одна пушка. Оренбургские степи, застава Донгуз, один из дальних форпостов гарнизона, до самого Оренбурга пятнадцать верст. В степях неспокойно. Не успел небольшой

новоприбывший отряд обустроиться на новом месте, как одна из пугачевских "ватаг" напала на заставу. Перевес сил был не в пользу солдат, нападавших было около 500 человек. Как потом вспоминал Ефремов: "Что может храбрость произвести там, где противу одного сорок человек?" Однако нападавших удавалось сдерживать с раннего утра до полудня. Ефремов не стал приписывать эту стойкость какому-то исключительному героизму, он честно сказал, что ватагу нападавших, вооруженных чем попало, сдерживала только ружейная пальба да пушка. Конечно, долго это противостояние продолжаться не могло. К полудню порох закончился. Сержант Ефремов забил пушку, чтоб она не досталась врагу, и приказал бежать к Оренбургу. "И как порох у нас вышел весь и только в ружьях осталось по заряду, то я на бегу последним зарядом выпалил". Естественно, далеко убежать не удалось. Кому-то, может, и удалось скрыться, Ефремову — нет. Пугачевцы его загнали и взяли в плен. "Один, догнав меня, ударил саблею вдоль ружья моего и оною отрубил у левой руки большой палец, другой поразил меня саблею над правым ухом, а третий копьем ранил в голову выше лба".

Контуженный, Ефремов потерял сознание. Когда пришел в себя, был уже связан по рукам и ногам. Пролетав так до ночи, он присматривался и искал возможность для побега из временного становища пугачевцев. "Ватага их состояла из язычных казаков и мужиков, не знающих военных предосторожностей, то и не поставили они стражи". Для молодого сержанта это было достаточно поводком к побегу. "Стал я напри-

гать все свои мышцы, чтоб ослабить веревки, которыми был связан, и усилие мое было не бесплодно". Освободившись, он развязал двоих солдат, которые лежали рядом. Побег остался незамеченным. Остаток ночи и половину следующего дня они пролежали в камышах у реки Донгуз. Посчитав, что опасность миновала, Ефремов решил пробираться в Оренбург.

Однако незамеченными беглецы прошли всего лишь три версты. Их обнаружили казахи, которые "пользуясь мятежным временем", вылаивали в степях людей, а затем продавали их на невольничьих рынках Средней Азии. Сержант и его солдаты опять оказались в плену. От казахов, поднаторевших в содержании невольников, Ефремову сбежать не удалось. Да и раны его дали о себе знать. В казахских улусах Ефремов от них едва не умер, если бы не старый казах, проникшийся к русскому пленнику и выходивший его.

Через два месяца за Филиппа Ефремова, еще не совсем оправившегося от ран и болезней, казахи смогли получить на рынке в Бухаре всего лишь четыре выделанные телячьи кожи. Приобрел его хожа Гуфур, подаривший через месяц русского пленника "тестю своему Данияр-беку, который в Бухарин полновластен и называется атак, то есть владетель". Ефремов стал рабом человека, который в это время фактически вместо хана управлял всем Бухарским ханством.

Сначала русский пленник выполнял черную работу: носил воду, работал в саду и поле, охранял сад. Затем, по всей видимости, он чем-то заслужил расположение атакы, и тот поручил ему крайне ответственную задачу — надзирать за своим гаремом.

Расположение Данияр-бека имело и свои отрицательные стороны. Вскоре атакы начал уговаривать понравившегося ему русского раба принять ислам. Сначала обещал различные милости, а потом приказал его пытать. Пытка была по-азиатски изощренной. В невольника силой закачивали густой соляной раствор. Когда от боли он начинал терять сознание, чтобы сохранить ему жизнь, ему промывали желудок и давали съесть масло. Когда же он приходил в себя, пытка возобновлялась. Так продолжалось три дня. Пытки не сломили Ефремова, мусульманам становилось не собираясь, а Данияр-бек, по всей видимости, не хотел мучить хорошего раба. "Видя атак, что все его мучения недействительны, убеждал меня по крайности ему присягнуть, чтоб служить верно. Ту присягу я сделал из пристрастия языком, а не сердцем".

Для атакы присяга оказалась вполне достаточно, и Ефремов стал левзибаши, то есть пятидесятиком в бухарском войске. Вслед за этим русскому рабу были сделаны богатые пожалования, атакы одарил его землей, чистый го-

довой доход с которой "300 червонных тамошних, кои в России меняются по три рубли". То есть доход Ефремова был 900 рублей в год. (Надо сказать, что не каждое дворянское поместье в России приносило своим хозяевам такие деньги.)

На службе Бухарскому ханству Филипп Ефремов быстро "происходил чинами". Вскоре он стал юзбашу, то есть сотником. Воевал храбро, сам принимал участие в сражениях, брал пленных, за что атакы жаловал его еще неоднократно землей и деньгами. Данияр-бек, видимо, доверял Ефремову и уважал его воинские таланты. Во время одного из походов на Мерв и Хиву русский раб фактически командовал бухарским войском. Бывший русский сержант, который на русской государственной службе командовал самым большим 20 человек и одной пушкой, делал в бухарском войске неплохую карьеру военачальника. Кроме того, Ефремов обнаружил удивительную способность к языкам. За пять лет, что пришлось провести ему в Бухаре, он выучил таджикский, персидский, узбекский, казахский и какие-то другие восточные языки, которые он скромно не стал перечислять в своих воспоминаниях. Жизнь в Бухаре для Ефремова не обошлась и без романтической истории. О ней он сдержанно поведал, вспоминая свои приготовления к побегу. "Влюбилась в меня атакылова ключница, коя всячески старалась, чтоб я носил имя ее мужа, на что я не согласился. Она после изъявила прямое и усердное желание со мною уйти, куда б я ни пожелал. Она же родом персиянка и еще молодая захвачена бухарами. Я ей обещал, когда найду свободный случай к уходу, ее не оставить".

Вскоре "случай к уходу" представился. По поручению атакы Ефремов постоянно разъезжал между Бухарой и постоянно воюющей армией. Появились связи, влияние и какая-то видимость свободы, деньги же у него, кажется, были всегда. Летом 1780 года Ефремову "за сто тамошних червонцев" (то есть за триста российских рублей) удалось сделать себе подложную грамоту, где он фигурировал как посланец атакы Данияр-бека в Коканд. Любезнобильная персиянка-ключница выкрала для него ханскую печать, которой он и заверил свои бумаги. Верная своей привязанности, она хотела бежать вместе с Ефремовым. Но ему пришлось отказать ей, "ибо, взяв оную с собою, никак бы не мог спасти ни себя, ни ее".

С бухарским юзбашу Филиппом Ефремовым сбежали еще двое русских. По дороге он весьма успешно выдавал себя за посла, и ему везде выделяли сменных лошадей и провиант. По пути беглецы останавливались в Самарканде, где Ефремову раньше уже приходилось бывать во время военных походов. Самаркандцы запомнились ему как "на-

род весьма здоровый, только в войне робкий".

Добравшись так до Коканда, беглецам пришлось срочно сменить амплуа. Теперь они выступали в роли татарских купцов. Для того чтобы полностью соответствовать новой роли, Ефремову пришлось купить товар и обзавестись собственным рабом-арамом. Путь на родину не получался коротким. Назад поворачивать было нельзя, переждать на одном месте — тоже, и потому пришлось двинуться дальше на юг в полную неизвестность с первым же торговым караваном.

Поездка предстояла не самая легкая, торговцы готовы были идти на риск ради возможных крупных барышей. Путь каравана лежал через Тибет, через перевалы выше 5000 метров. (Например, перевал Кара-Корум находится на высоте 5658 метров, а самая высокая гора Кавказа Эльбрус — на высоте 5642 метра.) Ефремов очень скупно отозвался о трудностях пути по Тибету: "Большие пропасти, узкие проходы и худые дороги". Однако о том, как тяжело было на самом деле, можно понять уже из того, что двое его спутников погибли в дороге один за другим. Ефремов, верный своему христианскому долгу, похоронил их по православному обычаю. Сделать это было непросто, ведь для всего каравана они были татарами. Ефремов ночами тайком от всех перетаскивал тела своих товарищей в укромные расщелины, где отпевал и погребал их.

Вскоре заболел и сам Ефремов. Что-то произошло с его ногой, и она страшно загнойлась, ему пришлось отстать от передового каравана и бросить свои товары, с ним остался только слуга-негр. На счастье Ефремова, на Тибете его принял и выходил местный старик. За месяц он поставил его снова на ноги. Среди тибетцев Ефремов провел четыре месяца. О них он вспоминал как о людях "по большей части стройных, цветом изчерна-желтых, склонных к войне, но притом честных и дружелюбных". Единственное, тибетцы "весьма неопытны, и по правилам своей веры не смеют бить ни блох, ни вшей, ибо, по их рассуждению, и сии твари имеют разумную душу".

Боясь привлечь к себе ненужное внимание, Ефремов в одиночку продолжал путь с Тибета опасаясь. Не долго думая, он вместе со своим арамом превратился в нищего мусульманского паломника и вместе с группой таких же отправился дальше. Пройдя через Кашмир, тогда еще территорию, принадлежавшую Афганистану, в итоге Ефремов очутился в Дели. Здесь он отбился от группы паломников-магометан, дальнейший путь он предпочитал продолжать без них.

Ефремову везло, на его пути всегда попадались люди, которые помогали ему. Возможно, это было закономерностью, и русский скиталец был просто

таким человеком, который располагал к себе людей. Так произошло и в Дели. Он познакомился с неким армянином Симеоном, который близко к сердцу принял историю русского беглеца и приютил его у себя в доме. Армянин этот, видимо, уже давно жил в Индии и успел наладить приличные связи. Он направил Ефремова с сопроводительным письмом к своему приятелю в английские владения в город Лякнаура.

Тут Ефремов надеялся через англичан добиться отправки в Россию. Однако здесь он несклади пригласился коменданту города Медлитону. Он пытался завербовать его в английскую колониальную армию. После того как уговоры не помогли, комендант распорядился держать Ефремова под караулом. Еще совсем недавно прикидываясь нищим паломником, на этот раз Ефремов заявил, что он секунд-майор русской армии и родственник президента Военной коллегии З.Г. Чернышова. (Он не мог знать, что его фиктивный родственник вынужден был покинуть свой высокий пост и уже

шесть лет как являлся наместником Полоцкой и Могилевской губерний.) Тем не менее несостоявшегося английского солдата вынуждены были отпустить и сопроводить с письмом в Калькутту, которая была тогда столицей великобританских владений в Индии. Ефремову пришлось пересечь всю Индию. Страна оказалась ему хоть и чрезмерно жаркой, но богатой и плодородной, правда, люди там "от чрезмерных жаров черны, ленивы и весьма сластолюбивы".

В Калькутте Ефремов вновь проявил чудеса изворотливости. И в конце концов, подарив своего арапа некоему "мистру Чамберу", он был посажен на почтовый корабль, следующий в Англию.

Обогнув Африку, Ефремову удалось насладиться видами небольшого острова Святая Елена, где они запасали пресную воду. Шел 1782 год. Нашему герою — 32 года. В это время в парижской военной школе учится тринадцатилетний мальчик Наполеон Буонапарте, которому через тридцать три года так же придется посетить эти места и провести здесь последние годы своей жизни. Ефремов островок не приглянулся, ибо он "совсем беспло-

Бухарец, хивец, татарин.
Художник Г.-Ф.Х. Паули.

ден, а дрова и провизию сюда привозят из Англии".

Миновав Святую Елену, корабль прибыл в Ирландию. И вот уже из Ирландии сухим путем Ефремов добрался кое-как до Лондона. В июле 1782 года он предстал перед русским послом И.М. Симониным, который и помог ему перебраться в Петербург.

26 августа 1782 года. Прошло почти девять лет с тех пор, как молодого сержанта Нижегородского пехотного полка отправили с 20-ю солдатами и одной пушкой на Донгузскую заставу. Бывший сержант русской армии, бухарский юзбаша Филипп Ефремов вернулся на родину. Столица же жила своей жизнью. Обсуждалась постановка комедии "Недоросль" Д.И. Фонвизина, на улицах в новой форме появились новые полицейские чины — квартальные надзиратели и приставы, столичная знать была озабочена раздачей первых орденов Святого Владимира, на Сенатской площади открыли новый памятник Петру I — "Медный всадник". Делу Ефремова предстоял долгий извилистый путь по канцеляриям, ведь ни

в каких списках он уже не числился, с довольствия был снят и живым нигде не фигурировал. Но ему вновь повезло, его приютил у себя в доме весьма влиятельный человек — Александр Андреевич Безбородко, секретарь Екатерины II. Он же и представил Ефремова самой императрице.

Аудиенция состоялась 5 ноября все того же, 1782 года. Екатерина любила экзотику, а потому с рассказом о своих странствиях Ефремов выступал перед ней в "азиатском платье". Императрицу рассказ, судя по всему, позабавил. Бывшего сержанта разом произвели в прапорщики, что было тогда уже офицерским чином, и зачислили переводчиком в Коллегию иностранных дел "по знанию бухарского, персидского и других азиатских языков". Вместе с этим Екатерина распорядилась выдать Ефремову 300 рублей. По иронии судьбы это была та же сумма, что он заплатил в Бухаре за свои подложные документы. По настоянию А.А. Безбородко Ефремов сразу же по прибытии начал писать книгу-отчет о своих странствиях. Судя по обстоя-

тельным землеописаниям с указанием даже дней пути от города к городу, Ефремов писал книгу на основании путевых дневников. В 1784 году он ее закончил и посвятил своему благодетелю. В рукописном виде книга постепенно начала расходиться по Петербургу и в 1786 году была издана даже без ведома самого автора. (Стоит сказать, что при жизни Ефремова она переиздавалась еще дважды — случай не такой уж частый и для нашего поголовно грамотного времени.)

Жанр путешествий и странствий был в то время очень любим читающей публикой, и потому в печати тут же появились весьма хвалебные рецензии на книгу. На какое-то время Ефремов стал популярным автором. Но литературной славы он искать не стал, саму книгу он замысливал не как увлекательный рассказ о приключениях, которые, кстати, описаны довольно скупо и сухо, а как страноведческое и этнографическое описание тех земель, где он побывал. В большей степени она похожа на отчет военного разведчика или торгового агента. В предисловии к книге Ефремов написал: "Не хвастовство тем, что претерпел я разные бедствия, ниже желание прославить себя

описанием испытанных мною странных случаев, побуждает меня представить кратко об оных начертание: но единственно то, что земли, в коих судьба определила мне страдать, и народы, у которых долженствовал я рабствовать, мало знаемы единоземцам моим".

Что касается земель Средней Азии, то о них кое-что все-таки знали в России, и они уже утратили ореол далеких сказочных стран, но к любым новым сведениям Военная коллегия и Коллегия иностранных дел прислушивались с интересом. Ефремов заметил: "Кажется по всему, что России предоставлено утвердить и здесь верховное свое владычество". Действительно, через 80 лет русским людям, в лице солдат, предстояло гораздо ближе познакомиться с этими землями, а к середине 80-х годов XIX века вся Средняя Азия уже вошла в состав Российской империи.

Земли же Тибета и те, что находятся за ним, и в самом деле были "мало знаемы" в России, да и не только здесь, но и в Европе сведения о них были скудны. Ефремов первым из европейцев проник в Индию сухим путем через Тибет. Последним же из русских, кто побывал в Индии и что-то написал об этом, был тверской купец Афанасий Никитин. Как и Ефремова, путешествие Никитина заняло почти девять лет, и, подобно Ефремову, странствовать по Индии тверской купец не собирался, так же его пытались заставить принять ислам, так же ему пришлось претерпеть много бед и лишений, так же он вынужден был, спасая жизнь, выдавать себя за купца-магометанина. Все это было за триста лет до Ефремова. Только вот при жизни Никитина так даже и не успел отдать переписчику свои путевые записи, которые потом стали до христотатинности знаменитым "Хождением за три моря".

Ефремов же не стал развивая свой неожиданный литературный успех, но и жизнь его на этом не закончилась. Его ждала служба в Коллегии иностранных дел, но Ефремов не превратился в заурядного чиновника, смеявшийся со множеством таких же. В 1783 году, меньше чем через год после возвращения, ему было поручено сопровождать из Петербурга бухарского посла. Сложно сказать, какие чувства он должен был испытывать, выполняя это поручение. Вернувшись назад в Петербург, Ефремов отказался от дипломатической карьеры. Здесь он обратился с ходатайством к сенатору графу Александру Романовичу Воронцову, и тот устроил его надзирателем в Петербургской таможне. В благодарность за оказанную услугу Ефремов подарил ему два рукописных экземпляра своей книги. Вполне возможно, что именно Воронцов и стал первым анонимным издателем книги Ефремова.

В Петербургской таможне в 1875 году Ефремов служил под началом своего сверстника Александра Николаевича Радищева, так же вошедшего в историю своей привязанностью к литературному жанру путешествий. Книга надзирателя Ефремова была уже написана и должна была выйти в следующем году. Более скромное по размаху странствий, но гораздо более известное "Путешествие из Петербурга в Москву" Радищева должно было увидеть свет только через пять лет, за что начальнику Ефремова, "бунтовщику похуже Пугачева", предстояло отправиться в Сибирь.

Радищев, что очень вероятно, был непосредственно знаком с историей своего подчиненного и уж точно читал его воспоминания. Отрывок из них он даже использовал в своей поэме "Бова", описывая обычаи и верования тибетцев. Вот как пишет об этом сам Ефремов: "Больше всего почитаются у них шарик, делающиеся из калу да-лай-ламы и богдо-ламы... сии шарик всем раздаются вместо святыни и всякое зло отвращающего дара, так же и моча сих обоих ламов почитается за спасительное средство во многих болезнях". Радищев же следующим образом претворил эти сведения в поэтические строки:

*"Иль в Тибете, иль в Бутане,
Где живет тот царь священной
Своих сладких яств останки,
Что в священных его недрах
Благотворная природа
В млеко жизни претворила,
В веществе сие изыщо
Да-лай-лама которо
Всем в подарок правоверным
Для десерту рассылает".*

Недолго продолжалась совместная служба двух путешественников. Автору "Деятельных странствований" на одном месте не сиделось. Ефремов начал новый период своих служебных скитаний по России, благо знание языков и свойства деятельной природы позволяли ему это делать. Из столицы он вскоре переехал в вновь учрежденное Кавказское наместничество, где занял должность заседателя Верховного земского суда с чином коллежского ассессора. Для прапорщика это уже был серьезный служебный шаг, по табели о рангах это соответствовало военному чину майора. Но через год Ефремов покинул заседательское кресло для того, чтобы по распоряжению князя Г.А. Потемкина стать директором Астраханской портовой таможни. Уволившись отсюда, оказался в Вологде ассессором уголовного суда, но уже с чином надворного советника, что приравнивалось подполковнику военной службы. Из Вологды в 1795 году Ефремов был вскоре командирован на юг России, там два года

назад основали город, который в том же, 1795 году получил название Одесса. Ефремов должен был устроить в нем городской магистрат.

Заслуги его были по достоинству оценены: 25 апреля 1796 года "за беспорочное поведение и усердную службу" он был пожалован грамотой на дворянское достоинство. На гербе дворянского рода Ефремовых изображены дорожные сапоги, что должно было символизировать жизнь-странствие самого Филиппа Сергеевича.

Но дворянский титул и достоинство не смогли заставить Ефремова благополучно осесть на одном месте. Надворный советник служит директором Кизлярского, потом Моздокского таможен. В возрасте пятидесяти лет увольняется по болезни, ему назначают пожизненную пенсию 500 рублей в год. (Кстати, если вспомнить, то бухарский аталык лучше обеспечивал своего брата. Там Ефремов имел самое меньшее 900 рублей в год.) На пенсию Ефремову не сидится, и он опять служит на таможне директором Бухтарминской заставы в Западной Сибири.

В 1805 году в 55 лет Ефремов окончательно увольняется и едет жить в Петербург, но столичная жизнь не для него, и он переезжает в Саратов, а оттуда в 1810 году в Казань. В это время мы узнаем, что за двадцать восемь лет служебных странствий по просторам России Ефремов обзавелся женой и детьми, которые последние годы переезжали с места на место вместе с ним. Последние сведения о его жизни относятся к 1811 году. В этом году в Казани магистр исторических наук Петр Сергеевич Кондрев издает в третий раз книгу Ефремова. О самом авторе он пишет: "Состояние его весьма посредственно, но оно тем более приносит ему чести, что он, имевши случаи соделаться богатым, по любви к истине и добру государей и отечества, не захотел воспользоваться оными так, как пользуются сим, может быть, весьма многие".

На этом следы Филиппа Сергеевича Ефремова теряются. Ему 61 год, состояния он своей верной службой, полной соблазнов и искушений, не нашёл. За плечами бурная жизнь: сын вятского стряпчего стал сержантом, потом рабом в Бухаре, юзбаши, много и храбро воевал, прошел пешком Среднюю Азию, Тибет, Кашмир и Индию, объехал полмира, вернулся на Родину, написал популярную книгу, но литератором не стал, происходил чинами, служил Отечеству, стал дворянином, обзавелся семьей. И вот 1811 год. Ефремов еще достаточно бодр. Впереди роковой 1812 год, Наполеон, Отечественная война. Но на этом самом месте достоверные страницы биографии Филиппа Сергеевича Ефремова закрываются. Дальше остаются только предположения и полная свобода творческого вымысла.

Татьяна ТОМАШЕВСКАЯ

г. Вологда

Детство композитора Валерия Гаврилина

В

один из моих приездов в Ленинград в гости к Гаврилиным Валерий Александрович попросил меня записать для него некоторые воспоминания о его детстве, которые сохранились в моей памяти о тех трудных годах, когда он был воспитанником Октябрьского детского дома и начинал заниматься у меня в музыкальной школе по классу фортепиано. Мне помогала наш журналист и обозреватель нашей областной газеты "Красный Север" Серова Наталия Сергеевна, которая много писала о жизни и творчестве В.А. Гаврилина и высоко ценит его как выдающегося русского композитора.

Параллельно с этим я записала специально для него небольшие воспоминания своего детства, так как мне казалось, что судьбы этих двух детей, родившихся и выросших в разное время, очень похожи.

Я, так же как и он, рано потеряла отца, голодные годы, война, непосильный труд, а было мне, как и ему, одиннадцать лет. Музыкальные занятия у меня возобновились только после войны. Я до сих пор удивляюсь, как хватило сил выжить. Жаль только одного, что он ничего не успел прочесть из моих воспоминаний.

С тех пор прошло много лет, детский дом давно расформирован, а в поселке Лукьяново есть интернат, и в нем работала Ираклиева Александра Николаевна, которая руководила всем хозяйством Октябрьского детского дома до самого его закрытия. Я позвонила ей, и мы встретились. Очень долго беседовали и обо всем вспоминали. Она сообщила мне некоторые сведения о детском доме. Несмотря на возраст, у нее была великолепная память.

Детский дом в Ковырине, где воспитывался Валерий Гаврилин, был организован в Вологде в 1928 году. Его первым директором стала Анна Харлампиевна Романова, приведшая сюда из Дюлковской Пустыни под Прилуками двадцать колонистов. Они стали первыми воспитанниками детского дома. Шли тяжелые голодные тридцатые годы. В 1935 году Анне Харлампиевне приходит в голову мысль начать развивать свое подсобное хозяйство, чтобы дети были по возможности сыты. Все началось с одной телки, купленной на личные деньги директора. И совсем скоро в ближайшие годы в хозяйстве детдома было уже тридцать дойных коров, и дети были полностью обеспечены молоком.

На двадцати гектарах выделенной детдому земли всем миром стали выращивать картофель, капусту, помидоры, огурцы. Собирали хорошие урожаи — до девятноста тонн овощей

в год, которых хватало потом до нового урожая, на весь год. Но занимались не только овощеводством, выращивали и зерновые, сеели пшеницу, овес и ячмень. Появилась и своя маленькая свиноферма, позже насчитывалось до сорока голов свиней, до семисот кроликов, гусей и уток выкармливали воспитанники и воспитатели. В своем саду выращивали яблоны, ягоды. Помню много кустов щедро плодоносившей смородины. Скотину нужно было обеспечить кормами заготовля, для чего воспитанники постарше ездили летом на сенокос за сорок километров от города, где жили в самостоятельном сооруженных шалашах. До восьмидесяти тонн сена им удавалось заготовить за сравнительно короткие сроки. Была в детдоме и своя пасека, содержавшая до 20-ти пчелиных семей. Ребята, относившиеся к своим взрослым занятиям с большой серьезностью, охотно посещали созданные для них кружки, учились в них кролиководству, слесарному и столярному делу.

В большом детдомовском хозяйстве был образцовый порядок. Ребята не только сами ухаживали за животными, они тщательно вели учет надоев молока в специальном журнале. И, конечно, все умели и могли делать сами своими руками: доить, полоть, поливать, пасти скотину, кур, гусей и уток. Помню такой забавный эпизод: приехала я как-то на урок к Валерию, они только что закончили прополку. Всё все успели, а мой Валерочка выполнил только до половины гряды. Но зато как выполнил! Как язычком грабля вылизал, — ни травиночки, ни листика лишнего. И конечно, после моего урока он дополот. Он делал все с удивительной серьезностью и ответственностью.

Детский дом был тринадцатый раз участником сельскохозяйственной выставки в Москве. В шестидесятые годы детдом был удостоен 29-ти медалей за свои сельхозуспехи. Детдом наградили грузовой машиной, приемником и телевизором. Еще в самом начале своей деятельности Анна Харлампиевна была на приеме у Н.К. Крупской в Москве.

Детдом жил всеми болями и тревогами своей страны. В войну здесь принимали детей из блокадного Ленинграда, маленьких дистрофиков пытались отпаивать молоком. Всем, чем могли, пытались помочь фронту. До тридцати тонн картофеля, свинины выделяли воинским частям из своего не самого богатого хозяйства. И здесь все жили с одной мыслью: "Все для фронта, все для победы".

Всем большим хозяйством детдома заведовала долгие годы редкой доброты человек Александра Николаевна Ираклиева.

И она, и директор, и весь коллектив были по-настоящему рачительными хозяевами. А как все это своими силами созданное,житое, заработанное берегли! И ребятишки при этом были все чистенькие, аккуратные и понимавшие, что все созданное надо беречь, сохранять, не портить. Детдому и Анна Харлампиевна, и завуч его Надежда Николаевна Суровцева посвятили всю свою жизнь. Они так и не создали своих семей, детдом был и остался для них их единственным родным домом.

Наверное, не случайно, много позже В. Гаврилин где-то писал: "Жизнь в детдоме — лучшая система воспитания ребенка, т.к. положительный характер человека всегда воспитывался делом и никогда праздным времяпровождением". Трудовое воспитание не исключало из тогдашней трудной ребячьей жизни и многого другого. В детдоме работал балетный кружок под руководством Антонины Павловны Павловой, оркестр народных инструментов под руководством Ивана Георгиевича Писанко, хор под управлением Ивана Павловича Смирнова. Я аккомпанировала балету и хору, где впервые увидела маленького Валерия Гаврилина.

Иван Павлович Смирнов работал директором музыкальной детской школы №1. Параллельно со школой с 1946 года он руководил хором в Октябрьском и Вологодском детдомах по субботам и воскресеньям. Я пришла на работу в детские дома в 1951 году. Надо сказать, что работали мы в основном из любви к этим сиротским детям, и оба свободные от занятий в музыкальной школе дня отдавали детским домам. Иван Павлович очень любил детей и занимался с хором с большим настроением, а многих способных ребятишек он принимал в музыкальную школу, позже некоторые шли в музыкальное училище и даже получали высшее музыкальное образование.

Вспоминая те годы, должна сказать, что музыкальные занятия в оркестре народных инструментов, балете, хоре ребята воспринимали как праздник и дорожили ими как наградой. Результатом наших музыкальных занятий были выступления на собственных праздниках в детдоме, концерты в других школах, а также воинских частях.

Наша первая встреча с Валериком произошла на репетиции хора. Пели а-капелла, я пошла в зал, чтобы послушать хор. Пели очень выразительно, точно не помню, но какое-то лирическое произведение, старательно, слова знали наизуток, а вот лица были, как помню, какими-то безразличными. Только мальчик, стоявший в верхнем ряду, пел так увлеченно, с такой самоотдачей, с такой погруженностью в исполняемое сочинение, что казался погруженным в вакуум. Глянула на него мельком, — и глаз отвести не могла. Он не сводил глаз с руководителя, ловил каждый жест, каждый взгляд. Спели и начался обычный ребячий шум, разговоры, а он стоит молча с одухотворенным лицом. Сказала Ивану Павловичу: "Какой музыкальный мальчик". Хотела побеседовать с ним, похвалить, но в первую ту встречу что-то отвлекло от него.

В следующее воскресенье была следующая репетиция. Закончилась она, и ребятишек как сняло, враз все убежали. И вдруг у пианино, у басов как из-под земли выросла маленькая фигурка. Мальчик в чистенькой белой рубашечке, пижаме с короткими рукавами, в коротеньких брючках, ножках и до блеска начищенных ботиночках. Все, казалось, было ему мало, но он не замечал этого. Стоял и радостно улыбался до ушей. Поразила его недетская аккуратность, все пуговицы до единой были застегнуты. Я узнала его — это был тот самый "музыкальный мальчик" из верхнего ряда нашего хора.

— А можно, я у вас что-то спрошу?

— Спрашивай. А как тебя зовут?

— Валерий Гаврилин. А мог бы я научиться играть на пианино? — И совсем скромно, застенчиво: — А могут меня взять в музыкальную школу?

Удивляла его воспитанность, поначалу казавшаяся несмелостью. Было видно, как нескрываясь хочется ему слушать, петь, самому играть на инструменте.

— А сколько тебе лет?

— Я уже большой, мне одиннадцать лет. А говорят, что в музыкальную школу берут только маленьких...

Но в тот первый наш разговор я не огорчила его, не сказала, что учиться ему было уже поздно. Сказала, чтобы в следующий раз остался, проверю его слух и только тогда дам ответ. Помню какое-то особое теплое чувство после этой нашей первой встречи, шла и всю дорогу думала: "Как было бы хорошо, если б у него были хорошие музыкальные данные". Следующая встреча порадовала настоящими открытиями. Проверила слух, ритм и музыкальную память и была поражена результатами. Давала легкие упражнения, постепенно усложняя их, он все повторял легко, уверенно и точно. Попросила отвлечься, и, не видя, он абсолютно правильно угадал все звуки во всех регистрах. Я поговорила с Иваном Павловичем, и он пригласил Валерику в музыкальную школу. Прослушал его, побеседовал с ним о трудностях, которые ему придется преодолеть, и зачислил в музыкальную школу №1. Радости не было конца, он был счастлив. С этого дня начались наши занятия с Валериком. Он невольно обращал на себя внимание сразу. Дети как дети, отзвучала музыка, закончилось занятие, и они отключаются сразу. Бегут к другим занятиям, навстречу другим развлечениям. А маленький Валера был весь в музыке, да так весь в ней и остался. Он как будто что-то дослушивал в музыке, которая уже перестала звучать. С таких моментов, с его самозабвенного пения в хоре и начался мой пристальный интерес к нему. Однажды он подошел и долго не решался то ли спросить, то ли попросить о чем-то. Я видела, как ему трудно что-то произнести.

— Вы не могли бы принести мне несколько книг о симфоническом оркестре? И еще, смогу ли я написать что-нибудь для симфонического оркестра? — тихо, спокойно, очень застенчиво, но внятно произнес мой маленький ученик. Я оторопела, замерла от немыслимого изумления: только пришел, только начал заниматься, ничего еще не умеет и просит книги о симфоническом оркестре! Но виду не подавала. А еще раз подивилась: скромный, застенчивый мальчик не был трусом — в нем уже чувствовалось некоторое достоинство. Говорил уверенно, так, словно что-то про себя знал.

— А не рано? — улыбнулась я.

— Нет. — И продолжал: — Если можно, я бы хотел побольше знать, — прозвучало в ответ, тихо и твердо.

Этот разговор, навсегда задержавшийся в моей памяти, состоялся с Валерочкой в первый год моей работы в детдоме незадолго до начала наших занятий.

Меня поразило недетское желание как можно больше знать. Редкое не только в детской среде. Вырастая, получая образование, взрослея, люди с годами не осознают того мучительного желания. В маленьком мальчике оно уже жило. Оно его вело в непростой детдомовской жизни. Может быть, неизбывное чувство сиротства заставляло искать его причины, и он тянулся к тому, что могло хоть что-то отчасти объяснить — к книгам.

Валерик всегда очень много читал, брал книги из библиотеки. Как ни приходишь, он попадает на глаза с книгой под мышкой. Часто это были стихотворные томики Гейне. Я долго раздумывала: почему же так тянет к великому немцу? Наверное, уже тогда интуитивно он почувствовал, что нашел опору в стихах, замешанных на боли и преодолении страдания. Те стихи и стали его первыми текстами. Их потаенная музыка зволновала его, подсказала, как записать ее между нотных строчек.

Желание делать что-то для уникально одаренного мальчика пришло само собой. Мы начали не с начала учебного года. Помню, когда объявила ему о своем решении заниматься с ним, он был страшно рад. Вместе решили, что начнем учиться в среду сразу после занятий по хору. А в первое воскресенье месяца я приехала к нему на целый день. Первые наши занятия проходили поначалу в стенах детского дома. От тех лет осталось еще одно сильное впечатление. Отношение Валерочки к учебе. Тоже очень редкое. Он учился с благоговением. Сталкиваясь с таким отношением к учебе мне приходилось не часто.

Помню наше самое первое занятие. Откровенно говоря, не знала, с чего начать. Для начала подробно расспросила все о нем самом, о его жизни, родных, интересах. О книгах, которых к тому времени он прочел уже великое множество. Удивило, что то были так называемые “взрослые” книги, русская и зарубежная классика. У него совсем не было узкого детского пристрастия к одной фантастике. Передо мной был смелый, умный маленький человек, с которым было просто интересно разговаривать. Я начала рассказывать ему о музыке. Слушал сосредоточенно, жадно.

С первого урока ушла с вопросом в душе: “Откуда эта пытливость?” За одно занятие он задал очень много дельных вопросов по существу музыки. Я поняла, что мне нравятся его трудные вопросы, его детский максимализм. Он ни разу не сказал: “Мне то место не нравится”. Он упорно работал, стараясь на каждом уроке взять максимум.

Такое непривычное отношение ученика и мне продиктовало особое отношение к каждому уроку с ним. Лягу спать и думаю: как подать ему то или иное сочинение, как он отнесется к вокалу? Взяла сборник “Русская природа” и стала играть ему. В нехитрых тех текстах так и проступала необыкновенная любовь к простому русскому человеку, особый вкус к народной жизни. На втором занятии мы вспоминали о его деревне. Валера рассказал, как с мамой и сестрой жил в деревне Перхурьево под Вологодой, а мама его работала в селе Воздвижене, расположенном через дорогу директором детского дома, который размещался в православном храме. У семьи Гаврилиных был большой крепкий деревянный дом в Перхурьеве. Мальчик говорил о своей жизни с мамой, о том, что сестра оказалась в другом детском доме, о том, как хочется видеть маму и как временами ему бывает без нее тоскливо. Папа Валерика работал в Сокольском РОНО директором. С первых дней войны ушел на фронт добровольцем, погиб под Ленинградом и похоронен под Лыгом.

Иногда на уроке Валерик рассказывал мне, как любил слушать народные песни, которые пели вечерами вместе с его мамой женщины. Я спросила его, помнит ли он хотя бы одну из этих песен? Подумал, а потом согласился и спел две песни, но по одному куплету, так как не помнил слова. Песни протяжные, красивая мелодия. Пел он тихо, очень выразительно, внимательно слушая себя. Я смотрела на него, и мне казалось, что мысленно он сейчас находится в своей родной деревне, видит этих женщин и свою маму.

В музыкальном отношении мой ученик был, конечно, переростком. Но это, наверное, причина тому, что он хотел знать сразу все. То шло от его натуры, жаждавшей знаний. Помню, он сразу поинтересовался: кто такие композиторы? Как они музыку пишут? И неожиданно выясняется, что имена многих из них он хорошо знает, многие произведения слышал по радио. Мы начали с нотной грамоты, со знакомства с инструментами. Начали подбирать по слуху самые простые мелодии. Руки мальчика оказались совсем не такими плохими, как я поначалу боялась. И с первых шагов он проявлял самостоятельность. Сам захотел подбирать по слуху русскую песню, быстро подобрал и чисто спел. С первых встреч меня поразила еще одна его редкостная черта: что бы этот маленький мальчик ни начинал, он ничего, как это свойственно многим детям в этом возрасте, не бросал. Все началось он тихо доделывал до конца. Показываю ему, как украсить мелодию басами, чтобы она звучала более насыщенно, — мгновенно схватывает. Как-то принесла свое маленькое стихотворение и решила предложить Валерику попробовать положить его на музыку. На удивление легко и свободно справился с этим заданием дома, с первым и со вторым стихотворением, с куплетной формой. В этих занятиях проявилось его невероятное трудолюбие и всепоглощающая любовь к музыке. Особенно когда пришло время и он сам начал сочинять. Учить задания по музыке в детстве было просто. Там было много способов к музыке ребят, были ленинградцы-блокадники, учившиеся в музыкальном училище, а впоследствии в консерватории. Многие были отобраны и занимались непосредственно в музыкальной школе, где и Валерик. На весь детдом было одно

старенькое пианино, полурасстрельный старый “Беккер”, с плохой, западавшей педалью. Впоследствии выяснилось, что Валерик часто занимался ночами. Времени на занятия ему требовалось больше всех — учить пьесы к уроку, сочинять, подбирать по слуху, читать с листа маленькие пьески. Как-то останавливает меня директор детдома Анна Харлампиевна и заявляет: “Не знаю, что с вашим Валериком делать! Сплю и сквозь сон слышу звуки музыки. Три часа ночи, радио, конечно, выключено. Встала, пошла на тихие звуки. Дергаю за дверь, а зал изнутри заперт. Стучу, вынимает стул из ручки двери, стою на пороге друг перед другом.

— Что ты здесь делаешь ночью?

— Учю урок.

Пришлось мне немедленно отправить его спать и сделать замечание”.

Анна Харлампиевна предупредила его, чтобы по ночам он спал, а не занимался. В противном случае пообещала взять его из музыкальной школы. Промолчал. Через два-три дня повторяется та же картина. Сидит за инструментом, играет двумя руками.

Я, конечно, побеседовала с Валериком. Понимала: он не мог прийти ко мне, не выучив свой урок. Помню, сказала ему: “Валерочка, будешь заниматься ночами — все здоровье потеряешь. Будем искать другое место, где ты будешь заниматься в дневное время”. Но я не думаю, что мне удалось прекратить его ночные бдения. Он знал, где у Шуры Ираклиевой висит ключ от зала, и занятия свои осторожно продолжал. Я же, со своей стороны, сделала все, что смогла. Перенесла все его уроки в музыкальную школу, ставила их последними по расписанию, чтобы мы могли заниматься как можно дольше.

Мы очень любили немного пройтись после уроков вместе. Доходили до старого базара, потом он провожал меня до моста, и те короткие по времени прогулки вмещали тысячу его вопросов. Я помню, словно было это вчера, как вбегал он в класс на урок, как на праздник. Улыбающийся, веселый, радостный. Ставил нотки на пюпитр и спрашивал: “Что первое?” Занимался всегда сосредоточенно с огромным интересом. Я на этих уроках сама оживала, выискивала в своем расписании свободные часы для дополнительных занятий.

Однажды пришел мой Валерочка на урок, стоит и молча держит листочки.

— Что ты там держишь? — не вытерпела я.

— Это вам. Это я для вас написал.

И протянул мне простые листочки из школьной тетради в линейку. Это было его первое сочинение — вальс. Я растрогалась. Слишком тяжелые были годы. Не было не только нотной, но и простой бумаги. Помню, он не знал еще музыкальных терминов и писал это все по-русски. Его первые обозначения такие: “чуть сдержаннее”, “в темпе вальса”, “немного взволнованно”, “не замедлять”, “очень выразительно” и т.д. Я осталась довольна его первым сочинением. На следующее занятие он принес уже полку, и она вполне соответствовала характеру танца. Потом был уже “Мельник, мальчик и осел”, другие самостоятельные сочинения на сказочные сюжеты.

За полтора года Валерик написал такие пьесы, как: два вальса, две полки, анданте, партитура для хора и солистов, песня про kota (для детского ансамбля), романс на стихи Г.Гейне “Ты голубыми глазами”, шуточная песня “Ты не пароход” — написано так: “быстро, очень четко, даже до некоторой степени маршеобразно”, “Рыбки” — для солиста, написано 23 марта 1953 года. Текст первого куплета:

*“Тихий вечер, море спит
И над сонною водой, как изогнутый кинжал
Блещет месяц золотой”.*

Некоторые из этих пьес он дарил мне: “Вальс, посвящая Т.Д. 9/III-53 г.”, “Полька — посвящая Т.Д. Томашевской, 1951 г.”

Однажды он зашел в класс с улыбкой, но очень неуверенно и остановился у двери. Прижал к себе какие-то листочки и мол-

чал. Потом подошел к пианино и робко подал их мне. Это были листки из альбома по рисованию, нотный стан расчерчен очень ровно, написано аккуратно: "Г. Гейне "Красавица рыбка", для голоса с сопровождением фортепиано, музыка В. Гаврилина". Сверху было написано: "Посвящая Т.Д. Томашевской в день ее рождения. Кажется, нечего желать кроме хорошего. Правда?" Я была очень тронута вниманием моего ребенка. Он был всегда очень добрым, внимательным, благодарным, отзывчивым. Таким он и остался на всю жизнь.

С первых встреч с моим необыкновенно одаренным учеником я начала задумываться, как определить его в дальнейшем в музыкальное училище и даже выше. В музыкальной школе Валера проучился у меня немногим менее трех лет. Помню, как после одного из наших уроков я вышла проводить его, а навстречу из соседнего класса вышла Татьяна Владимировна Гинецинская. Она рассказала, что приехал из Ленинграда профессор Ленинградской консерватории Иван Михайлович Белоземцев. Он проехал три области — Мурманскую, Архангельскую и Вологодскую, чтобы отобрать для десятилетки при консерватории одаренных детей. Помню волнение, которое охватило меня при том известии об открывшейся для моего ученика прекрасной перспективе. Я, конечно, боялась показывать моего ученика опытнейшему столичному коллеге. Но и не могла не показать. Пусть просто послушает, думалось мне, и это будет уже немало. И... послушав, педагог такого уровня поймет, как он одарен и как работоспособен. А значит, сможет догнать других ребят. Переписывая вечером дома некоторые первые детские песни ученика, не показывая же их в черновых вариантах профессору знаменитой консерватории, думала об одном, твердила про себя одно: "Только бы он понял его".

Встречу нам назначили на старом базаре в здании музыкального училища в белокаменном строгом особняке. Присутствовал директор музыкальной школы Иван Павлович Смирнов, директор музыкального училища Гинецинский Илья Григорьевич и И. Белоземцев. Дорогой, сама дрожая от волнения, уверенно напутствовала моего Валерочку: "Ничего не бойся, играй смело. Не забудь упомянуть, что ты сочинил несколько детских песен для фортепиано".

Приняли нас очень тепло, не преминув при том с улыбки заметить: "Какой он большой! Такого переростка мы взяли в музыкальную школу!" Началось прослушивание. Проверили слух и остались довольны. Начал играть сонатину, и я внутренне сжалась. Играл немного песенно и как-то очень формально, как никогда до того не играл на уроках. И сам почувствовал то, так как сочинения профессору не предложил. Я попробовала выправить ситуацию и сказала Ивану Михайловичу: "Он пробует сочинять музыку, хотя сочинениями это, конечно, назвать нельзя, но послушайте и их, пожалуйста. У него, кажется, есть данные к сочинительству".

Высокий гость из Ленинграда взял ноты Валерика, сел за пианино и заиграл "Красавицу рыбку". И вдруг, к моему ужасу, прозвучал Валерочкин спокойный, но твердый голос: "Извините, я хотел бы сыграть сам. Может быть, вы не все поймете в моих нотах". Я от неожиданности даже дотронулась сзади до его рубашечки, мне показалось, что замечание было не слишком деликатно. Но профессор заулыбался, шутиливо поднял руки вверх в знак капитуляции перед молодым композитором и сказал: "Сдаюсь, сдаюсь, молодой человек. Садитесь".

Зазвучала музыка, и я почувствовала, что что-то неусловно переменилось в атмосфере самой встречи. И что у нас появилась какая-то маленькая зацепка. Профессор просил играть еще и еще. Поняв, что прослушивание нам удалось, я объяснила Ивану Михайловичу, как непросто живется моему ученику, как мало у него времени на работу, что у него нет родителей и он это очень переживает. Добрую весть о результатах принесла Т.В. Гинецинская. "Ваш ученик очень понравился, но поймите, нас всех беспокоит одно: где он сил возьмет, чтобы догнать остальных? Вы сами прекрасно знаете, что большинство детей начинают учить еще дома с четырех-пяти лет. И сколько лет они потом учатся до училища? А он занимается всего два с половиной года! Хотя ребенок действительно феноменальный".

Это был один из самых счастливых дней в моей жизни, хоть страхов, сомнений, переживаний, всех этих "а вдруг", "а что, если..." было, кажется, больше, чем радости и надежды. Перебирая в очередной раз все "за" и "против", все возникающие "но", я, конечно, ничего не сказала Валере. Не хотелось его волновать, травмировать масштабом гигантской задачи, которую ему предстояло решать одному, вдали от родного города, от людей, которые его любили.

Экзамены надо было держать в Ленинграде. Сможет ли он их выдержать? Просто прожить, продержаться. Один-единешек в огромном городе среди незнакомых людей. Иван Михайлович как будто утадал все мои страхи и неожиданно успокоил: "Не переживайте так сильно. Вернется ваш Валерий, если не поступит, а через несколько лет уже сам придет к нам". Но к этим идеальным высоким переживаниям для меня совсем скоро добавились реальные нештучные трудности. Директор детдома Анна Харлампиевна, где жил и учился Валерий, была решительно против его отъезда для поступления в Ленинград. Она мне сказала: "А куда, собственно, спешить? Он же школу еще не окончил". Я принялась горячо и взволнованно уверять ее в том, что через некоторое, самое короткое, время он уже не сможет заниматься музыкой. Все двери для него будут уже навсегда закрыты. А у него талант редкий, способности удивительные. И мы не можем, права не имеем лишить этого мальчика единственного шанса в жизни стать настоящим профессиональным музыкантом. Помню, как убеждала ее в том, что мы не вправе распоряжаться его судьбой так однозначно. Но я еще не знала самого главного, о чем мне сказала в этой беседе Анна Харлампиевна. Оказалось, что Валерий по распределению направлялся в самое ближайшее время вместе с другими мальчиками детдома в ФЗО в один из районов нашей области. И это уже было окончательное решение. Директор детдома была непреклонна: "Даже если бы я и была согласна, лично дать это согласие я не вправе. Ведь это не только согласие на отъезд в другой город, это было бы согласие на перемену судьбы мальчика. А он не сирота, у него родная мать жива. И без ее согласия я на это не пойду. А она в тюрьме, и свидания там не разрешены". После этого разговора я пошла домой в ужасном состоянии. Я даже забыла, что ходит автобус, шла по грязи всю дорогу до дома. Шла и думала, как отстоять то, что было решено.

Шел 1953 год. Мама Валеры, как миллионы соотечественников, была в заключении. Мне было жутко даже подумывать, как пойду к этому страшному дому. И даже как приблизиться к этому страшному месту. Попробовала позвонить в тюрьму и услышала резкий и непреклонный отказ: "Все запрещено, передач не берут, встреч не разрешают". В полном расстройстве и волнении перевела дух. Целый день я думала и все же решила пойти к тюрьме. Голос свои сомнения прочь и, набравшись духу, иду в тюрьму. Помню, как не спалось мне перед этим визитом. Помню, как наутро медленно одевалась, причисывалась. Хотелось выглядеть хотя бы посolidнее, посерьезнее. Было мне тогда 23 года. Вышла на остановку автобуса, приблизилась к стенам тюрьмы. Помню, у стен расположилось множество народа, тихо сидящего и жующего непонятно чего. Босые, скудно, бедно одетые, они спокойно сидели, пили и ели на земле, видимо надеясь на свидание с родственниками. Чувствовалось, что они здесь давно, ко всему привыкли, совсем смирились, ждуть... У проходной меня просто физически заколотило от страха. "Ты куда?" — послышался грубый окрик. — "К начальнику". Ответа не последовало. Долго стояла, ждала, потом ушла, решив, что теперь уж приду сюда снова. Я пошла дальше по улице и, медленно раздумывая, обошла вокруг здание тюрьмы. Я думала только об одном, что должна дать Валерию путевку в настоящую большую музыкальную жизнь.

Пришла к тюремным стенам во второй раз. И во второй раз не сумела преодолеть свой страх и безразличия тюремной охраны. А на третий раз собралась со всеми силами и решительно вошла в проходную, удивившись своей твердостью. — Куда? — крикнул солдат.

— К начальнику по служебному и по личному вопросу, — смело и громко сказала я.

— У вас кто-нибудь здесь сидит? — спросил он.

— Нет.

— Это другой вопрос.

Стою и жду не шелохнувшись. Он потянулся к телефону и сказал в трубку: «Вот тут женщина пришла по служебному вопросу». Задержав дыхание, услышала невнятное: «Идемте!» Иду, а ноги не слушают меня. Ватные, как не мои, они постоянно подкашиваются. В голове свербит одно: «А как я отсюда выберусь? Да и выберусь ли вообще?» Понимаю, что думать надо о другом. Надо найти нужные слова, чтобы убедить его маму... Как? Как я объясню ей, что у нее за сын? Как он талантлив, как он добр, какой он прекрасный ученик. Но... ведь придется сказать и другое. Сказать, что нет никаких гарантий и того, что его примут. А если и примут, как он сможет в одиночку проучиться один в большом столичном городе. Подбирая слова, убедительные аргументы совсем забыла о том, что свидания никому не дают. Меня ввели в огромный полутемный кабинет, в глубине которого за огромным столом что-то писал начальник тюрьмы. Он не поднял головы и даже не взглянул на меня. Стояла и понимала, что сестра нет у меня сил, что могу только стоять. Он понял мое замешательство и сказал: «Не волнуйтесь, соберитесь и кратко скажите, что вам нужно. Имейте в виду, свиданий мы не даем».

Осмелев, я заговорила о том, что сегодня здесь решается судьба очень талантливого мальчика, мама которого должна решить его участь — быть ему музыкантом или не быть. Он молча выслушал мой убедительный напористый монолог и четко скомандовал в трубку: «Приведите заключенную Гаврилина Клавдию Михайловну». Минут через десять в кабинет робко и тихо вошла молодая женщина среднего роста с распушенными по плечам волосами, красивыми пепельными. На ней было старенькое, потрепанное демисезонное пальто, наглухо застегнутое на все пуговицы. Держалась она скованно, лоя и удерживая в поле зрения каждый жест и взгляд начальника.

Увидев меня, она не выдержала, бросилась ко мне, как-то неловко выбросив руки вперед: «С Валерием что-то случилось?» И, не дожидаясь ответа, заплакала. «Тише, гражданка Гаврилина, — прозвучало из-за стола, — А вы объясните ей все кратко и понятно». — «Клавдия Михайловна, я к вам с просьбой. У Валерика все хорошо. Он отлично учится. У него огромные способности к музыке, и приемная комиссия из Ленинграда отобрала его для сдачи экзаменов в школу-десятилетку при консерватории. Туда очень трудно поступить. Отпустите его туда, пожалуйста. Может быть, из него получится большой музыкант».

Клавдия Михайловна слушала меня молча. Ее волнение, смятение в душе обнаружили яркие красные пятна, появившиеся на лице и шее. Я не понимала ее реакции, говорила долго, подробно. Начальник ни разу не прервал мой долгий монолог. «Никогда! — Голос Клавдии Михайловны срывался, она глотала окончания слов, не успевая закончить фразу. — Он прекрасно знает математику, увлекается точными науками, дружит с литературой... Отец его... был очень умный человек... Прекрасно разбирался в этих науках... Я хочу... чтобы он пошел в технический институт, стал человеком». Я страшно растерялась, такого отпора я никак не ожидала. Она говорила очень убедительно, ясно, то, о чем думала долгие дни в заключении, что уже сформировалось в ее сознании и стало чем-то вроде плана на будущее ее сына. Переубедить ее в считанные минуты было нереально. Понимала то и продолжала твердить: «Давайте рискнем. Он может и не поступить. Но мы с вами будем спокойны, значит, быть ему музыкантом не судьба».

Я торопилась, слыша как, нетерпеливо тихо стучит по столу начальник. В любой момент он отошел Клавдию Михайловну и ничего так и не решился. Но я чувствовала, что наш разговор его захватил, не оставил равнодушным. После очередного возражения он поднял голову и ровным голосом, но очень твердо сказал: «Мамаша, сколько можно

говорить одно и то же? Вам дело говорят. Вашему сыну желают только добра, а вы уперлись со своей математикой. Наверное, учитель лучше вас знает, кем ему быть. Если бы не было у него таких данных, вам все это никто бы и не предлагал. И вообще: подводя итог...»

Клавдия Михайловна взоргнула и посмотрела на него. Смотрела и молчала, опустив голову и руки. «Ну что ж, вам виднее, — еле слышно вымолвила она. — Я сыну не враг, пусть едет. Поцелуйте его за меня и скажите ему, что я ни в чем не виновата и надеюсь, что скоро мы с ним увидимся». Раздался звонок, хлопнула дверь, и, так же тихо, как вошла, она ушла из комнаты. Я стояла не шелохнувшись. Мне очень хотелось подойти к ней, крепко обнять ее и поцеловать, но это сделать я не могла.

Наша следующая встреча произошла спустя много лет в Ленинграде в Озерном переулке, на одной из первых ленинградских квартир уже молодого композитора Гаврилина. Когда днем все разъехались по делам, мы остались вдвоем и много говорили о Валерике. Она была уже совсем другой, не такой, как в нашу первую встречу. Постаревшая женщина с коротко стриженными седыми волосами, спокойная, уравновешенная. Ее реабилитировали полностью. Вины на ней не было никакой. Вспомнив нашу первую встречу, она горько заплакала, успокоившись, согласилась, что решение, принятое тогда в тюрьме, было правильным. «Он очень любит свою работу, — сказала Клавдия Михайловна, — хотя она у него тяжелая, трудная, нервная, пишет почти все время ночами». «Что поделаешь, — сказала я, — таков удел всех музыкантов — много работать».

Через год с небольшим я увидела ее в последний раз. Она была тяжело больна. Ей недавно была сделана операция. И я чувствовала, что силы ее оставляют. Она сказала, что спокойнее она никогда не жила: заботы, тревоги, а сейчас наступила хорошая жизнь — нет здоровья. Я понимала ее — след страшных страданий, несправедливого наказания она изжить не могла. Она, столько сил отдавшая воспитанию чужих детей-сирот, своих оставила сиротами на долгие годы. И то, что их воспитывала ее коллега и добрая знакомая Анна Харлампиевна, кажется, ничего для нее не меняло. Жуткая несправедливость осталась в памяти, перекоресившая сразу несколько жизней.

Прошли годы... Позади консерватория, аспирантура — и появляются его первые сочинения. Для меня это было большое счастье. Вскоре еще одна радостная весть. Валерий женился и приехал к нам в гости вместе с Натальей Евгеньевной на свою родину в Вологду, которую он безгранично любил. И с тех пор наша маленькая квартира стала для них вторым домом. Я всегда считала, что Валерий Александрович счастливый человек. Судьба ему послала замечательную, умную женщину. Наталья Евгеньевна прекрасный человек, верная подруга жизни, которая делила с ним радости и печали, заботилась о его здоровье, жила его музыкой и делала для него все, что могла.

Когда я писала о его детстве, я говорила, что Валерий был всегда добрым и отзывчивым, умным и очень благодарным человеком. Таким он и остался на всю жизнь. Я очень много видела от него знаков внимания. Всегда была приглашена и присутствовала на всех его премьерах: «Анюта» в Большом театре, «Перезвоны» в Большом зале филармонии, «Скороходы» в Колонном зале Дома Союзов в Москве и многие концерты. Когда выходили из печати его сочинения или пластинки, я всегда получала экземпляры с самыми теплыми и добрыми пожеланиями.

В моей комнате на столе очень большой его портрет, и он всегда смотрит на меня умными и добрыми глазами. За эти годы я собрала небольшой архив: его пластинки, книги, ноты, газеты, множество фотографий и другое. Я всегда охотно делюсь всем, помогаю провести концерты в нашем городе и области, рассказываю о жизни и творчестве Валерия Александровича.

Я всегда считала себя очень счастливым человеком. В трудные минуты своей жизни я всегда обращаюсь к его музыке, ставлю пластинку или ноты и играю. Я счастлива, что у меня есть Гаврилин и его прекрасная музыка.

О Георгии Свиридове

Если бы меня вдруг спросили, какое значение имеют для человека мои папа и мама, я ни в коем случае не нашел бы ответа. Они меня родили, и я их люблю, а как к этому относится человечество — не знаю. Я не смог бы также объяснить мирового значения тысяч вещей и явлений — ни березок, ни полей, ни закатов, ни колокольного звона, ни длинных неужоженных русских проселков. Все это — моя Родина, это моя живая душа, моя страна. И есть в этой стране чудо, значение которого я тоже не могу объяснить. Я благоговейно перед ним и люблю сильно и бесконечно, любовь эту можно отнять от меня, лишь отняв душу. Я говорю о музыке Свиридова.

Каждый день каждый из людей делает десятки, сотни движений, жестов. Мы так привыкли к ним, что обыкновенно и не замечаем этой мелкой мускульной возни. Но вот простенный жест сделан рукой великого артиста — и мы замираем. Происходит чудо. Слово туман отлетает от наших глаз, и мы видим движение, исполненное выразительности, смысла, движение во всем его первоначальном, очищенное от неточности, неопределенности и прочей шелухи. Это уже не светлая мускульная возня — это движение воли, характера, устремлений. Это обобщение, образ...

Я вникаю в суть свиридовских "педалей". Один звук, всего один звук, один жест. Но как он велик, объемен, многозначен, как он играет, сколько в нем речи, собранного человеческого чувства. Такой звук иногда стоит целой симфонии, целого романа, целого театрального действия. Он то круглый и крупный, как шар, и звенит колоколом, то вдруг расстилается и становится бесконечно длинным и грустным, как деревенская дорога или косяки улетающих в теплые страны гусей. Музыка Свиридова — не испепеляющий огонь, не с ног валяющий шквал, не уютное одеяло, не грелка к ногам. Она представляется мне тысячами бриллиантовых, направленных прямо в сердце слушателя стрел, а сам композитор — каким-то "драгоценщиком". Чувство "драгоценного" развито у него невероятно. В работах Георгия Васильевича нет проходного, заболтанного материала или материала "взятого". Он отыскивает только самый дорогой, редкий и прекрасный. Свиридов может быть язвительным, лукавым, страстным, но он всегда лучезарен, светлосносен. Это тот ясный, холодноватый свет, каким светят

только высокие и большие звезды. Мир, отраженный в бриллиантах звуковых стрел, входит в душу слушателя по-особому чистым, свежим, трогательным, чуть-чуть недосыаемым и оттого еще более щемящим.

Свиридов силен своей близостью к русскому фольклору. В наше время, к сожалению, немало авторов обращается к созданному народом с неперменной целью отыскать что-то такое, что могло бы послужить удовлетворению их творческого эгоизма. Не такос Свиридов. Благородная философия народного творчества вошла в самого его художническое существо. Отсюда — сдержанность в выражении чувств, в применении средств, отсутствие крайних состояний, экстаза, истерики, отсутствие чисто музыкальных преувеличений, никакой навязчивости, давления на слушательское сознание; вообще никакого тщеславия, никакой роскоши, никакого художнического размахивания кулаками или "культуризма". Сколько ни слышал я за свою жизнь самых трагических крестьянских песнопений, никогда не было в них надлома, изуродованного духа, а, напротив, был прямой открытый взгляд на трагедию, но взгляд этот не погрязал, не застыл в ней, а шел дальше, через нее: нужно продолжать жить. Эта высшая вера, этот мудрый оптимизм, мужественность стали главнейшими средствами музыки Свиридова.

Он не кричит не оттого, что нет голоса: он умеет говорить тихо. Он не плачет не оттого, что слез нет: не слезами жизнь держится. Он не ищет сочувствующих. Он показывает красоту.

Работы Свиридова необыкновенной выделки. Он настоящий Бенvenuto Челлини в своем деле или даже Дед Мороз. Часами можно любоваться его партитурами, как любоваться снежинкой: и проста будто, и легка, почти невесома, прозрачна, а какие формы, какие узоры, каждый звук, фраза, созвучие, тембр отточены, как ледяные, снежиночный иголочки, все отобрано, пригнано, срифмовано... Он блестящий поэт, Свиридов. Есть у нас прекрасные композиторы — трагики, драматурги, романисты, а поэт, я думаю, один.

Часто обвиняют Свиридова в профессиональной отсталости. Мало-де у него полифонии, выдумки, всяких расширений, сокращений, увеличений и других премудростей музыкальной игры. Это так в самом деле. Свиридов очень мало пользуется этой общецеховой техникой. Кстати, как до него Мусоргский. Для вы-

полнения задач, какие Мусоргский ставил перед собой, она была просто не нужна. Поэтому считалось, что техники у него никакой нет. Упрекать Свиридова — значит так же точно не понимать, что делает этот неповторимый и в то же время вновь повторяющийся — как сама природа — музыкант.

Предлагать Свиридову какое-то иное оснащение, чем то, без которого он не может обойтись, — все равно, что предлагать красить лютик акрином, поставить ласточке пропеллер или смонтировать лебедю паровой котел. У него — свой крылья.

Мир музыки Свиридова хочется назвать заповедным. Здесь все первое, свежее, настоящее, незагрязненное, не оравленное ни шумом, нитрофосфатами, нитратом, ни синтетикой. Здесь никого не едят, не шокируют, не пугают. Здесь то, без чего люди не могут и никогда в этом убеждены, не смогут жить. Здесь по-рыцарски нежно берегут вечно необходимое, потому что без защиты может погибнуть только необходимое. Ненужное может жить вечно.

Есть такая несколько болезненная страсть — сравнивать знаменитых людей с чем-нибудь огромным — с Гималаями, с Тихим океаном, с Барабинской степью. И даже если эти ходячие Гималаи на деле не выше поленицы, а вся степь — полчас езды на сусликах, магия возвеличивания остается. Мне же хочется сравнить Свиридова с чем-то очень простым и удивительным. Он для меня — не океан, куда впадают реки с громкими именами. Пусть он будет лесной ручей, питаемый безвестными подземными ключами. И если какой-нибудь усталый путник, случайный прохожий набредет на него, ручей доставит жаждущему нечаянную радость и напоит его влагой, какую он не будет пить ни в каком другом месте...

Не знаю, имеет ли это мировое значение...

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Нимфолепсия

Уильям ФОЛКНЕР

В марте 1922 года Фолкнер опубликовал рассказ "Холм" — в студенческой газете "The Mississippian" — университета Миссисипи, в американском городе Оксфорд. Двадцать с половиной лет спустя, в той же газете, было опубликовано стихотворение под названием "L'Après-Midi d'un Faune" ("Утро природы"). Рассказ "Нимфолепсия", написанный в 1925 году и представляющий из себя изумительный фрагмент звукописи, является симбиозом этих двух вышеупомянутых произведений, своеобразной поэтической "прививкой", сделанной прозе. В этой связи интересно будет вспомнить, что сборник юношеских стихов Фолкнера, вышедший в 1924 году, назывался "Мраморный Фавн" (сравните: французское "faune" имеет два значения — фавн и фауна.) Рассказ "Нимфолепсия", перевод которого предлагается ниже, был опубликован в журнале того же университета уже после смерти писателя.

...Он шел, а впереди, извиваясь словно змея, ползла его собственная тень, пока холм, наконец не накрыл своей темной обоях. Его тяжелые башмаки были серыми от дорожной пыли, серой от пыли была его роба. Пыль — то было благословение, снизошедшее на него за дневные труды. Он уже не вспоминал, как жали они пшеницу, как потом работали вилами, натирая руки о натруженную и гладкую словно шелк рукоять, заглядывая в широкий зев амбара, словно в пропасть, уходящую вверх. Полова, словно насекомые, не кружилась больше перед его глазами в своем солнечном хороводе.

Дневные заботы ушли. Теперь его ждал неприхотливый комковатый ужин и глухой сон в дощатом бараке. А завтра снова работа, пока тень его не совершит свой очередной круг.

Он миновал холм: тот напоследок зацепил его краешком своей тени. Перед ним была сумрачная долина — за нею золотился в закате выпуклый холм. Внутри долины, среди лиловых теней, покоился городок. Там его ждали еда и сон. Но, может быть, словно живой слепок забытой мелодии, на дороге еще возникнет девушка, вся в каплях жары, в чем-то синем и льняном; и как многие другие молодые пары, они лягут под луну, и золотая пшеничная пыль налипнет на их разгоряченные тела.

Вот он, городок. Над серыми досками забора нависают ветки, усеянные яблоками, еще зелеными до оскомины. Вот амбар и сарай: словно огромные серые улья, а в них — пустые соты, из которых вытек весь мед золотого дня. А вон там, чуть дальше, здание суда, торжественное, достойное пера Фукидида. Но если подойти поближе, можно увидеть, что его почти ионические колонны испещрены черными грязными пятнами от притушенных сигарет.

Из кузины неподалеку гулким эхом раздавался стук полотна о наковальню, размеренный как призыв к вечерне.

Он остановился, объятый предзакатной прохладой. Жар уходил из его натруженного тела. Он взглянул на церковь в отдалении: острый шпиль отбрасывал тень на землю, словно знак рукоутворный. Он нагнулся и снял башмаки, высыпал из них пыль и песок. Черные подошвы его ног были грубыми и зернистыми. Он снова надел башмаки и опять ощутил их влажное и теплое нутро.

Между тем красное горнило солнца опускалось все ниже и ниже, золотые язычки пламени перебегали с ветки на ветку, повсюду на листьях играли предзакатные переливы.

Он устоялся на багряную кисточку закатного огня, мелькавшего меж сосен, и подумал: Господи, как живая. Заблудшее пламя, что отправилось на поиски своей родной свечи.

Сам не зная почему, но он твердо был уверен теперь, что видит девушку — там, вдалеке. Какое-то мгновение с еще не осознанным любопытством он наблюдал, как движется ее маленькая фигурка: словно пущенный кем-то солнечный зайчик. Девушка остановилась, а потом вдруг исчезла. Ослепленный на мгновение, он замер. Затем, жадной поступью самца, устремился вперед.

Он перемахнул через изгородь под тупые взоры чей-то приподнявшейся на пастбище скотины и грузно побегал через пшеничное поле, в сторону леса.

Колосья хрупко расступались под его напором, с колючим шуршанием колотились о колени: сзади оставалась легкая пыльная борозда.

Чтобы достичь леса, ему пришлось перебраться еще через одну изгородь. На холмистой опушке леса он замер: закат щедро позолотил его шетину. Перед ним возникли охряные, бледно-лиловые стволы клена и березы: их растопыренные ветки разбивали закатный цвет на множество оттенков. Здесь, на краю леса, сосны были словно отлиты из железа и бронзы — живой символ вечной гулкой тишины: закатное золото стекало с них каплями, а редкая трава внизу словно занималась огнем, который перебегал все дальше и дальше и наконец угасал в глубоком мраке соснового бора. Неподалеку, раскачиваясь на ветке, чирикнула птичка и вспорхнула прочь.

Сейчас он стоял на невысоком холме, на пороге зеленого собора деревьев, опустошенный и дрожащий словно овца, прислушиваясь к звукам уходящего дня. День сочился из щелей мироздания, словно из кушина или корыта, что дали от старости трещину. Там, за зелеными колоннами, кто-то невидимый воспевал тихую молитву. Он медленно двинулся вперед, вот-вот готовый столкнуться со священником, который остановит его словами назидания.

Но ничего подобного не произошло. День продолжал захитать беззвучно, и, словно движимый притяжением земли, он начал медленно спускаться вниз с холма, вдоль широкого ряда молчаливых деревьев, погружаясь в сиреневый сумрак. Здесь, внизу, уже более не было солнца: лишь верхушки леса были слегка позолочены да между черных стволов, словно за каминной решеткой, дотлевали остатки дня. И тогда он познал страх.

Он вдруг вспомнил обрывки дня: как глотал с сотоварищами по очереди холодную воду из кушина, как шумно работала серед пшеницы жнейка — словно накачивала железный хомут на вздыбленную соловую кобылицу. Он вспомнил и про настоящих лошадей, помогавших им в работе: лошадей, которые, наверное, целый день мечтают об овсе наущеном да об отдыхе в тени старой конюшни, пропитанной сладким запахом аммиака. Он вспомнил о черных дроздах, что порхали над пшеницей словно рассеянный по ветру бумажный пепел. Он вспомнил, как перекатывались его натруженные мышцы под выгоревшей голубой рубахой, как он переговаривался с другими батраками или просто слушал их разговор. Всегда рядом есть кто-то твоего рода-племени. Человек есть что угодно, кроме безмолвия. И теперь, оказавшись среди безмолвия, он испугался.

Здесь было нечто превыше вожделения женского тела. А может быть, этот животный инстинкт специально заманил его в ловушку, подальше от безопасного места, и теперь бросил его тут одного? "Если я найду ее, я буду спасен". — вдруг подумал он, сам еще не зная, спасет ли его само соние или простая дружеская беседа. Но теперь вокруг себя он видел одни лишь холмы, разделенные тут и там небольшой извилистой речкой. Под черной ольхой и ивами текла темная вода: лишенная солнечного света, она показалась ему зловещей. "Эта река — словно линия жизни, словно глубокая длинная морщина на ладони мира. Я вполне могу утонуть здесь", — с ужасом вдруг подумалось ему. Вокруг

кружились комары, деревья замерли, горделивые как боги: тусклый туманный воздух словно покровом приковал его собственное ничтожество.

Деревья: он привык низводить их до уровня бревен, но эти деревья молчали со смыслом. Он знал, что такое дома без бревен, он кормил лесом костры, готовил себе пищу, питая огонь лесом; он долбил деревянные лодки, чтобы удержаться на воде, перебираясь от земли к земле. Но эти деревья... Нет... Эти деревья смотрели на него, словно готовые к мести. Ибо тут не было другого огня, кроме закатного, не было другой воды, кроме той, что не подпустит к себе ни одну лодку. Потому что над всем этим царил Бог, и привычные понятия постепенно покидали его. Здесь был Бог — он словно не замечал человека, но и не впускал его, чужака, невесть зачем забредшего сюда.

Он медленно опустился на колени, опершись руками о землю: он почувствовал ее живое тепло и приготовился к смерти.

Но ничего не случилось, и он открыл глаза. Над ближним холмом, меж деревьев, он увидел звезду, одинокое светило — сейчас это было все равно что увидеть собрата. Впрочем, светило было слишком далеко, чтобы он устыдился. Он встал и пошел обратно по направлению к городку. И тут ему преградила путь река. Мысль, что придется искать переправу, ударила его новым страхом. Он попробовал помянуть об ужине и том, что, возможно, еще доберется до этой девушки.

Но никак не покидало ощущение, что только что он оскорбил своим присутствием какое-то божественное существо. И теперь словно чувствовал над собой незримое колышанье чьих-то распростертых крыльев. Первый страх, однако, прошел, но все равно — он побегал изо всех сил. Может надо было остановиться и проверить, он ли это по-прежнему, но он бежал и бежал. Здесь, в глухом сумраке, он увидел старое дерево, поваленное через реку. "Пройди, прошагай", — твердил ему разум, но ноги несли его что есть мочи. Кусок гнилой коры поддался под ногами и гулко шлепнулся в темный бурчащий поток. Он поскользнулся и, проклиная собственную неуклюжесть, будто видел уже со стороны, как начинает падать. "Ты умрешь", — говорил он себе, ощущая в воздухе чье-то незримое присутствие: притяжение воды уже заглушило собственные мысли. На какое-то мгновение, одним своим полуобморочным зрением, он увидел темные водяные недра, бревно через реку, контуры деревьев, пульсирующих и живых, воздевших ветви вверх, словно в немом, обращенном к Богу жесте. Его падение было как смерть, под чьей-то блеклой и невидимой смехом. Он переживал, что умирает, и не хотел этого. Затем вода приняла его.

Река приняла его. Но это было нечто большее, чем просто вода. Темные недра шарили под его одеждой, откидывали со лба мокрые пряди. И вдруг под рукой, словно змея, проскользнуло чье-то быстрое бедро: среди темных пузырей воздуха промелькнула чья-то нога. У самого дна по спине его проехала чей-то острый сосок. И в этом медленном избураженном колышании он увидел смерть — в облике девушки, бьющейся в предсмертной агонии, сверкающую смерть-утопленницу, поджидавшую его. И тогда, отплываваясь воллой, он вынырнул на поверхность.

Взбурдаженная хлябь плескалась у самого рта: остатки дневного света словно вынырнули наружу, разбиваясь на мелкие блики. Предзакатные лучи преломлялись о воду, покрывая ее сверкающей рябью. Ступая по этой воде, отягощенный ею, как есть в одежде и башмаках, с мокрыми прямыми, налившимися на лицо, он наблюдал теперь, как девушка, роняя речные капли, взбирается на берег.

Он побегал к ней, вспенивая воду. Казалось, он никогда не достигнет берега. Водяные девы лгали к нему, липли к его телу: или это была его мокрая одежда? Вода волновалась перед ним: на грешных колышались мелкие вечерние звездочки. Наконец он достиг прибрежных ив, ощутив под рукою мокрую и скользкую землю. Пошарив, он ухватился за

корень, потом за ветку, подтянулся и забрался на берег. Вода ручьем стекала с его одежды, мокрая тяжесть постепенно перемещалась вниз к ногам.

В башмаках его хлопало, влажная одежда налипала и не давала бежать. Впереди, в безлунной темноте, он видел луч ее обнаженного тела, он видел, как она взбирается вверх по холму. Он бежал и ругался, проклиная такой счастливый случай, со всеми его несчастьями.

Обувь мешала, и тогда, не спуская глаз с тусклого бегущего пламени, он скинул башмаки и припустил дальше. Одежда была грузной как свинец. Тяжело дыша, он взобрался на холм.

Над пшеничным полем всходила луна. Девушка была там, внизу: словно маленький корабль, порхающий на серебряной глади моря.

Он бросился вслед. Пшеница с шелестом расступалась перед ним. Там, где он шел, позади оставалась узкая серебряная борозда: тонкая царапина, которая тотчас же заросла, когда пшеница, распрямилась, возвращаясь на место. Девушка была далеко впереди: там, где прошла она, поле уже разгладилось. Он видел, как быстро затгивается за ней серебряная дорожка. Наконец, на самом краю поля, тело ее словно чиркнуло о ближайший ствол дерева, вспыхнуло как спичка и погасло.

Все еще бегом он миновал остаток поля и, усталый, вошел в лес. Девушка исчезла. В приступе отчаяния он бросился на землю. «И все же я коснулся ее!», — с безнадежной обидой подумал он, чувствуя сквозь мокрую одежду прикосновение земли, ощущая лицом и руками тонкую жесткость опавших веток.

Луна вошла высоко: она плыла в небе, раздувая свои круглые золотые щеки.

Он скорчился в судороге, вспомнив тело девушки рядом со своим, вспомнив темный лес, закат и пыльную дорогу, проклиная, что не дошел до дому.

«И все же я коснулся ее!», — шептал он, пытаясь представить, как все могло быть дальше. Он вспомнил ее пугливое бедро, прикосновение острого соска. Обиднее всего было то, что она испугалась его. «Я не причинил бы тебе зла, — застонал он, — я не сделал бы тебе ничего плохого».

На мгновение мышцы его свело судорогой бывшего труда, машинальных движений, повторяемых им в поле и на току. Но свет луны расслабил его, успокоил, шаря в его мокрых волосах, перебирая тени и свет. Он подумал про завтра, поднялся. Ощущение потусоренного присутствия исчезло: остались только ночные тени. В лунном свете сверкнула проволока изгороди. Он понял, что вышел на дорогу.

Пыль тотчас же стала налипать на его мокрые босые ноги. Он еще раз взглянул с холмистой дороги на лунное поле, на чернильные пятна деревьев. Он вспомнил о девушке, быстрой словно ртуть, стремительной словно укатившаяся монета. Скоро уже он видел впереди огни городка, часы на башне здания суда: в тихом мерцании лиц ему виделась маленькая волшебная страна. И тогда он забыл о девушке, мечтая только поскорее добраться до койки.

Освещенная луной, тянулась к городу длинная, однообразная дорога. А луна между тем поднималась все выше и выше. Но скоро она начнет медленно сползать вниз, чтобы рассмотреть поближе припорошенные ее светом деревья и пшеничные поля, холмы и стерню.

Он уже видел в отдалении посеребренный амбар и силуэтную башню — словно силуэты древнегреческого города. Серебристая яблоня стояла под луной — застывшие брызги фонтана. Лунный свет сложился в городском воздухе. Некоторые окна в здании суда еще горели: но свет их казался жидким и бесполезным.

Дневные заботы ушли, впереди — вечные заботы. Звезды, словно лепестки опавших цветов на черной воде, относило небесным течением все ниже на запад. Ступая мокрыми, но уже покрытыми пылью ногами, он медленно сошел с холма...

Перевод Светланы Чуковой

КНИЖНЫЙ КЛУБ "МОЙ ДОМ" ПРИГЛАШАЕТ

Уважаемые читатели! В пятом номере нашего журнала мы объявили о создании Книжного клуба и рассказали о его первых шагах. Теперь мы можем вам сообщить, что работа по созданию Книжного клуба не только продолжается, но и вступила в новую фазу. Что же нового?

Во-первых, Книжный клуб получил свое имя — книжный клуб "МОЙ ДОМ".

Во-вторых, создателями Книжного клуба "МОЙ ДОМ", помимо журнала "Роман-газета XXI век", стали — Фонд Подвижничества и Просветительства "И возродится великая Русь!", Академия поэзии, ОАО "ЦентрКнига" и "Новые маркетинговые технологии — XXI".

В-третьих, у нашего клуба появились добрые друзья, как их ныне называют — спонсоры.

И, наконец, самое главное. Теперь членом клуба может стать любой почитатель книги, проживающий на просторах всей нашей великой России! И членом этого клуба Вы можете стать уже СЕГОДНЯ!

Цели клуба просты и всем понятны. Хорошую книгу — в каждый дом! Каждая книга должна найти именно своего читателя! Это — первоочередные задачи КЛУБА. Таким образом, КАЖДЫЙ вступивший в клуб будет иметь приоритетное право на приобретение по ЛЬГОТНЫМ ЦЕНАМ прекрасных книг, многие из которых давно уже стали библиографической редкостью и не встречаются на прилавках обыкновенных книжных магазинов. Чтобы лучше ориентироваться в книжном море Вы будете регулярно и СОВЕРШЕННО БЕСПЛАТНО получать различные книжные каталоги.

Но кроме приобретения книг, Вы получаете возможность участвовать в литературных дискуссиях, которые проводятся в клубе "МОЙ ДОМ" на страницах журнала "Роман-газета XXI век".

Как мы раньше любили говорить о новых публикациях в журналах, о вновь вышедших книгах! Книжные новинки обсуждала вся страна! Так давайте же вернем эту прекрасную традицию! А мы, в свою очередь, постараемся вынести ваше мнение о литературе на страницы центральной прессы, на телевизионные экраны и на самые популярные радиоканалы. Таким образом, ВАШЕ мнение станет известным ВСЕЙ СТРАНЕ!

Больше того, вы можете "скрестить шпаги" с самыми известными литературными критиками, обменяться мнениями с писателями, получить в подарок книги с их автографами.

Как стать участником дискуссий? Все опять же очень просто — пишите нам письма, в которых вы высказываете свой взгляд на литературу, на любимые произведения, называете своих любимых авторов. Самые интересные письма будут опубликованы в нашем журнале. А в конце 1999 года мы проведем Всероссийскую читательскую конференцию в Союзе писателей России (Москва, Комсомольский проспект, 13), на которую будут приглашены самые активные члены клуба, авторы наиболее интересных писем.

Членство в любом клубе должно быть не только полезным, но и приятным!

Наши спонсоры предоставляют великолепные ПОДАРКИ-СИОРИЗЫ для членов клуба. Поэтому члены клуба "МОЙ ДОМ" вместе с заказанными книгами, СОВЕРШЕННО БЕСПЛАТНО

получают оригинальные КЛУБНЫЕ ПОДАРКИ!

Кроме того, в клубе регулярно проводятся РОЗЫГРЫШИ ПРИЗОВ, и это не только редкие и хорошо изданные книги, но и телевизоры, видеокамеры, бытовая техника и так далее!

ВСТУПИВ В КНИЖНЫЙ КЛУБ "МОЙ ДОМ", ВЫ НЕ ТОЛЬКО СОСТАВИТЕ СЕБЕ ПРЕКРАСНУЮ БИБЛИОТЕКУ, НО И ПОЛУЧИТЕ ТРИБУНУ ДЛЯ ОБЩЕНИЯ С ПИСАТЕЛЯМИ, ЛИТЕРАТУРНЫМИ КРИТИКАМИ, КНИГОЛЮБАМИ ВСЕЙ РОССИИ!

Сегодня в книжном клубе "МОЙ ДОМ" БОЛЬШАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ "ВСЕМИРНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПОЭЗИИ" – уникальной серии книг, которые, едва выйдя из печати, стали уже колоссальной редкостью на прилавках книжных магазинов. Четыре вышедшие в свет книги поистине "томов премногих тяжелей"! Каждая из этих книг обязательно должна быть в вашей семейной библиотеке, ведь такие книги, как драгоценное состояние, должны передаваться по наследству – от отца к сыну, от матери к дочери. "Большой" формат, великолепное исполнение и качественная печать этих фолиантов позволит пользоваться книгами серии "ВСЕМИРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭЗИИ" в нескольких поколениях.

Эти книги для всей семьи – пожилым помогут скрасить досуг, детям привьют любовь к чистому русскому языку и помогут в овладении школьной программой, читатели среднего возраста смогут лучше понять душу нашего общего дома – Отечества.

"А.С.Пушкин. Сочинения"

Всякая семейная библиотека достойна начинаться с Пушкина. Ав этой книге – все сочинения А.С. Пушкина в одном томе! 800 страниц большого формата! Книга издана к 200-летию со дня рождения светоча нашей литературы, само имя которого стало символом нашей борьбы и надежд, веры в великое предназначение России. Книга иллюстрирована редчайшими рисунками самого Пушкина. И – знаменитая родословная поэта, составленная исследователем-пушкинистом А.А. Черкашиным, которая свидетельствует: Александр Пушкин – потомок двенадцати святых по прямой линии и более двадцати по боковой!

"М.Ю.Лермонтов. Сочинения"

Все сочинения М.Ю. Лермонтова также в одном томе! Более 800 страниц! И тоже весьма своевременный выход в свет! Ведь в этом году мы отмечаем 185 лет со дня рождения еще одного гения нашей словесности, принявшего поэтическую эстафету из рук Пушкина. И снова книга иллюстрирована рисунками самого поэта!

"Н.В. Гоголь. Сочинения"

И снова в одном томе – 1000 страниц! Неудивительно, что его сочинения вышли именно в серии "Всемирная библиотека поэзии". Ведь все творения Гоголя до такой степени пронизаны тонким лиризмом, что их смело можно отнести к поэтическим шедеврам.

"Орел степной, казак лихой..."

Уникальный сборник казачьих песен. Фолиант в 496 страниц большого формата! В этой книге через казачий эпос и казачьи песни отражены 500 лет (с XVI по XX вв.) самобытной истории и культуры русского казачества, на протяжении многих веков бывшего опорой и становым хребтом Государства Российского.

Можно только позавидовать тем, у кого на книжной полке будут стоять эти напечатанные на прекрасной бумаге роскошные издания! Каждый член Всероссийского книжного клуба "МОЙ ДОМ" может позволить себе приобрести эти книги по СПЕЦИАЛЬНЫМ ЛЬГОТНЫМ ценам!

Более подробную информацию об этих и других книгах Вы можете получить из юбилейного БЕСПЛАТНОГО каталога.

Сегодня мы сообщаем вам о проведении внеочередного розыгрыша призов среди членов Книжного клуба "МОЙ ДОМ".

ВСЕ участники розыгрыша получают великолепные призы. И именно Вы можете стать победителем розыгрыша и получить

ГЛАВНЫЙ ПРИЗ – 100 000 РУБЛЕЙ,

если отправите заявление на вступление в книжный клуб "МОЙ ДОМ" до 31 сентября 1999 года.

Редкая организация в наши дни принимает в свои ряды новых членов без вступительного взноса. Но книжный клуб "МОЙ ДОМ" предоставляет вам и эту возможность. Таким образом вы можете вступить в клуб **СОВЕРШЕННО БЕСПЛАТНО**.

Вам необходимо лишь оплатить расходы по подготовке и доставке членского билета, устава и юбилейного книжного каталога на сумму всего лишь 37 рублей.

Наши спонсоры приготовили для вас оригинальные подарки-сюрпризы специально для тех читателей журнала "Роман-газета XXI век", которые отправят заявление на вступление в книжный клуб "МОЙ ДОМ" до 31 сентября 1999 года.

ПРАВИЛА ВСТУПЛЕНИЯ В КНИЖНЫЙ КЛУБ "МОЙ ДОМ":

В любом отделении Сбербанка России оплатите расходы по подготовке и доставке членского билета, устава клуба и книжного каталога в размере 37 рублей по реквизитам:

ООО "Новые маркетинговые технологии ХХI",
ИНН 7730116603
Р/С 40702810938300103776, К/С 30301810438000603830
РКЦ ГУ ЦБ РФ К/С 30101810600000000342
В Войковском отд. МБ АК СБ РФ
БИК 044525342

Вырезать ЗАЯВЛЕНИЕ, заполнить его печатными буквами и, приложив квитанцию об оплате, выслать по адресу:

125080, Москва, а/я 8, Книжный клуб "Мой дом"
Тел. (095) 158-68-13

Заявление на вступление в книжный клуб "Мой Дом"

Я, _____,
(фамилия Имя Отчество полностью)
прошу принять меня в члены клуба и выслать мне мой членский билет и устав клуба, а так же бесплатный юбилейный каталог.
Я оплачиваю расходы по подготовке и доставке указанных материалов в сумме 37 рублей (квитанция об оплате прилагается).
Учетные данные:
Членский билет серия РГ № _____ (заполняется клубом)
Индекс _____ Адрес _____
_____
(Код) Телефон (_____) _____ Дата рожд. _____
Пол: М; Ж Профессия _____
Хобби (увлечения) _____
Литературные пристрастия _____
_____
Дата заполнения _____ Подпись _____
Так как заявление отправлено до "_____" 1999г., я получаю право на участие в юбилейном розыгрыше призов.

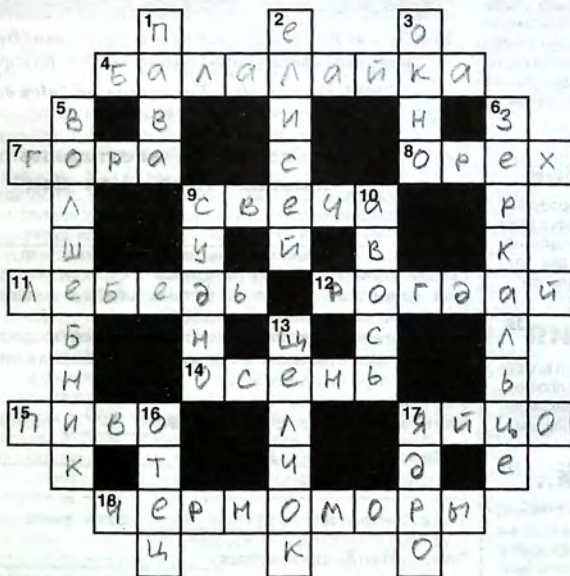

КРОССВОРД Сказки Пушкина

По горизонтали: 4. Музыкальный инструмент, под который Балда предложил бесенку "поплясать" и догнать зайку. 7. Возвышенное место, где нашел спящую царевну ее жених-королевич. 8. Золотой плод, который грызла белочка в чудном городе, где правил князь Гвидон. 9. Ее зажгла молодая царевна, убрав терем семи братьев-богатырей. 11. Птица, в облике которой князь Гвидон спас от когтей коршуна-чародея прекрасную царевну. 12. "Воитель смелый", один из трех соперников Руслана. 14. Время года, в которое царь Салтан ждал рождения сына-богатыря. 15. Его вместе с медом пили на веселом пиру в конце "Сказки о царе Салтане". 17. Его, бывало, "испечет, да и сам облупит" Балда. 18. Такие разные герои-однофамильцы в "Сказке о царе Салтане" и в сказочной поэме "Руслан и Людмила": один — дядька тридцати трех богатырей, другой — злой колдун.

По вертикали: 1. С ней сравнивается величая походка царевны, будущей жены князя Гвидона. 2. Имя королевича, жениха молодой царевны, разыскивавшего ее по всему свету. 3. Возле него беседовали три девицы-сестрицы, одну из которых царь Салтан выбрал в жены. 5. Им всю жизнь был по роду занятий страшный похититель Людмила. 6. Оно было дано в приданое злой мачехе молодой царевны. 9. Одно из названий транспортного средства, на котором прятался, превратившись в насекомое, князь Гвидон. 10. На эту русскую привычку всегда рассчитывать на случайную удачу понадеялся жадный поп, договариваясь об условиях расплаты с работником Балдой. 13. Его три раза получил поп от работника Балды в конце сказки. 16. Им приходился царь Салтан по отношению к князю Гвидону. 17. Оно было, "чистым изумрудным", извлекаемым белкой из плодов.

Составила
Вера Кошелева

Ответы читайте в следующем номере.

Ответы на кроссворд "В созвездии Пушкина"

По горизонтали: 4. Вольность. 7. Арфа. 8. Цепь. 9. Наина. 11. Сестра. 12. Сибирь. 14. Диана. 15. Сион. 17. Зима. 18. Грибоедов.
По вертикали: 1. Роза. 2. Аноним. 3. Отец. 5. Временщик. 6. Эпиграмма. 9. Народ. 10. Арина. 13. Самсон. 16. Нора. 17. Звон.

**Подписка принимается
в любом отделении связи
по каталогу "Роспечати"
с любого месяца**

Подписные индексы:

48542

для индивидуальных
подписчиков

48543

для библиотек
и учебных учреждений

**Жители Москвы и Подмосковья
могут подписаться на журнал
или приобрести его оптом
и в розницу по адресу:
Комсомольский проспект,
д. 13 (м. «Парк Культуры»)**

**Редакция приглашает
к сотрудничеству распространителей
Тел./факс: (095) 246-03-47**

**ОАО «ЦентрКнига» осуществляет
оптовое и розничное
распространение и доставку журнала
«Роман-газета XXI век»
во все регионы страны
Тел.: (095) 171-96-93**

Учредители: В.Н. Ганичев, О.Н. Орловская
Издатель: Редакционно-издательский дом
"Роман-газета XXI век"

Адрес редакции: 119807, Москва,
Комсомольский проспект, 13.
Телефон: (095) 246-03-47, факс: (095) 246-03-47
© АНО РИД "Роман-газета XXI век", 1999 г.

Редактор Л. Калужная
Ответственная за производство Л. Галактионова
Компьютерная верстка В. Артёмов, А. Муравенко
Корректор О. Наренкова
Фото Н. Кочнева

Набор, верстка
ЗАО "Звонница-МГ", 101503, Москва, ГСП-4,
Сущевская, 21, тел.: (095) 972-21-84

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ордена Трудового Красного Знамени
Чеховском полиграфическом комбинате
142300 г. Чехов, Московская обл.
Тел.: (272) 71-336, факс: (272) 62-536
Тираж 20 000 экз.
Цена свободная
Заказ N 4644.

Пушкинский праздник

в Москве

Роман-газета XXI век

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

1825

А.С.Пушкин

'99

ИЮЛЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30	31	

АВГУСТ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23/30	24/31	25	26	27	28	29

СЕНТЯБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30			

ОКТАБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

НОЯБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30					

ДЕКАБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31		

в Михайловском

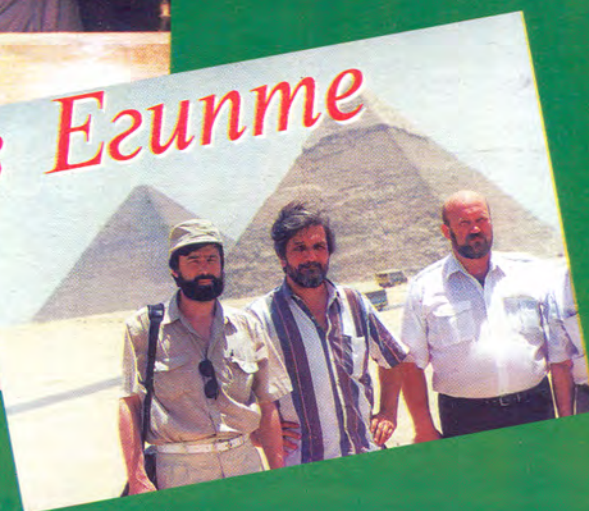
Открытие
памятника Пушкину
Скульптор В. Клыков

в Арзамасе

в Египте

Псков.
Выступление
В.Распутина

На конференции в Каире, посвященной пушкинскому юбилею. Вручение юбилейной медали от СП России Председателю Национального собрания АРЕ

Акционерное общество открытого типа
ЦЕНТРКНИГА

Дорогие читатели!

**крупнейшее книготорговое предприятие России
ОАО "ЦЕНТРКНИГА"**

приглашает к сотрудничеству оптовых
и розничных книготорговцев.

Мы располагаем разнообразным ассортиментом, включающим
более 10000 наименований книг по всем отраслям знаний,
календари, открытки на любой вкус!

Наши адреса:

м. Авиамоторная,
ул. 2-я Фрезерная, 14,
тел. 273-43-27

м. Павелецкая, Тульская,
ул. Дубининская, 94-а,
тел. 952-71-80

E-mail: ASS@CNTRKNIGA.msk.ru

**ПОСЕТИТЕ НАШИ МАГАЗИНЫ,
ГДЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ**

*Великолепно иллюстрированные
детские книги,
Лучшие образцы справочной
и учебной литературы,
Роскошные издания по искусству,
Календари и открытки на любой вкус!*

**ДЛЯ ВАШЕГО ИНТЕРЬЕРА
МЫ ПРЕДЛАГАЕМ**

*большой выбор итальянских репродукций
в деревянных рамах и постеров*

**У НАС ДОСТУПНЫЕ ЦЕНЫ
И БОГАТЫЙ АССОРТИМЕНТ**

***Приходите,
мы ждем вас!***

Ольга ФОКИНА

Сибирь в осеннем золоте,
В Москве – шум шин.
В Москве, в Сибири, в Вологде
Дрожит и рвется в проводе:
– Шукшин... Шукшин...
Под всхлипы трубки брошенной
Теряю твердь...
Да что ж она, да что ж она
Ослепла, смерть?!
Что долго вокруг да около
Бродила – врет!
Взяла такого сокола,
Сразила влет.
Он был готов к сражениям,
Но не под нож.
Он жил не на снижении,
На взлете сплошь!
Ему ничто, припавшему
К теплу земли.
Но что же мы... но как же мы
Не сберегли,
Свидетели и зрители,
Нас – сотни сот!
Не думали, не видели,
На что идет
Взваливший наши тяжести
На свой хребет...
Поклажистый?
Поклажистей –
Другого нет...

1974 год

В.М.Шукшин с матерью.

На родине в Сростках. Март 1963 год

Фото из архива Ю.Григорьева